ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
7 апреля 2020 г.

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
2020

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020
ISBN 978-5-9694-0907-1

ББК 67.73
А43

Рецензенты:
начальник 5-го отдела Следственного управления
УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве **В. А. Богдан**;
следователь 1-го отдела Следственного управления
УВД по ЮВАО ГУ МВД России по г. Москве **А. В. Акимов**

Составители: *Д. А. Иванов, Н. В. Макеева, Э. Н. Алимамедов*

А43 **Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства** : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (7 апреля 2020 г.). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 391 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R) – Системные требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0907-1

Сборник научных трудов составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства», состоявшейся 7 апреля 2020 г. в г. Москве.

Материалы сборника могут быть полезны как для преподавателей, адъюнктов и аспирантов, так и для практических работников экспертных и следственных подразделений, а также всех, кто интересуется данной тематикой.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

Номер государственной регистрации
обязательного федерального экземпляра электронного издания – 0000000000

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Лосева О. С.*

Подписано к изданию: 10.06.2020
Объем издания: 835 Кб
1 электронный оптический диск CD-R

ISBN 978-5-9694-0907-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http://www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

Агутин А. В.
Организационные основы деятельности атторнейской службы в США 13

Алексеева С. О., Попов А. М.
Ювенальная юстиция в российском уголовном процессе 20

Ализаде В. А.
О некоторых аспектах понимания права на свободу
и личную неприкосновенность в практике Европейского Суда
по правам человека, подлежащих учету при избрании мер пресечения 26

Алонцева Е. Ю.
Критерии соблюдения процессуальной формы
постановления следователя при обращении в суд 30

Антонов И. А.
Законность и/или обоснованность (нравственная обоснованность)
действий и решений следователя 33

Алимамедов Э. Н.
Обязательное страхование юридической ответственности
как способ решения проблем участия адвоката
в уголовном судопроизводстве 38

Артемова В. В.
Обеспечение прав несовершеннолетнего участника
доследственной проверки 41

Архипова И. А.
Расследование преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ 46

Баловина И. В.
К вопросу о проведении очной ставки в ходе предварительного следствия 50

Блинова Е. В.
Зарубежный опыт обеспечения неразглашения
данных досудебного производства 53

Бородкина Т. Н.
Перспективы развития института государственной защиты
потерпевших, свидетелей и иных участников
уголовного судопроизводства в России 56

Гаврилов Б. Я.
Об эффективности роли прокурора в российском уголовном процессе 59

Галкина У. В.
Участие специалиста, как обязательное условие производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации 65

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.
Некоторые аспекты применения следователем уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности потерпевшего и свидетеля 70

Григорьев В. Н.
Неправедные тенденции в доказывании фактических обстоятельств дела 73

Григорян Т. А.
Особенности наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в целях установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления 77

Гриненко А. В.,
Привлечение в качестве обвиняемого по уголовным делам о налоговых преступлениях 81

Гурдин С. В., Саморока В. А.
Процессуальные аспекты получения информации из облачного хранилища 85

Гурдин С. В.
Собирание и представление доказательств защитником – реальность или процессуальная иллюзия? 88

Егорова Р. Е.
К вопросу о соотношении понятий «право на разумный срок судопроизводства» и «право на разумный срок уголовного судопроизводства» 94

Емельянова Н. Ю.
Институт разумного срока уголовного судопроизводства: вопросы реализации в предварительном расследовании 97

Ендольцева А. В.
Назначение уголовного судопроизводства: достаточно ли изложенного в действующей редакции ст. 6 УПК РФ? 100

Ендольцева Ю. В., Белая А. А.
Уголовно-процессуальная политика: определение понятия 104

Ермаков С. В.
Проблемы раскрытия и расследования, преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий 107

Есина А. С., Жамкова О. Е.
Меры принуждения для адвоката-защитника: теория и практика 110

Жукова С. С.
Совместное совершение неосторожного преступления 114

Зайцев О. А.
Развитие уголовной политики Российской Федерации
в области обеспечения экономической безопасности 117

Заливин А. Н., Рыжаков А. П.
К вопросу о стадиях досудебного производства 121

Золотухин Н. А., Кадатенко Е. П.
Возможность производства следственных действий
на этапе окончания предварительного следствия 124

Иванов Д. А.
Конституционно-правовые основы компенсации
морального вреда, причиненного преступлением 127

Ильин Н. Н.
Современные проблемы транспортно-технических судебных экспертиз 131

Ильяшевич Т. А.
Использование средств видео-конференц-связи
при производстве предварительного следствия 133

Клещина Е. Н.
О проблемах участия потерпевшего в досудебном судопроизводстве
по уголовным делам на современном этапе 135

Кондрат И. Н.
О некоторых актуальных проблемах обеспечения прав участников
уголовного процесса при производстве следственных действий 139

Кузора С. А.
О необходимости изменений системы подготовки следователей
в вузах МВД России 143

Кулакова Т. Г.
Хищения денежных средств с банковских счетов граждан 146

Куликов М. А.
Юридические (процессуальные) основания избрания мер пресечения
по законодательству Российской Федерации и иных государств
романо-германской правовой семьи (континентальной системы права) 149

Макаренко М. М.
Проблемные вопросы расследования вовлечения
несовершеннолетних в совершение преступления 156

Макеева Н. В.
Безопасность участников уголовного судопроизводства
как правовая категория 159

Маламагамедова А. Р.
Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации 165

Мальцева О. А.
Особенности формирования профессионально важных качеств сотрудников
для предварительного следствия в ходе профессиональной подготовки
в образовательных организациях МВД России 168

Мелихов А. И.
Разделение оперативности дознания и объективности следствия
как залог национальной безопасности России 172

Миронова А. В.
Особенности применения мер принуждения, связанных с участием
законных представителей несовершеннолетних и лиц их заменяющих 175

Мичурина О. В.
Альтернатива правовому механизму делегирования полномочий
в досудебном производстве по уголовным делам 180

Победкин А. В.
Дискредитация аналогии в уголовном судопроизводстве:
обращение к законодателю 184

Полянская Е. П.
Особенности раскрытия и расследования преступлений,
совершенных посредством использования
информационно-телекоммуникационных технологий 189

Потапов В. Д.
К вопросу об уголовно-процессуальной форме
досудебного производства по уголовному делу 191

Попенков А. В.
Форма волеизъявления адвоката, вступающего
в уголовный процесс на стадии досудебного производства 194

Прохорова Е. А., Золотухин Н. А.
О производстве судебных экспертиз и исследований
на стадии возбуждения уголовного дела 197

Пушкарев В. В.
Публичные интересы при осуществлении уголовного преследования
в досудебном производстве 201

Самолаева Е. Ю.
К вопросу об исчислении процессуальных сроков сутками в уголовном судопроизводстве 205

Саморока В. А., Угольникова Н. В.
Проблемы обеспечения конфиденциальности сведений об осуществлении государственной защиты в уголовном деле лиц, способствующих предупреждению и раскрытию преступления 208

Селиванов С. В.
ОСобенности производства обыска при расследовании уголовных дел о коррупционных преступлениях, совершаемых при распределении и расходовании бюджетных средств 214

Семенкова Е. В.
Постановление о признании лица потерпевшим – ненужный рудимент уголовного процесса? 217

Сидоров Ю. В.
Извещение обвиняемого о дне предъявления обвинения: несовершенство процедуры 220

Соколова М. В., Подустова О. Л.
Наложение ареста на имущество: отечественный и зарубежный опыт 223

Соломатина А. Г.
Использование метода дельфи при проверке и оценке заключения эксперта в уголовном судопроизводстве 227

Тарасов М. Ю.
О нормативно-правовых основаниях прекращения межгосударственного розыска 232

Тишутина И. В.
Предупреждение и преодоление противодействия расследованию: информационные аспекты 237

Толманов А. Н.
К вопросу о содержании понятия «иные данные», как основания подозрения и задержания в уголовном судопроизводстве 243

Тутынин И. Б.
Требования к лицам, вовлекаемым к применению мер пресечения 246

Уханова Н. В.
Особенности доказывания способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 249

Фадеев П. В.
Особенности теоретической модели правовой помощи в уголовном судопроизводстве 255

Федулова И. И.
Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела 258

Филатова И. В.
Вопросы возмещения вреда, причиненного преступлениями экономической направленности в современных условиях 262

Филиппов Д. В.
Вновь об институте следственного судьи: мнение практика 266

Химичева О. В.
Использование электронной формы жалобы во внесудебных уголовно-процессуальных процедурах обжалования (тезисы) 270

Хмелев С. А.
Актуальные вопросы проверки заявлений (сообщений) о преступлении с участием иностранных граждан 274

Шаров А. В.
Еще раз к вопросу об идентифицировании электронных документов в доказывании 278

Шишов В. В.
О некоторых вопросах исчисления процессуальных сроков при прекращении уголовного дела постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа 282

Яшков С. А.
К вопросу об уголовно-правовой оценке неправомерного доступа к компьютерной информации, не повлекшего последствий, указанных в законе 284

ЧАСТЬ 2. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Буренина В. К.
Некоторые проблемы применения процессуальных мер безопасности в деятельности следователя (дознавателя) 288

Васильева Т. Д.
Действия следователя на первоначальном этапе расследования преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ 291

Габай П. Г.
Проблемы выявления и устранения причин и условий неосторожных преступлений при оказании медицинской помощи в процессе предварительного расследования 295

Гасанов У. Н.
Особенности обеспечения личной безопасности свидетеля по уголовно-процессуальному законодательству Азербайджанской Республики 298

Грачева А. С.
К вопросу о нормативно-правовом содержании ст. 160 УПК РФ и его значении в теории и правоприменительной практике 301

Дегтярева И. С.
Взаимодействие сотрудников органов внутренних дел с другими правоохранительными органами при расследовании хищения предметов, имеющих особую художественную, научную, историческую и культурную ценность 304

Во Ким Зунг
Процессуальные обязанности представителя юридического лица, потерпевшего от преступлений по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам 308

Жубатыров В. Ю.
Вопросы предупреждения органами внутренних дел преступлений против личности, совершенных с применением насилия 313

Игнатова О. Н.
Вопросы делегирования процессуальных полномочий по проведению освидетельствования в порядке ч. 4 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 315

Козлов И. В.
Актуальные проблемы организации и производства расследования мошенничества в сфере страхования (чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ) 319

Козлов Д. Е.
К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием пешехода 324

Коновалова Е. А.
Целесообразность введения адвокатского расследования в российском уголовном процессе 330

Корчагин А. Е.
Вопросы профилактики преступлений в ходе расследования уголовных дел, возбуждаемых по фактам незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ 333

Куликова М. А.
Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в ОВД РФ..... 337

Мануйлова Е. В.
Использование специальных знаний при расследовании легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем 341

Мартынов А. М.
Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием при добровольном возмещении вреда, причиненного преступлением 346

Михайлина Ю. В.
К вопросу о зачете ограничения свободы при применении запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу 350

Мунатов М. С.
Жертва как элемент типичного механизма преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи женщинам при беременности и родах, а также новорожденным 353

Опарина К. М.
Схемы легализации преступного капитала посредством криптовалюты 356

Поздняков Д. А.
Мошенничество на рынке ценных бумаг: схемы совершения и проблемы доказывания 359

Прокопова А. А., ... *361*
О структуре уголовно-процессуальной формы в контексте ускорения досудебных производств 361

Пронин Д. Н.
Некоторые проблемные вопросы использования специальных знаний в доказывании хищения в банковской сфере персональных данных клиентов 366

Седова И. В.
Вопросы взаимодействия следователя и сотрудников органов дознания по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран при расследовании насильственного грабежа 369

Стрелков А. А.
Проблемы подготовки и назначения экспертиз при расследовании хищений, совершенных с использованием сети Интернет 373

Трынко Д. С.
Общие условия предварительного расследования: совокупность правил или институционные принципы уголовного процесса 376

Хоружий С. В.
Некоторые проблемы расследования мошенничества, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение 380

Чиковани М. А.
Институт процессуального задержания в свете новелл Конституции Российской Федерации 383

Шпагина Ю. В.
Совершенствование досудебного производства в контексте протокольной формы расследования 388

ЧАСТЬ 1

Агутин А. В.[1],
профессор кафедры уголовного права и процесса
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, профессор

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТТОРНЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В США

В США атторнейская служба относится к одному из органов государственной власти, которого нет ни в одном государстве мира. Основной причиной тому является отсутствие подобного государственного органа в правовых системах других государств. На данное обстоятельство непосредственно указывают В. Н. Махов и М. А. Пешков, когда пишут: «Атторнейская служба типичный для США институт государственной власти, не имеющий точного аналога в правовых системах других стран» [7, с. 53].

Действительно, если мысленно сопоставить систему государственных органов, проявленную вне американского государства, нетрудно обнаружить отсутствие у них аналогов атторнейской службы США. Их просто нет. Возникает вопрос. Какова причина отсутствия аналогов атторнейской службы США в правовых системах других стран? Думается, на данный вопрос каждый его воспринимающий способен предложить свой вариант ответа. На наш взгляд, возможные варианты ответов способны внести свой вклад в понимание организационной специфики (особенности) атторнейской службы США. Со своей стороны, мы предлагаем научной общественности свою видение организационной особенности атторнейской службы США.

Организационную особенность атторнейской службы США обуславливается спецификой религиозного мышления той социокультурной группы, которая уже свыше двухсот лет линейно и нелинейно управляет (манипулирует общественным и индивидуальным сознанием) американским (-ого) населением (-я). Кем же представлена эта социокультурная группа в США? По имеющимся в нашем распоряжении научным источникам она представлена протестантами-пуританами. Протестанты-пуритане являются коллективным субъектом управления американским населением, осуществляют управление им, используя потенциал государственных органов и правовой системы, своими истоками опирающихся на религиозные убеждения протестантов-пуритан.

Правовая система США является одной из форм самосознания религиозных убеждений протестантов-пуритан. Она обусловлена религиозными лекалами протестантизма. «Протестантизм был религиозной основой переселенцев в Новый Свет в северо-восточные американские колонии, начиная с 1630-х гг. При

[1] © Агутин А. В., 2020.

анализе религиозной жизни в новоанглийских колониях в XVII – начале XVIII вв. необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, в подавляющем большинстве протестантское население колонии. В начале XVIII в. среди 2,5 млн человек только 25 тысяч были католиками и 2 тысячи – иудеями. Во-вторых, в середине XVIII в. в Северной Америке был определенный процент приезжих (формально верующих), не посещающих ни одну церковь» [2, с. 24–28].

С религиозной точки зрения протестанты-пуритане США являются последователями – одной из ветвей протестантизма в лице английских протестантов-пуритан. В свою очередь английские протестанты-пуритане являются последователями кальвинизма в Англии. Особенностью их мышления является: во-первых, они не признают авторитета официальной церкви; во-вторых, «человек создан высшим творцом по своему образу и подобию, а, следовательно, каждый из людей священен и выступает носителем абсолютной ценности и образа Божьего» [9, с. 116–122]; в-третьих, рационализирование духовно-нравственных основ жизни, усечения в ней ценностно-смыслового ядра, превращение жизни человека в бессмыслицу – «жизненное поведение человека стало рациональным, а вся его деятельность теперь основывалась на трезвом рациональном расчете, идеях профессионального призвания, а не на эмоциональных порывах» [9, с. 116–122]; принцип американского религиозного фундаментализма, смысл которого заключается в разделении «участников «драмы истории» на божественные силы добра, ассоциируемые с Америкой, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все 100 процентов не принимает Америку» [2, с. 135].

Идеи протестантизма являются истоками нелинейного управления (духовного ига (рабства) для всех тех, кто явно и неявно следует иным традиционным вероисповеданиям. Например, идеи американского протестантизма враждебны духовным столпам традиционных религий России, культурно-историческому наследию и системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Несмотря на эту враждебность идей протестантизма, к примеру Русскому Православию, органы власти и управления в современной России хотят видеть в нем панацею от всех бед государственного управления правоохранительной деятельностью. В нашем отечестве государственное управление должно своими истоками опираться на духовные столпы традиционных для России религий, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского, а не американского народа.

Американский протестантизм разнолик, но он един в своих истоках. В американском обществе действенность идей протестантизма обеспечивается не только религиозным потенциалом его последователей, но и с помощью соответствующей ему государственной идеологией (мировоззрением). В этом отношении атторнейская служба США является коллективным государственным органом, обеспечивающим эффективную реализацию государством протестантской идеологии для всего населения Америки. Думается, и не только. Развал СССР как раз и характеризуется заменой фундаментальных ценностей советского народа на несвойственные для его большинства «ценностями» проте-

стантизма, подаваемыми в качестве общечеловеческих ценностей, они же «ценности либерализма».

Атторнейская служба США, опираясь на протестантские истоки государственной идеологи, преобразует их в правовую политику и правоприменительную деятельность американского правительства. Сама же государственная идеология в социокультурном пространстве США репрезентуется в форме «естественной (гражданской (общегражданской) религии» и «сверхестественного рационализма». Несмотря на эти нейтральные наименования эти формы государственной идеологии, они едины в своем протестантском содержании.

Протестантское содержание государственной правовой политики и правоприменительной деятельности, осуществляемой атторнейской службой США, определяется «протестантским разумом». «Протестантский разум» является основой ««естественной религии», существование Бога, моральный долг и божественную систему поощрений и наказаний» [2, с. 24–28]. Таким образом, в современной Америке религиозные последовательности протестантов-пуритан разработали для управления (манипуляции) сознаниями непротестантского населения так называемую «гражданскую» («общегражданскую») религию, которую должны исповедовать все американцы, независимо от их вероисповедания.

Организация деятельности атторнейской службы США идейным делом протестантов-пуритан. В религиозных истоках протестантизма кроятся внутрисистемные и внешнесистемные основания атторнейской службы США. Своими истоками они опираются на протестантскую религию, которая имеет наименование «общегражданской религии». Она призвана оказывать линейное и нелинейное воздействие на публичное пространство в качестве единственно, несмотря, на то, что в США зарегистрировано более 23 традиционных религий. Специалисты, исследовавшие эту проблему, прямо указывают – приверженцами общегражданской американской религии должны быть представители любого вероисповедания, независимо от их духовно-нравственных и ценностно-смысловых основ реального бытия. В частности, Е. С. Каныкина отмечает: «…считается, что «общегражданская» религия, приверженцами которой должны быть представители любого вероисповедания, представляет собой наиболее адаптированный вариант привития школьникам «хорошего тона» общения с Богом. Согласно положениям этой религии Америка – единственная покровительствуемая Богом страна, «последний бастион свободы на Земле»» [4, с. 190–245].

Со своей стороны В. А. Егоров, ссылаясь на одну из статей американского социолога Роберта Н. Белла, указывает на то, что в современной науке термин «гражданская религия» является научным понятием, иначе плодом творчества ученых. Это позволяет Роберту Н. Беллу вести речь об обособлении и независимости самой гражданской религии от всех церквей, ее разработанности и структурированности. Так, Роберт Н. Бел пишет: «… мало кто осознает, что на самом деле существует независимо и обособленно от всех церквей детально разработанная и хорошо институализированная» [3, с. 261–264]. На наш взгляд, подобный взгляд на независимость и обособленность гражданской религии от всех церквей на территории США больше обусловлен неисчерпаемостью человеческого разума по преобразованию постулатов протестантизма в одну из

форм государственной идеологии, а именно использование потенциала научного мировоззрения (мышления) для организации бытия американского народа по лекалам протестантизма. Научное мировоззрение (наука) же используется для сокрытия факта – сущность гражданской религии в США является американский протестантизм.

Неслучайно, одним краеугольных камней протестантизма является бездуховный рационализм, со свойственным ему разумом. Вера последователей протестантизма в рационализм и разум, а также порожденные ими научные плоды, наделяет идеологию американского государства, как любую другую концепцию манипуляции правдоподобными по форме, но ложными по содержанию сакральными топосами, символами, идеями, текстами и т. п. По своей форме они как бы выходят за границы пространства и времени той или иной религии, но не являются достояниями вечности. Круговорот этих топасов, символов, идей и текстов является оправданием жизненной бессмыслицы общества, поклоняющегося «золотому тельцу», и целеустремленного на получение наслаждения от удовлетворения низменных инстинктов. С научной точки зрения гражданская (общегражданская) религия (идеология) американского правительства не является результатом научного творчества американцев. Роберт Белл заимствовал концепцию гражданской религии у либерального философа Ж.-Ж. Руссо [3, с. 261–264]. Это дает основание говорить о том, что «гражданская (общегражданская) религия» является проявлением в либеральной философии постулатов протестантизма.

Либеральное обрамление постулатами протестантизма государственной идеологии американского государства говорит в пользу их единства с учением кальвинистов. В историческом аспекте истоки религиозного учения кальвинистов уходят в глубину веков (XVI–XVII вв.). Особенность кальвинизма, как одного из направлений (ветвей) протестантизма, заключается в том, он «не оставил человеку никаких «индульгенций», никакой надежды на то, что своим раскаянием он вызовет сострадательный ответ Бога и будет прощен. Для кальвиниста раскаяние не имеет этического значения. Отвергнутому оно не поможет, а для избранного излишне» [6, с. 62–66].

На основе религиозного учения кальвинистов были заложены соответствующие политические традиции и обычаи американского народа. Они как бы замыкают формы самосознания американского народа. Конечно, не в целом американского народа, а только той его части, которая имеет непосредственное отношение к протестантам-пуритан. Для не имеющей отношения к этой части населения США как организационные истоки, так политические обычаи и традиции являются неведомой землей. Для нее «каналы» самосознания закрыты со стороны протестантов-пуритан. Они для них просто на просто недоступны, поскольку организационное единство протестантов-пуритан обеспечивается «не традиционно-авторитарными средствами, а единством религиозных убеждений составляющих их людей» [6, с. 62–66].

Именно по этой причине для людей вне религиозных убеждений протестантов-пуритан являются не понятными не только правовые, но и организационные истоки атторнейской службы США. Атторнейская служба США является

религиозной формой самосознания протестантов-пуритан в деле организации правоохранительной деятельности. Она является плодом религиозных убеждений протестантов-пуритан. Исходя из этих убеждений, потенциалом атторнейской службы обеспечивает целевое (идейное) правоприменительной политики и правоприменительной деятельности.

Правоприменительная политика и правоприменительная деятельность атторнейской службы США является результатом развертывания религиозных убеждений протестантов-пуритан в деятельности светского американского государства. Правоприменительная политика, осуществляемая атторнейской службы США, представляет собой управленческий ресурс, имеющейся в распоряжении американской религиозной общины протестантов-пуритан, целенаправленный на проведение их религиозных убеждений. В этом смысле Генеральный атторней США выступает в роли своеобразного верховного светского служителя (жреца) американской религиозной общины протестантов-пуритан. Именно он ответственен за выработку и реализации правоприменительной политики в США.

Правоприменительная политика США, разрабатываемая и реализуемая Генеральным атторнеем США, по своей сущности является искусством управления американским обществом в целом. Однако, как искусство управления (единство взглядов и убеждений) она может рассматриваться только в отношении религиозной общины протестантов-пуритан. В отношении же остальной части американского общества возможно говорить не об управлении, а об его манипулировании. Отсюда уместен вывод: с позиции управления (социального управления) разрабатываемая и реализуемая Генеральным атторнеем США политика является не чем иным как искусством манипулирования общественным и индивидуальными сознаниями. Для достижения этих целей, на наш взгляд, и была создана атторнейская служба США, имеющая монополию на выработку и осуществления политики в сфере правоприменения.

В большинстве своем в американском обществе и государстве управление целенаправленно на манипулирование общественным и индивидуальным сознаниями. Одним из глобальных средств манипулирования общественным и индивидуальным сознанием не протестантского населения США является американская правовая система. Входящие в нее правовые институты должны быть согласованы, и реализовываться в соответствии с идейным замыслом (идеологией), разработанной на основе учения последователей кальвинизма. В этом отношении в качестве своеобразных инструментов придания легитимности как в целом правовой системы США с входящими в нее институтам, так и организационного своеобразия атторнейской службы США является их взаимосвязь с менталитетом (мировосприятия, миропонимания и миропредставления) и мировоззрением американского народа.

Под мировоззрением [1, с. 6–8] американского народа нами понимается практическое явление, потенциалом которого коллективное и индивидуальное бессознательное протестантизма, господствующее в американском обществе (ценности, идеалы, убеждения, принципы и взгляды) преобразуются (объективируются) в действительность. Здесь как бы действует организационное прави-

ло: небытие преобразуется в бытие, которое и определяет организационную специфику атторнейской службы США. Преобразование небытия в бытие в деле организации атторнейской службы США имеет место только для общины протестантов-пуритан. Вне общин протестантов-пуритан правильнее вести речь не о менталитете и мировоззрении американского народа, а об их имитации, имеющей наименование «идеология американского государства».

Особенно наглядно имитационный потенциал идеологии американского государства проявляется в одном из ее столпов – индивидуальной самореализации. По этому поводу Е. А. Науков пишет: «Индивидуальная самореализация: посредством сочетания веры, психологического консультирования и, при необходимости, медикаментов, все американцы могут хорошо настроиться, находя не только удовлетворение, но и самореализацию. Новые психологи подходят к пациенту без предрассудков, предлагая им безусловное уважение к каждому человеку, чтобы он или она могли найти свои собственные решения жизненных проблем» [8, с. 385–390].

Осмысление положений индивидуальной самореализации, как одного их столпов идеологии американского государства, позволяет нам высказать мысль – ее технология сродни процедурам, осуществляемыми в психиатрической клинике, где в роли последней выступает само американское государство. Всех американцев, находящихся вне идей протестантов-пуритан, оно рассматривает в качестве социально-больных лиц, толерантность мышления которых обеспечивается при необходимости медицинскими средствами и психологами, либо многочисленными примитивными программами телевидения. Специалист по американскому образу жизни и американским ценностям А. В. Яковлева пишет: «Телевидение имеет многочисленные программы, но популярные шоу направлены часто на удовлетворение примитивных вкусов, а классические произведения оперного и балетного жанра, симфоническая музыка, поэтические произведения демонстрируются редко и преимущественно по дополнительным платным кабельным каналам» [10, с. 264–269].

Манипулирование общественным и индивидуальным сознаниями потенциалом средств массовой информации приводит к тому, что у большинства самого американского народа возникает чувство безысходности. В результате чего возникает условия и среда для манипуляции, основанной на помощи психологов, медицинских препаратов. Организационный и правой же инструментарий в лице атторнейской службы США здесь не работает, поскольку он предназначен для манипуляции уровне государственной политики в правовой сфере лиц, например, еще не нуждающихся в медицинском вмешательстве.

Подтверждением правомерности наших размышлений являются организационные недостатки в деятельности атторнейской службы США. В большинстве своем они связаны с подменой инструментария управления инструментарием манипулирования общественным и индивидуальными сознаниями той часть американского общества, которая имеет отличные от протестантов-пуритан убеждения. В свое время на эти недостатки указывал бывший Генеральный атторней США Р. Кларк. В настоящей статье приведем его слова дословно. Они говорят сами за себя, и показывают, что не следует идеализировать

даже деятельность такой службы, каковой является атторнейская служба США. В частности, Р. Кларк пишет: «Беспомощные, бесправные люди добывают средства к жизни всеми правдами и неправдами. Принятые в обществе нормы чужды им по своему духу и противоречат окружающей действительности. Закон не имеет к ним никакого отношения, кроме тех случаев, когда его представители приходят за ними или за их близкими. Закон и государство притворяются, что дают людям права. Строятся больницы, но беднякам и тем, кто лишен прав и власти, они недоступны. Закон говорит, что ты можешь предъявить иск к тому, кто продал тебе поддержанный автомобиль, если, когда ты покупал машину, корпус двигателя имел трещину, но бедняк не в состоянии пригласить адвоката. Закон говорит, что домовладелец должен обеспечить тебе запасной выход из дома на случай пожара и что в квартире может жить только одна семья. А если, говорит закон, ты получишь пищевое отравление, ты можешь привлечь к судебной ответственности бакалейщика, который продал тебе пирог с яичным кремом недельной давности. И ты можешь позвать полицию и с ее помощью прогнать докучающих тебе наркоманов, проституток и букмекеров – так говорит закон. Но только ты ничего этого не сможешь сделать. Ибо у тебя нет прав и власти. У тебя есть только то, что ты можешь унести с собой и о чем ты можешь позаботиться сам, без посторонней помощи» [5, с. 356–357]. Таким образом, атторнейская служба США концептуально и методологически организована так, чтобы обеспечить политические, правовые и экономические интересы представителей протестантов-пуритан, либо лиц, социальных групп американского народа, имеющих с ними мировоззренческое (идеологическое) единство.

Библиографический список

1. Агутин, А. В. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве: монография / А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, Р. Х. Губжоков. – М., 2016.

2. Галкина, Е. В. Отличительные особенности американского протестантизма (30-е гг. XVII-XVIII вв.) / Е. В. Галкина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 24–28.

3. Егоров, В. А. Гражданская религия Жан-Жака Руссо в отечественной мысли / В. А. Егоров // Вестник Русской христианской гуманитарной мысли. – 2017. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 261–264.

4. Каныкина, Е. С. История образовательного законодательства Америки в XX столетии / Е. С. Каныкина // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 22. – С. 190–245.

5. Кларк, Р. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля / Р. Кларк ; под ред. Б. С. Никифорова ; пер. с англ. А. С. Никифорова ; предисл. Б. С. Никифорова, В. В. Лунеева. – М., 2002.

6. Клочков, В. В. Кальвинизм и европейская модернизация XX веков / В. В. Клочков // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 1. – С. 62–66.

7. Махов, В. Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учебное пособие / В. Н. Махов, П. А. Пешков. – М., 1998.

8. Науков, Е. А. Современный кризис американской идеологии / Е. А. Науков // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 385–390.

9. Плохотнюк, Т. Н. Протестантизм и миграция: религиозный фактор переселения на Северный Кавказ / Т. Н. Плохотнюк // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 2. – С. 116–122.

10. Яковлева, А. В. Американский образ жизни и американские ценности / А. В. Яковлева // Вестник КГУ имениН.А. Некрасова. – 2009. – С. 264–269.

Алексеева С. О.[1],
магистрант Тамбовского государственного технического университета;

Попов А. М.[2],
доцент Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Сегодня достаточно остро стоит вопрос о внедрении системы ювенальной юстиции в России не только в целом, но и в частности в уголовном судопроизводстве. По этому вопросу в научных кругах и в средствах массовой информации ведутся оживленные дискуссии. В последние годы число преступлений, совершенных несовершеннолетними, постепенно снижается, однако официальные показатели в полной мере и не отражают сущность весьма сложной проблемы [9, с. 31]. Одной из серьезных проблем является увеличение безнадзорных детей. В большинство случаев именно такие подростки и совершают преступления. Причем, можно говорить о росте корыстных и насильственных преступлений среди подростков. Чаще всего преступления совершаются несовершеннолетними до достижения ими возраста уголовной ответственности. Все это вызывает необходимость совершенствования правосудия в отношении несовершеннолетних.

Ювенальная юстиция как раз и является системой правосудия в отношении несовершеннолетних. Такая система предполагает наличие определенных элементов, которые взаимосвязаны между собой. В широком смысле система ювенальной юстиции – это совокупность нормативных и организационных институтов, которые отражают специфику юридических составов противоправных деяний несовершеннолетних и характеризуют средства и методы противодействия им. В узком смысле систему ювенальной юстиции можно охарактеризо-

[1] © Алексеева С. О., 2020.
[2] © Попов А. М., 2020.

вать как систему норм права, которые регулируют общественные отношения, возникающие по поводу предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Стоит подчеркнуть, что система ювенальной юстиции включает в себя государственные органы, органы местного самоуправления, должностных лиц, государственные и муниципальные учреждения, которые совместно работают с несовершеннолетними правонарушителями. Сюда можно отнести полицию, прокуроров, обвинителей. Особое место занимают ювенальные суды, который рассматривает уголовные дела с участием несовершеннолетних.

Современное правовое регулирование делинквентного поведения несовершеннолетних с учетом присущих им возрастных и социально-психологических особенностей осуществляется посредством специфических норм, содержащихся в уголовном, уголовно-процессуальном законодательстве [8, с. 63]. Это объясняется стремлением законодателя обеспечить целенаправленное правовое воздействие на подростков в целях достижения эффективного результата.

В России специализированная система правосудия в отношении несовершеннолетних была создана в XX веке. Такая система показывала хорошие результаты и считалась одной из передовых в Европе. Россия была одним из первых государств, которые внедрили ювенальную юстицию. Первый детский суд был создан в Санкт-Петербурге в 1910 г. Инициатором его создания стало Санкт-Петербургское Общество патроната. В дальнейшем подобные суды были учреждены в Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Томске, Саратове и в других городах. Стоит подчеркнуть, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство содержало нормы о повышенной юридической защите подростков по сравнению со взрослыми. Вместе с тем значительный объем судейского усмотрения по этим делам все же ставил несовершеннолетних в положение лиц, не защищенных законом [4, с. 91].

Дела рассматривались единолично ювенальным судьей, в качестве которого выступал мировой судья. Он рассматривал дела, в которых несовершеннолетние выступали как в качестве преступника, так и потерпевшего. Кроме того, суд должен был осуществлять надзор за детскими учреждениями, которые заботились о малолетних преступниках. Предусматривалось обязательное наличие у судьи профессиональной подготовки, дела в отношении несовершеннолетних рассматривались в упрощенном порядке, судебный процесс носил конфиденциальный характер. Ювенальные суды преследовали такие задачи как борьба с подростковой преступностью, принятие мер в отношении безнадзорных и защита интересов подростков.

Ювенальные суды просуществовали до 1918 г. Затем они были упразднены и не получили развития. Они были заменены на комиссии по делам несовершеннолетних. Попытки внедрения ювенальной юстиции вновь начали предприниматься в 90-х гг., а точнее разрабатывались проекты различных законов. Так, в 1991 г. рабочая группа ученых и представителей правоохранительных ведомств подготовила проект закона «О судах по делам семьи и несовершеннолетних». Он предусматривал, что такие суды будут осуществлять судебные разбирательства дел о преступлениях несовершеннолетних и преступления взрослых лиц, которые приводят к нарушению нормального развития подрост-

ка. В дальнейшем в 1994 г. сотрудники Института государства и права Российской академии наук подготовлен проект закона «О ювенальной юстиции в Российской Федерации». Данный закон можно сказать содержал в себе основные положения проекта закона 1991 г. Еще один проект был подготовлен в 1999 г. Институтом международного права и экономики имени Грибоедова, который получил название «Основы законодательства о ювенальной юстиции в Российской Федерации». В целях апробирования в реальных условиях Концепции о ювенальных судах предполагалось проведение в России правового эксперимента в двух вариантах – автономного от общего правосудия (самостоятельные суды) и как его подсистемы (коллегия судей в общих судах [12, с. 98]. Эксперимент показал различные результаты.

Последним шагом стало отклонение в 2010 г. Государственной думой Российской Федерации проекта Федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в той части, которая касалась создания ювенальных судов. Т. е. попытки внедрения целостной ювенальной юстиции так и не увенчались успехом, система ювенальной юстиции осталась лишь в проектах законов. Со временем этот вопрос был отложен, а затем свернут.

Стоит отметить, что широкий общественный резонанс вызвал федеральный закон от 3 июля 2016 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». В народе его прозвали законом «о шлепках». В ст. 116 УК РФ вводится понятие близкого лица, под которым подразумеваются близкие родственники, попечители, а также лица, которые состояли в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренного этой статьей. За действия, повлекшие физическую боль, родители наказывались лишением свободы до двух лет. Это могли быть любые действия от простого шлепка до удара ремнем. Кроме того, установлено наказание за малое было слишком суровое, в то время как за наибольшее, напротив, максимально смягченное [13]. Впоследствии в феврале 2017 г. ст. 116 УК РФ была исключена, а действия, которые указаны в ней, отнесены к административному правонарушению. Но в случае повторения побоев наступает уголовная ответственность.

Ювенальная юстиция базируется на определенных принципах. Первый принцип – преимущественно охранительная ориентация ювенальной юстиции. Данный принцип является достаточно специфичным, поскольку ювенальная юстиция выступает в основном в качестве уголовного правосудия. Оно в свою очередь ассоциируется с уголовным преследованием, обвинением, осуждением, наказанием. Исторически это связано с тем, что изначально ювенальные суды преследовали такую задачу как защита прав детей и подростков и одновременно уголовное преследование несовершеннолетних подростков. С развитием ювенальной юстиции ее охранительная функция все больше расширялась и усиливалась [6, с. 44].

Второй принцип – социальная насыщенность ювенальной юстиции. Это означает, что в судебном процессе в отношении несовершеннолетних используются

неюридические знания. Т. е. это может быть изучение социальных условий жизни подростка и социально – психологических признаков его личности.

И, наконец, третий принцип и один из главных – максимальная индивидуализация судопроизводства. Он подразумевает, что главное место занимает личность подростка, причины и условия совершения им того или иного преступления.

В современном российском обществе к идее внедрения ювенальной юстиции относятся по-разному: ввести ее в том же виде что и на западе, с учетом российской действительности или совсем отказаться от нее. Наиболее распространенной точкой зрения является отказ от ювенальной юстиции. Это вызвано тем, что отсутствует единый подход к понимаю, что такое ювенальная юстиция, ее целей и задач. Осложняет ситуацию и отсутствие федерального закона по данному вопросу.

Среди сторонников внедрения ювенальной юстиции можно выделить Российскую академию правосудия, Уполномоченного по правам ребенка и Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Противниками внедрения ювенальной юстиции выступают такие общественные организации как некоммерческая организация «Родительский иммунитет», Российский детский фонд, а также православная церковь. Сторонники внедрения ювенальной юстиции обосновывают свою точку зрения положительным, по их мнению, опытом регионов, в которых в качестве эксперимента внедрялась ювенальная юстиция. Конечно, в разных регионах результат был не одинаков, но в целом можно сказать, что эксперимент не удался. Причем, в этих самых регионах детская преступность, напротив, возросла по сравнению с общероссийским количеством таких преступлений. Из этого фактического результата вывод следует практически однозначный: ювенальная юстиция пилотного образца наносит вред российскому обществу [10, с. 91].

Противники внедрения ювенальной юстиции считают, что ювенальные службы будут иметь слишком широкие полномочия и не будут нести ответственности за свои действия. Кроме того, между законом и практикой его применения есть существенная разница. В одном и том же суде практика одного судьи может отличаться от практики другого, отсутствует качественный контроль системы защиты детей.

Ювенальная юстиция широко применяется на Западе. Однако ее применение вызывает негативные последствия. Например, во Франции это приводит к тому что, несовершеннолетние преступники остаются на свободе, ничего не боясь, и чувствуют безнаказанность. В результате наблюдается увеличение подростковой преступности. Данный пример не является единичным. Специфической особенностью ювенальной юстиции на Западе выступает ее зависимость от правоприменительной практики. Чаще всего меняются не сами нормы, а практика их применения, что приводит к изменению их формы воплощения.

В России существует особый подход к судопроизводству в отношении несовершеннолетних. Это подтверждается наличием отдельных глав в УК РФ и УПК РФ по отношению к данным лицам. Таким образом, в нашей стране применяются особые условия проведения в отношении несовершеннолетних таких уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных действий, как предвари-

тельное расследование, рассмотрение дел в суде, привлечение к уголовной ответственности, назначение и исполнение наказания [11, с. 88].

Модель ювенальной юстиции в современной России должна основываться не только на российском, но и на мировом опыте, а также на современных научных разработках в данной области. Кроме того, в России отсутствует специальный нормативный акт, который регулировал бы правосудие в отношении несовершеннолетних.

Итак, вопрос о внедрении ювенальной юстиции является дискуссионным. Развитие ювенальной системы выступает одной из спорных проблем реализации государственной политики. Единого понятия ювенальной юстиции нет, в юридической литературе каждый автор определяет его по-своему. Ювенальную юстицию в контексте уголовного судопроизводства можно определить, как систему государственных органов, которые осуществляют проверку заявлений или сообщений о преступлении, предварительное расследование и отправление правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних или при их соучастии. Кроме того, сюда включается система государственных и негосударственных структур, которые обеспечивают надлежащие представительство интересов несовершеннолетних, участвующих в уголовном судопроизводстве, а также контроль за перевоспитанием и реабилитацией несовершеннолетних правонарушителей, профилактику подростковой преступности.

Россия относится к одним из немногих стран в настоящее время, где ювенальная юстиция отсутствует в качестве самостоятельной системы правосудия. Существуют государственные органы, которые осуществляют защиту прав подростков, дела с участием несовершеннолетних рассматриваются по специальным правилам. Однако такая система не тождественна ювенальной юстиции. Прежде всего они различаются в механизмах и принципах работы, понимания прав несовершеннолетних и их объеме. Так, можно говорить о том, что российское уголовное право и процесс носят карательный характер. Основываясь на положениях ст. 2 УК РФ и ст. 6 УПК РФ можно сделать вывод, что целью уголовного и уголовно-процессуального законодательства выступает воздаяние за совершенное преступление. Ювенальная юстиция же преследует такую цель как реабилитация и перевоспитание несовершеннолетних преступников. Также в России отсутствуют ювенальные суды. Российская общественность не приняла ювенальную юстицию. Однако она широко применяется на Западе, но вызывает негативные последствия. Среди них главным негативным последствием является рост преступности среди подростков.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу 01.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4256.

4. Анисимов, А. А. История становления ювенальной юстиции в России / А. А. Анисимов, С. Т. Гаврилов // Синергия. – 2016. – № 1. – С. 89–96.

5. Горян, Э. В. Российская модель ювенальной юстиции; проблемы эффективного функционирования и пути их устранения / Э. В. Горян, З. К. Забара // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2018. – № 2. – С. 101–116.

6. Комарницкий, А.В. Научная мысль о ювенальной юстиции в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 2 (21). – С. 41–48.

7. Кудрявцев, А. В. Ювенальная юстиция в современной модели российского уголовного процесса / А. В. Кудрявцев, О. Н. Кудрявцева // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 3. – С. 223–226.

8. Мартынова, С. И. Система ювенальной юстиции в России / С. И. Мартынова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 15 (1). – С. 63–70.

9. Мирзаева, Т. С. Проблемы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в контексте ювенальной юстиции / Т. С. Мирзаева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2013. – № 7. – С. 31–37.

10. Сулашкин, С. С. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в России / [С. С. Сулашкин и др.]. – М. : Научный эксперт, 2012. – 144 с.

11. Тимошина, Е. М. Правовой анализ целесообразности внедрения ювенальной юстиции в России / Е. М. Тимошкина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2012. – № 1.– С. 87–99.

12. Шестакова, Л. А. Реформирование ювенальной юстиции в XXI веке / Л. А. Шестакова // Основы экономики, управления и права. – 2014. – № 5 (17). – С. 97–100.

13. Ювенальная юстиция: что это такое? Ювенальная юстиция в РФ: состояние и перспективы. [Электронный ресурс] // URL: https://www.syl.ru/article/298151/-yuvenalnaya-yustitsiya-chto-eto-takoe-yuvenalnaya-yustitsiya-v-rf-sostoyanie-i-perspektivyi (дата обращения: 01.07.2019).

Ализаде В. А.[1]***,***
преподаватель кафедры теории права
и сравнительного правоведения МГИМО МИД России,
магистр юриспруденции (г. Москва)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОНИМАНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ПОДЛЕЖАЩИХ УЧЕТУ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Напомним, что 30 марта 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней (далее по тексту – Конвенция). Тем самым, в соответствии со ст. 46 Конвенции, *ipso facto* и без специального соглашения признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ или Суд) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемых нарушений Российской Федерацией положений этих актов, когда предполагаемое нарушение было совершено после их вступления в действие для Российской Федерации [3]. Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней»[4] разъяснил, что с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения ЕСПЧ.

Обобщение практики ЕСПЧ свидетельствует, что он неоднократно в различных решениях, в том числе по делам против России, указывал, что «практика содержания обвиняемых под стражей без конкретной правовой базы или четких правил, регулирующих их положение, в результате чего они могут быть без судебного решения лишены свободы на неограниченный срок, является несовместимой с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые красной нитью проходят через Конвенцию [о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней] и нормы права» [1].

Между тем в отечественном уголовном-процессуальном законодательстве до сих пор имеются нормы, содержание которых не в полной мере совместимы с принципом правовой определенности. В частности, ст. 99 УПК РФ содержит незакрытый перечень обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, в который включена отсылка и на «другие обстоятельства», которые на практике далеко не всегда учитываются именно в силу своей правовой неопределенности. В некоторой мере это обусловлено, по нашему мнению, отсутстви-

[1] © Ализаде В. А., 2020.

ем в распоряжении правоприменителей достаточной информации о том, каким образом и какие «другие обстоятельства» могут влиять на оценку законности избрания и продления мер пресечения с точки зрения международных обязательств России.

Попытаемся указать на некоторые из них.

Статья 5 Конвенции провозглашает право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, предусматривая, что никто не может быть лишен свободы иначе, как в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Упоминая «право на свободу», ст. 5 подразумевает физическую свободу лица, которой никто не может быть лишен в произвольном порядке. Положения данной статьи не касаются простых ограничений свободы передвижения, регулируемых ст. 2 Протокола 4 к Конвенции *(De Tommaso v. Italy, Creanga v. Romania, Engel and others v. the Netherlands)*. Различия между ограничениями свободы передвижения и лишением свободы в нарушение ст. 5 являются существенными. Обычное ограничение свободы передвижения, подпадающее под действие ст. 2 Протокола 4, является разновидностью степени или интенсивности лишения свободы, но не ее сутью и природой *(De Tommaso v. Italy, Guzzardi v. Italy, Rantsev v. Cyprus and Russia, Stanev v. Bulgaria)*. Ограничение свободы не сводится только лишь к случаям задержания, ареста и заключения под стражу, а может выражаться в множестве разнообразных форм *(Guzzardi v. Italy)*.

Суд проводит самостоятельную оценку ситуаций, не считая себя связанным юридическими позициями национальных органов власти о наличии или отсутствии лишения свободы в каждом отдельном случае *(Khlaifia and Others v. Italy, Creanga v. Romania)*. Для того, чтобы определить, было ли лицо «лишено свободы» в смысле ст. 5 Конвенции необходимо отталкиваться от конкретной ситуации, учитывая широкий спектр критериев, таких как вид, длительность, способ и последствия ограничения свободы *(De Tommaso v. Italy, Guzzardi v. Italy, Medvedyev and Others v. France, Creanga v. Romania)*. Суд полагает, что следует учитывать как вид и способ лишения свободы, так и то, что контекст лишения свободы является крайне важным фактором, поскольку в современном обществе зачастую возникают ситуации, при которых необходимо ограничить свободу передвижения в интересах всеобщего блага *(De Tommaso v. Italy, Nada v. Switzerland, Austin and Others v. the United Kingdom)*.

Например, проводя различия между ограничением свободы передвижения и лишением свободы в контексте задержания иностранцев в транзитных зонах аэропортов и приемных центрах для идентификации и регистрации мигрантов, Суд принимает во внимание различные факторы, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Личная ситуация заявителя и его выбор.

2. Применимый правовой режим соответствующей страны и ее цель.

3. Значительная продолжительность, в частности, в смысле цели и процедурной защиты, которой пользовались заявители до событий.

4. Природа и степень фактических ограничений, налагаемых на заявителя *(Z.A. and Others v. Russia, Ilias and Ahmed v. Hungary)*.

Более того, согласно позиции Суда, даже меры, применяемые для защиты или в интересах лица, могут расцениваться как лишение его свободы *(Khlaifia and Others v. Italy)*.

Понятие лишения свободы в рамках положений ч. 1 ст. 5 Конвенции наряду с объективным элементом в виде содержания лица в особом ограниченном помещении в течение длительного периода времени, может содержать и субъективный элемент. Последний заключается в том, что лицо на законном основании не дало согласие на содержание под стражей *(Storck v. Germany, Stanev v. Bulgaria)*, в частности в случаях принудительного помещения на лечение.

К соответствующим объективным факторам следует отнести невозможность покинуть зону ограниченного доступа, степень надзора и контроля за перемещением лица, степень изоляции и наличие социальных контактов *(Guzzardi v. Italy, H.M. v. Switzerland, H.L. v the United Kingdom, Storck v. Germany)*.

В случаях, когда факты указывают на лишение свободы в смысле нарушения ст. 5 Конвенции, относительно короткий срок содержания под стражей не влияет на этот вывод (*Rantsev v. Cyprus and Russia, Iskandarov v. Russia)*. Наличие элемента принуждения при осуществлении полицией своих полномочий на задержание и обыск указывает на лишение свободы, независимо от непродолжительного срока действия этой меры *(Krupko and Others v. Russia, Foka v. Turkey, Gillian and Quinton v. the United Kigdom, Shimovolos v. Russia, Brega and Others v. Moldova)*.

Тот факт, что лицо не приковано наручниками, не помещено в камеру или каким-либо другим образом не ограничено в движениях не является решающим фактором при установлении наличия лишения свободы *(M.A. v. Cyprus)*.

Право на свободу является основополагающим в современном обществе, поэтому нельзя лишать лицо возможностей защиты данного права, закрепленного в Конвенции, лишь на том основании, что оно само сдалось и было взято под стражу, особенно в ситуациях, когда лицо юридически неспособно дать согласие или возразить против применения к нему данных мер (*H.L. v the United Kingdom, Stanev v. Bulgaria)*. Кроме того, отсутствие у лица дееспособности не обязательно обозначает его неспособность понимать ситуацию и давать согласие *(Shtukaturov v. Russia, D.D. v. Lithuania)*.

Часть 1 ст. 5 Конвенции в первом предложении налагает на государства позитивное обязательство не только воздержаться от активного нарушения права человека на свободу, но также предпринимать соответствующие шаги для защиты от произвольного и незаконного вмешательства в это право лиц, находящихся под юрисдикцией государства (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*).

Государства обязаны предпринимать меры по обеспечению эффективной защиты уязвимых лиц, в том числе разумные меры по предупреждению таких фактов лишения свободы, о которых государственные органы знали или должны были знать (*Storck v. Germany)*. Кроме того, согласно позициям Суда, ответственность государства также наступает в случае, когда оно допускает лишение свободы какого-либо лица другим лицом, либо неспособно положить конец

данной ситуации (*Riera Blume and Others v. Spain, Rantsev v. Cyprus and Russia, Medova v. Russia).*

Особо следует отметить, что в последнее время практика ЕСПЧ требует от государств при принятии решений о заключении под стражу в связи с расследованием уголовных дел основывать такие решения исходя из т.н. «презумпции освобождения». Это означает, что при принятии решений следует «тщательно изучать возможность применения менее жесткой меры пресечения, чем заключение под стражу», особенно при продлении его сроков. Отказ от серьезного рассмотрения альтернативных превентивных мер квалифицируется Судом как нарушение ст. 5 Конвенции [2].

Таким образом, Европейский Суд по правам человека в своей практике оценивает широкий круг критериев, которые позволяют выявить нарушения права на свободу и личную неприкосновенности, в том числе на стадии предварительного следствия.

Это требует по возможности учитывать эти критерии при применении мер процессуального принуждения, в первую очередь, мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве. При этом дознавателю, следователю, а также суду не следует ограничиваться узким толкованием нормы ст. 99 УПК РФ о том, что при избрании меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Именно указанные последними в этом ряду «другие обстоятельства» и становятся предметом критического рассмотрения ЕСПЧ по жалобам против Российской Федерации.

Библиографический список

1. Khudoerov v. Russia, § 148, no. 6847/02, ECHR 2005; Korchuganova v. Russia, no. 75039/01, § 33, 34, ECHR 2006; Golovkin v. Russia, no. 16595/02, § 38, ECHR 2008; Gubkin v. Russia, no. 36941/02, § 110, ECHR 2009.

2. Yaroslav Belousov, nos. 2653/13 and 60980/14, § 133–138, 4 October 2016; Akimenkov v. Russia, nos. 2613/13 and 50041/14, § 101–06, 6 February 2018; Barabanov v. Russia, nos. 4966/13 and 5550/15, § 51, 30 January 2018; Kosenko v. Russia, nos. 15669/13 and 76140/13, § 50–51, 17 March 2020.

3. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

4. Российская газета. – 2013. – № 6121. – 5 июля.

Алонцева Е. Ю.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КРИТЕРИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД

Расследование уголовного дела и судебное разбирательство происходит по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, в порядке строго определенным законодателем. При этом правила, установленные законодателем позволяют обеспечить законность возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства. Процедура, которая установлена в законе, требования конкретных статей, правила оформления процессуальных документов позволяют обеспечить единый порядок правоприменения, единую процессуальную форму в ходе уголовно-процессуальной деятельности, которая связана с установлением истины уголовного судопроизводства и достижением назначения уголовного судопроизводства.

Процессуальная форма это одна из основных категорий уголовного процесса. Понятие и соблюдение процессуальной формы позволяет своевременно и правильно применять уголовно-процессуальный закон и играет важную роль при производстве процессуальных и следственных действий, ограничивающих основные конституционные права и свободы граждан, производство которых возможно по судебному решению. Процессуальная форма является одной из разновидностей форм государственной деятельности. Что отвечает назначению уголовного судопроизводства в целом, и в этой связи качеству предварительного расследования. Так как позволяет обеспечить права и законные интересы лиц, вовлекаемых в расследование по уголовному делу и судебное разбирательство, обеспечить законность произведенных следственных действий, допустимость доказательств, полученных следователем и возможность их дальнейшего использования в доказывании для принятия справедливого решения о виновности либо невиновности лица.

В научной доктрине уголовного процесса само понятие и сущность процессуальной формы всегда была предметом дискуссии.

Так, по мнению некоторых авторов, процессуальная форма – это понятие, которое применимо ко всей процедуре уголовного судопроизводства [1, с. 71]. Противоположное мнение имеют другие авторы, которые утверждают, что процессуальная форма применима только к отдельной стадии или системе действий [3, с. 337]. Нельзя полностью согласиться с указанными выше позициями. Более правильным является мнение о том, что процессуальная форма применима ко всей процедуре уголовного судопроизводства, ко всем стадиям и в целом

[1] © Алонцева Е. Ю., 2020.

сама система стадий, последовательно сменяющих одна другую, также составляет процессуальную форму [2, с. 16]. Представляется, что указанное понимание наиболее полно отражает сущность и содержание понятия процессуальной формы. Понятие процессуальной формы относится и в целом к порядку уголовного судопроизводства и к конкретным процессуальным действиям в рамках этой деятельности. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что процессуальная форма относится не только к государственным органам и должностным лицам уголовного судопроизводства, но и к другим участникам уголовного судопроизводства (обвиняемому, подозреваемому, потерпевшему, так как их действия, возможность реализации своих прав и выполнение обязанностей также установлено законом и облекается в процессуальную форму.

При производстве по уголовному делу для установления обстоятельств, имеющих значение и достижения целей предварительного расследования следователь производит процессуальные и следственные действия, некоторые из которых требуют судебного решения, по причине того, что их производство связано с вторжением в личную жизнь граждан, в сферу личных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. В ч. 2 ст. 29 УПК РФ законодатель дает их полный перечень. Их виды можно разделить на следующие группы:

– меры процессуального принуждения (ст.ст. 106–108, 114, 115, 117 УПК РФ);

– следственные действия (ст.ст. 176, 182–184, 203 УПК РФ);

– иные процессуальные действия (пп. 1, 2, 6, 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Анализ законодательства позволяет сформулировать определенные требования для соблюдения процессуальной формы составляемых следователем постановлений. К ним относятся:

– наличие возбужденного уголовного дела;

– нахождение уголовного дела в производстве следователя, либо поручение органу дознания, в соответствии с ч. 4 ст. 38 УПК РФ, либо поручение руководителя следственного органа следователю-криминалисту (без принятия уголовного дела к производству);

– выполнение требований ст. 7 УПК РФ, предъявляемых к составлению процессуальных документов;

– процессуальные правила, установленные ст.ст. 164, 165 УПК РФ;

– конкретные статьи УПК РФ, регламентирующие производство процессуальных либо следственных действий, требующих судебного решения.

Кроме того, постановление о возбуждении перед судом ходатайства о принятии того либо иного решения из числа перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, должно быть составлено с учетом указанных предписаний закона, при этом наличие согласия руководителя следственного органа, зафиксированное его подписью, является одним из важнейших условий соблюдения процессуальной формы обращения в суд. Это требование связно с полномочиями по осуществлению процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа. Кроме того, обоснованность ходатайства следователя в постановлении должна устанавливаться данными, имеющиеся в уголовном деле и подтвер-

жденные конкретными доказательствами. Только в этом случае возможно обеспечить законность самого решения следователя и законность решения, принимаемого судом. Следующим обстоятельством, определяющим соблюдение процессуальной формы, по нашему мнению, является обязательное участие прокурора в судебном заседании. Этот вывод основан на материалах следственной и судебной практики и анализе Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [4]. По некоторым данным судебных решений, прокурор не принимал участия в судебном заседании [5].

Полагаем, что уголовно-процессуальный закон должен налагать на прокурора обязанность участия в судебном заседании, но не право, как сказано сейчас в законе. О чем внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 165 УК РФ. Впоследствии именно прокурор как представитель стороны обвинения вправе обратиться в суд апелляционной инстанции в случае несогласия с решением, принятым судом по месту производства расследования.

Библиографический список

1. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рауханов. – М. : Юридическая литература, 1961.

2. Строгович, М. С. Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма / М. С. Строгович // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. – М. : изд-во «Наука», 1976.

3. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1951.

4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru.

5. Апелляционное постановление № 22К-4271/2019 от 23 августа 2019 г. по делу № 3/6-442/19 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/zDzvhfEfB21w/.

Антонов И. А.[1],
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЗАКОННОСТЬ И/ИЛИ ОБОСНОВАННОСТЬ (НРАВСТВЕННАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ) ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика производства по уголовным делам, определяемая законодателем, все чаще ставит перед следователем выбор (которого не должно быть в следственной деятельности, отличающейся принудительным характером и высокими нравственными целями – противодействия преступности и защиты личности, общества и государства от преступных посягательств): как поступить, по закону, или по совести, ориентируясь на нравственную обоснованность своих действий и решений, на их соответствие нравственным ожиданиям общества от правоохранительной деятельности? Но этого выбора быть не должно ввиду того, что все решения следователя должны быть и законными, и обоснованными, в том числе нравственно обоснованными, ведь следователь в своей деятельности должен ориентироваться не только на букву закона, но и на дух закона, на его нравственное содержание, на нравственный потенциал принципов уголовного судопроизводства, в частности, когда наблюдается пробел в законодательстве.

Следователь, реализуя правоохранительную функцию государства, должен выполнять множество ролей: не только устанавливать лицо, совершившее преступление и осуществлять уголовное преследование, но и в ходе расследования, проведения следственных действий, принятия процессуальных решений воспитывать участников уголовного судопроизводства в духе уважения и соблюдения законов и правил общежития, оказывать профилактическое воздействие, обеспечивать восстановление в правах потерпевших от преступлений, а также лиц, подвергнутых мерам уголовно-процессуального принуждения в рамках реабилитационных процедур. Более того, следователь, осуществляя производство по уголовному делу и самостоятельно направляя его ход, персонально отвечая за результаты своей деятельности, наделен отдельными полномочиями судьи – он вправе на стадии предварительного расследования прекратить уголовное дело, в том числе по нереабилитирующим основаниям (т. е. принять итоговое решение по уголовному делу), фактически реализуя полномочия суда, признавая лицо виновным в совершении преступления. Как справедливо отмечает В. И. Рохлин: «Следователь – это во многом должность равнозначная должности судьи» [2, с. 22]. Следователь выполняет функцию расследования уголовных дел, которая, на наш взгляд, является фактически однородной с функцией разрешения уголовного дела по существу.

---

[1] © Антонов И. А., 2020.

Исходя из этого, несомненно, следователь должен быть на сто процентов уверен в законности и обоснованности, справедливости и необходимости принимаемых им решений. Но… регулярно вносимые в уголовно-процессуальный закон изменения и дополнения приводят не только к разбалансированности интересов личности, общества и государства, к разбалансированности прав сторон, но и к тому, что следователь оказывается на перепутье: всесторонне, полно и беспристрастно исследовав обстоятельства совершенного уголовно наказуемого деяния, какое решение принять? Законное или обоснованное и справедливое? И вот лишь ряд примеров.

Так, с одной стороны, в соответствии со ст. 25 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа *вправе* на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. То есть принцип диспозитивности и мнение потерпевшего (законного представителя) ограничены усмотрением следователя, его правом прекратить уголовное дело или продолжить расследование. Решение следователя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон законно? Да. Решение следователя об отказе в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон законно? Да. А чем оно обосновывается и каковы последствия того или иного решения? Во-первых, правильным будет, если следователь изучит вопрос добровольности заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела, исследует материалы, свидетельствующие о действительном возмещении вреда, изучит личность подозреваемого, обвиняемого и, исходя из этого примет обоснованное решение. Однако с достоверностью установить все необходимые в этой ситуации факты он не в силах, ввиду чего решение не будет основано на полном убеждении в его правильности. Во-вторых, принимая решение, из чьих интересов следователь будет исходить? Ориентируясь на позицию потерпевшего и в его интересах, следователь должен прекратить уголовное дело ради того, чтобы пострадавшему был возмещен ущерб, при чем сообщить о такой возможности подозреваемому, обвиняемому заранее. Поставив во главу угла принцип неотвратимости наказания за совершенные преступления, следователь должен отказать потерпевшему в ходатайстве о прекращении уголовного дела. Исходя из этой ситуации, подозреваемый, обвиняемый может предпочесть не возмещать причиненный вред в полном объеме в рамках досудебного производства, а при неблагоприятном для него исходе – обвинительном приговоре суда – возмещать ущерб в рамках исполнительного производства частями и длительное время. Государство же, как известно, не берет на себя обязательств по возмещению ущерба, причиненного преступлением, несмотря на его обязанность оградить граждан от противоправных посягательств. Какое же решение следователя будет нравственно обоснованным? Ни закон, ни правоприменительная практика на этот вопрос не дают ответа. Более того, правоприменительная практика усугубляет ситуацию тем, что органы прокуратуры препятствуют прекращению уголовного дела в ходе досудебного производства. Прекращение

следователем уголовного дела рассматривается в качестве брака в его работе и даже ставится в один ряд с нарушением законности. Таким образом, следователь вынужден ориентироваться не на закон и нравственную обоснованность процессуальных решений, не на законную и нравственную обязанность обеспечить восстановление в правах потерпевшего, а на последствия принимаемых решений для служебной деятельности.

С другой стороны, ст. 28.1 УПК РФ обязывает следователя прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении целого ряда экономических (налоговых) преступлений, невзирая на то, раскаивается ли он в содеянном, осознал ли он недопустимость противоправного поведения и т. д. Главное, чтобы до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, был возмещен в полном объеме. И только у руководителя следственного органа есть право возразить против прекращения уголовного преследования в указанных в ст. 28.1 УПК РФ случаях, но тогда ему придется объяснять свое решение Генеральному прокурору Российской Федерации и Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. То есть следователь должен принять законное решение о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, не считая его нравственно обоснованным, в том числе, ввиду того, что интересы государства – бюджетной системы страны поставлены в рассматриваемом случае выше, чем интересы потерпевшего в случае, описанном выше, при прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ.

Иной показательный пример можно привести, раскрывая вопрос с применением мер пресечения.

Во-первых, основания для избрания мер пресечения носят прогностический неконкретизированный характер. Так, согласно ст. 97 УПК РФ следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. При этом, если у следователя есть достоверные сведения о подобных фактах, то он обязан, в частности, применить меры безопасности к свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, принять решение о возбуждении уголовного дела по факту подготовки к совершению нового преступления, покушения на его совершение и т. д. Если же этих данных нет, то и оснований для применения мер пресечения в складывающихся условиях информационного голода нет. Но, формулировка закона «наличие достаточных оснований полагать» позволяет следователю принять вполне законное решение об избрании меры пресечения, так как оно может быть основано на субъективном мнении, которое, как это уже отмечалось выше, будет базироваться на потребностях служебной деятельности (оценка качества работы), а не на интересах потерпевшего и иных участников процесса. При этом, конечно, не

учитываются и неоднократные решения Европейского Суда по правам человека, в которых он указывает, что в практике производства по уголовным делам наблюдается необоснованное ограничение прав личности, связанное с применением мер пресечения, когда, в частности, содержание под стражей допускается на основаниях, которые, хотя и являются «существенными», не могут считаться «достаточными» для заключения под стражу на длительный срок расследования и судебного рассмотрения дела. И вновь следователь вступает в нравственный диалог со своей совестью, определяя потребность применения и вид меры пресечения, возможно даже вспоминая о решениях Европейского Суда по правам человека, согласно которым само содержание подозреваемых, обвиняемых в российских СИЗО признано пытками.

Во-вторых, усугубляется внутренний нравственный диалог следователя со своей совестью, когда он принимает решение об избрании меры пресечения в виде заключения по стражу и соизмеряет свое решение с тем, что законодатель в нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом дополнил уголовно-процессуальный закон [1] нормой, согласно которой заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1–4 ст. 159, ст.ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также чч. 5–7 ст. 159, ст.ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ. Почему следователь и суд должны быть более снисходительны к индивидуальным предпринимателям и членам органа управления коммерческой организации, нарушающим закон и в угоду личным интересам получения дополнительного дохода ущемляющим интересы общества и государства. Решение следователя об отказе в применении меры пресечения в виде заключения под стражу в рассматриваемом случае будет законным, но вряд ли нравственно обоснованным.

Такие примеры касаются и иных случаев прекращения уголовного дела или уголовного преследования, и оснований применений иных мер пресечения, и многих других вопросов, в том числе в деятельности дознавателя, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, прокурора и суда. Вот так и получается, что закон требует или предлагает варианты решений лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которые будут для него неприемлемыми с точки зрения их нравственной обоснованности.

Подобные условия работы недопустимы, особенно в такой сфере деятельности как уголовное судопроизводство, изобилующей возможностью применения мер государственного принуждения. Уголовно-процессуальный закон должен

содержать четко установленные критерии принятия того или иного процессуального решения, чтобы, с одной стороны, оградить лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам, от незаконного и необоснованного ограничения их прав и свобод, с другой стороны, оградить следователя от необоснованного выбора между законом и совестью, от неоднозначного толкования законодательных положений, от принятия субъективных решений, которые в дальнейшем могут быть признаны незаконными и необоснованными в процессе обжалования, исходя из такого же субъективного внутреннего убеждения.

Законодателем должны быть установлены четкие и понятные правила «игры» для всех участников уголовного судопроизводства. Конечно, в этой связи придется вспомнить, что уголовный процесс – это самая политизированная отрасль права и именно по уголовно-процессуальному законодательству оценивается уровень демократии в стране, уровень гуманизации, охраны прав и свобод личности. Отсюда могут возникнуть проблемы, если государство честно в уголовно-процессуальном законе определит необходимые средства для эффективного противодействия преступности, а не будет, как это происходит сейчас, перекладывать ответственность на дознавателя, следователя, прокурора, судью за якобы неверное и несправедливое им принятое решение, хотя по сути это решение принималось в целях реализации политики государства, требований руководства, решения правоохранительных задач. Вместе с тем уголовный процесс не может быть предметом торга. Процедура производства по уголовным делам должна быть понятной всем, прозрачной и справедливой, чтобы при принятии процессуального решения следователь ставил знак равенства между законом и совестью, законностью и нравственной обоснованностью, нравственной допустимостью.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4474.

2. Рохлин, В. И. Следователь: положение и полномочия / В. И. Рохлин // Законность. – 2005. – № 10. – С. 22.

Алимамедов Э. Н.[1],
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Одним из существенных вопросов, остающихся в современной науке уголовного процесса и правоприменительной практике, является определение временных и процессуальных границ задержания подозреваемого как участника уголовного судопроизводства и предоставления ему права пользоваться услугами адвоката бесплатно. Несмотря на то, что многие исследователи уже предложили различные пути решения данной проблемы, законодательно, она не разрешена и в настоящее время. Отсутствие законодательной инициативы в этом направлении вызывает определенные сложности и в правоприменительной практике, в частности, определение момента фактического и процессуального задержания за совершение преступного деяния.

По данной проблеме неоднократно высказывали свое мнение и различные суды Российской Федерации. Согласно Определению Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2004 г. № 44-О04-3 орган дознания, дознаватель, следователь или прокурор вправе задержать лицо на основании и в порядке определенным по ст.ст. 91, 92 УПК РФ до возбуждения уголовного дела [1]. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановление от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» определил, что лицу предоставляется бесплатная юридическая помощь с момента задержания. При задержании лица и решении вопроса о предоставлении ему защитника уполномоченное должностное лицо должно руководствоваться положениями ст. 48 Конституции Российской Федерации. В ст. 48 Конституции Российской Федерации указано, что защитник предоставляется с момента задержания, при этом ни о каком составлении каких-либо документов, удостоверяющих факт задержания, не указывается [2]. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что лицо приобретает статус подозреваемого, со всеми возникающими уголовно-процессуальными правами и обязанностями, в момент фактического задержания, о котором указывается в Конституции Российской Федерации.

Рассмотрим законодательное регулирование данного вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь, в которой основа уго-

[1] © Алимамедов Э. Н., 2020.

ловно-процессуального законодательства является УПК РСФСР, как и в Российской Федерации.

Интересным представляются положения ст. 107 УПК Республики Беларусь, согласно которым задержанием является фактическое задержание лица, его доставление и кратковременное содержание под стражей. При этом в ч. 2 этой же статьи указывается, что задержание может применяться только к лицу, подозреваемому в совершении преступления. Часть 3 ст. 107 УПК Республики Беларусь уточняет, что задержание проводится по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. На основании вышеизложенного отметим, что по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь задержание подозреваемого, до возбуждения уголовного дела, предусмотрено в самом УПК.

Еще одним интересным фактом является наличие в УПК Республики Беларусь ст. 109 (Право граждан на захват лица, совершившего преступление), согласно которой любой гражданин имеет право захватить лицо совершившего преступление. В ч. 1 ст. 109 УПК Республики Беларусь под захватом лица понимается действия граждан по задержанию лица. Законодатели Республики Беларусь, наделяя правом задержания лица каждого гражданина, также наделили его правом применять меры подавления, производства осмотра одежды задержанного и изъятия оружия или предметов, имеющих значение для уголовного дела. В этой же части ст. 109 УПК Республики Беларусь законодатель указал и цель наделения такими правами каждого гражданина. Целью задержания подозреваемого гражданином является пресечение преступления и передача его органу власти. Если захват гражданами лица, совершившего преступление, осуществляется в других целях, то такие граждане могут быть привлечены к уголовной ответственности. Данная законодательная норма, позволяющая задерживать лиц, совершивших преступления не только сотрудниками правоохранительных органов, по нашему мнению, вполне обоснована. Считаем необходимым изучить правоприменительную практику и перенять опыт применения данной нормы, после чего предусмотреть аналогичную норму в УПК РФ.

Исследуя проблемы фактического и процессуального задержания подозреваемого, А. В. Победкин и В. Н. Яшин [3, с. 23] делают вывод, что обеспечить реализацию захваченному его права на помощь защитника практически невозможно. С данным мнением мы согласны частично и только в той части, которая предполагает обеспечение захваченному его законных прав. Для того чтобы обеспечить захваченному право на помощь защитника, необходимо пересмотреть концепцию предоставления бесплатной юридической помощи на территории Российской Федерации. В частности, по нашему мнению, необходимо предусмотреть обязательную бесплатную юридическую помощь по всем случаям фактического задержания, как по административным, так и по уголовным делам. Для достижения целей максимальной юридической защиты человека и гражданина на территории Российской Федерации необходимо на государственном уровне разработать и внедрить систему обязательного страхования юридической ответственности граждан. Задержание гражданина за административное правонарушение или уголовное преступление, будет являться

наступлением страхового случая, а все расходы, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи, будут оплачиваться за счет страховой компании. Система предоставления бесплатной юридической помощи, существующая в настоящее время на территории Российской Федерации, отстает от современных реалий, а государство не может в полном объеме решить круг задач, поставленных социумом перед квалифицированными юристами. С одной стороны, государство сократит расходы по финансированию бесплатной юридической помощи, а с другой – адвокаты начнут получать вознаграждение в соответствии с реальными экономическими условиями.

На основании вышеизложенного автор приходит к выводу о необходимости разработки и внедрения в уголовном судопроизводстве института задержания подозреваемого гражданами. Данный институт поможет заполнить пробелы возникающих правовых отношений при задержании лиц, совершивших или совершающих преступления, гражданами, в том числе и сотрудниками детективных агентств и охранных предприятий.

В настоящее время возникла необходимость разработки и внедрения комплексного обязательного страхования юридической ответственности граждан, которая должна прийти на смену существующей системе оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи. Внедрение такой системы позволит избежать проблем с определением фактического момента предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи подозреваемому – защитника. По нашему мнению, это способствует появлению квалифицированного юридического консультанта – адвоката – на стороне потерпевшего, который обязательно должен участвовать в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2004 г. № 44-О04-3 // URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=103&issid=1032004009000&docid=14 (дата обращения: 01.03.2020).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062000-n/ (дата обращения: 01.03.2020).

3. Победкин, А. В. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 1–2. – С. 23.

4. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Е. Н. Арестова. – 3-е изд. – М., 2019.

Артемова В. В.[1],
заместитель начальника
кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УЧАСТНИКА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

В практической деятельности органов предварительного расследования имеют место случаи, когда в качестве ее участников выступают лица, не достигшие совершеннолетия. Участвуя при производстве по уголовному делу, они могут иметь различный процессуальный статус: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и проч. С учетом возрастных, психофизиологических и иных особенностей несовершеннолетних, уголовно-процессуальный закон в главе 50 УПК РФ закрепляет специальные правила, касающиеся участия данной категории лиц в уголовном процессе. Однако они распространяют свое действие не на все его стадии, а затрагивают порядок производства после возбуждения уголовного дела. Вместе с тем несовершеннолетние могут участвовать как при производстве по уголовному делу, так и на этапе возбуждения уголовного дела, т. е. в ходе доследственной проверки. Следовательно, уголовно-процессуальный закон оставляет без должного внимания вопросы проведения проверки сообщения о преступлении в отношении несовершеннолетних и с их участием. Хотя именно на данном этапе выявляется значительное число нарушений, допускаемых должностными лицами органов, полномочных осуществлять прием и рассмотрение заявлений о преступлениях.

Согласно данным правовой статистики за 2019 г. органами прокуратуры в рамках надзорной деятельности за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства выявлено 5 139 782 нарушений законов. Причем большая часть из них, 3 627 932 случаев, допущено при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. В результате отменено 14 022 постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела, 2 035 927 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также возбуждено 162 445 уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [4].

Среди нарушений выявляются как допускаемые сотрудниками дежурных частей, осуществляющих прием сообщений о преступлениях, например, несоблюдения правил учетно-регистрационной дисциплины (ведения регистрационных книг, невыдача заявителям талонов-уведомлений), так и те, которые связаны с непосредственной деятельностью следователя и иных должностных лиц, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях. В частности, отмечаются: нарушения, допускаемые при составлении документа, фиксирующего по-

[1] © Артемова В. В., 2020.

вод для возбуждения уголовного дела (заявления, сообщения о преступлении); неполнота и низкое качество проверки поступающих сообщений; необоснованность принимаемого решения по итогам предварительной проверки.

В юридической литературе среди причин нарушений на первоначальной стадии уголовного процесса указываются: отсутствие четкой законодательной регламентации порядка приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и несовершенство ведомственных нормативных актов по организации рассмотрения поступающих сведений о преступлениях, влекущее различное их понимание правоприменителем [6, с. 17]. В полной мере следует согласиться с данным утверждением, добавив также недостаточную правовую регламентацию деятельности следователя, дознавателя по обеспечению прав и законных интересов участников проверки сообщения о преступлении.

Несовершеннолетний, вступая в уголовно-процессуальные отношения на этапе возбуждения уголовного дела, оказывается в условиях, допускающих возможность определенного ограничения его прав и законных интересов. Законодательно не закреплены дополнительные гарантии, направленные на обеспечение его конституционных прав применительно к рассматриваемому этапу процессуальной деятельности. Права участников и гарантии их обеспечения, отчасти предусмотренные в ст. 144 УПК РФ, ориентированы на любого участника проверки сообщения о преступлении (без учета возраста), в связи с чем применяются и в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в эту проверку. Тем не менее, они недостаточны для защиты интересов несовершеннолетнего лица.

В этой связи считаем правильным обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», п. 2 которого указывает судам на необходимость соблюдения при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних не только норм уголовного и уголовно-процессуального законов, но и положений ряда международных актов, а именно: Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.) [2]. В соответствии с п. 7.1 Пекинских правил, закрепляющим права несовершеннолетних, основные процессуальные гарантии, такие, как презумпция невиновности, право хранить молчание (право на отказ давать показания), право иметь адвоката, право на присутствие родителей или опекуна и право на обращение с жалобой в вышестоящую инстанцию должны быть гарантированы несовершеннолетним на всех этапах производства по делу (судопроизводства). Кроме того, в правиле 2.3 говорится о необходимости разработки в рамках каждой национальной юрисдикции комплекса правил и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям [1]. Изложенное свидетельствует о целесообразности законодательного закрепления правил, регламентирующих порядок производства проверки сообщения о преступлении с участием несовершеннолетних. Этот вывод находит подтверждение среди процессуалистов [7, с. 223–225].

Среди способов доследственной проверки, исходя из анализа правоприменительной практики, наиболее распространенным и эффективным является получение объяснения, без применения которого во многих случаях невозможно обеспечить полноту проверки сообщения о преступлении. Достаточно часто именно из содержания объяснения можно получить данные о противоправном деянии и наличии в нем признаков преступления, необходимые для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не являются исключением и случаи получения объяснений от несовершеннолетних лиц.

УПК РФ только указывает на возможность реализации этого способа проверки, не раскрывая порядок его производства и оформления результатов в соответствующем документе. Полагаем, что такой подход может привести к снижению доказательственной значимости полученных сведений, а в ряде случаев и вовсе исключит возможность использования результатов в дальнейшем. В этой связи видится необходимым предусмотреть порядок получения объяснений, определив его особенности применительно к несовершеннолетнему опрашиваемому лицу.

Основываясь на положении ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, несовершеннолетнему, участвующему при проведении проверки сообщения о преступлении, должны разъясняться его права и обязанности, предусмотренные УПК РФ. Разъяснение несовершеннолетнему лицу, у которого получается объяснение, его прав, а также создание условий для их реализации являются необходимыми предпосылками обеспечения прав данного участника.

Хотелось бы отметить, что указание в вышеприведенной норме о необходимости разъяснения прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ, сложно реализовать, так как они не закреплены в УПК РФ применительно к получению объяснения. В этой связи целесообразно в законе предусмотреть перечень прав и обязанностей опрашиваемого лица в целях обеспечения реализации единого порядка, процессуальной формы данного процессуального действия, а также использования его результатов в качестве доказательства.

К правам несовершеннолетнего лица при получении объяснения следует отнести: прямо предусмотренные в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя и иных должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, а также право пользоваться услугами адвоката.

Некоторые авторы предлагают включить в перечень прав несовершеннолетнего участника проверки возможность пользоваться услугами защитника [7, с. 225].

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ), действующих во всех его стадиях. В силу этого Верховный Суд Российской Федерации прямо указывает, что правом на защиту обладает, в том числе лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессу-

альные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ [3].

Принимая во внимание тот факт, что право на защиту включает в себя право пользоваться помощью защитника, нельзя сказать, что предложение о закреплении этого права применительно к несовершеннолетнему лишено основания. Между тем, выражая согласие с целесообразностью предоставления более широких прав несовершеннолетнему участнику доследственной проверки, вовлекаемому в уголовный процесс, не совсем верным представляется включение защитника в качестве участника проверки сообщения о преступлении и «автоматическое» распространение его прав на этап проверки сообщения. Очевидно, что объем полномочий защитника, предлагаемого в качестве участника доследственной проверки и защитника, как участника со стороны защиты, вступающего в процессуальную деятельность с появлением подозреваемого, обвиняемого, не может быть одинаков. По сути предлагаются два разных участника с различным объемом полномочий, но называемых одинаково защитником.

Реализация указанного предложения потребует детальной законодательной регламентации с разработкой соответствующего комплекса норм, регулирующих права и обязанности этого участника, порядок его приглашения, назначения и проч. В противном случае такой шаг может повлечь вольную трактовку объема полномочий защитника – участника проверки сообщения о преступлении и, как следствие, отсутствие единообразия правоприменительной практики и породит массу нарушений, ставящих под сомнение возможность использования результатов проверки в доказательственной деятельности на последующих этапах расследования. Кроме того, в случае включения защитника в круг участников проверки, будет под вопросом возможность участия адвоката. Одновременное участие адвоката и защитника как участников доследственной проверки возложит на следователя обязанность в каждом конкретном случае решать вопрос, кому из опрашиваемых требуется защитник, кому адвокат, что лишено здравого смысла.

На наш взгляд, включение защитника в число участников стадии возбуждения уголовного дела излишне; привлечение адвоката в качестве участника проверки сообщения о преступлении в полной мере обеспечит право на защиту лица, в том числе не достигшего совершеннолетия. Адвокат может представлять как интересы лица, в отношении которого проводится проверка и имеются соответствующие подозрения, так и любого другого опрашиваемого, которому могут быть известны сведения, имеющие отношения к совершенному деянию. При этом следует законодательно закрепить процессуальный статус адвоката и порядок его участия в ходе проверки сообщения о преступлении.

В целях обеспечения прав несовершеннолетних на этапе доследственной проверки считаем необходимым предусмотреть участие законного представителя, что согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации о том, что право на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя. Обязанность разъяснения прав и обязанностей, а также обеспечение возможности реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих

проверку сообщения о преступлении [3]. В подтверждение следует также привести положение п. 7.1 вышеупомянутых Пекинских правил о необходимости гарантирования прав несовершеннолетних на всех этапах уголовного судопроизводства, в том числе на «присутствие родителей или опекуна» [1]. Исключение могут составлять случаи, не терпящие отлагательства. При этом о получении объяснения у несовершеннолетнего должен быть уведомлен его законный представитель (родители, опекуны и др.). Вызов несовершеннолетнего для получения объяснения следует осуществлять через законных представителей.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)» (приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf.

5. Волынский, В. В. Актуальные проблемы производства предварительной проверки на стадии возбуждения уголовного дела / В. В. Волынский // Российский следователь. – 2012. – № 3. – С. 10–13.

6. Румянцева, М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография / М. О. Румянцева. – М. : Юстицинформ, 2019.

7. Солонникова, Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности / Н. В. Солонникова // Общество и право. – 2008. – № 2. – С. 223–225.

Архипова И. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 206 УК РФ

Возбуждение уголовного дела по ст. 206 УК РФ может иметь место как по заявлениям граждан, сообщениям предприятий, учреждений, организаций, так и по материалам, полученным в результате оперативно-разыскных мероприятий. Как правило, возбуждению уголовного дела предшествует проведение предварительной оперативной проверки.

На данном этапе, в зависимости от объема и сложности работы по делу, может создаваться следственно-оперативная группа, в которую входят наиболее подготовленные следователи и сотрудники оперативных служб. При этом непосредственное руководство группой должен осуществлять следователь или старший группы (бригады) следователей.

На первоначальном этапе расследования неотложными действиями могут быть следующие: осмотр места происшествия; допросы потерпевших, подозреваемых, свидетелей; изъятие и осмотр их одежды, если на ней имеются следы преступления; задержание подозреваемых; проведение медицинских освидетельствований или судебно-медицинских экспертиз; проведение в необходимых случаях опознания личности; обысков, выемок, очных ставок; назначение криминалистических экспертиз.

Несмотря на очевидность события преступления, необходимо собрать все доказательства, характеризующие такие обстоятельства деяния, как время, место, способ совершения и другие. Однако для данного преступления некоторые из факультативных признаков объективной стороны преступления имеют второстепенное значение и не влияют на квалификацию содеянного. Место совершения рассматриваемого деяния может иметь значение, если захват или удержание заложников происходило не на территории Российской Федерации (например, на борту иностранного воздушного или водного судна, находящегося в момент совершения преступления в пределах Российской Федерации, и т. п.). Тем не менее, данный факт более важен при освобождении заложников, поскольку придется привлекать к участию в операции представителей соответствующего иностранного государства.

К числу наиболее важных следственных действий относится осмотр места происшествия. Оно по рассматриваемым делам является обязательным и его следует проводить безотлагательно в максимально сжатые сроки. В целом осмотр проводится по общим тактическим правилам.

---

[1] © Архипова И. А., 2020.

Важное доказательственное значение могут иметь следы транспортных средств, обуви, остатков пищи, упаковок из-под нее, предметов одежды и маскировки, боеприпасов, брошенного оружия. Особое внимание при осмотре следует уделять точной фиксации боеприпасов и их компонентов, оружия и взрывных устройств. Не следует ограничиваться их кратким описанием, в протоколе необходимо отразить все визуально наблюдаемые их характерные признаки. Это позволит впоследствии объективно проверить показания потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) в ходе осмотров с их участием и при проведении следственных экспериментов, обеспечит проведение судебных экспертиз.

Если родственникам или знакомым заложника представлялась аудио- или видеозапись просьбы жертвы заплатить выкуп, следует принять меры к обнаружению записывающей аппаратуры.

Первоначальные показания потерпевших по рассматриваемой категории дел бывают недостаточно точны и конкретны. Поэтому после первого допроса показания потерпевшего следует уточнять на дополнительных допросах, а также путем проведения иных следственных действий. У допрашиваемого необходимо выяснить характер совершенных в отношении него насильственных действий и их последствия. Если в отношении потерпевших имели место угрозы, следует установить, носили ли они реальный характер и как были восприняты потерпевшими. Тщательному выяснению у потерпевших подлежат вопросы о роли соучастников преступления, конкретных действиях каждого из них, об имеющихся у преступников оружии и предметов, используемых в качестве оружия, об используемых ими транспортных средствах.

В зависимости от обстоятельств расследуемого уголовного дела, его объема и сложности доказывания, могут иметь место и другие вопросы, подлежащие выяснению у потерпевших.

Допросы свидетелей имеют большое значение для установления всех обстоятельств дела. Ими могут быть лица, непосредственно присутствовавшие при применяемом насилии над потерпевшими или видевшие, слышавшие, как оно совершалось. Вопросы, подлежащие выяснению у свидетелей преступления, в основном те же, что и при допросе потерпевшего, а именно: где, когда, при каких обстоятельствах было совершено преступление; сколько было преступников, их приметы, имена, клички; роль каждого соучастника; кто и что говорил, какие угрозы высказывал, какие насильственные действия совершал.

У наблюдавших захват заложников выясняется вид транспортного средства, использованного при совершении преступления (цвет, марка, модель, по возможности государственный номер); в каком направлении скрылись преступники; не приходилось ли очевидцам ранее видеть этот автомобиль (например, около дома, места работы потерпевшего и т. д.).

В случаях, когда захват заложников связан с их коммерческой деятельностью, на допросах сослуживцев потерпевших выясняются обстоятельства, относящиеся в основном к бизнесу последних: кто интересовался работой их организации, в чем это конкретно выражалось; имелись ли нарушения закона, допускаемые потерпевшими, и известно ли это было преступникам; через кого

могла иметь место утечка информации о финансовом состоянии предприятия, росте доходов, о связях с другими организациями и т. д.

Для обеспечения результативности допросов подозреваемых (обвиняемых) важно правильно определить, от кого из них можно получить правдивые показания. На допросах необходимо выяснять следующее: кто был инициатором совершения преступления; где, когда, при каких обстоятельствах обсуждался план осуществления преступления; кто из соучастников был ранее знаком с потерпевшим, при каких обстоятельствах произошло знакомство, не является ли потерпевший должником и что может послужить доказательством этого.

Касаясь непосредственного захвата потерпевшего, нужно выяснить следующие обстоятельства: когда, откуда (из дома, с работы, с улицы, из автомобиля); кем и каким способом он был захвачен; где и кем последний удерживался; кем и с какого телефона велись переговоры о выкупе или о выполнении других условий преступников; кому адресовались их требования.

Если имело место освобождение захваченных потерпевших самими преступниками, то следует установить причины, побудившие их сделать это; носили ли эти действия добровольный характер и были ли совершены до выполнения их требований.

Перечень вышеназванных вопросов не является исчерпывающим, он может видоизменяться, и это зависит от непосредственно складывающейся следственной ситуации по конкретному уголовному делу.

Иногда по рассматриваемым делам важно проверить на месте показания кого-либо из допрошенных лиц. При проверке показаний на месте важно, чтобы допрошенное лицо в присутствии понятых указало на место и объекты, связанные с расследуемым событием, описало на месте эти события, демонстрируя отдельные действия в целях сопоставления с фактической обстановкой, с ранее полученными показаниями, установления новых фактических данных.

По общему правилу, в случае необходимости при проведении рассматриваемых следственных действий могут принимать участие специалисты, эксперт, переводчик, а также адвокат. Как правило, проведение этого следственного действия должно быть зафиксировано с помощью видеокамеры и сопровождаться при необходимости применением других технических средств.

Характерной особенностью расследования преступлений, связанных с захватом заложников, является то обстоятельство, что с первых минут возникновения чрезвычайной ситуации и на всем ее протяжении она обеспечивается широким комплексом следственных и оперативно-разыскных мероприятий.

Производство разыскных и оперативно-разыскных мероприятий по делам о захвате заложников условно можно разделить на следующие этапы:

– предварительная проверка сведений о захвате заложников;

– выявление участников преступления, документирование их преступной деятельности и установление места, где незаконно удерживается заложник;

– оперативно-разыскные мероприятия по освобождению людей, задержанию преступников и обеспечению следственных действий.

При осуществлении проверки сведений о захвате заложников следует убедиться, что действительно имеет место захват заложника, так как в правоохра-

нительные органы нередко обращаются граждане с заявлениями, в которых ошибочно полагают, что речь идет о захвате. Чтобы исключить такие случаи, выясняется следующее:

– данные о потерпевшем (место работы и жительства, кто проживает в квартире, номер телефона, и т. п.);

– кто сообщил о преступлении (его данные, кем приходится потерпевшему, как ему стало известно о захвате заложника, известно ли ему место, где его содержат);

– когда и где захвачен заложник, характер преступных действий в отношении его (нанесение телесных повреждений, психическое воздействие, угрозы и т. д.), есть ли свидетели преступления, данные о них;

– примерное количество преступников, их национальность, приметы, используемый ими автотранспорт (марка, цвет, государственный номер);

– кому и какие предъявляются требования относительно освобождения заложника, каким способом эти требования передаются (по телефону, через посредника, запиской и т. д.).

На основе этих данных проводится инструктаж родственников и лиц, которым предъявляются требования, о мерах предосторожности, так как преступники могут вести контрнаблюдение.

При производстве разыскных действий по выявлению участников преступления, документированию их преступной деятельности и установлению места незаконно удерживаемого заложника оперативно-следственной группой разрабатывается план оперативно-разыскных мероприятий и первоначальных следственных действий.

В случае предъявления требований по телефону, по установленным в результате телефонных разговоров адресам наводятся справки о лицах, которые там проживают, устанавливаются характеризующие их данные, выясняется, могут ли там находиться заложники. За лицами, подозреваемыми в совершении преступления, устанавливается наблюдение.

На данном этапе применяются видео- и звукозапись действий террористов. Имеющийся опыт показывает, что проведение указанных мероприятий обычно достаточно для выявления подозреваемых и установления места, где незаконно удерживается человек.

Успешное проведение разыскных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а значит раскрытие и расследование преступлений, связанных с захватом заложников, в значительной степени зависит от качества их подготовки. Лица, совершающие преступления такого рода, как правило, скрупулезно продумывают свои действия, всесторонне готовятся к совершению преступления, принимают различные ухищрения для маскировки и сокрытия своих следов. Все это значительно осложняет деятельность органов расследования по раскрытию преступления и изобличению виновных лиц, требует от них тщательной подготовки к осуществлению намеченных действий.

Баловина И. В.[1]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ОЧНОЙ СТАВКИ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Для объективного и всестороннего разрешения обстоятельств уголовного дела следователю необходимо установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу. В соответствии со ст. 192 действующего УПК РФ очная ставка проводится при наличии противоречий в показаниях допрашиваемых лиц.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления сущности «очной ставки» как следственного мероприятия.

В большинстве уголовных дел широко применяется такое следственное действие, как очная ставка, так как считается наиболее рациональным следственным действием.

Очная ставка – это производимый с соблюдением предусмотренной законом процедуры одновременный допрос двух лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия, имеющий целью выяснение их причин: выявление ошибки, или опровержение лжи. Не любые, а лишь существенные противоречия в показаниях требуют проведения очной ставки. Таковыми являются противоположное по содержанию освещение обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), числа и роли соучастников и другие противоречия, которые могут повлиять на конечные выводы следователя [6, с. 101].

Уголовно-процессуальный закон не обязывает следователя проводить очную ставку, а предоставляет ему такое право. По результатам принятия решения избирается тактика ее проведения и состав участников следственного действия.

Не единообразно трактуют ученые и практики цель очной ставки. Как полагает З. Л. Шхагапсоев, целью очной ставки является изобличение виновного, установление необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, а также установление истины по делу [4, с. 186–190].

Однако, по мнению С. А. Шейфер, нельзя считать, что цель очной ставки состоит в устранении противоречий в показаниях (такого представления придерживается более половины опрошенных следователей), ибо согласование позиций в случае, когда правдивый участник переходит на позицию лгущего, не приблизит следователя к истине, а отдалит от нее [6, с. 101].

Среди оснований проведения очной ставки первоначальным является необходимость установления истинности или ложности показаний допрошенных лиц, либо требованием о ее проведении со стороны участника уголовного судопроизводства, а также затруднением следователя принять решение по делу.

Принимая во внимание тактику проведения следственного мероприятия, необходимо знать ее психологические составляющие, это в частности:

---

[1] © Баловина И. В., 2020.

1. Личностную психологию участвующих при проведении очной ставки лиц.

2. Влияние допрашиваемых лиц друг на друга, их процессуальный статус в уголовном деле.

3. Психологическое воздействие следователя на участников оперативно-следственного мероприятия.

В процессе подготовки и проведения очной ставки следователь учитывает особенности психологических факторов совместно с имеющимися материалами по уголовному делу. Необходимо подчеркнуть, что очная ставка вызывает психологическое взаимодействие лиц, непосредственно участвующих в следственных действиях на основании имеющихся материалов уголовного дела.

Подчеркнем, что от тактических решений, которые включают наличие таких факторов, как: время ее проведения; число участников, применение технических средств, а также вопросы, которые необходимо выяснить, зависит успешное проведение очной ставки [2, с. 1–2].

Согласно решению лица, проводящего расследование по уголовному делу, подготовка к очной ставке заключается в исследовании показаний лиц, фигурирующих в материалах уголовного дела. Основанием для проведения очной ставки являются следующие предпосылки:

1. Следователь имеет основания полагать, что виновное лицо под воздействием показаний потерпевшего и свидетелей, а также другого обвиняемого предоставит нужные показания для дела и объяснит истинные обстоятельства совершения преступления.

2. Имеется необходимость в сравнении показаний двух и более лиц, если имеются сомнения относительно правдивости отдельных сведений. В этом случае процедура проведения очной ставки неизменна, даже если каждый из допрашиваемых не поменяет своих показаний.

3. Имеются основания сомневаться в показаниях участников процесса, при этом отсутствуют веские доказательства по уголовному делу, что влияет на убеждение следователя о виновности или невиновности обвиняемого лица, и установление ключевых деталей при совершении преступления.

4. Имеется необходимость устранить противоречия в заведомо ложных показаниях лиц, а также развеять сомнения при их добросовестном заблуждении, либо нестыковке некоторых деталей в показаниях при многоэпизодном уголовном деле.

Для выполнения поставленных задач следователь обеспечивает условия для свободного выбора допрашиваемыми лицами дачи показаний, в результате чего могут быть получены новые сведении, могущие повлиять на установление истины по делу. Для этого необходимо создать условия, которые обеспечат свободную дачу показаний обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими. Одним из таких условий, является психологическая уверенность участников очной ставки, что следователь заинтересован в установлении реальных обстоятельств при расследовании преступления.

При принятии решения о проведении очной ставки необходимо надлежащим образом обеспечить меры безопасности для всех участников уголовного

дела. Необходимо психологически подготовить свидетеля или потерпевшего для дачи правдивых показаний, а также создать комфортные условия для дачи ими показаний. Это предполагает разъяснение мер безопасности, прав и обязанностей участников процесса при расследовании уголовного дела, а также для доверительной беседы со следователем или оперативным работником. Следует учитывать, что сторону обвиняемого будет представлять защитник и, исходя из характера личности обвиняемого и свидетеля (потерпевшего), необходимо пригласить для участия в очной ставке специалиста или оперативного работника, которые своим присутствием могут пресечь некорректное поведение обвиняемого.

В случае отказа следователя от проведения очной ставки есть основания появления недоказанных фактов по делу, отсутствия обоснованности и законности принятых процессуальных решений, что в итоге повлияет на невозможность предъявления обвинения и передачи уголовного дела в суд, либо прекращение уголовного преследования [3, с. 163].

После окончания процедуры очной ставки при отсутствии заявлений и ходатайств, процессуальное мероприятие завершается подписанием протокола всеми ее участниками.

Таким образом, роль очной ставки заключается в проверке имеющихся доказательств и получении новых. В ходе очной ставки решаются такие задачи, как преодоление добросовестного заблуждения допрашиваемого; разоблачение лжи одного из допрашиваемых; укрепление волевых качеств и позиции обвиняемого, давшего правдивые показания; разоблачение самооговора или оговора одного допрашиваемого другим и инсценировок; проверка собранных доказательств по делу и получение новых доказательств.

В заключение следует отметить, что значение очной ставки в уголовном процессе играет важную роль как источник доказательств, а также средство защиты от возникшего необоснованного подозрения или предъявленного обвинения невиновным лицам.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Головин, М. В. Тактика очной ставки / М. В. Головин // Научный журнал КубГАУ – 2015. –№ 114. – С. 1–13.

3. Стельмах, В. Ю. Система следственных действий в российском уголовном процессе / В. Ю. Стельмах // Вестник Московского университета МВД России. – № 11. – 2015. – С. 161–166.

4. Шхагапсоев, З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий / З. Л. Шхагапсоев // Общество и право. – № 3. – 2016. – С. 186–190.

5. Яновский, Р. С. К вопросу об эффективности производства очной ставки в уголовном судопроизводстве / Р. С. Яновский // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 247–248.

6. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер. – Самара : Самарский университет, 2004.

Блинова Е. В.[1]*,*
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Совершенствование отечественного уголовного процесса − постоянно длящийся процесс. Для него необходимы изучение и учет соответствующего международного опыта. В этой связи значительный интерес приобретает обращение к сравнительно-правовому исследованию уголовно-процессуальных моделей зарубежных стран романо-германской правовой семьи.

Наиболее классическими представителями романо-германской правовой системы представляются уголовные процессы Германии и Франции.

В современной Германии принцип гласности касается, прежде всего, судебного разбирательства, которое должно быть проведено в открытом суде. Указанный принцип может быть исключен по следующим основаниям, предусмотренным законом и отвечающим общепризнанным нормам международного права, упоминавшимся выше: когда это продиктовано необходимостью обеспечения государственной безопасности, публичного порядка, нравственности. Кроме того, исключение составляют случаи возможного разглашения сведений о личной жизни участников уголовного судопроизводства. Дела этой категории рассматриваются в закрытых судебных заседаниях. Приговор также провозглашается закрыто.

В УПК ФРГ в последние годы увеличилось количество негласных следственных мероприятий. Закон «О новом регулировании контроля телекоммуникаций и других негласных следственных мероприятий, а также о реализации Директивы ЕС 2006/24/EG от 21.12.2007». Он усовершенствовал процедуры контроля телекоммуникаций, сбора данных о телекоммуникационном трафике, порядок использования в уголовном процессе сведений, полученных в ходе превентивной деятельности.

Предварительное расследование осуществляется прокуратурой и полицией. Оно начинается с первоначального подозрения (наличия достаточных данных о совершении уголовно наказуемого деяния известным или неизвестным лицом), а заканчивается после выдвижения прокуратурой публичного обвинения.

На стадии предварительного расследования существует обязанность обеспечения тайны предварительного расследования, если закон не устанавливает иные правила. Это может быть обусловлено интересами, как следствия, так и участников процесса. Предусмотрено право защитника ходатайствовать об ознакомлении с материалами предварительного расследования (помимо материалов, с которыми он знакомится в обязательном порядке). Данное ходатай-

[1] © Блинова Е. В., 2020.

ство может быть отклонено, если есть основания полагать, что ознакомление угрожает достижению цели расследования или приведет к значительному затягиванию процесса [4, с. 41].

Скажем здесь еще о предусмотренном УПК ФРГ (ст. 100) правиле обращения с данными, полученными в результате проведения контроля и записи со средств телекоммуникаций. Если документы более не требуются для уголовного преследования, то они должны быть немедленно уничтожены под надзором прокуратуры. По факту уничтожения составляется протокол.

Рассмотрим вопросы обеспечения неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе Франции.

Природа предварительного следствия во Франции породила такую историческую форму уголовного процесса, которую в теории уголовного процесса принято называть «смешанной».

Исследователи отмечают, что одним из признаков предварительного следствия во Франции является его разыскной (инквизиционный) характером [1, с. 421].

По мнению В. Л. Кудрявцева, таковым, т. е. тайным и не состязательным, в соответствии с французским УПК осталось только предварительное следствие первой инстанции [5, с. 20].

В отличие от российского уголовного процесса, ст. 114 УПК Франции устанавливает, что, адвокат, ознакомленный в ходе досудебного производства с некоторыми, доступными ему на этом этапе производства, материалами уголовного дела, и, чтобы ознакомить с таковыми своего подзащитного, обязан законодателем письменно уведомить об этом следственного судью. Делается это во исполнение действия принципа секретности предварительного следствия [2, 3].

Возможность действия этого строгого запрета подкреплена наличием не менее строгой дисциплинарной ответственности за его нарушение, приравненное, кстати, к нарушению адвокатом своих профессиональных обязанностей. В качестве ответственности ему может грозить не только исключение из адвокатской корпорации, но и запрет на занятие профессиональной деятельностью в течение установленного срока.

В том случае, если следственный судья приходит к выводу, что такое ознакомление нежелательно или опасно, он выносит постановление, в котором высказывает мотивы запрета адвокату знакомить подзащитного с копиями процессуальных документов, которые сам он получил от лица, производящего досудебное производство. Данное постановление подлежит обжалованию председателю следственной камеры. Для принятия такого решения и вынесения постановление у следственного судьи есть срок – 5 дней. В том случае, если постановление не вынесено в пятидневный срок, защитник вправе знакомить со ставшими ему доступными материалами своего подзащитного.

Еще одним представителем романо-германской правовой семьи является Испания. Статья 301.1 УПЗ Испании, в частности, устанавливает, что все действия, которые производятся на стадии досудебного расследования (следственные процедуры) держатся в тайне от общественности. Поэтому никто не может предоставлять информацию о том, что происходит на стадии расследования, третьим лицам. Статья 301 УПЗ Испании предусматривает уголовную ответ-

ственность за нарушение приведенной нормы не только адвокатами, частными обвинителями, судьями, клерками судебной полиции, но и любой участвующий в расследовании субъект.

Таким образом, можно сделать вывод, что всем доказательствам, собранным в ходе расследования, включая полицейские документы, заявления свидетелей, обеспечивается закрытый режим времени. По общему правилу их копии заинтересованным лицам и их представителям не предоставляются. Также судья вправе принять решение о засекречивании всего расследования или же строго ограничить доступ к содержащимся в материалах расследования документам. Такое допустимо, если расследованием затронуты интересы государственной безопасности.

Таким образом, хотя ст. 302.2 УПЗ Испании устанавливает в качестве принципов расследования его гласность. Это означает, что стороны вправе знать о сведениях и документах, собранных на досудебной стадии.

1. Исключительный характер ограничения. Секретность расследования является исключительной, так как она влияет на право на защиту подсудимого в уголовном процессе.

2. Исключительные обстоятельства ограничения. Судья может выносить решение о засекречивании расследования в случаях, когда раскрытие информации может угрожать достижению цели расследования. Это может произойти, к примеру, когда существует риск сокрытия вещественных доказательств или риск введения расследования в заблуждение.

3. Кратковременный характер ограничения. Решение о засекречивании расследования может быть вынесено на срок не более одного месяца. Однако судья может продлить этот срок, если сочтет необходимым, с целью выяснения фактов уголовного дела, необходимых для расследования (обоснование продления срока), если нет иной возможности их получения.

4. Правило секретности досудебного расследования не распространяется на прокурора [7, с. 433].

Библиографический список

1. Головко, Л. В. Предварительное следствие. Республика Франция / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов // Уголовный процесс западных государств. – М. : Зерцало-М, 2001. – 421 с.

2. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

3. Иванов, Д. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, по законодательству Российской Федерации в сравнении с опытом зарубежных государств / Д. А. Иванов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 5. – С. 17–20.

4. Кигас, В. Н. Статус потерпевшего в стадии предварительного расследования в ФРГ / В. Н. Кигас // Борьба с преступностью за рубежом. – 2006. – № 8. – С. 41–47.

5. Кудрявцев, В. Л. Некоторые вопросы состязательности в досудебном производстве России и Франции: общий сравнительно-правовой анализ / В. Л. Кудрявцев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 2. – С. 20.

6. Кобец, П. Н. Международный опыт защиты потерпевшего в уголовном процессе / П. Н. Кобец // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 6 (39). – С. 23–29.

7. Луцик, В. В. Уголовный процесс европейских государств : монография / В. В. Луцик, А. Б. Войнарович, В. А. Савченко ; под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцика. – М. : Проспект, 2018. – 859 с.

Бородкина Т. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

При реализации государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства к участникам уголовного судопроизводства возникают определенные сложности по ее применению. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, существованием огромного количества информационно-справочных систем, с помощью которых легко получить персональные данные о защищаемом лице, а также его местоположении. Данные системы являются серьезным препятствием при обеспечении конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Представляется, что данную проблему возможно решить обеспечением организации контроля, направленного на пресечение несанкционированного доступа и незамедлительного информирования государственных органов о попытке получения определенной информации. Создание всеобщей информационной базы данных о гражданах Российской Федерации значительно бы упростило обеспечение конфиденциальности сведений.

Зачастую сотрудники полиции, осуществляющие государственную защиту, не уделяют внимание сохранению конфиденциальности сведений о защищаемом лице. В связи с этим рекомендуется удалять с электронных носителей информации все процессуальные документы с подлинными данными о личности, не приобщать документы к материалам уголовного дела о применении мер безопасности. Следует хранить их, соблюдая режим секретности, не расшифровы-

[1] © Бородкина Т. Н., 2020.

вать место проведения допроса защищаемого лица даже перед сотрудниками органов внутренних дел.

Законодательство не закрепляет порядок применения мер безопасности в отношении защищаемого лица, физическое состояние которого не позволяет выразить свое согласие на их применение, при наличии данных об угрозе. Это, например, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, малолетние дети.

Федеральным законом от 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» [1] определен порядок применения мер безопасности в отношении защищаемого лица, физическое состояние которого не позволяет выразить свое согласие на их применение, при наличии данных об угрозе безопасности защищаемого лица.

В законе имеется возможность увеличения срока проведения проверки по фактам, изложенным в заявлении (сообщении) о применении мер безопасности, до 30 суток, а также обязательность участия органов, осуществляющих меры безопасности, в процедуре проверки заявления (сообщения) о применении мер безопасности в рамках Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Кроме того, Федеральным законом внесены положения о немедленном принятии решения о применении мер безопасности в отношении защищаемого лица в случаях, не терпящих отлагательства. Расширение круга лиц существенно повлияет на обеспечение их права на защиту, спасет ни одну жизнь и обеспечит наличие доказательств по уголовному делу.

Для успешного производства предварительного расследования, а также обеспечения участия потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве правоохранительным органам необходимо повысить уровень профессиональных, в частности, психологических знаний сотрудников. Использование знаний психологии самими сотрудниками органов предварительного расследования необходимо по той причине, что они постоянно взаимодействуют с защищаемыми лицами.

Система мер безопасности, применяемых к защищаемому лицу, содержится в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3].

Для применения мер безопасности в органах внутренних дел Российской Федерации было образовано подразделение по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, а именно – Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ МВД России) [4].

Следует отметить, что уголовно-процессуальный институт «Государственная защита участников уголовного судопроизводства» постоянно развивается. Так, в настоящее время действует программа, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 Государственная программа по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 г. [5].

На протяжении уже многих лет практика применения данной программы подтверждает эффективность и особую значимость деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту. Для подготовки указанной программы используются результаты предыдущих проведенных государственных программ защиты, а также зарубежный опыт проведения мероприятий в данной области.

Органы, применяющие меры безопасности, условно можно разделить на две группы. К первой можно отнести органы, непосредственно относящиеся к деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Вышеуказанные органы были упомянуты выше. Ко второй группе можно отнести органы и лиц, которые соприкасаются с осуществлением государственной защиты в связи со своей служебной или профессиональной деятельностью. Например, сотрудники центрального адресного бюро, бюро технической инвентаризации, ГИБДД, налоговых органов и т. д.

Деятельность по осуществлению государственной защиты – сложный процесс, требующий координации и четкого регулирования. Организация данного процесса предполагает взаимодействие и информационный обмен между должностными органами, применяющими меры безопасности. Данное взаимодействие выражается в деятельности, направленной на решение следующих задач:

– проверка наличия угрозы, установление причинно-следственной связи между участием защищаемого лица в расследовании уголовного дела и поступившими угрозами;

– взаимный обмен информацией о принимаемых мерах для установления свидетелей поступления угроз защищаемому лицу;

– получение информации о лице, от которого исходят угрозы и т. д. [7].

Трудность взаимодействия государственных органов при защите участников уголовного судопроизводства заключается прежде всего в разном уровне подразделений, в то время как их деятельность подразумевает совместные и согласованные действия по разработке и реализации защиты участников судопроизводства.

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на существующие в Российской Федерации проблемные аспекты, институт государственной защиты с каждым годом прогрессирует и совершенствуется, о чем свидетельствуют новые проекты законов, указанные в статье.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» // Российская газета. – 2017. – № 7234 (68). – 31 марта.

2. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы»// СПС «КонсультантПлюс».

5. Мартыненко Н. Э. Организационное обеспечение уголовной политики в сфере защиты потерпевших от преступлений / Н. Э. Мартыненко // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – Выпуск № 2–2. – С. 32.

6. Проблемы межведомственного взаимодействия подразделений государственной защиты и следователей при осуществлении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 9.

Гаврилов Б. Я.[1],
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РОЛИ ПРОКУРОРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуя роль прокурора в современном уголовном процессе, автор обращается к проблеме эффективности его деятельности, призванной обеспечить законность и правопорядок в обществе, защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства как со стороны защиты, так и обвинения.

Необходимость повышения роли прокурора обусловлена также тем, что деятельность органов государственной власти, по оценке видных российских ученых [1; 3; 4, с. 22–28; 16, с. 112–117], на протяжении длительного времени нередко отличалась не до оценкой современного состояния преступности и соответственно волюнтаризмом при постановке задач и их решении в части совершенствования законодательства уголовно-правового комплекса. Обусловлено это, по нашему мнению, также и радикально-либеральным подходом законодателя к указанным проблемам, и игнорированием судебно-правовой статистики, не позволяющих государству вырабатывать и реализовывать адекватные в достаточной степени меры в борьбе с преступностью.

В этой связи, на различных «площадках», включая Совет Федерации РФ, Верховный Суд Российской Федерации, научные и образовательные организации имеет место активная научная дискуссия с широким участием представи-

[1] © Гаврилов Б. Я., 2020.

телей правоохранительных и судебных органов по выработке концепции развития не только уголовно-процессуального, но и уголовного законодательства, где в числе ключевых выделяется проблема повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве [2; 5; 6; 20]. Результаты этих обсуждений наглядно свидетельствуют об отсутствии единообразия в оценке ранее принятых законодательных мер, включая Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», регламентирующий роль прокурора в досудебном производстве [11].

При этом автор исходит из того, что исследование вопроса о роли прокурора необходим анализ тенденций современного уголовно-процессуального законодательства, обусловленных реалиями совершенствования его отдельных институтов.

В этой связи необходимо выделить те существенные шаги законодателя, которые предприняты по совершенствованию досудебного производства: указанным Федеральным законом № 87-ФЗ осуществлено разграничение процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа в части процессуального руководства деятельностью следователей; Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [8] значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий на этапе проверки заявлений, сообщений о преступлениях и в УПК РФ возвращена сокращенная форма дознания. Кроме того, в УПК РФ введены: институт досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ [13]); впервые за 95 лет в число участников уголовного процесса включены Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [10] – начальник подразделения дознания, а Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ [12] – и начальник органа дознания; введена также норма-принцип (ст.6^1) «Разумный срок уголовного судопроизводства» [7].

Значительные изменения имеют место и непосредственно в судопроизводстве по уголовным делам. Так, принципиальные изменения внесены и непосредственно в судопроизводство: Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ [15] созданы 5 апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции. С 1 июня 2018 г. на районном уровне действуют суды присяжных.

Кстати, о необходимости многих из этих изменений автором озвучивалось еще в конце 1990-х в рабочей группе при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации, а также в мае 2001 г. в ходе обсуждения в данном Комитете готовности УПК РФ ко второму чтению.

Еще одна из причин внесения в УПК РФ изменений почти 250 федеральными законами в том, что данный Кодекс принимался в условиях компромисса по ряду проблем, в том числе и роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Так, Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ [6], несмотря на то, что УПК РФ вступил в действие с 1 июля 2002 г., предусматривал производство обыска и (или) выемки в жилище; производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных

организациях и ряд других следственных действий по судебному решения только с 1 января 2004 г. На неопределенное время Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ [9] фактически сохранял положения УПК РСФСР о заключении под стражу с согласия прокурора, что обусловило принятие Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П [18], которым была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации ст. 96 УПК РСФСР в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора. В результате Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ [14] законодатель до вступления в действие УПК РФ вынужден был внести изменения в части установления единого порядка ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

I. Одним из проблемных вопросов, разрешение которого призвано способствовать реальному повышению роли прокурора в судопроизводстве по уголовным делам, является, по мнению представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, возвращение *прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела.* В этой связи следует отметить наличие фактов, когда должностные лица органа расследования не всегда должным образом реагируют на вынесение прокурором постановления о направлении соответствующих материалов «в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании» (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Оценивая неоднозначность складывающейся правовой ситуации, нами предлагается изменить редакцию данной нормы, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждают уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Эти случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

II. В числе наиболее актуальных является проблема *обеспечения законности при производстве предварительного следствия*, где ведущую роль, безусловно, призван играть прокурор. Представленные ниже статистические данные в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса свидетельствуют в целом о положительных результатах реализации Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в части значительного сокращения числа реабилитированных и оправданных обвиняемых (табл. 1).

Таблица 1

Период	Число оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, а также незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей лиц, реабилитированных в ходе расследования и оправданных судом			
	След. МВД	Всего незаконно/необоснованно содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Всего незаконно/необоснованно содержалось под стражей
2006	1372–2,0	524	1885–18,0	954
2013	509–1,3	250	654–5,8	411
2018	405–1,2	158	591–5,5	271
2019				

Реально повысился и уровень надзорной деятельности прокурора (табл. 2).

Таблица 2

Период	Возвращено прокурором уголовных дел в органы предварительного следствия для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (судом для доследования)	
	МВД	Уд. вес (в %)	Прокур. и СК РФ	Уд. вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям/уд. вес (в %)
2001	22466	3,0	933	1,1	42961	35849–4,25 %
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2017	16753	5,0	3420	3,3	6448	4655–1,1 %
2018	17791	5,6	3562	3,6	6468	4668–1,1 %
2019						

Аналогичным образом повышается, с одной стороны, уровень законности, а с другой стороны, качество прокурорского надзора в дознании, сотрудники которого расследуют 40 % уголовных дел. Включение Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ в число участников уголовного процесса начальника подразделения дознания позволило:

– более, чем в 2 раза сократить число оправданных (с 330 лиц в 2006 г. до 140 – в 2018 г.) и, соответственно, их доли на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд уголовным делам (с 0,73 – в 2006 г. до 0,39 – в 2018 г.);

– повысить одновременно уровень прокурорского надзора. С 6810 в 2006 г. до 11659 в 2018 г. увеличилось количество уголовных дел, возвращенных прокурором дознавателям для дополнительного расследования и, соответственно,

сократилась доля таких дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (до 1800 уголовных дел в 2018 г.).

III. Автором в ходе научных дискуссий неоднократно обращалось внимание на необходимость исключения процессуальных правил *возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ*. Например, ст.ст. 301 и 303 УПК Республики Беларусь предусматривают, что в «случае возникшей необходимости изменения в ходе судебного следствия обвинения на более тяжкое либо предъявления нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок от 10 до 30 суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого… При продолжении судебного разбирательства государственный обвинитель объявляет обвиняемому, его законному представителю, защитнику, если он участвует в судебном заседании, данное постановление и допрашивает его по новому обвинению».

Решение поставленных в данной и ряде других публикаций проблем за законодателем, однако не менее важная роль в этом отводится органам прокуратуры, которые с участием научной общественности должны ставить эти вопросы и предлагать пути их решения. Отдельные из них изложены в настоящей публикации.

Библиографический список

1. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с.

2. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на парламентских слушаниях в Совете Федерации от 18 ноября 2013 г. на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс] // URL: http://www.genproc.gov.ru (дата обращения: 17.05.2019).

3. Выступление на парламентских слушаниях в Совете Федерации 13 декабря 2017 г. заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Н. А. Винниченко на тему: «Проблемы законодательного обеспечения проекта Концепции уголовной политики» [Электронный ресурс] // URL: http://www.igpran.ru/nlive/4461/ (дата обращения: 17.05.2019).

4. Гаврилов, Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Б. Я. Гаврилов. – М. : Проспект, 2008. – 208 с.

5. Гаврилов, Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22–28.

6. Иванов, Д. А. Прокурорский надзор за деятельностью следователя и дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, на этапе окончания предварительного расследования / Д. А. Иванов // В сборнике: Уголовное судопроизводство: стратегия развития: сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой. – 2019. – С. 78–82.

7. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – № 5.

8. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4924.

9. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

10. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.

11. Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ «О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 53. – Ст. 5019.

12. Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.

13. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»: // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

14. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 60.

15. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26. – Ст. 3139.

16. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

17. Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 31. – Ст. 4811.

18. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 112–117.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12. – Ст. 1178.

20. Проблемы законодательного обеспечения проекта Концепции уголовной политики [Электронный ресурс] // URL: http://www.igpran.ru/nlive/4461/ (дата обращения: 17.05.2019).

21. Сведения о результатах следственной работы по форме I-Е за 2001, 2018 гг. // Следственный департамент МВД России.

22. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: матер. Междунар. научн.-практ. конф., посвященной 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской. – М., 2016.

Галкина У. В.[1]***,***
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА, КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Последнее время особое внимание государством обращается на преступления в сфере компьютерной информации и на преступления, совершенные с использованием компьютерных технологий. Так, согласно статистическим данным в России за 2019 г. совершено 294 409 преступлений, при совершении которых использовались информационно-телекоммуникационные технологии. В качестве орудия преступления все больше используется компьютерная техника, программные средства, сеть Интернет и средства мобильной связи. Большая часть данных преступлений имеет своей целью завладение чужим имуществом. Что же касаемо непосредственно преступлений в сфере компьютерной информации, то их за 2019 г. совершено 2 883 [1]. Всего раскрыто преступлений указанного вида 65 238, что составляет всего лишь 24 % от общего числа совершенных преступлений, что говорит об особой сложности расследования и раскрытия данного вида преступлений.

Производство предварительного следствия по преступлениям в области компьютерной информации требует привлечения специальных познаний в области компьютерной техники, программирования, использования сети Интер-

[1] © Галкина У. В., 2020.

нет, специфики отображения виртуальных следов преступления. Для наиболее качественного производства следственного действия следователь приглашает специалиста в области компьютерной техники и используя его специальные познания обнаруживает, закрепляет и изымает следы преступления. Говоря о термине «специальные познания» хотелось бы отметить, что это знания, навыки ограниченного круга лиц, порой имеющие узкую специализацию в той или иной области науки, техники и ремесла. В случае приглашения специалиста при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации важно обращать внимание на наличие знаний и навыков в технической области. Нельзя не согласиться с мнением ряда ученых. Так, А. А. Эйсман, считает, что специальные знания – это «знания не общеизвестные, не общедоступные», «это знания, которыми располагают ограниченный круг специалистов». З. И. Соколовский уточнил, что «под специальными знаниями следует понимать совокупность сведений, полученных в результате профессиональной специальной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области» [2, с. 247]. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству для участия в производстве следственных действий, следователь может пригласить либо специалиста, либо эксперта. Специалист – это незаинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями и практическими навыками, привлекаемое следователем для участия в производстве следственного действия и оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов, документов, применения технических средств в исследовании доказательств и материалов уголовного дела. Следователь, расследуя уголовное дело о неправомерном доступе к компьютерной информации, не имея достаточное количество специальных технических познаний, может пригласить специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [3, с. 728]. Участие специалиста может быть в форме консультации по вопросам входящим в область его компетенции, либо это может быть оформлено в виде протокола допроса. Также специалистом может быть дана консультация по вопросам, которые необходимо поставить на разрешение эксперта при производстве экспертизы. Следователь привлекает специалиста в случаях, когда считает необходимым использовать специальные знания. Что же касаемо расследования преступлений в сфере компьютерной информации, то участие специалиста в случае изъятия компьютерной информации или ее копирования обязательно.

Являясь участником следственного действия, специалист обладает рядом прав и находится в соподчинении с остальными участниками следственного действия проводимого под руководством следователя. Но это не означает, что специалист делает только то, что ему скажет следователь. Свою деятельность специалист выполняет с учетом тех специальных знаний, которые требуются для полноценного обнаружения, закрепления и изъятия вещественных доказательств и руководствуется специальной методикой работы с такими доказательствами. Нельзя не согласиться с криминалистическими принципами тактики взаимодействия между участниками процесса расследования. Указанные принципы горят о независимости специалиста в рамках своей компетенции и

для полного и качественного производства следственного действия специалист остается независимым, но все свои действия согласовывает со следователем.

Обращаясь к закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве правам, мы видим, что они дают возможность специалисту, участвующему в производстве следственного действия задавать вопросы его участникам. Вопросы специалиста должны быть связанны процессом поиска, фиксацией и изъятием следов преступления доказательств. Специалистом могут делаться замечания, опять же связанные с обнаружением, фиксацией и изъятием доказательств. Фиксируя в протоколе следственного действия работу специалиста, следователь указывает только те сведения, факты и действия специалиста, которые понятны для понятых и иных участников. Будучи понятными для всех участников действия специалиста приобретают доказательственную силу. Не менее важное значение для следователя имеет разъяснительная работа специалиста по различным вопросам, возникающим в ходе расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Это может быть работа по оценке изъятых следов, проверки их на соответствие технических характеристик и возможностей, относимости их к совершенному преступлению, дача ориентирующей разыскной информации, необходимой для раскрытия преступления по горячим следам. Привлекаемые к допросу любого из участников уголовного судопроизводства специалисты, имеющие специальные знания в определенной отрасли, содействуют следователю в уяснении обстоятельств дела, обнаружении доказательств, правильной оценке полученных показаний. При этом специалист помогает следователю более точно понимать использованную допрашиваемым лицом терминологию, разобраться с последовательностью и технологией совершения тех или иных преступных действий, отграничить ложные показания допрашиваемых лиц от правдивых, дача которых рассчитана на неосведомленность следователя. Привлечение специалиста в области компьютерных технологий во время допроса подозреваемого или обвиняемого способствует более быстрому и успешному раскрытию и расследованию преступлений, установлению способа и механизма его совершения, а так же установления способа сокрытия следов преступления.

При производстве обыска или выемки участие специалиста оказывается крайне важным так как, если документы и предметы не выдаются добровольно, то специалист поможет обнаружить не только их, но и электронные следы, а в процессе изъятия обнаруженных вещественных доказательств, поможет сделать это безопасно, без потери информативности и значимости доказательства.

Следующим проблемным и актуальным моментом, на котором хотелось бы остановиться это необходимость воспроизведения обстоятельств совершения преступления в сфере компьютерной информации, его обстановки – т. е. необходимость проведения следственного эксперимента. Организация и проведение следственного эксперимента не обходится без привлечения специалистов. В данном случае специалист участвует на всех этапах следственного действия. На первоначальном этапе специалист помогает следователю в разработке плана проведения следственного действия. С учетом всех своих специальных знаний в области компьютерных технологий, специалист разрабатывает оптимальные

тактические приемы проведения следственного эксперимента, подбирает технические средства, инструменты, материалы необходимые для опытов, а также совместно со следователем производит реконструкцию обстановки требующийся для проведения следственного действия, и проводит инструктаж участников следственного эксперимента. Но следует не забывать, о том, что главным во всех следственных действиях остается следователь, независимо от статуса и положения остальных участников.

Еще одним из важных участников расследования преступлений в сфере компьютерной информации является эксперт. Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ). Кроме того, эксперт привлекается для выполнения самостоятельных экспертных исследований, т. е. проводит их вне рамок каких-либо других процессуальных действий, в то время как специалист участвует в следственных действиях, осуществляемых следователем или судом.

Таким образом, применение специальных знаний при производстве следственных действий возможно за счет участия в них специалиста под непосредственном руководством следователя, а эксперта для проведения экспертизы. Касаемо рассматриваемой категории дел, большинство следственных действий не может быть проведено без участия специалиста, так как следователи, не имея требуемого уровня знаний в области компьютерных технологий, могут своими действиями утратить доказательства, которые в данном случае играют очень важную роль [4, с. 320]. Еще одним обстоятельством, обуславливающим необходимость участия в следственных действиях специалиста можно назвать время технологического прогресса. Компьютерные технологии развиваются с невероятной скоростью, и даже некоторые специалисты с трудом смогут сказать, как они устроены и каковы особенности программного обеспечения. Соответственно если имеется прогресс в техники, то он и имеет место в преступной сфере, как бы компании производящие антивирусы не старались пополнять свои антивирусные базы, вирусов становится больше с каждым часом, и как минимум раз в месяц, появляется вирус, который очень сложно распознать с первого взгляда и не позволить ему проникнуть в вашу систему и похитить информацию или истребовать от вас денег. Так еще в середине 2009 г. в интернете появился вирус, действующий как рекламная рассылка (спам). Троянская программа, получившая название Trojan-Ransom.Win32.SMSer. Данная программа без вашего ведома устанавливается в системную директорию операционной системы Windows и активируется после перезагрузки компьютера. Начав работать вместо стандартной установленной в операционной системе программы для работы с файлами, троянская программа блокирует работу компьютера, и выводит на экран сообщение от имени известного антивируса с требованием отправить платное SMS-сообщение для излечения системы. Для большего эффекта пользователю показывается таймер обратного отсчета времени в секундах, которое якобы осталось до «смены алгоритма шифрования обнаруженного вируса». При этом сообщение, выводимое на экран зараженного компьютера, не позволяет добраться до элементов управления системой, в том числе и до

менеджера задач. Сложность борьбы с Троянскими программами заключается в том, что они в отличие от обычных вирусов, пишутся и распространяются людьми, и поэтому их разновидностей и особенностей невероятное множество. В настоящее время данная вирусная программа известна пользователям персональных компьютеров и не достигает той цели, которую ставили разработчики и распространители этой вирусной программы. Но научно-технический прогресс не стоит на месте, разрабатываются все новые компьютерные программы, позволяющие неправомерно завладевать компьютерной информацией и использовать ее в корыстных целях.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450/ (дата обращения: 02.04.2020)

2. Зинин, А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях / А. М. Зинин, Е. В. Иванова, А. И. Семикаленова. – М. : Проспект, 2016.

3. Навасардян, А. А. Эксперт и специалист: сходства и различия в процессуальном статусе / А. А. Навасардян, А. С. Павлова. – Саратов : изд-во ООО «Институт управления и социально-экономического развития», 2017. – С. 728–731.

4. Галкина, У. В. Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий / У. В. Галкина // Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства». – М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2018. – С. 319–324.

Горач Н. Н.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук;

Лаврова О. Н.[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Обеспечение получения правдивой информации в ходе следственных действий с участием потерпевшего или свидетеля – важнейшая задача органов предварительного следствия. Тем не менее в современных условиях важнейшей проблемой, препятствующей реализации этой задачи, является неправомерное посткриминальное воздействие на потерпевшего, его представителя, свидетеля, их родственников и близких лиц со стороны преступников или лиц из их окружения с целью добиться дачи потерпевшим и свидетелем ложных показаний. Следует отметить, что значительное количество свидетелей и потерпевших допускают возможность изменения свих показаний в тех случаях, если в их адрес будут поступать угрозы.

Наиболее опасным воздействием на потерпевших и свидетелей являются угрозы, исходящие от самих преступников или лиц из их окружения. К числу наиболее распространенных способов следует отнести: угроза убийством, расправой, уничтожением имущества, физическим насилием и другие.

Как показывают исследования, у сотрудников следственных подразделений возникают определенные трудности в процессе обеспечения безопасности потерпевшего и свидетеля, связанные с обширностью законодательства в данной сфере. В силу недостаточности необходимых для практических работников научных комментариев, на практике сложился ряд проблем определенных проблем [6].

Г. П. Лозовицкая и К. А. Краснова отмечают, что у следователей возникает проблема, связанная с установлением четких критериев реальности угроз, которые должны быть действительными и неустранимыми [2, с. 61].

В ходе проведенного А. Ю. Введенским исследования материалов уголовных дел было установлено, что следователи затрудняются с вопросом опреде-

[1] © Горач Н. Н., 2020.
[2] © Лаврова О. Н., 2020.

ления их значимости. Большинство опрошенных затрудняются ответить на вопрос о том, должны ли это быть определенные действия, выражающие угрозу в отношении вышеуказанных лиц или это должна быть совокупность действий, выражается ли потенциальная угроза словесно или она может быть в виде любого факта (угроза убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями). В подавляющем большинстве уголовных дел угроза подтверждается доказательствами по уголовному делу (допросами потерпевших и свидетелей, заявлениями со стороны этих лиц об угрозе безопасности, материалами оперативно-разыскной деятельности). Заметим, что угрозы в адрес участников уголовного процесса нередко поступают опосредованно: через третьих лиц, по телефону от конфиденциального абонента, по электронным средствам связи и т. п. [3, с. 142].

Следует отметить, что меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме.

А. А. Дмитриева, производившая опрос исследовавшая практических работников органов предварительного следствия, установила, что большинство из них полагает, что нормативное обеспечение безопасности и государственной защиты личности, участвующей в отечественном уголовном судопроизводстве, является вполне достаточным. Однако вопрос об эффективности применения мер безопасности становится основным [4, с. 151].

Одной из проблем является установление оснований для применения мер защиты в начале уголовного процесса. При принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела важное значение имеет определение дальнейшей перспективы уголовного дела, получения доказательств вины. Определенную проблему представляет и прогнозирование возможного содействия участника досудебного производства органу предварительного следствия в дальнейшем.

В соответствии с ч. 3 ст. 6 Федерального закона № 119-ФЗ такие меры государственной защиты, как переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учебы применяются лишь по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Таким образом, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести применяется личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, конфиденциальность сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место.

Наконец, такая мера безопасности, как контроль и запись переговоров, предусмотренная ст. 186 УПК РФ, не может применяться до возбуждения уголовного дела.

В ходе предварительного следствия одним из важнейших следственных действий, направленных на изобличение преступника, является предъявление лица для опознания. При этом в ходе его проведения возникает наибольшая опасность воздействия преступника на опознающего, а в условиях недопустимости его повторного проведения – подрыва доказательственной базы. Для обеспечения безопасности опознающего, в соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ,

по решению следователя опознание может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым – «опознание через стекло». В ряде случаев можно говорить о том, что в целях обеспечения безопасности опознающего лица опознание может производится с расположением опознаваемого в камере изолятора временного содержания, когда опознающий воспринимает опознаваемого через глазок в двери камеры.

При применении мер защиты личной безопасности потерпевшего, свидетеля и иных лиц, предусмотренных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, ч. 8 ст. 193 УПК РФ, п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, на практике возникают спорные вопросы, зачастую разрешаемые не в пользу защищаемых лиц. Наглядным примером является участие в уголовном процессе лиц под псевдонимом. В качестве дополнительной гарантии защиты потерпевших и свидетелей опрошенные данным автором практические сотрудники органов предварительного следствия отметили возможность ограничения тех материалов уголовного дела, которые предоставляются обвиняемому и его защитнику для ознакомления при окончании предварительного следствия. Опрошенные предложили закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве норму, предусматривающую возможность не вручать обвиняемому приложение к обвинительному заключению – список лиц, вызываемых в суд, в котором содержатся сведения о лицах, участвующих в деле под псевдонимом [6, с. 52].

Необходимым условием эффективности обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их родственников и близких лиц является правильно организованная совместная деятельность следователей и подразделений государственной защиты. Так, следователь, в соответствии со ст. 24 Федерального закона № 119-ФЗ, вправе получать от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц необходимые сведения по заявлениям и сообщениям об угрозе безопасности лиц, в отношении которых принимается решение об осуществлении государственной защиты; производить процессуальные действия или давать необходимые поручения органам, осуществляющим меры безопасности, для осуществления государственной защиты лиц, указанных в ст. 2 Федерального закона № 119; требовать в случае необходимости от органов, осуществляющих меры безопасности, применения дополнительных мер государственной защиты; полностью или частично отменять меры безопасности по согласованию с органами, осуществляющими такие мерами.

В заключение отметим, что для устранения обозначенных в статье проблем было бы целесообразно на законодательном уровне раскрыть содержание оценочного понятия «достаточные данные, подтверждающие реальность угроз в адрес участников уголовного судопроизводства»; в стадии возбуждения уголовного дела предусмотреть возможность применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении тех участников уголовного процесса, которые не получили процессуально закрепленного статуса потерпевшего и свидетеля; в ч. 8 ст. 193 УПК РФ формулировку «в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым», заменить формулировкой «в условиях, исключающих восприятие опознающего лица опознаваемым лицом». По

нашему мнению, данные предложения будут способствовать более эффективному применению следователем уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности потерпевшего и свидетеля.

Библиографический список

1. Алимамедов, Э. Н. Следователь как гарант обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций в уголовном судопроизводстве / Э. Н. Алимамедов // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 22–25.

2. Лозовицкая, Г. П. Правовые проблемы законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства: научно-практический комментарий / Г. П. Лозовицкая, К. А. Краснова. – М., 2011. – С. 60–61.

3. Введенский, А. Ю. Принятие решения о проведении мероприятий по защите участников уголовного процесса / А. Ю. Введенский // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 142–145.

4. Дмитриева, А. А. Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Дмитриева // Общество и право. – 2015. – № 2 (52).

5. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

6. Ревина, И. В. Безопасность лиц, содействующих правосудию: проблемы обеспечения / И. В. Ревина // Российская юстиция. – 2013. – № 10.

Григорьев В. Н.[1]*,*
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук, профессор

НЕПРАВЕДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДОКАЗЫВАНИИ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

В последнее время в доказывании фактических обстоятельств вмененного по уголовному делу деяния все чаще стали проявляться две тревожные на мой взгляд тенденции. Одна такая тенденция – фрагментация при доказывании обстоятельств совершенного преступления, другая – отказ субъекта – «держателя» уголовного дела (т. е. того, в чьем производстве оно находится) принимать доказательства, идущие вразрез с позицией обвинения.

Суть фрагментации обстоятельств происшествия заключается в том, что из всего хода события преступления произвольно выбираются отдельные фрагменты, которые очевидны, просты в силу этого свойства для доказывания и со-

[1] © Григорьев В. Н., 2020.

держат состав преступления, а другие фрагменты, в особенности, противоречащие выбранным, игнорируются путем элементарного замалчивания либо голословного отрицания.

Особенно наглядно применение приема фрагментирования проявляется при выяснении обстоятельств преступлений, связанных с противоборством (побои, причинение вреда здоровью, хулиганство, грабеж, разбой, убийство), предполагающих сопротивление нападающему, какие-то в том или ином виде оборонительные действия.

Внешне это все может выглядеть как драка, расследование которой осложняется тем, что трудно установить, кто конкретно нанес те или иные удары, причинил те или иные повреждения [2]. В результате к ответственности привлекают порой того, кто действовал правомерно, особенно если он «победил» в драке, либо, в крайнем случае, всех ее участников.

В юридической печати приводились результаты научного анализа подобной практики, при которой суд в приговоре вслед за следователем прибегает к произвольной фрагментации обстоятельств происшествия, в результате которой эти обстоятельства рассматриваются не в хронологической последовательности с определением юридически значимых свойств каждого следующего действия, а выборочно, с произвольной фиксацией одних действий и игнорированием – других. Указанные обстоятельства являются существенными и для определения побудительных мотивов в поведении осужденных, и для установления механизма события преступления, и для квалификации действий его участников. Между тем, суд, не сумев самостоятельно разобраться в обстоятельствах происшествия, пошел на поводу у следователя и в результате фрагментирования обстоятельств проигнорировал начальную стадию событий, в основе которых лежит факт неоднократного неправомерного применения потерпевшим огнестрельного оружия, что привело к диаметрально противоположному действительным обстоятельствам выводу о том, кто на кого напал [1, с. 163].

В подобных случаях потерпевший нуждается не только в физической, но и в юридической защите. Особенно это актуально в условиях проявления второй обозначенной выше тенденции, когда должностные лица органов уголовного преследования отказываются принимать доказательства, противоречащие позиции обвинения и, тем более, – опровергающие ее.

Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Так сказано в ч. 2 ст. 86 УПК РФ. В той же статье УПК РФ предусмотрено, что защитник вправе собирать доказательства (ч. 3). Стало быть, и представлять он их вправе.

Казалось бы, простые и для понимания, и для исполнения нормы. Однако в последние годы все чаще наблюдается ситуация, когда не только следователь (дознаватель), но даже и суд отказываются принимать доказательства, представленные обвиняемым, его защитником, другими участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Характерным примером является уголовное дело по обвинению В. А. Долматова и Д. М. Савченко в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), которые в очевидной ситуации невиновности были приговорены к шести с половиной годам лишения свободы каждому только на том основании, что суд не захотел принять в качестве доказательства видеозаписи с камер наблюдения, на которых отчетливо видна вся картина происшедшего.

В результате проведенного анализа материалов уголовного дела бросается в глаза очевидное и существенное расхождение обстоятельств совершенного преступления, как они описаны в приговоре суда и как они выглядят на видеозаписи с трех разных точек съемки. Если принимать за действительность то, что видно на видеозаписи (а никаких оснований ставить их под сомнение не выявлено), то описание события преступления в приговоре суда искажено до ровно противоположного тому, что происходило в действительности: преступник, совершивший покушение на убийство, оказался по приговору суда потерпевшим, а потерпевшие, которые оказали нападавшему активное сопротивление и обезоружили его, стали преступниками [3, с. 74].

Критические замечания по поводу допущенной односторонности в уголовном деле по обвинению Долматова и Савченко [5, с. 41], опубликованные А. В. Савенковым в указанном выше издании, получили в последующем подтверждение в постановлении Президиума Московского городского суда от 24 июня 2018 г. об отмене приговора Тверского районного суда г. Москвы от 10 августа 2017 г. и в оправдательном приговоре Тверского районного суда города Москвы по этому делу от 25 декабря 2018 г.

Ранее, в эпоху «тоталитаризма» нормативным основанием требовать от следователя и суда принятия представленных участниками уголовного судопроизводства доказательств была весьма демократичная норма о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, в соответствии с которой суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства (ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР). В действующем УПК РФ такая норма отсутствует, равно как нет и иных норм, обязывающих следователя или суд принимать доказательства, представленные участниками уголовного судопроизводства.

Факты последних лет показывают, что не срабатывает в подобных ситуациях и элементарный здравый смысл. Судья изыщет всевозможные процессуальные меры, чтобы не принять от стороны защиты доказательство, ставящее под сомнение предъявленное обвинение. В противном случае надо будет это доказательство исследовать, самостоятельно разбираться в обстоятельствах происшедшего, самостоятельно принимать решение и идти вразрез с обвинительной властью. Гораздо проще проигнорировать представленное доказательство: нет его в деле, стало быть и хлопот никаких нет. При этом вопросы о законности, состязательности, объективности уголовного судопроизводства как бы и не су-

ществуют. Такая позиция, как видим, порой влечет за собой весьма тяжкие последствия в виде осуждения невиновных.

Обозначенные тенденции к фрагментация при доказывании обстоятельств совершенного преступления и к отказу принимать доказательства со стороны защиты тревожны каждая в отдельности. Соединенные же вместе, они многократно усиливают неправосудный потенциал.

Эти две тенденции объединяет нормативный источник происхождения: обе берут начало в неудачно сформулированной состязательности (ст. 15 УПК РФ), которая вместо инструмента установления действительных обстоятельств преступления превратилась в свою противоположность, когда обвинительный уклон из нарушения закона возведен в ранг принципа уголовного судопроизводства.

Прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель – есть представители органов исполнительной власти, на которые законом прямо возложена лишь одна функция в уголовном процессе – функция обвинения: в главе 6 УПК РФ они безальтернативно отнесены к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Поэтому данные участники, следуя букве закона, не только не обязаны, а даже не вправе принимать доказательства, работающие не на обвинение. Обязанные действовать односторонне, они вступят в очевидный конфликт с законом, если будут полно и всесторонне (а не фрагментарно) выяснять обстоятельства совершенного преступления, собирать оправдательные доказательства, в том числе – путем принятия их от обвиняемого или его защитника. Конкретно такое поведение будет противоречить принципу состязательности, согласно нормативной формулировке которого функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15).

Для исправления сложившегося положения необходимо пересмотреть нормативную конструкцию состязательности с тем, чтобы вместо препятствования установлению действительных обстоятельств происшедшего она стала бы эффективным инструментом для этого. Начать здесь следует со снятия с должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, обязанности быть односторонними в исследовании доказательств и представлять только одну сторону – обвинения (гл. 6 УПК РФ), а также устранить нормативный запрет для следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, дознавателя собирать доказательства, защищающие обвиняемого (ч. 2 ст. 15 УПК РФ).

Библиографический список

1. Григорьев, В. Н. Устранение судом фактов произвольной фрагментации обстоятельств преступления / В. Н. Григорьев // Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества. Материалы IV научно-практической конференции с международным участием. – Н. Новгород : изд-во «Автор», 2019. – С. 163–166.

2. Драка // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Драка (дата обращения: 30.03.2020).

3. Савенков, А. В. О произвольной фрагментации при фиксации сведений о преступлении / А. В. Савенков // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 2 (85). – С. 72–78.

4. Архив Тверского районного суда города Москвы, 2017. Дело № 1-216/2017.

Григорян Т. А.[1],
следователь 4-го отдела следственной части
СУ УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве,
капитан юстиции

ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ, ИХ ОСМОТР И ВЫЕМКА В ЦЕЛЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сформулировав в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6), исключив из приоритетных направлений деятельности органов уголовного судопроизводства такое, как предупреждение преступлений, законодатель тем самым подчеркнул, что уголовный процесс является не средством борьбы с преступностью, а лишь технологией производства по конкретному уголовному делу.

Вместе с тем, очевидно, что успешная реализация назначения уголовного судопроизводства связана с необходимостью осуществления деятельности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Актуальность данного рода деятельности следователя обусловлена также необходимостью реализации мер, направленных на совершенствование механизма по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений в рамках обеспечения исполнения подпрограммы

[1] © Григорян Т. А., 2020.

«Предварительное следствие» государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на период 2017–2020 гг. [6].

В связи с чем основной задачей следователя по предупреждению преступлений является выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, принятие мер по их устранению, позитивное профилактическое воздействие на лиц с устойчивым антиобщественным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний, а также предотвращение преступлений при строгом соблюдении законодательства Российской Федерации. Своевременность и полнота принимаемых мер по выполнению данной задачи являются одними из обязательных условий результативного противодействия преступности.

В качестве наиболее эффективных средств установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следует указать именно следственные действия.

Рассуждая о таком следственном действии, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ) [1, с. 176], следует отметить, что оно, в отличие от контроля и записи телефонных переговоров, может принести информацию об обстоятельствах, способствовавших совершению именно расследуемого преступления. Обусловлено это тем, что наложение ареста производится в основном на почтово-телеграфные отправления, которые были переданы в сеть до момента возбуждения уголовного дела, т. е. лица, совершающие то или иное преступление, еще не знали о том, что будут изобличены. Следовательно, в таких отправлениях зачастую может содержаться важнейшая информация об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления (например, данные о передаче сведений, составляющих государственную, коммерческую, банковскую и иную охраняемую законом тайну; служебная переписка; договоры; контракты; документы товарооборота). При производстве данного следственного действия следователю важно соблюдать процессуальные правила его производства с тем, чтобы не утратить его доказательственное значение. Поэтому осмотр и выемка задержанных почтово-телеграфных отправлений производятся следователем в учреждениях связи, телеграфах, главпочтамте с участием понятых из числа сотрудников указанных учреждений [5, с. 13]. Уголовно-процессуальный закон также закрепляет возможность приглашения следователем для проведения указанного следственного действия в необходимых случаях специалиста и переводчика (ч. 5 ст. 185 УПК РФ).

Рассмотрев наиболее часто проводимые следственные действия с точки зрения их эффективности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что данная деятельность проводится следователем и посредством других мероприятий процессуального характера.

При этом следует отметить, что уголовно-процессуальный закон устанавливает иные различные способы установления и устранения обстоятельств, спо-

собствовавших совершению преступлений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

В частности, следователь вправе производить для этого и иные процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 86); он вправе направлять требования, поручения и запросы учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам и гражданам для получения необходимых предметов и документов (ч. 4 ст. 21); получать письменные документы и предметы от участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Принимая меры по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, следователь также вправе лично направлять необходимые запросы в различные государственные органы, использовать возможности криминалистических учетов и осуществлять другие действия, направленные на повышение эффективности своей деятельности в исследуемом нами профилактическом аспекте [3, с. 11].

При этом публичный характер уголовного преследования подразумевает, что требования, поручения и запросы следователя, предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами [2, с. 5].

Необходимо сказать, что следователь, проверяя и оценивая полученные им по запросам и требованиям различного рода официальные документы (приказы, инструкции, регламенты, распоряжения и т. п.), которые содержат сведения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, должен обращать пристальное внимание на их происхождение, наличие у должностных лиц или государственных органов, организаций права на выдачу соответствующих документов, соответствие формы и содержания документа установленным правилам, которые позволяют признавать их легитимными.

Роль такого рода документов состоит в том, что они носят официальный характер, и содержат в себе определенные фактические данные, необходимые следователю для установления и устранения исследуемых нами обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния.

При этом в отдельных случаях относительно содержания полученных документов следователем могут быть сделаны дополнительные запросы в адрес органов, уполномоченных на их выдачу, а также могут быть допрошены лица, имеющие отношение к составлению документа.

Следует сказать, что документы, содержащих сведения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, могут исходить и от граждан. Уточним, что к числу таких документов могут быть отнесены договоры между гражданами, совершаемые в соответствии с законодательством в простой письменной форме, нотариально заверенные документы, расписки и т. п. В свою очередь, как утверждают (Г. П. Химичева и О. В. Химичева) подобного рода документы, исходящие от гражданина и выражающие его волеизъявление, если они удостоверены соответствующими должностными лицами, также относится к этой группе (например, завещание) [4, с. 37].

Таким образом, указывая актуальность и важность производства следственных действий, проводимых в целях установления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следует подчеркнуть также значимость и наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, посредством производства которых следователь устанавливает объективную картину совершенного уголовно наказуемого деяния и принимает комплекс мер профилактического характера.

Библиографический список

1. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко. – М. : Проспект, 2019.

2. Иванов, Д. А. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их значение при расследовании преступлений / Д. А. Иванов, А. В. Угольников // Российский следователь. – 2013. – № 2. – С. 5–8.

3. Иванов, Д. А. Понятие и содержание представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона) / Д. А. Иванов, А. В. Угольников // Российский следователь. – 2011. – № 6. – С. 11–14.

4. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.

5. Хитрова, О. В. Развитие института понятых в УПК РФ / О. В. Хитрова // Адвокатская практика. – 2005. – № 3. – С. 13–15.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 30 марта 2018 г. № 366-13) // URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.03.2020).

Гриненко А. В.[1],
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (при производстве предварительного следствия), обвинительный акт (при производстве дознания) или составлено обвинительное постановление (по результатам дознания в сокращенной форме). Поскольку по уголовным делам о налоговых преступлениях предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия, обвиняемым лицо становится с момента вынесения именно постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Как процессуальный акт постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно отвечать требованиям, закрепленным в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, т. е. быть законным, обоснованным и мотивированным. Естественно, при его составлении должны соблюдаться единство формы и содержания, как это предусмотрено ст. 171 Кодекса.

Специфика досудебного производства по уголовным делам о налоговых преступлениях выражается в том, что в содержательную часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого помещаются сведения, первоначально собранные должностными лицами налоговых органов (ИФНС).

В этой связи возникает ряд вопросов, связанных со сложностями в определении как размеров уголовно наказуемых недоимок, так и самих фактов неуплаты налогов, сборов и иных платежей.

В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [1] в качестве гражданских истцов по таким уголовным делам выступают налоговые органы (подп. 16 п. 1 ст. 31 НК РФ). Соответственно те суммы, которые, по мнению налоговых органов, составляют причиненный преступлением имущественный вред (недоимки, штрафы, пени), фигурируют в качестве исковых требований.

Поскольку первоначальная сумма причиненного вреда обозначается в постановлении следователя о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, именно она определяет первоначальные уголовно-правовые требования и помещается в основу уголовного преследования, выраженного в

[1] © Гриненко А. В., 2020.

привлечении конкретного лица в качестве подозреваемого и впоследствии – обвиняемого.

В ходе предварительного следствия в числе прочих обстоятельств доказыванию подлежит доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Соответственно сумма причиненного вреда, указанная в первоначальных документах, направленных от ИФНС в орган предварительного следствия, подлежит проверке и при необходимости корректировке.

Правила исчисления вреда, который был причинен в результате преступления, предусмотренного ст. 199 УПК РФ, детально разъяснены в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 64. В частности, в п. 12 содержатся конкретные правила исчисления крупного или особо крупного размера уклонения. В иных пунктах данного Постановления также содержатся разъяснения относительно исчисления сумм, подлежащих взысканию при совершении лицом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, причем такие правила касаются именно деятельности суда.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации признал необходимым исчислять сумму недоимок именно органами и должностными лицами уголовного судопроизводства, к компетенции которых относится предварительное расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела (в ходе судебного разбирательства – судом, в ходе предварительного следствия – следователем).

Эта позиция явно прослеживается и в иных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, основанных на обобщении судебной практики и, в свою очередь, призванных обеспечить единство уголовного и уголовно-процессуального правоприменения.

Так, в первоначальной редакции п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [2] было указано, что полное возмещение ущерба бюджетной системе Российской Федерации включало в себя уплату недоимок в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу, соответствующих пеней, штрафов в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации.

Вместе с тем в этом же документе и этом же п. 14, но в более поздней редакции (от 29 ноября 2016 г.) [3] разъяснено, что под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, следует понимать уплату в полном объеме до назначения судом первой инстанции судебного заседания недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, с учетом представленного налоговым органов расчета размера пеней и штрафов.

Что касается доказывания фактов неуплаты, то здесь видится целесообразным привести конкретный пример из следственной практики.

В постановлении о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству в числе основных обстоятельств, вызывающих принятие данного решения, указано, что деятельность ООО «Р.», возглавляемого гр-ном Н., по реализации недвижимого имущества и земельных участков ряду юридических лиц была направлена не на получение прибыли, а преследовала цель получения необоснованной налоговой выгоды в виде неуплаченных сумм НДС и НПО в результате занижения налогооблагаемой базы путем реализации объектов по ценам значительно ниже рыночных, поскольку Общество и контрагенты, являющиеся взаимозависимыми лицами, осуществили формальную реализацию недвижимого имущества и земельных участков. Впоследствии данные обстоятельства были отражены и в описательно-мотивировочной части постановления о привлечении Н. в качестве обвиняемого.

В постановлении, в частности, указано, что по результатам налоговой проверки «цена реализованных объектов по договоров существенно занижена по сравнению с его рыночной стоимостью, а стороны по договорам в соответствии с положениями ст. 105.1 НК РФ признаны взаимозависимыми лицами, в результате чего ООО «Р.» … внесены в налоговые декларации по НДС заведомо ложные сведения, что повлекло неуплату налогов за несколько предыдущих лет».

В данном случае обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

В силу ст. 454 ГК РФ договор купли-продажи товара представляет собой гражданско-правовую сделку, в соответствии с которой одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

С другой стороны, в сфере предпринимательской деятельности установлен ряд ограничений, призванных обеспечить полную оплату налогов и иных платежей при заключении различных видов гражданско-правовых договоров, в том числе договоров купли-продажи объектов недвижимости и земельных участков.

Основной гарантией против уклонения от уплаты налогов и иных платежей служит процедура оценки имущества, которое является предметом договора купли-продажи. Оценку осуществляют независимые фирмы, которые не находятся в каких-либо экономических или иных деловых контактах ни с продавцом, ни с покупателем, и которые несут ответственность за результаты своей деятельности.

Несколько договоров купли-продажи недвижимости между ООО «Р.» в лице его генерального директора Н. и ООО «В.» были заключены по цене, взаимно согласованной между сторонами договора. Именно с этих сумм были выплачены налоги.

Договоры купли-продажи недвижимости были реально заключенными и выполненными. В распоряжении следователя, как это вытекает из содержания

постановления о привлечении в качестве обвиняемого, каких-либо доказательств, подтверждающих фиктивность сделки, не имеется.

То, что продавец и покупатель были признаны взаимозависимыми лицами, сути дела не меняет, поскольку они являются юридическими лицами, имеют самостоятельные реквизиты, в том числе расчетные счета, участвуют в сделках, в которых отстаивают свои собственные интересы, и т. п.

Таким образом, в обоснование обвинения, отраженного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по уголовным делам о налоговых преступлениях, должны быть положены обстоятельства, наличие и содержание которых будет представлять собой результат взаимно согласованных действий следователя и сотрудников ИФНС, но с приоритетом позиции следователя, поскольку именно он несет ответственность за ход и результаты досудебного производства.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. – 2006. – 31 дек.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2013. – 5 июля.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – 7 дек.

Гурдин С. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Саморока В. А.[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ОБЛАЧНОГО ХРАНИЛИЩА

В настоящее время большие объемы информации, имеющей доказательственное значение, обрабатываются и хранятся за пределами компьютера пользователя, а возможно и за пределами государства, например на почтовом или облачном сервере.

При этом технически существует возможность получения такой информации для формирования определенных выводов, помогающих принять процессуальное решение, однако техническая сторона деятельности, применяемые алгоритмы, остаются вне поля зрения следователя.

Нередко внепроцессуальные формы выражены в проведении оперативно-разыскных мероприятий, к проведению которых привлекаются специалисты в соответствующих областях.

Очевидно, что фактически происходит наблюдение в сетевом информационном пространстве неких явлений, которые следователь описывает в протоколе следственного действия, а судья воспринимает, анализирует и оценивает в соответствии действующим законодательством.

Таким образом, процесс интернет-мониторинга, о котором по сути идет речь выше представляет собой комплексную систему решений и действий, уполномоченных на то органов и должностных лиц, обеспечивающих наблюдение за состоянием противоправных процессов в сетевой социальной среде, основанную на использовании современных средств, методов телекоммуникационной разведки, направленных на собирание, обработку и анализ информации. Неочевидность и относительность содержания электронного носителя информации не позволяет гражданину предвидеть, какой объем данных имеется на изымаемом носителе.

Полагаем, что законодательное закрепление термина «Электронное или цифровое доказательство» назрело. Без этого мы не сможем не только развивать технические средства борьбы с преступность, но и надлежащим образом защищать от нарушений права участников уголовного судопроизводства. Ведь,

---

[1] © Гурдин С. В., 2020.

[2] © Саморока В. А., 2020.

к примеру, значительный объем памяти электронного носителя информации предопределяет существование на нем большого числа не относящихся к делу сведений личного характера.

Сравнительно-правовой анализ законодательства и практики использования «электронных доказательств» в российском уголовном судопроизводстве и судопроизводстве США показал, что неочевидность содержания электронного носителя информации делает возможным его исследование только посредством проведения активного целенаправленного поиска.

Прецедентными правовыми нормами, сформулированными судами США, такой носитель информации приравнен к закрытому контейнеру, содержание которого скрыто от непосредственной видимости сотрудника полиции Архив Тверского районного суда города Москвы, 2017. Дело № 1-216/2017 [4, с. 1918].

Законодательное определение понятия «электронного доказательства» отсутствует в УПК РФ, и данный термин пока используется только в научной литературе. Однако необходимость исследования «электронного доказательства» и правового регулирования этого нового явления обусловлена реальными потребностями практики, которая все чаще использует в доказывании информацию, полученную из электронных источников.

В правоприменительной практике изъятие информации из облачных хранилищ можно отнести к получению так называемых «цифровых» доказательств, что предполагает, применение к сбору этих доказательств определенных следственных действий.

Блокировка устройств, зашифрованное хранилище и зашифрованный трафик остаются существенным препятствием для доступа к цифровым доказательствам. Данные телеметрии, полученные каждой операционной системы, приложением и устройством (и отправленные на многочисленные серверы или облака), собираются различными организациями и становятся основным источником доказательств. Преимущество централизованного сбора таких данных телеметрии заключается в том, что ее можно получить с разрешения суда правоохранительными органами.

В настоящее время личная информация о большинстве облачных систем зашифрована, но поставщики услуг все еще могут получить доступ к личной информации пользователей для поддержки своих маркетинговых услуг.

Любой объект информационно-коммуникативного типа представляет собой, прежде всего, сложное устройство, которые состоит из нескольких составляющих частей: микросхем, дисплея, зарядной батареи и что немало важно внутреннего виртуального пространства.

По мнению В. А. Курбенкова, В. Е. Славина при работе с данными предметами, необходимо различать грань между осмотром, и обыском как поиском медиа данных, возможно хранящихся в памяти устройства [5, с. 135].

Из вышеуказанного следует, что при осмотре максимум, что может позволить себе следователь, это отразить в протоколе осмотра внешние признаки осматриваемого объекта, например, модель объекта осмотра, серийный номер, операционная система и др.

Все остальные действия, просмотр облачного хранилища, истории браузера посредством введения логина и пароля владельца устройства следует относить к поисковым действиям, следовательно, это будет уже не осмотр, а обыск в целях поиска информации внутри данного объекта.

Осмотр, безусловно, оптимальное следственное действие для обнаружения и изъятия цифровой информации из персонального компьютера. Но что же делать, если информация содержится не на жестком диске компьютера или флэш-накопителе, а на сервере, расположенном в другом помещении (в локальной сети) или в другом государстве (в сети интернет).

В таком случае изъятие самого персонального компьютера ничего не даст.

Необходим сервер, на котором хранится искомая информация.

Если установить нахождение сервера и изъять его, для проведения экспертизы, невозможно – необходимо копировать информацию, расположенную в сети прямо на месте осмотра.

В тоже время, если искомая информация защищена паролем, находится в закрытых ресурсах сети интернет, возникает вопрос допустимо ли в данном случае получение информации в результате получения пароля путем подбора в ходе осмотра?

В настоящее время проведение обыска с целью обнаружения цифровых носителей информации связано с непосредственным проникновением в помещение, в котором предположительно они хранятся, с целью их изъятия.

Но динамичное развитие it-технологий привело к неэффективности подобных следственных действий для изъятия цифровой информации, например из «облачных хранилищ».

В подобных виртуальных хранилищах информация содержится на разных удаленных друг от друга серверах, которые предоставляют пользователям третьи лица.

Заметим, что обыск с использованием удаленного доступа должен производиться с участием специалиста, поскольку следователю, не обладающему специальными знаниями в области компьютерных технологий, будет крайне затруднительным получить доступ к закрытым источникам информации, обнаружить искомую информацию и надлежащим образом, не изменив ее исходного состояния осуществить копирование.

Такие носители данных, как облачные хранилища, позволяют получить только информацию, без возможности извлечения носителя и получения метаданных, что делает невозможным проведение необходимых процессуальных «манипуляций» для придания такому носителю статуса вещественного доказательства.

Совершенно понятно, что в распоряжение должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, поступает только информация, без ее материального носителя, которая требует некоего иного ее процессуального оформления с целью сохранения доказательственного значения.

Подводя итог сказанному, отметим, что вопрос о получении информации из облачного хранилища при производстве по уголовному делу требует детального изучения со стороны ученых-процессуалистов и отражения видения законодателя по этому поводу в УПК РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 20.02.2020).

3. Уголовный процесс. Практикум : учебное пособие для прикладного бакалавриата / А. В. Гриненко [и др.] ; под ред. А. В. Гриненко, О. В. Химичевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : изд-во «Юрайт», 2019. – 302 с.

4. Островский, О. А. Аспекты современных проблем расследования преступлений, связанных с изъятием цифровых следов и предоставлением соответствующих доказательств / О. А. Островский // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 3. – С. 146–151.

5. Оконенко, Р. И. Исследование портативного цифрового устройства в ходе обыска, задержанного в уголовно-процессуальном праве США: поиск баланса интересов гражданина и государства / Р. И. Оконенко // Право и политика. – 2014. – № 12. – С. 1917–1920.

6. Курбенков, В. А. О некоторых особенностях следственных действий проводимых в отношении мобильных телефонов, процессуальный и криминалистический аспект / В. А. Курбенков, В. Е. Славин // Научный альманах. – 2019. – № 3–1 (53). – С. 134–137.

Гурдин С. В.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ – РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ?

Возможность собирания и представления доказательств по уголовному делу защитником являет собой одну из злободневных и достаточно активно обсуждаемых в современной юридической литературе тем.

Собирание доказательств стороной защиты стало возможным в 2001 г., после принятия УПК РФ.

Очевидно, что законодатель предусмотрел это право, как один из способов укрепления состязательности в уголовном судопроизводстве.

При этом всесторонний анализ положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ позволяет утверждать, что они раскрывают только способы получения доказательств защитником и не более того.

Так, защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов

[1] © Гурдин С. В., 2020.

местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Как видно, перечень полномочий защитника, установленный УПК РФ достаточно внушительный.

В свою очередь ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предоставляет адвокату право собирать сведения, которые имеют значение для оказания юридической помощи, запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, общественных объединений, органов местного самоуправления, собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а также опрашивать лиц, которые могут обладать информацией, имеющей значение для данного дела с их согласия.

Простое сравнение положений УПК РФ и указанного выше закона позволяет обнаружить лежащие, по сути, на поверхности разночтения. Совершенно понятно, что нормы УПК РФ содержат порядок именно собирания доказательств защитником, а нормы закона наделяет его правом лишь получения необходимых сведений, предметов, документов которые впоследствии могут быть признаны доказательством.

Существование данной коллизии стало основанием для возникновения на страницах юридической литературы споров о том, является ли защитник надлежащим субъектом собирания доказательств или же это прерогатива лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу вне зависимости от его формы.

Заметно, что вопрос равенства прав сторон обвинения и защиты на стадии предварительного расследования вызывает сомнения.

Следует отметить, что под влиянием происходящего в уголовно процессуальной науке сформировались различные по своей сущности мнения относительно этого весьма непростого при ближайшем рассмотрении вопроса.

Возможно, что право собирания доказательств, данное защитнику законодателем и сформулированное последним именно так как мы наблюдаем есть ни что иное как процессуальная иллюзия.

Продолжая начатый разговор, позволим себе уточнить, что последователи одной точки зрения заявляют, что защитник субъектом доказывания не является и лишен реальной возможности собирать, проверять и оценивать доказательства [5, с. 35]. Рациональность данной позиции отражает, закрепленный уголовно-процессуальным законодательством принцип состязательности, который наделяет стороны равными правами, в том числе и на стадии предварительного расследования, а также уже известные нам положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Таким образов из всего этого, казалось бы, неизбежно следует, что сведения, полученные защитником посредством указанных в этой статье действий, должны называться доказательствами, которые следователь обязан приобщить такие документы к материалам уголовного дела, находящегося в его производстве.

В свою очередь существует и несколько отличное от предыдущего мнение, согласно которому у защитника отсутствуют реальные полномочия по формированию, а, следовательно, и представлению доказательств.

То есть в случае, если сведения, представленные защитником, будут признаны доказательством, то собраны они будут не защитником, а следователем после обличения их в соответствующую форму [4, с. 24].

Большое внимание сторонники этой позиции уделяют соотношению прав и обязанностей обвинения и защиты, указывая на наличие существенного дисбаланса в этой области, что противоречит современной модели состязательности в российском уголовном судопроизводстве [1, с. 35].

В качестве решения данной проблемы ученые считают необходимым ввести институт адвокатского расследования, при котором защитник получит право собирать доказательства и приобщать их к делу наравне с органами предварительного расследования.

Действительно, за годы после закрепления положения о наделении защитника правомочиями, связными с собиранием доказательств стали довольно частыми призывы ученых-процессуалистов о необходимости еще большего вовлечения адвоката в процесс доказывания, по уголовному делу, создания по сути параллельного адвокатского расследования.

Такова позиция Н. А. Власовой и И. С. Красковой, которые предлагают наделить защитника статусом самостоятельного субъекта доказывания и внести изменения в ст. 74 УПК [3, с. 82]. По их мнению, защитник наряду с судом, прокурором, следователем и дознавателем должен устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

По нашему мнению, более взвешенная позиция у тех авторов, которые признают защитника субъектом формирования, но не собирания доказательств. По сути, он оказывает помощь лицу, осуществляющему предварительное расследование в поиске сведений, предметов, документов, имеющих отношение к делу и могущих стать смягчающими вину доказательствами при определенных УПК РФ обстоятельствах.

Дале отметим, что ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Возникает вопрос может ли защитник оценивать доказательства, ответ на который так однозначен.

С одной стороны, оценка есть ни что иное, как мыслительный процесс, и повлиять на уяснение и осмысление имеющейся у защитника информации невозможно. С другой стороны, результаты оценки доказательств, проведенной защитником, волне могут оказать влияние на решение следователя, дознавателя о наделении собранных защитником сведений и т. д., свойствами допустимости, относимости, достоверности, достаточности и приобщению их к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

По сути, это позволит приблизиться к выводу о виновности подзащитного в совершении преступления или как минимум облегчит его участь.

При этом следует помнить, что законодатель не закрепил за защитником право по результатам оценки доказательств признавать их недопустимыми, так как он не располагает властными полномочиями. Тем не менее, он вправе добиваться признания доказательств недопустимыми не запрещенными законом способами.

Отсутствие в УПК РФ четкого механизма, регламентирующего процесс собирания и представления доказательств защитником, порождает множество юридических противоречий, не разрешенных по сей день.

Такая неопределенность влечет за собой отсутствие гарантий, которые позволяли бы ему реализовывать указанное выше право и возникновение других не менее значимых для защитника вопросов.

Так, представляется необходимым разрешить назревшую проблему, связанную с адвокатскими запросами, посредством которых защитник реализует свое право на собирание доказательств.

В соответствии со ст. 6.1 закона уже известного нам закона у органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, которым направлен адвокатский запрос существует обязанность предоставить ответ на адвокатский запрос в тридцатидневный срок со дня его получения.

Данная обязанность зачастую игнорировалась субъектами, уполномоченными удовлетворять адвокатский запрос.

Именно по этой причине 2 июня 2016 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который ввел ответственность должностных лиц за отказ в предоставлении, несвоевременное предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации адвокату по адвокатскому запросу.

Однако проблема не была снята до конца.

Так как, существенным недостатком, нарушающим принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, является установленный в законе срок для ответа на адвокатский запрос. Установив тридцатидневный срок на дачу ответа по адвокатскому запросу, законодатель закрепил возможность его продления (не более, чем на 30 дней).

Таким образом, учитывая, что, по общему правилу, дознание производится в течение 30 суток, а предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, предоставление информации по адвокатскому запросу в сроки, указанные в ст. 6.1 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», т. е. до шестьдесят дней, делает бессмысленным запросы адвоката, имеющие цель собирания оправдательных или смягчающих ответственность доказательств.

По этой причине сокращение, указанного выше срока было бы уместным и перестало бы ставить под сомнение саму возможность обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи гражданами.

В продолжение отметим, наделение защитника, следователя и дознавателя равными процессуальными правами при собирании доказательств в настоящее время видится преждевременным шагом.

Очевидно, что ни законодатель, ни общество к этому еще не готовы.

И все высказывания по этому поводу, представляются сомнительными по ряду причин.

В частности, ст. 38 и глава 6 УПК РФ относят следователя к стороне обвинения. Тем не менее функция следователя, как ни странно, не сводится только к обвинению.

Например, из анализа положений ст. 73 УПК РФ следует, что к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, отнесены: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности.

Кроме того, в науке уголовного процесса различают как обвинительные, так и оправдательные доказательства.

При этом именно на следователя, дознавателя возложена законодателем обязанность оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

В тоже время при составлении обвинительного заключения, следователь в соответствии со ст. 220 УПК РФ обязан указать доказательства, как подтверждающие обвинение, так смягчающие наказание.

Таким образом следователь это процессуально самостоятельный, а дознаватель относительно самостоятельный участники уголовного судопроизводства, осуществляющие предварительное расследование, и уполномоченные законодателем принимать решения о возможности приобщения тех или иных сведений, предметов, документов к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

В свою очередь, наделение защитника правом проводить адвокатское расследование преступлений, повлечет дестабилизацию уголовного судопроизводства, что в свою очередь неизбежно обернутся разрушением, предусмотренного порядка расследования преступлений.

По этой причине выполнение указанных полномочий защитником возможно лишь в условиях для уголовного процесса англосаксонской правовой системы, который носит сугубо состязательный характер параллельное адвокатское расследование, является нормой.

Кроме того, в случае введения института адвокатского расследования у защитника появится возможность не только выявлять обстоятельства, оправдывающие подозреваемого, обвиняемого или смягчающие его наказание, но и собирать сведения, которые могут служить доказательством виновности других лиц.

Появление этого института будет означать ничто иное, как разрушение принципа состязательности сторон, в соответствии с которым функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ст. 15 УПК РФ).

Подводя итог сказанному, отметим, что наделение защитника правом собирания доказательств в полном смысле этого слова в настоящее время не реализовывается им в полной мере, так отсутствуют гарантии и процессуальные механизмы, подкрепляющие это право.

Да и целесообразность этого весьма сомнительна.

Поэтому важной представляется дальнейшая разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, которые будут более четко регламентировать деятельность адвоката в процессе доказывания, а также рекомендаций защитнику, имеющему намерение осуществить собирание и представление сведений, предметов, документов, которые могут быть вовлечены в процесс доказывания в качестве доказательств.

Библиографический список

1. Бобылев, С. Некоторые проблемы деятельности адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу / С. Бобылев // Наука. Мир. – 2017. – Вып. 2. – С. 33–35.

2. Булычев, Е. Н. Проблемы реализации адвокатом прав на получение сведений информации посредством адвокатского запроса / Е. Н. Булычев, Д. Р. Парвазова // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2.

3. Власова, Н. А. Собирание защитником доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса / Н. А. Власова, И. С. Краскова. – М. : ВНИИ МВД России, 2010. – С. 81–84.

4. Лушкин, С. А. Собирание доказательств защитой / С. А. Лушкин // Пробелы в Российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 23–25.

5. Пикалов, И. А. Роль защитника в процессе доказывания, при производстве расследования по уголовному делу / И. А. Пикалов // Закон и право. – 2006. – № 11. – С. 35–38.

Егорова Р. Е.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВО НА РАЗУМНЫЙ СРОК СУДОПРОИЗВОДСТВА» И «ПРАВО НА РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»

В российском законодательстве право на разумный срок уголовного судопроизводства впервые было закреплено в 2010 г. в Законе «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ.

Принятие данного закона было продиктовано необходимостью разрешения целого комплекса вопросов, связанных с обеспечением Российской Федерацией права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и созданием внутригосударственных эффективных способов правовой защиты от нарушений права на судебное разбирательство в разумный срок (ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Для обеспечения реализации положений Закона о компенсации в уголовном судопроизводстве законодатель дополнил главу 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», придав тем самым праву на разумный срок уголовного судопроизводства статус уголовно-процессуального принципа.

Такой подход к имплементации права, предусмотренного ч. 1 ст. 6 Конвенции, вызвал неоднозначную оценку российских процессуалистов. Одни ученые [4; 9] положительно оценили введение нового принципа, отметив, что нормативное требование разумного срока уголовного судопроизводства обладает всеми признаками, присущими принципу права.

Другие ученые высказали критические замечания по данному вопросу. Так, профессор В. М. Быков, оценивая новый принцип уголовного процесса, отметил, что процессуальные сроки не обладают достаточной для принципа уголовного судопроизводства «правовой ценностью» [3, с. 23]. Такого же мнения придерживается В. М. Махмутов, по образному выражению которого «сами по себе разумные сроки по уровню обобщенности и универсальности «не дотягивают» до уровня принципа уголовного судопроизводства» [7, с. 55]. По мнению профессора Б. Т. Безлепкина, ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» по своему содержанию «не имеет непосредственного отношения к названию главы УПК, в которую она включена («Принципы уголовного производства»), и логически не связана с предыдущей ключевой статьей о назначении уголовного судопроизводства» [2, с. 752].

---

[1] © Егорова Р. Е., 2020.

Третья группа ученых предложила рассматривать принцип разумного срока уголовного судопроизводства как часть другого, более общего принципа [10; 7; 11; 8].

Мы не ставили перед собой задачу оценить позиции ученых по вопросу соответствия категории «разумный срок уголовного судопроизводства» статусу уголовно-процессуального принципа. Однако полагаем необходимым отметить, что помимо отсутствия согласованной научной позиции по данному вопросу, не пришли ученые к единому мнению и относительно сущности и содержания самого права на разумный срок уголовного судопроизводства, пределов его действия, а также соотношения со смежными правовыми категориями.

В определенной степени этому способствует отсутствие в тексте Закона о компенсации единообразного подхода к соотношению таких правовых категорий как «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок уголовного судопроизводства». Показательной в этом плане является ст. 3 «Порядок подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок и особенности его рассмотрения» Закона о компенсации.

В п. 1 ч. 1 указанной статьи длительное досудебное производство по уголовным делам названо одним из оснований подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Из чего следует, что при нарушении разумных сроков досудебного производства по уголовному делу, нарушается право участников уголовного процесса на судопроизводство в разумный срок.

В чч. 6, 7.1 и 7.3 данной статьи нарушение разумных сроков досудебного производства по уголовному делу признается уже не нарушением права на разумный срок судопроизводства, как это указано в п. 1 ч. 1, а нарушением права на разумный срок уголовного судопроизводства. Таким образом, при одном и том же нарушении закон допускает подачу разных заявлений: о нарушении права на судопроизводство в разумный срок (п. 1 ч. 1 ст. 3) и о нарушении права на уголовное судопроизводство в разумный срок (чч. 6, 7.1 и 7.3 ст. 3).

При этом в ч. 9 этой же статьи, законодатель перечисляет следующие виды нарушений:

1) нарушение права на судопроизводство в разумный срок (п. 1 ч. 9 ст. 3);

2) нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в досудебном производстве (п. 2 ч. 9 ст. 3);

3) нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта (пп. 3–5 ч. 9 ст. 3).

Таким образом, только в рамках одной статьи законодатель использовал три понятия: «разумный срок судопроизводства», «разумный срок уголовного судопроизводства» и «разумный срок уголовного судопроизводства на досудебных стадиях». При этом, исходя из приведенных положений ч. 9 ст. 3 Закона о компенсации, можно сделать вывод о том, что нарушение разумных сроков в досудебном производстве расценивается законодателем, как нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства, а длительное рассмотрение

уголовного дела в суде – как нарушение права на разумный срок судопроизводства.

Однако такой подход к оценке нарушений разумных сроков вступает в противоречие не только с приведенным нами выше частями ст. 3 Закона о компенсации, но и с официальным определением уголовного судопроизводства, которое, согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ, включает в себя досудебное и судебное производство по уголовному делу.

Анализ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 29 марта 2016 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» показывает, что термин «право на разумный срок уголовного судопроизводства» использован Верховным Судом Российской Федерации в данном постановлении только один раз и применительно именно к досудебному производству. Согласно подп. 7 п. 35 указанного постановления «Если основанием для обращения в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок послужило нарушение разумных сроков досудебного производства по уголовному делу, интересы Российской Федерации представляют Минфин России и главный распорядитель средств федерального бюджета по ведомственной принадлежности органа, осуществляющего предварительное следствие или дознание».

Следует отметить, что неопределенность в соотношении понятий «право на разумный срок уголовного судопроизводства» и «право на разумный срок судопроизводства» отражается и на их использовании в юридической литературе. Исследуя вопросы, связанные с определением разумных сроков уголовного судопроизводства, процессуалисты применяют в одних случаях «право на разумный срок судопроизводства», в других – «право на разумный срок уголовного судопроизводства». При этом, в одних случаях данные понятия используются в качестве синонимов [6, с. 149], в других – допускается их смешение с принципом разумного срока судопроизводства [1].

Таким образом, для уяснения сущности права на разумный срок уголовного судопроизводства необходимо в первую очередь разграничить такие понятия, как «право на разумный срок судопроизводства» и «право на разумный срок уголовного судопроизводства». Для исключения подмены понятий необходимо также определить соотношение закрепленного в Законе о компенсации права на разумный срок уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального принципа «разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Библиографический список

1. Алексеева, Е. С. Вопросы реализации принципа права на судопроизводство в разумный срок / Е. С. Алексеева, Л. В. Коньшина // Вестник Самарского юридического института. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19068752 (дата обращения: 10.03.2020).

2. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2012. – 752 с.

3. Быков, В. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. – 2010. – № 11.

4. Волынец, К. В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Томск, 2013. – 183 с.

5. Рожков, Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Челябинск, 2013. – 225 с.

6. Есина, А. С. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. С. Есина, Е. Н. Арестова, О. Е. Жамкова. – М. : изд-во «Юрайт», 2020.

7. Кушнерев, В. И. Сущность и понятие принципа разумного срока уголовного судопроизводства / В. И. Кушнерев // Труды Академии управления МВД России. – 2017. № 2 (42). – С. 147–150.

8. Махмутов, М. В. Разумные сроки – принцип уголовного судопроизводства? / М. В. Махмутов // Законность. – 2016. – № 9.

9. Образцов, А. В. От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности / А. В. Образцов // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 32–33.

10. Смолин, А. Ю. Разумный срок – проявление принципа процессуальной экономии / А. Ю. Смолин // Российский следователь. – 2010. – № 19.

11. Рябцева, Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном процессе России. // Уголовная юстиция: связь времен. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург (6–8 октября 2010 г.). – URL: http://www.iuaj.net/node/402 (дата обращения: 03.03.2020).

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИНСТИТУТ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Сегодня принцип разумного срока, вызывает немало дискуссий и проблематики. В юридической литературе нет единого подхода к его пониманию, авторы трактуют свои позиции о месте, роли и содержании разумного срока в уголовном судопроизводстве по-разному. Конечно, можно обратить внимание на то, что наряду с вышеуказанным термином ученые исследуют и понятия: «опера-

[1] © Емельянова Н. Ю., 2020.

тивность», «ускорение уголовного судопроизводства», «должностная активность субъектов уголовного процесса». Эти категории, несомненно, близки, но, как видится, не тождественны по содержанию. Можно понять, что сравнение играет большую роль в понимании смысла исследуемого этого правового явления.

С. И. Ожегов «разумный» определяет, как логичный, основанный на разуме. Этот же термин, по мнению авторов универсального словаря русского языка, в одном из значений толкуется как оправданный сложившимся положением, наиболее отвечающий каким-либо обстоятельствам, целесообразный [3, с. 43].

Таким образом, этимология слова «разумный» дает основание говорить о том, что в уголовном процессе данный термин не может означать лишь быстроту процесса, равно как быть связан только с должностной активностью участников уголовного судопроизводства. «Разумный срок» – это более широкое понятие, его юридическое рассмотрение не должно вести к ускоренному судопроизводству, т. е. скорому суду. Приведем некоторые аргументы в поддержку этой позиции. Смысл предварительного расследования – соблюдение всех публично-правовых действий властных субъектов уголовного судопроизводства, соблюдение объективного раскрытия и разрешения уголовных конфликтов.

Все, что происходит в рамках этой работы, подчинено процессу доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ и составляющих предмет доказывания по уголовному делу. Собирание, проверка и оценка доказательств, производимые должностными лицами, ограничены процессуальными сроками. И, можно утверждать, что следователь, дознаватель, судья с учетом положения о разумном сроке должны использовать установленные законом временные границы максимально рационально и эффективно. Однако отечественный законодатель односторонне подходит к оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, направляя свои усилия на создание институтов по ускорению уголовного судопроизводства. Ярким примером здесь может служить особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Направленный на упрощение процессуальной процедуры, данный институт преследует своей целью экономию сил и средств правоохранительных органов, минимизацию издержек при расследовании и рассмотрении уголовного дела, сокращение временного разрыва с момента совершения преступления до момента принятия окончательного решения по делу, рационализацию уголовного судопроизводства, направленную на его ускорение и эффективность [4, с. 72].

При этом, как отмечает Е. В. Рябцева, особый порядок существенно усложняет, а в ряде случаев делает невозможным установление истины по уголовному делу. В результате автор приходит к выводу о том, что в данных бесспорных ситуациях справедливость не зависит от установления судебной истины. Согласиться с таким фактически установленным законодателем положением вещей сложно, поскольку справедливость в цивилизованном обществе всегда ассоциируется именно с правдой, истиной и законом. Таким образом, действительность с очевидностью доказывает, что ускорение и быстрота в рамках уголовного судопроизводства, как понимает их российский законодатель, не всегда бывают разумными.

Достижение целей ст. 6 УПК РФ зависит от раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего. Данная задача достигается в ходе собирания, проверки и оценки доказательств, подтверждающих либо опровергающих обстоятельства предмета доказывания. Эта деятельность занимает центральное место в уголовном судопроизводстве. Непосредственно, кто сталкивался знают, что качество проведенного досудебного расследования непосредственно отражается на справедливости и законности итогового решения по делу. Спешное рассмотрении уголовного дела может привести к необъективному расследованию уголовного дела. В судопроизводстве при расследовании уголовного дела оперативность играет огромную роль так как может повлиять на справедливость и законность итогового решения судебного разбирательства. Так, по мнению ряда ученых, следование данным принципам позволяет не только установить истину по уголовному делу, но и способствует охране прав и законных интересов участников уголовного процесса, предупреждает совершение новых преступлений, приближает момент наказания к моменту совершения преступления, повышает эффективность судопроизводства. Добавим также, что, помимо сказанного, быстрота и оперативность способствуют снижению загруженности правоохранительных органов и судов, повышают степень реализации права на доступ к правосудию, укрепляют авторитет государства и правосудия у населения. Во многом данные положительные моменты сопутствуют и положению о разумном сроке уголовного судопроизводства. И все же приходится констатировать, что в отличие от последнего быстрота и оперативность, особенно в совокупности с отсутствием должного профессионализма и ответственности, способны пагубно сказаться на полноте и глубине, требуемых от процесса доказывания.

Изложенное выше дает возможность сделать вывод о том, что разумный срок нацелен не только на избавление от волокиты в деятельности властных субъектов, но и на рациональное и эффективное использование времени, реально необходимого в рамках установленных законом сроков для полного, объективного и всестороннего расследования и разрешения уголовных дел. В таком виде положение о разумном сроке создает баланс между необходимостью обеспечения права на скорое решение и соблюдение права на справедливое судебное разбирательство [1; 2, с. 37].

В заключение выделим, что данный термин может рассматриваться с нескольких позиций. Во-первых, это – принцип уголовного процесса. А это значит, что в его содержании заключена гарантия целого комплекса таких фундаментальных прав, как право на скорый суд, справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию. Во-вторых, положение о разумном сроке порождает обязанность должностных лиц, соотносить свои действия с установленными в законе временными границами, а в случае отсутствия таковых – осуществлять свою деятельность рационально и эффективно, достигая, таким образом, цели раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего и, не нарушая основных прав и свобод личности. В этом смысле положение о разумном сроке представляет собой требование, влияющее на производство всего уголовного дела. В-третьих, разумный срок – это период времени, необ-

ходимый и достаточный для рационального и эффективного проведения всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также для принятия конкретных решений и осуществления отдельных процессуальных действий.

В целом определение разумного срока должно включать в себя все основные характеристики данного правового явления. Исходя из этого, разумный срок – это отвечающий обстоятельствам конкретного уголовного дела период времени, необходимый и достаточный для эффективного раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовно-правового конфликта.

Библиографический список

1. Курышева, Н. С. Способы реализации разумного срока в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / Н. С. Курышева. – 2013.

2. Мусаева, А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту : автореф. дис. / А. Г. Мусаева. – 2013.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 28-е изд., перераб. – М., 2014. – 1315 с.

4. Рябцева, Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном судопроизводстве / Е. В. Рябцева. – 2010.

Ендольцева А. В.[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ДОСТАТОЧНО ЛИ ИЗЛОЖЕННОГО В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ ст. 6 УПК РФ?

Понятие назначения уголовного судопроизводства и его определение официально появилось в 2001 г., когда в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) статья шестая с одноименным названием была размещена в его вторую главу «Принципы уголовного судопроизводства», причем данная статья открывает систему принципов. Тем самым законодатель показал ее важное место и роль среди исходных базовых основ уголовного процесса, которые в совокупности определяют «сущность, содержание, направленность, способы и процессуальную форму деятельности субъектов процесса, воплощают в себе стратегию и тактику уголовно-процессуальной политики государства, закладывают систему незыблемых гарантий истины, защиты прав и свобод человека и обеспечения справедливого правосудия» [1, с. 42].

[1] © Ендольцева А. В., 2020.

Итак, согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 6 УПК РФ, «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Уголовно-процессуальный закон, как мы видим, связывает назначение уголовного судопроизводства с защитой личности, ее прав, свобод и законных интересов. Учитывая, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью для российского государства, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации), в этом и состоит фундаментальность данной позиции. Поэтому, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, вносимые в текст УПК РФ, содержание статьи шестой УПК РФ не подвергалось изменениям.

Однако в научной литературе уделялось и по-прежнему уделяется внимание осмыслению рассматриваемого вопроса [2, с. 65–69; 3, с. 31–33], в том числе через призму реализации назначения уголовного судопроизводства посредством применения различных уголовно-процессуальных институтов. Так, исследуя проблему правовой помощи в уголовном процессе, реализацию посредством нее назначения уголовного судопроизводства, видя правовую помощь как деятельность, направленную на защиту, охрану и реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, П. В. Фадеев считает целесообразным изменить положения части первой ст. 6 УПК РФ и предлагает ее новую редакцию:

«Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и злоупотреблений власти;

2) охрану личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, обвинения, осуждения;

3) помощь (содействие) личности со стороны государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов (адвокатов) и иных уполномоченных лиц» [4, с. 71–74].

Скажем прямо – мы не можем согласиться с данным предложением. Во-первых, полагаем, что предлагаемый термин «охрана» в данном случае неуместен. Как отмечает сам автор, и в этом мы с ним полностью согласны, охрана подразумевает предупреждение нарушения прав в отличие от защиты, направленной на восстановление нарушенных прав. Если согласиться с П. В. Фадеевым, то назначением уголовного судопроизводства будет являться предупреждение незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод личности. Тем самым как бы констатируется факт, что обвинение и осуждение априори могут быть незаконными и необоснованными. Полагаем, что термин «защита» законодатель в данном случае использует специально,

подразумевая, что если уж обвинение, осуждение, ограничение прав и свобод личности было незаконным и необоснованным (а это влечет за собой правовые последствия для должностных лиц, принявших такие процессуальные решения), то нарушенные права личности подлежат защите, т. е. их восстановлению. Именно восстановление нарушенных прав, а не их охрана осуществляется в процессе реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, о которой идет речь в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, и, кстати, редакцию этой нормы автор не предлагает изменить вслед за изменениями в ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Во-вторых, и это касается уже нового, третьего, пункта в предлагаемой П. В. Фадеевым редакции ч. 1 ст. 6 УПК РФ, непонятно: какую именно помощь (содействие) личности в уголовном судопроизводстве или в чем заключается помощь (содействие) личности, которую этот автор полагает считать назначением уголовного судопроизводства?

Считаем, что термин «защита», используемый в действующей редакции ч. 1 ст. 6 УПК РФ, следует рассматривать в расширительном аспекте, поскольку речь идет о комплексной деятельности субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство, направленной как на восстановление нарушенных прав личности, вовлеченной в уголовный процесс в связи с совершением преступления (собственно их защиту), так и охрану, т. е. предупреждение их нарушения, так и предполагает помощь (содействие) в реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса посредством применения правовых средств ее оказания. Следует ли ради исследовательских изысканий менять формулировки, используемые в нормах права, которые в законе должны быть ясными, лаконичными, иметь конкретное содержание с определенным понимаемым всеми (а не только теоретиками) смыслом.

Вместе с тем, коснемся, на наш взгляд, важного вопроса – какие ценности должны определять назначение уголовного судопроизводства? Достаточно ли тех, которые обозначены в действующей редакции ст. 6 УПК РФ? Не оспаривая положений ст. 2 Конституции Российской Федерации о высшей ценности правового демократического государства («Человек, его права и свободы…»), напомним о публично-правовом характере уголовно-процессуальной деятельности, поскольку регламентируется она публичной отраслью права – уголовно-процессуальным правом. Что это означает? Это означает то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации объявлены противоправными преступления, посягающие не только на права и свободы человека и гражданина, но и на общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй и безопасность государства, на интересы правосудия, порядок управления, мир и безопасность человечества, т. е. имеются и другие объекты уголовно-правовой охраны. Ведь уголовное право тоже относится к публичным отраслям права.

Поэтому, являясь средством реализации норм уголовного права, уголовно-процессуальная деятельность должна обеспечивать и государственные, общественные интересы, ведь потерпевшим от преступления является не только лица и организации, как это сказано в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Известно, что если

вред причинен государству, то гражданский иск в уголовном процессе поддерживает прокурор, являясь представителем государства. Кроме того, избрание мер процессуального принуждения по основаниям, связанным с предупреждением сокрытия обвиняемого, подозреваемого от дознания, предварительного следствия или суда, или предупреждения новой преступной деятельности, в полной мере обеспечивает реализацию государственных и общественных интересов.

В связи со сказанным, мы тоже предлагаем изменить редакцию ч. 1 ст. 6 УПК РФ, дополнив назначение уголовного судопроизводства обеспечением посредством уголовно-процессуальной деятельности интересов общества и государства. И предлагаем следующую редакцию рассматриваемой нормы:

«Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;

3) обеспечение безопасности и интересов общества и государства».

Библиографический список

1. Кондрат, И. Н. Принципы уголовного судопроизводства и проблемы их реализации / И. Н. Кондрат, М. Ю. Терехов, О. В. Химичева // Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 799 с.

2. Мельников, В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов / В. Ю. Мельников // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 65–69.

3. Попов, К. И. Назначение уголовного судопроизводства / К. И. Попов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2016. – № 4. – С. 31–33.

4. Фадеев, П. В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве : монография / П. В. Фадеев. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 304 с.

Ендольцева Ю. В.[1]*,*
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Белая А. А.[2]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Реформирование нашего общества и государства обуславливает необходимость совершенствования законодательства и, в частности, уголовно-процессуального, которое, реализуя свое назначение, выраженное в защите прав и законных интересов личности, способствовало бы эффективной борьбе с преступностью. В нашем государстве уже давно появилась необходимость научной разработки проблем, связанных с реформой уголовного судопроизводства. Данные вопросы являются дискуссионными между теоретиками и практиками, эта необходимость подтверждается регулярным внесением изменений в уголовно-процессуальный закон органами законодательной власти.

Анализируя становление уголовного судопроизводства России, можно сделать вывод, что его генезис неразрывно связан с процессами нашего развития государства, его институтов и общества в целом. При этом реформирование уголовно-процессуальной сферы происходило в зависимости от исторической канвы и существующих потребностей в определенный период времени в истории государства и права, что, в свою очередь, предопределяло наличие специфики уголовно-процессуальных отношений и различную направленность правового воздействия в уголовно-процессуальном русле. И если ранее, с учетом повсеместно используемой командно-директивной формы государственной политики, охватывавшей все органы власти и организации советского пространства, уголовный процесс имел в большей мере обвинительный уклон, то современный уголовный процесс с позиции состязательности, разделения функций обвинения и защиты, определения самостоятельности каждого субъекта, как участника уголовного процесса, с участием независимого арбитра – суда. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации можно по праву отнести к демократическим основам современной государственной уголовно-процессуальной политики.

Новому пониманию уголовно-процессуальной политики положила основу Конституция 1993 г. Формулированием понятия «уголовно-процессуальная политика» стали заниматься многие отечественные ученые. Согласно позиции

[1] © Ендольцева Ю. В., 2020.
[2] © Белая А. А., 2020.

Н. С. Алексеева и В. Г. Даева, уголовно-процессуальная политика – это правотворческая деятельность компетентных органов власти и должностных лиц, осуществляемая в определенных направлениях, в целях обеспечения борьбы с преступностью, выявления основных причин и условия развития преступности для качественной координации ее пресечения, следуя при этом общему пониманию социалистической законности [2, с. 97–104].

Ю. А. Ляхов, цитируя А. И. Александрова, понимает под данной категорией деятельность правотворческих и правоприменительных органов, реализуемую в различных направлениях в сфере расследования и разрешения в определенном процессуальном порядке уголовных дел [1, с. 2].

Схожее понимание дает А. И. Александров, который трактует уголовно-процессуальную политику как некое отношение, которое возникает у органов власти и должностных лиц к порядку расследования и разрешения уголовного дела [1, с. 2–19].

Также существует мнение Г. Ю. Лесникова, согласно которому уголовно-процессуальную политику надлежит понимать как систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм [3, с. 4–40]. В данную систему входят различные программные документы, которые содержат в себе определенную стратегию, иначе говоря конкретные цели, задачи, мероприятия, целевые показатели, которые в общем и целом позволят реализовать уголовно-процессуальную политику как одно из направлений деятельности государства.

Названные аспекты необходимо рассматривать в системе и единстве, поскольку нельзя отрицать комплексной природы понимания политики как таковой, и при всем при этом нельзя не отразить специфику направленности данной политики в сферу уголовного процесса.

Представленное выше позволяет выделить ряд признаков уголовно-процессуальной политики в целях формирования комплексного определения ее понятия:

Во-первых, уголовно-процессуальная политика – это деятельность органов государственной власти и их должностных лиц. При этом данная деятельность носит регламентированный и установленный законом порядок, в результате чего деятельность того или иного органа уголовного процесса осуществляется в рамках установленных функций и полномочий с соблюдением определенной процедуры.

Во-вторых, данная деятельность осуществляется в форме принятия управленческих решений. Можно сказать, что управленческое решение в рассматриваемом случае представляет собой «властную волю государства, которая приобретает официально выраженную форму, будучи закрепленной в государственных актах, издаваемых государственным органом либо должностным лицом в соответствии со своей компетенцией и в пределах предоставленных полномочий» [4, с. 233–235].

В-третьих, такие решения должны соответствовать общим научно-обоснованным положениям и закономерностям развития уголовного процесса, потому крайне важно привлекать теоретиков уголовно-процессуального права

при выработке определенных решений, составляющих содержание уголовно-процессуальной политики.

В-четвертых, цель такой деятельности – это оптимизация и совершенствование уголовного судопроизводства и практики его применения. Оптимизация и совершенствование понимается как установление таких правовых предписаний, согласно которым будут эффективно защищаться права и свободы человека и гражданина, но при этом будет соблюдаться баланс с государственно-правовыми и общественными интересами.

В заключение мы предлагаем следующую дефиницию понятия уголовно-процессуальной политики, понимая под ней совокупность последовательных и научно обоснованных решений, принимаемых органами государственной власти, а также органами, не являющимися государственными, но заинтересованными в эффективной борьбе с преступностью, направленных на оптимизацию и совершенствование уголовного судопроизводства России и его назначения.

Библиографический список

1. Александров, А. И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы / А. И. Александров // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургский государственный университет, 10–11 июня 2015 г.) / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. – СПб., 2016. – С. 2–19.

2. Алексеев, Н. С. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе / Н. С. Алексеев, В. Т. Даев // Правоведение. – 1997. – № 5. – С. 97–104.

3. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика / Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / под ред. В. Б. Малинина. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 1. – С. 4–40.

4. Фролова, С. А. Оценка эффективности государственных управленческих решений / С. А. Фролова // Новая наука: теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 6–1. – С. 233–235.

Ермаков С. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ, ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в нашей стране ежегодно увеличивается. Темпы роста таких преступлений значительно опережают другие виды преступлений. Несомненно, следует признать что, использование компьютерных технологий при совершении преступлений будет расти [1, с. 17].

Так, в 2017 г. было зарегистрировано 90 587, в 2018 г. – 174 674, в 2019 г. 294 409 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий [4]. Половина таких преступлений совершается с использованием сети Интернет, а более трети – средств мобильной связи. В большинстве случаев (примерно 40 %) такие преступления квалифицируются как мошенничество, каждое третье преступление как кража, в более редких случаях как преступление в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), сбыт наркотиков (ст. 228.1 УК РФ) и других.

Причина роста данных преступлений видится в относительной легкости совершения таких преступлений, дистанционном их совершении без непосредственного физического контакта злоумышленника с потерпевшим. При этом ряд таких преступлений совершается лицами, находящимися в изоляции от общества – заключенными под стражу либо отбывающими наказание в виде лишения свободы [5]. Об этом факте косвенно свидетельствуют данные о территориальном распределении таких преступлений по регионам России с учетом населения. В частности наибольший удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в общей структуре преступности) отмечен в Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО, Чувашской Республики, Республики Коми, Пензенской, Кировской, Архангельской областях, Республики Мордовия, Республики Татарстан.

Изучение уголовных дел данной категории показало, что способы совершения таких преступлений достаточно типичны. Это, прежде всего, различные виды обмана потерпевших, например: под видом звонка сотрудника службы безопасности кредитного учреждения; под предлогом продажи товаров через интернет (например, на сайте avito.ru); под предлогом освобождения от уголовной ответственности; получения компенсации за ранее приобретенные БАДы;

[1] © Ермаков С. В., 2020.

получения выигрыша в различные лотереи; разблокирования банковской карты; осуществления оккультных услуг; пополнения счета; и другие.

Получили распространение случаи взлома личных аккаунтов и последующего вымогательства денег за нераспространение в социальных сетях (например, сеть «ВКонтакте») фотографий и сведений интимного характера, порочащих честь и достоинство. В результате такого преступного воздействия потерпевшие перечисляют денежные средства на банковские карты, электронные кошельки злоумышленников.

Раскрываемость таких преступлений оставляет желать лучшего. Так в 2019 г. всего раскрыто 65 238 преступлений. Наименьшие показатели раскрываемости наблюдаются в Ленинградской области 12,8 %, г. Москве 13,8 %, Краснодарском крае 14,6 %, Ставропольском крае 14,8 %, Тверской, Орловской, Ярославской Калужской, Воронежской областях и республики Башкортостан.

В качестве основных причин низкого уровня раскрываемости таких преступлений можно назвать:

– уровень внутриведомственного, межведомственного взаимодействия, и, прежде всего, международного сотрудничества при раскрытии и расследовании преступлений.

– отсутствие прямых полномочий по получению необходимых для расследования сведений, затрагивающих различные конституционные права человека, что определяет необходимость получения судебных решений для получения информации о соединениях абонентов, переписки, банковских операциях и пр.;

– недостаточные навыки работы следователей и дознавателей с информационными следами преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Изучение материалов приостановленных уголовных дел данной категории показало, что не во всех случаях имеются планы расследования преступлений, а имеющиеся планы являются формальными, и не содержат в себе целенаправленного алгоритма раскрытия и расследования преступления, отсутствует тесное взаимодействие с оперативными подразделениями.

Следует констатировать, что одним из важнейших направлений первоначальной работы следователя является получение необходимых сведений от потерпевшего. Среди следственных действий с участием потерпевшего следует назвать осмотр места происшествия, компьютерных средств, мобильных телефонов, а также допрос потерпевшего.

Первоначальным следственным действием, которое проводится в большинстве случаев, является осмотр места происшествия. Как известно, преступления, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий предусматривают наличие как минимум одного или нескольких устройств, которые будут вовлечены в процесс обмена информацией. При этом между такими устройствами может быть достаточно большое реальное расстояние. Целью осмотра таких устройств является установление точного времени общения потерпевшего с преступником, выхода в сеть Интернет для совершения противоправных действий, а в последующем IP-адреса вероятного преступника. Методики осмотра устройств потерпевших в достаточном количестве

разработаны и имеются в распоряжении сотрудников оперативных служб и органов предварительного расследования.

Следует отметить, что в кредитных организациях, у почтовых служб, SIP провайдеров, владельцев интернет-порталов, мессенджеров, сайтов «Вконтакте», «Авито», «Юла» и других организаций сохраняется история интернет соединений с пользователями, а соответственно и IP-адреса. Установив IP-адрес и точное время его использования в сети интернет в дальнейшем можно узнать адрес нахождения персонального компьютера или мобильного устройства, с которого работал преступник [2].

В случаях, когда преступниками были использованы средства анонимизации работы в сети Интернет, например, VPN (виртуальная частная сеть), будет установлен лишь адрес сервера-посредника, через который работал злоумышленник. Преступники зачастую арендуют у провайдеров хостинговых услуг вычислительные мощности практически в любой точке мира, на которых настраивают собственные VPN-серверы либо виртуальные машины, с которых, используя сторонние VPN-сервисы, выходят в сеть Интернет [3, с. 88]. В связи с тем, что Интернет не имеет государственных границ, совершение анализируемых преступлений возможно через серверы, расположенные за рубежом. Здесь приходится еще раз констатировать, что отсутствие оперативного международного сотрудничества путем обмена электронной информацией по вопросам установления IP-адресов устройств, выходящих в сеть, негативно сказывается на процессе выявления, раскрытия и расследования таких преступлений, в тех случаях, когда выход в сеть осуществлялся через зарубежные серверы.

Существующий порядок документарного взаимодействия путем направления запросов о правовой помощи при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, не способствует раскрытию преступлений ввиду значительных временных затрат и позволяет злоумышленникам чувствовать свою безнаказанность. В этой связи необходимо создание международной системы оперативного электронного обмена информацией между правоохранительными органами о преступлениях, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Среди текущих мер, направленных на совершенствование раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, необходимо создание отделов, отделений, групп из сотрудников органов предварительного расследования, специализирующихся на расследовании данных преступлений.

Библиографический список

1. Бикмиев, Р. Г. Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Бикмиев, Р. С. Бурганов // Информационное право. – 2015. – № 3. – С. 17–21.

2. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

3. Россинская, Е. Р. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации / Е. Р. Россинская, И. А. Рядовский// Lex russica. – 2019. – № 3. – С. 87–99.

4. Аналитические данные о состоянии преступности за 2017, 2018, 2019 г. // Сайт МВД России. – URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljate-lnost/statistics (дата обращения: 07.03.2020)

5. В Кемеровской области вынесен приговор рецидивистам, которые обманывали граждан, находясь в СИЗО Хабаровска // Сайт МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/ (дата обращения: 02.04.2020).

Есина А. С.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Жамкова О. Е.[2]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ ДЛЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Глава 14 УПК РФ предусматривает возможность для применения к участникам уголовного судопроизводства мер принуждения в случаях, когда эти участники нарушают порядок судопроизводства и по каким-то причинам не исполняют требования следователя. В случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным Кодексом, следователь вправе наложить на них денежное взыскание в порядке ст.ст. 117–118 УПК РФ.

К участникам уголовного судопроизводства относится и защитник. Однако возникает вопрос: Вправе ли следователь применять к защитнику меры принуждения?

В попытках ответить на этот вопрос мы проанализировали складывающуюся правоприменительную практику, изучали мнения следователей, а также анализировались причины проблемных ситуаций, возникающих в деятельности следователя по вине адвокатов-защитников.

Наиболее распространенным действием со стороны адвоката, которое дестабилизирует порядок производства по уголовному делу, является его неявка для участия в следственных действиях. В случае неявки адвоката-защитника

[1] © Есина А. С., 2020.
[2] © Жамкова О. Е., 2020.

следователь, как правило, переносит производство следственного действия на другое время или даже на другой день. Подобный перенос следственного действия ведет к нарушению порядка расследования не только по конкретному уголовному делу, но нарушается весь распорядок дня следователя, в том числе и по другим уголовным делам, находящимся в его производстве.

Как показывает анализ подобных ситуаций, «грешат» неявкой на следственные действия те адвокаты-защитники, которые участвуют в уголовном деле по соглашению. Они получают вознаграждение от клиента по договору и далее, в ходе расследования сами определяют важность, необходимость и возможность своего участия в том или ином действии, производимом следователем. С защитниками по договору сложнее заменить адвоката, поскольку деньги за услугу оказания юридической помощи уже выплачены.

Те адвокаты, которые участвуют в уголовном деле по назначению, получают денежное вознаграждение в соответствии с федеральным законодательством за каждый день участия по уголовному делу. Выплата производится на основании справки, которая выдается адвокату-защитнику следователем (дознавателем) по факту его участия в процессуальном действии. Следовательно, у адвокатов по назначению есть заинтересованность в участии по делу как можно чаще и дольше. Кроме того, при неявке защитника по назначению на следственные действия, подозреваемый или обвиняемый зачастую отказывается от услуг такого защитника в письменном виде и ходатайствует о приглашении нового защитника, что следователь и делает через адвокатскую организацию. Но в этом случае адвокат, который был «первым» теряет клиента, а это в условиях острой конкуренции на рынке оказания адвокатских услуг (а в настоящее время в России насчитывается адвокатов более чем 72,5 тысячи[1]) – не лучший выход.

Заметим, что мы рассматриваем только такие ситуации, когда со стороны следователя были предприняты все необходимые меры, направленные на своевременность уведомления адвоката-защитника о планируемом следственном действии. Надлежащее уведомление адвоката о производстве следственного действия подразумевает уведомление адвоката за 5 суток до проведения следственного действия. Законодательно в УПК РФ надлежащие способы уведомления не установлены. Однако, изучив специальную литературу, правоприменительную практику и Кодекс профессиональной этики адвоката мы можем сделать вывод, что адвокат считается надлежащим образом уведомлен, если в адвокатское образование были своевременно направлены уведомления (письменно или в формате телефонограммы), в том числе посредством направления сообщений на электронную почту или же в различных мессенджерах (например, WhatsApp) лично адвокату. В этих случаях, когда неявившийся адвокат-защитник обжалует назначение нового адвоката через суд или у руководителя следственного органа, ссылаясь на ненадлежащее его уведомление, руководитель следственного органа или суд принимают сторону следователя, тем самым признавая практику такого уведомления действенной и своевременной (письменно, через адвокатское образование; лично на почту; в вот саб).

Следует признать, что следователь не вправе применить меры принуждения к адвокату – защитнику, поскольку в ст. 117 УПК РФ говориться о подобных

полномочиях в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных Кодексом (выделено авт.). У адвоката нет обязанности присутствовать на следственных действиях. В п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предусмотрено право, а не обязанность защитника участвовать в следственных действиях. Таким образом получается что, в тех случаях когда присутствие защитника на следственном действии является обязательным, законодатель оставляет это решение на усмотрение адвоката-защитника. Следовательно, применить такую меру принуждения к адвокату как денежное взыскание в порядке ст.ст. 117–118 УПК РФ следователь не вправе.

В этой ситуации возникает вопрос: каким образом можно воздействовать на недобросовестного адвоката-защитника, не явившегося для участия в следственном действии. Как следует поступать следователю в подобной ситуации?

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 50 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, в случае неявки для проведения следственных и процессуальных действий участвующего в уголовном деле защитника в течение 5 суток со дня его уведомления о таковом, следователь может выбрать несколько вариантов поведения. Во-первых, следователь разъясняет подозреваемому и обвиняемому о том, что его защитник для проведения следственных действий не явился, и он имеет право пригласить другого защитника по соглашению или заявить ходатайство о вызове для проведения следственного действия защитника по назначению. Во-вторых, следователь вправе провести данное следственное действие без участия защитника за исключением случаев, когда участие защитника обязательно (ст. 51 УПК РФ). В этих случаях следователю необходимо обеспечить участие защитника по назначению в порядке, предусмотренном законодательством. Этот порядок в данный момент определен следующим образом: на сайте Адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации следователь может в электронной форме создать заявку на вызов адвоката или же создать ее посредством звонка на автоответчик. В данной заявке отображается название органа расследования, данные об уголовном деле (номер, квалификация), данные о подозреваемом и обвиняемом, время и место явки адвоката. После подачи данной заявки она отображается в специальном приложении, через которое адвокаты отслеживают и принимают данные заявки. Рассмотрение заявки адвокатами занимает до 24 часов, но обычно (как показывает практика) это занимает от 2 до 4 часов. После принятия заявки адвокатским образованием следователь уведомляется об этом и ему посредством сообщения дается номер и данные адвоката для связи [2].

В оправдание своей неявки адвокаты зачастую могут ссылаться на уважительные причины своего отсутствия. При этом, у следователя нет возможности опровергнуть или подтвердить эти уважительные причины. Однако в данной статье мы бы хотели обратить внимание не на причины отсутствия адвоката, а на том факте, что в большинстве случаев, адвокаты не считают необходимым уведомлять следователя о своем отсутствии заблаговременно. Признаем, что данное действие зависит в большей степени не от соблюдения норм законодательства, а об элементарном уважении между участниками судопроизводства и уровне культуры адвоката. Для совершенствования правового регулирования

подобных ситуаций предлагаем внести дополнения в ст. 53 УПК РФ, предусмотрев для адвоката-защитника обязанность уведомлять заблаговременно (не позднее чем за 24 часа до начала следственного действия) лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, о невозможности участия в следственном действии. В этом случае следователь должен определиться: будет ли он проводить следственное действие без адвоката-защитника или будет предпринимать меры к замене адвоката-защитника. Полагаем, что введение правила, когда адвокат-защитник будет обязан сообщать следователю заблаговременно о своем отсутствии на следственном действии, внесет баланс в полномочия следователя и адвоката-защитника, что уравновесит сторону обвинения и сторону защиты в данной конкретной процессуальной ситуации и будет способствовать реализации принципа состязательности в досудебном производстве.

Если следователь обязан надлежащим образом уведомлять защитника о следственном действии, то логично, чтобы и защитники надлежащим образом уведомляли следователя о невозможности своего участия в следственном действии. При этом следователю можно не выяснять и не устанавливать причины отсутствия защитника, поскольку (как мы уже отмечали выше) адвокат-защитник вправе присутствовать на действии. Главное – это своевременное и надлежащее уведомление субъекта расследования о отсутствии адвоката. При этом мы не исключаем ситуации, когда по согласованию с защитником (или по его просьбе) следователь может перенести данное следственное действие на другое время удобное для сторон. Вместе с тем в случае, если подобного уведомления от защитника не поступит, следователь должен иметь право на проведение следственного действия без адвоката-защитника, не опасаясь, что подобное действие в дальнейшем может служить основанием к последующим ходатайствам со стороны того же адвоката-защитника о нарушении прав подозреваемого (обвиняемого).

В настоящее время правоприменительная практика органов предварительного следствия выработала свои методы по преодолению ненадлежащего поведения адвоката-защитника в период расследования. Следователи обращаются в Адвокатскую палату соответствующего субъекта Российской Федерации с информацией о нарушении конкретным адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката, где указывают факты о неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей. В соответствии с ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ФЗ № 63) статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при установлении факта неисполнения или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем либо за нарушение адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката.

Полагаем, что в ФЗ № 63 необходимо внести изменения в ст. 33, определяющую полномочия квалификационной комиссии, положением о том, что квалификационная комиссия обязана рассматривать информацию органов предва-

рительного расследования о ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей перед доверителем в ходе производства по уголовному делу. Считаем целесообразным ввести такой вид наказания для адвокатов как система денежных штрафных санкций, в случаях допущения им различных нарушений в период расследования. Данное решение (денежная санкция) должно приниматься той же квалификационной комиссией. По результатам проведенного опроса следователей 85 % опрошенных согласились с тем, что меры, касающиеся финансового положения адвокатов, будут являться наиболее действенным инструментом воздействия на адвокатов, допускающих действия, влекущие нарушение порядка уголовного судопроизводства по уголовному делу.

Библиографический список

1. Хамраев В. Дума готова защитить адвокатов // Сайт Коммерсант.ру. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/3236468 (дата обращения: 07.03.2020).

2. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве. Утвержден решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 15 марта 2019 г. // Сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – URL :https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings/ (дата обращения: 07.03.2020).

Жукова С. С.[1],
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса предварительного следствия
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России

СОВМЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Согласно законодательному определению, соучастие обладает совокупностью объективных и субъективных признаков (ст. 32 УК РФ). Наибольший интерес представляет субъективная составляющая соучастия – осознание совершения умышленного преступления и содержание единого умысла у соучастников к преступному результату. Как правило, деяния соучастников характеризуются умышленной формой вины, элементы которой отражены в ст. 25 УК РФ. Несмотря на прямое законодательное закрепление признаков, в доктрине уголовного права отражена позиции о возможности соучастия в преступлениях с неосторожной формой вины.

Еще в 1881 г., вопреки позиции Н. С. Таганцева, Г. О. Колоколов допускает совершение преступления в соучастии по неосторожности [3, с. 50–51]. Современная доктрина до сих пор не достигла консенсуса в данном аспекте. Поддерживая применения неосторожной формы вины в соучастии, Д. А. Безбородов

[1] © Жукова С. С., 2020.

приходит к выводу, что формы вины при совместной деятельности отличаются лишь формально-нормативным характером. С точки зрения целеполагания, неосторожная форма вины позволяет шире проанализировать источники неожиданного и не известного ранее соучастникам преступного результата [1, с. 85]. Вместе с тем А. Н. Трайнин отмечает об ограниченном применении неосторожности в соучастии. Ответственность за соучастие в неосторожных преступлениях возможна в том случае, если данный факт предусмотрен уголовным законодательством [6, с. 317].

Наибольший интерес вызывает тот факт, что вопреки ст. 32 УК РФ, правоприменители также признают совместные деяния по неосторожности, совершенные в соучастии. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 156 П16, указано, что по приговору, П. осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 109 УК РФ и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Согласно решению, Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и апелляционное определение в соответствии с ч. 4 ст. 65 УК РФ. Указанная статья позволяет не учитывать обстоятельства отягчающие наказания при назначении наказания лицу, признанному вердиктом коллегии присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающему снисхождения. В связи с этим установленное судом обстоятельство отягчающее наказание за преступление, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, – «группой лиц» – не должно учитываться при назначении наказания [7].

Возмутительным является, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил обстоятельство отягчающее наказание «совершение преступления группой лиц» в совершении неосторожного преступления (ч. 1 ст. 109 УК РФ) не в силу противоречия со ст. 32 УК РФ, а в силу применения ч. 4 ст. 65 УК РФ. Более того, законодатель, сам себе противоречив, регламентирует ответственность за групповое совершение неосторожного преступления, что приводит к непоследовательности и бессистемности уголовного законодательства.

С 2014 г. в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ закреплены деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 263.1 УК РФ) и организованной группой (ч. 4 ст. 263.1 УК РФ). Наибольший интерес вызывает законодательная процедура принятия квалифицирующих признаков в регламентации ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. На первоначальном этапе, в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 273657-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности». Изменения касались только Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» и Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». В ходе второго чтения законопроекта № 273657-6, таблица поправок № 1, содержала дополнение законопроекта новой статьей 263.1 УК РФ (поправка 46). В последующем новелла уголовного законодатель-

ства не насторожила Совет Федерации Российской Федерации и каких-либо замечаний юридико-технического характера не имела. Отметим, что состав преступления, предусмотренный ст. 263.1 УК РФ, введен в 2010 г., содержание которого кардинально отличалось от действующей нормы и не противоречило общим положениям института соучастия.

Вместе с тем, признав возможность сопричинение вреда в результате умышленных согласованных нарушений правил безопасности, Н. Пикуров отмечает о возможности совершения неосторожного преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в силу особенности состава [5, с. 56–62]. Тем самым, автор невольно расширяет границы института соучастия.

Несмотря на различные позиции, оппонирует господствующая точка зрения о совершении преступлений в соучастии только с умышленной формой вины. Верно подметил А. Ф. Зелинский, лица, которые осуществляют преступление по неосторожности, не становятся соучастниками. Поскольку, в результате отсутствия намерений на достижение преступного результата, исключается единство и взаимообусловленность действий лиц [2, с. 8]. При совершении преступления с неосторожной формой вины, совместный преступный результат выносится за рамки уголовно-правового вменения. Результатом такого совершения преступления являются побочные последствия. Таким образом, квалифицирующие признаки (совершение совместного преступления двумя или более лицами), закрепленные в составе преступления с неосторожной формой вины (ст. 263.1 УК РФ), требует исключения.

Библиографический список

1. Безбородов, Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учебное пособие / Д. А. Безбородов. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 88 с.

2. Зелинский, А. Ф. Соучастие в преступлении : лекция / А. Ф. Зелинский. – Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1971 – 43 с.

3. Колоколов, Г. Е. О соучастии в преступлении. (О соучастии вообще и о подстрекательстве в частности) / Г. Е. Колоколов. – М. : Университетская типография (М. Катков), 1881. – 211 с.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г. (ред. от 26.04.2017). – СПС «КонсультантПлюс».

5. Пикуров, Н. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности / Н. Пикуров // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 56–62.

6. Трайнин, А. Н. Избранные труды / А. Н. Трайнин ; сост., вступ. ст.: Н. Ф. Кузнецова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 898 с.

7. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г. (ред. от 26.04.2017). – СПС «КонсультантПлюс».

Зайцев О. А.[1]**,**
исполняющий обязанности заведующего
отделом уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
судоустройства Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Среди разнообразных сфер деятельности российского государства в области обеспечениях экономической безопасности одну из значимых мест занимает уголовная политика. Она уделяет особое внимание формированию ключевым направлениям, целям, принципам и средствам воздействия на экономическую преступность с помощью совершенствования действующего законодательства, правоприменительной практики, механизмов влияния на правовую культуру и правовое сознание граждан.

В юридической литературе имеется немало работ, в которых освещаются разнообразные позиции ученых относительно определения понятия «уголовная политика», содержания компонентов данного института, приоритетных направлений, преимущественных форм реализации и др. [3, с. 28; 10, с. 17: 11, с. 21; 12, с. 19].

В основе современной уголовной политики нашей страны в области обеспечения экономической безопасности лежат такие директивные документы, как Стратегия национальной безопасности [16; 6], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [6; 17]. В них содержатся ключевые положения, связанные со стратегическим планированием социально-экономического развития страны, определением основных направлений модернизации уголовной политики государства. Особый акцент делается на реализацию мер по предотвращению нецелевого использования и хищения государственных средств, коррупции, теневой и криминальной экономики. Обращается внимание на необходимость повышения привлекательности российской юрисдикции, совершенствования условий для бизнеса, стимулирования развития малого и среднего предпринимательства. Ставятся основные задачи по обеспечению экономической безопасности, среди которых:

– противодействие рейдерским захватам, иным преступным и противоправным действиям в сфере экономики, осуществляемых, включая вовлечение представителей правоохранительных органов;

---

[1] © Зайцев О. А., 2020.

– снижение рисков, возникающих при ведении предпринимательской деятельности, допускающих возможность применения различного рода формальных поводов для ее остановки;

– исключение случаев избирательного правоприменения к лицам, осуществляющим предпринимательскую и иную экономическую деятельность;

– создание необходимых условий, позволяющих исключить возможность сращивания противоправных интересов представителей бизнес-структур и правоохранительных органов.

Все это направлено на обеспечение надлежащей защиты личности, общества и государства от современных угроз, поступающих от экономической преступности; сокращение уровня социальной напряженности путем оптимального урегулирования возникающих юридических конфликтов [17, с. 19; 7].

В последнее время уголовная политика страны в области экономической безопасности характеризуется расширением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных гарантий по защите прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью [5, с. 8; 8, с. 129; 7].

Это выражается в гуманизации законодательства, направленности на смягчение мер уголовной репрессии, возникшей необходимостью соблюдения надлежащего баланса частных и публичных интересов, внедрении новых уголовно-процессуальных особенностей производства по уголовным делам в рассматриваемой сфере деятельности. Особо выявляется тенденция отказа от уголовно-правового регулирования новых общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности, вызванная экономической и социальной потребностью российского государства, появлением особых сложных связей и производственно-финансовых рисков [15, с. 17].

Среди перспективных направлений уголовной политики Российской Федерации называется поиск новых подходов в пенализации и депенализации общественно опасных деяний в области экономической деятельности. Обосновывается необходимость наибольшего использования компенсаторных наказаний (к примеру, возложения обязанностей по возмещению причиненного ущерба, штрафа в пользу потерпевшего, применения исправительных и обязательных работы), уголовно-правовых мер, являющихся альтернативными наказанию (сделки с обвинением при условии возмещения причиненного ущерба, трансакции, медиации и др.). В науке уголовного права отмечается целесообразность пересмотра подходов к уголовно-правовому реагированию на экономические преступления, деяния, рассмотрение возможности перевода ряда из них в разряд гражданских и административных правонарушений [4, с. 16].

Особо следует указать и на дальнейшую модернизацию судопроизводства, где получили дальнейшее развитие уголовно-процессуальные механизмы по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Создается особый, благоприятствующий процессуальный режим при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства [2, с. 6; 6; 7; 13, с. 54; 14, с. 61]. В последние годы в действующее законодательство внесены существенные дополнения и изменения,

направленные на расширение уголовно-процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью. Прежде всего, это коснулось:

– порядка рассмотрения сообщения о преступлении (чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ);

– возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 3 ст. 140 УПК РФ);

– избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ);

– совершения процессуальных действий с электронными носителями информации, другими предметами и документами, изъятыми в ходе производства по уголовному делу (ч. 4^1 ст. 164, ч. 1 ст. 164^1 УПК РФ);

– освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (ст. 76^1 УК РФ, ст. 28^1 УПК РФ) и др.

В заключение следует указать на ряд имеющихся законодательных инициатив в рассматриваемой в настоящей статье сфере деятельности, в связи с чем, в самом ближайшем будущем можно будет увидеть новые изменения и дополнения законодательства, направленные на обеспечение защиты экономических прав и свобод предпринимателей, а в целом – экономической безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00500 «Экономическая безопасность: теоретические основы, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения».

2. Александров, А. С. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / А. С. Александров, И. А. Александрова // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 1. – С. 5–20.

3. Воронин, М. Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития / М. Ю. Воронин. – М., 2000. – 40 с.

4. Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов, А. А. Гравина, Т. О. Кошаева и др. ; под общ. ред. В. П. Кашепова. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015.

5. Жилкин, М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности : монография / М. Г. Жилкин. – М. : ИД «Юриспруденция», 2019.

6. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

7. Иванов, Д. А. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 129–133.

8. Кадников, Н. Г. К вопросу о том, «кошмарят» ли бизнес в России / Н. Г. Кадников // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 127–133.

9. Кашепов, В. П. Особенности правового регулирования уголовной ответственности и уголовного судопроизводства в сфере противодействия экономической преступности / В. П. Кашепов // Законность в экономической сфере как необходимый фактор благоприятного инвестиционного климата: материалы VI Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 25 октября 2011 г.). – М. : ИД «Юриспруденция», 2012. – С. 283–284.

10. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики) / Г. Ю. Лесников. – М., 2004.

11. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М.: Волтер Клувер, 2009.

12. Максимов, С. В. Ключевые проблемы и перспективы новейшей уголовной политики / С. В. Максимов // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра. Девятые Кудрявцевские чтения (14 декабря 2016 г.). Сборник научных трудов / научн. ред. С. В. Максимов. – М. : Институт государства и права РАН, 2017. – С. 9–24.

13. Панфилов, П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019.

14. Попова, Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. …канд. юрид. наук. – Волгоград, 2019.

15. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев и др. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019.

16. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.03.2020).

17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.03.2020).

Заливин А. Н.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Рыжаков А. П.[2]**,**
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О СТАДИЯХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В ч. 9 ст. 109 УПК РФ определено содержание понятия «срок содержания под стражей в период досудебного производства». Он состоит из «срока содержания под стражей в период предварительного расследования» и «срока содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных» ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ. Срок же «содержания под стражей в период», в нашем случае, предварительного следствия завершается направлением уголовного дела прокурору с обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (далее для краткости – обвинительное заключение).

Не получается ли, что уголовный судопроизводство состоит из девяти, а не из восьми, как принято считать, а досудебное уголовно-процессуальное производство – из трех, а не из двух стадий? Возможно, в досудебном производстве, а значит и во всем уголовном судопроизводстве, имеется самостоятельная стадия – рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ? Более кратко, – стадия рассмотрения уголовного дела прокурором. Стадия, на существование которой обращали свое внимание ученые [1], но правовая основа которой отсутствовала.

Если такая стадия существует, то начинается она с момента получения уголовного дела прокурором с обвинительным заключением. Завершается направлением прокурором в суд уголовного дела с обвинительным заключением либо возвращением уголовного дела следователю (дознавателю и др.) для производства дополнительного следствия (дознания).

При таком толковании ч. 9 ст. 109 УПК РФ последовательно утверждение, что досудебное производство состоит из трех, а не из двух стадий. Ранее считалось, что деятельность прокурора по рассмотрению поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением осуществляется на стадии предварительного расследования[2]. Противоречит ли оно положениям, закрепленным в ч. 9 ст. 109 УПК РФ?

---

[1] © Заливин А. Н., 2020.
[2] © Рыжаков А. П., 2020.

Наиболее основательно, но небезупречно, по исследуемому вопросу высказался А. В. Смирнов Ученый считает, что «действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, было бы, на наш взгляд, правильнее считать самостоятельной, третьей стадией досудебного производства» [3]. Одним из аргументов является ссылка на то, что, якобы, «согласно ст. 158, ч. 2 ст. 162 и ч. 2 ст. 223 УПК РФ, предварительное расследование (следствие или дознание) может продолжаться лишь со дня возбуждения уголовного дела и до направления дела прокурору соответственно с обвинительным заключением или обвинительным актом» [3].

Между тем согласно п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ производство предварительного расследования оканчивается «по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, – в порядке, установленном главами 29–31» УПК РФ. Но, глава 31 включена в раздел VIII УПК РФ, регламентирующий предварительное расследование. Именно эта глава определяет требования к процедуре осуществления действий и принятия решений прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Поэтому ссылка на ст. 158 УПК РФ в контексте подтверждения наличия третьей стадии досудебного производства несостоятельна. Также как и ссылка на ч. 2 ст. 162 УПК РФ. В последней, речь идет о правилах исчисления срока предварительного следствия, а не о том, какие действия (решения) осуществляются в одноименный промежуток времени на стадии предварительного расследования.

И все же, период времени, в течение которого прокурор осуществляет деятельность, обусловленную поступлением к нему уголовного дела с обвинительным заключением, – это самостоятельная стадия уголовного процесса или часть стадии предварительного расследования?

Полагаем, это не самостоятельная стадия уголовного процесса. В то же время, эта деятельность не является предварительным расследованием. В стадии предварительного расследования, осуществляется не только предварительное расследование, но и другие виды уголовно-процессуальной деятельности. Одна из таковых – рассмотрение уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ.

Предварительное расследование – это деятельность следователя (дознавателя и др.) после возбуждения уголовного дела. Однако в период времени, именуемый стадией предварительного расследования, уголовно-процессуальную деятельность осуществляет не только следователь (дознаватель и др.). На этой стадии судебный контроль реализуется судом (судьей). Последний рассматривает и разрешает ходатайства следователя (дознавателя и др.) об избрании части мер пресечения, о производстве некоторых следственных действий и др. Прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. Защитник собирает и представляет доказательства. Это еще не полный перечень видов деятельности, которые, безусловно, являются уголовно-процессуальными, осуществляемыми в стадии предварительного расследования, но не следователем (дознавателем и др.). Од-

ной из таковых является и та, что предусмотрена ст.ст. 221, 222, 226, 226.8 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ.

Будут ее относить к одной из форм прокурорского надзора [3, с. 3] или нет, она все равно реализуется в период времени, именуемый стадией предварительного расследования. Но предварительным расследованием – деятельностью следователя (дознавателя и др.) она от этого, конечно же, не становится. Не является она и самостоятельной стадией уголовного процесса.

В этой связи предлагается совершенствование редакции ч. 9 ст. 109 УПК РФ. Представляется, в ней последовательнее было бы употреблять термин «срок содержания под стражей в период производства предварительного расследования», а не «срок содержания под стражей в период предварительного расследования». Наше уточнение не позволяло бы «предварительное расследование», о котором идет речь в ч. 9 ст. 109 УПК РФ, воспринимать как стадию уголовного процесса. На самом же деле здесь речь идет о сроке содержания под стражей в период осуществления следователем (дознавателем и др.) уголовно-процессуальной деятельности, именуемой также, как и стадия – предварительным расследованием.

Если законодатель согласится учесть наше предложение, уточненная формулировка ч. 9 ст. 109 УПК РФ могла бы выглядеть так: «В срок содержания под стражей в период досудебного производства включаются срок содержания под стражей в период производства предварительного расследования и срок содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных частью первой статьи 221, частью первой статьи 226, частью первой статьи 226.8 и частью пятой статьи 439 настоящего Кодекса. Срок содержания под стражей в период производства предварительного расследования исчисляется с момента заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу до направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера».

Библиографический список

1. Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В. Ф. Крюков. – М. : Норма, 2010. – 480 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

2. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие : в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др. ; под ред. В. М. Лебедева. – Ч. 1. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 231 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

4. Рыжаков, А. П. Комментарий к статье 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

5. Зыкин, В. К вопросу о полномочиях суда по устранению обстоятельств, препятствующих законному и обоснованному разрешению уголовного дела / В. Зыкин // Российский судья. – 2006. – № 1. – С. 2–9.

Золотухин Н. А.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя;

Кадатенко Е. П.[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24). Так, особый порядок ознакомления с материалами уголовного дела при расследовании преступлений закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) по окончании предварительного следствия правом ознакомления с материалами уголовного дела наделены потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также обвиняемый и его защитник (ст.ст. 216, 217)

Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия, безусловно, существенно, поскольку позволяет им оценить собранные доказательства, своевременно заявить ходатайства, принести жалобы на действия (бездействия) лиц, ведущих расследование, сформировать свою позицию для участия в судебном разбирательстве. Следует отметить, что этап ознакомления с материалами уголовного дела является единственным процессуальным действием, во время производства которого возможно проводить процессуальные, а также иные следственные действия.

---

[1] © Золотухин Н. А., 2020.

[2] © Кадатенко Е. П., 2020.

Однако, уголовно-процессуальное законодательство не содержит перечень следственных и процессуальных действий, а также порядок их производства, и последствий для предварительного расследования в целом.

Как известно, УПК РФ закрепляет право обвиняемого или его защитника, в том числе, и на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, заявить ходатайство о допросе новых свидетелей, производстве судебных экспертиз, а также других следственных действий. Данный факт может повлечь изменение квалификации деяния, объема ущерба или вреда, причиненного преступлением, а также наступление иных желаемых для обвиняемого или его защитника последствий. Следователь разрешает подобные ходатайства в соответствии со ст.ст. 120–122, 159, 219 УПК РФ.

Тем самым, в случае удовлетворения ходатайства уголовное дело будет дополнено новыми материалами, и потому обусловливает необходимость уведомить об этом заинтересованных лиц, а также предоставить им возможность ознакомиться с дополнительными материалами (ч. 2 ст. 219 УПК РФ).

Вместе с тем, зачастую, на практике возникают ситуации, при которых в случае удовлетворения заявленного ходатайства обвиняемого или его защитника, в ходе проведения дополнительных процессуальных или следственных действий, возникает необходимость в изменении предъявленного обвиняемому обвинения путем его дополнения или же предъявления нового обвинения. Или складывается ситуация, когда после уведомления участников уголовного судопроизводства появляется необходимость выполнения тех или иных следственных действий, о проведении которых стороны не ходатайствуют. Поэтому у следователя появляется ряд вопросов, основные из которых нам представляются:

– возможно ли без ходатайства участников уголовного судопроизводства на этапе окончания предварительного следствия проводить дополнительные следственные или процессуальные действия;

– возможно ли перепредъявить обвиняемому обвинение ввиду выявления новых обстоятельств по уголовному делу;

– возможно ли изменить предъявленное обвинение, не изменяя квалификацию вменяемого деяния.

Следует отметить, что положения ст. 219 УПК РФ неоднократно являлись предметом оспаривания их конституционности, поскольку могли позволить следователю на этапе ознакомления с материалами уголовного дела предъявлять новое обвинение.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял, что оспариваемые нормы не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан, поскольку в силу ст. 219 Кодекса в ходе ознакомления обвиняемого и его защитника с уголовным делом при наличии соответствующего ходатайства дело может быть дополнено новыми материалами, в том числе являющимися основанием для предъявления нового обвинения, при этом сторонам должна быть обеспечена возможность ознакомления с ними. Обвиняемый на основании принципов состязательности и равноправия сторон также имеет право на заявление ходатайств, в случае удовлетворения которых следователь дополняет материалы уголовного дела [1].

При этом в силу ст. 219 того же Кодекса в ходе ознакомления обвиняемого и его защитника с уголовным делом не исключается дополнение этого дела новыми материалами, однако только при наличии соответствующего ходатайства (часть первая) и при последующем уведомлении обвиняемого и его защитника об окончании производства дополнительных следственных действий и при предоставлении им возможности ознакомиться с полученными материалами (часть вторая). Соответственно, названные нормы не предполагают возможность произвольного дополнения материалов уголовного дела и ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела в неполном объеме [2].

Таким образом, исходя из определения Конституционного Суда Российской Федерции, отметим, что только при наличии соответствующего ходатайства возможно провести дополнительные следственные действия. Но не совсем ясно, может ли следователь по собственной инициативе проводить дополнительные следственные действия, ведь УПК РФ не содержит подобного указания в полномочиях следователя.

Очевидно, возможность производства того или иного следственного или процессуального действия на этапе окончания предварительного следствия, помимо закрепленных в УПК РФ случаях, должна быть предоставлена и следователю, который по собственной инициативе будет иметь право проводить дополнительные следственные действия, кои, на его взгляд, могут установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Библиографический список

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 2300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыжова Анатолия Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 219 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/71539856 (дата обращения: 31.03.2020).

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 г. № 878-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Олега Леонидовича на нарушение его конституционных прав статьей 4, частью первой статьи 34, частью шестой статьи 162, частью первой статьи 215 и частью первой статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70563974/#review (дата обращения: 31.03.2020).

Иванов Д. А.[1]***,***
начальник кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Говоря о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, следует сказать, что любое уголовно-наказуемое деяние, являясь деянием общественно-опасным, посягающим на общественные отношения, всегда вызывает определенные отрицательные последствия и причиняет определенный вред.

Анализируя конституционно-правовые основы государственно-правового устройства, следует отметить, что согласно диспозиции ст. 52 Конституции Российской Федерации «права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает им компенсацию причиненного ущерба». При этом законодатель понимает под компенсацией морального вреда не только непосредственное его заглаживание, но и определенный порядок деятельности органов государственной власти, связанный с установлением степени, характера и размера вреда, причиненного преступлением, а также процессуальные средства и способы, с помощью которых обеспечивается его компенсация.

Говоря о масштабах причинения вреда в результате совершения уголовно наказуемых деяний, следует обратиться к статистическим данным Федеральной службы государственной статистики России, из которых явственно следует необходимость рассмотрения поднимаемых вопросов на научно-теоретическом уровне. Согласно данным МВД России причиненный преступлениями ущерб в 2019 г. составил более 500 млрд руб.[10] Установленная сумма причиненного имущественного вреда от преступлений, совершенных только в сфере экономики, по оконченным расследованием уголовным делам в 2019 г. составила более 350 млрд руб.

Приведенные масштабные цифры отражают только имущественный вред, причиненный имуществу государства, юридических лиц и граждан, не говоря уже о других двух видах вреда – моральном и физическом, который также подлежит возмещению, согласно действующему законодательству. Какого-либо учета названных разновидностей вреда от преступлений просто не существует. Статистика здесь вообще не ведется по ряду причин.

Однако, такое положение дел явно не соответствует политике государства в целом, направленной на создание эффективной и целостной системы защиты прав и свобод лиц, потерпевших от преступлений (ст. 2 Конституции Российской Федерации, ст. 6 УПК РФ) и соответственно максимальную компенсацию вреда, причиненного в результате совершения уголовно наказуемых деяний.

---

[1] © Иванов Д. А., 2020.

В современной России, как уместно подмечают И. М. Комаров и В. А. Потетинов «вопросы правовой защиты гражданина в ситуациях причинения морального вреда и процедуры его материального компенсационного возмещения (в денежном эквиваленте) продолжительное время остаются дискуссионными не только среди научной общественности, но и в процессе законотворчества и правоприменения» [7, с. 59].

В связи с чем автор не может согласиться с позицией А. Э. Баянова, который отрицает наличие каких-либо уголовно-процессуальных положений, которые создают правовую основу реализации права потерпевшего на возмещение ущерба со стороны государства, закрепленного в ст. 52 Конституции Российской Федерации [1, с. 64].

Касаясь проблем установления, доказывания и компенсации морального вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями стоит поддержать В. Э. Козацкую, которая отмечает, что «механизм обеспечения прав потерпевших на возмещение причиненного преступлениями материального ущерба и компенсации морального вреда остается крайне несовершенным [6, с. 42].

Солидарна с вышеуказанным автором и М. А. Савкина, справедливо утверждающая, что «объемы возмещения морального вреда не регламентированы и законодательно не закреплены. Суды удовлетворяют иски потерпевших в минимальных размерах»[9, с. 49].

Дополняя вышесказанное, следует сказать, что важной процессуальной гарантией справедливой и разумной компенсации морального вреда, причиненного преступлением, служит доказанность факта его причинения в материалах уголовного дела в ходе производства предварительного расследования, и как следствие, создание условий для вынесения судом законного и справедливого приговора в части, касающейся в том числе удовлетворения исковых требований потерпевшего.

Обеспечение возмещения морального вреда лицам, потерпевшим от преступлений, осуществляется как в ходе предварительного расследования, так и на судебных стадиях уголовного процесса, а равно во время исполнения наказания (в ряде случаев выплата денежной компенсации продолжается и после исполнения наказания).

Заостряя внимание именно на роли органов внутренних дел, в структуру которых, как известно, входят и органы предварительного расследования, Н. В. Куркина уместно отмечает, что «вопрос о роли органов внутренних дел в осуществлении мер по обеспечению заявленного гражданами в ходе расследования иска о компенсации морального вреда является очень важным для практической деятельности» [8, с. 100]. Перефразируя вышеуказанного автора с позиции конституционно-правового на уголовно-правовой аспект данного вида деятельности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, отметим, что защита неимущественных прав лиц, ставших жертвами преступных деяний должна начинаться с установления фактов, являющихся основанием уголовной ответственности, и разъяснения потерпевшему его права на предъявление исковых требований о компенсации морального вреда.

Подчеркнем, что в случае нарушения имущественных прав потерпевшего требования о компенсации морального вреда в силу закрепленного за потерпевшим права на защиту могут быть также заявлены. При этом, следователю, дознавателю необходимо разъяснить право потерпевшему на заявление гражданского иска и принимать комплекс мер, направленных на обеспечение дальнейшей его компенсации.

При этом следователю, дознавателю следует также разъяснять потерпевшему не только право на заявление гражданского иска о компенсации морального вреда, но и объяснять способы подтверждения заявленных требований. Говоря об обосновании исковых требований по мнению А. В. Верещагиной наиболее распространены такие доводы как «степень нравственных страданий с учетом индивидуальных особенностей истца и фактических обстоятельств дела (состояние здоровья – нарушение сна, нервные переживания, головные боли, постоянная психотравмирующая ситуация…» [2, с. 54].

Именно на следователя и дознавателя, как утверждают Р. М. Евлоев и Д. Д. Сагова «ложится ответственность по обеспечению заявленного гражданского иска… В связи с этим необходимо разрешить вопросы реального гарантирования защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений» [5, с. 106].

Компенсация морального вреда, как обоснованно утверждает А. В. Гриненко «в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда» [3, с. 144]. Следуя разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации «при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования справедливости и соразмерности» [11].

Размышляя на срезе психологии и права Е. Н. Гриценко, предлагая инновационный подход, утверждает, что «в компенсацию морального вреда должно входить личное удовлетворение пострадавшего, которое позволило бы судам более точно определить присуждаемый размер компенсируемого морального вреда» [4, с. 14]. Однако, видится логичным и верным мнение о том, что указанное автором «личное удовлетворение пострадавшего» может наступить лишь тогда, когда его требование о компенсации морального вреда, выраженное, как правило, в определенной денежной сумме, будет полностью удовлетворено судом при вынесении приговора. При этом, как мы уже говорили, судебная практика в данном случае весьма противоречива, так как при совершении аналогичных уголовно наказуемых деяний судьи присуждают абсолютно разные суммы в счет компенсации морального вреда. Данная тенденция, естественно, не может удовлетворять потерпевших (гражданских истцов), так как указанные участники уголовного судопроизводства прежде чем предъявить гражданский иск и указать конкретную денежную сумму в счет компенсации морального вреда, причиненного преступлением, зачастую руководствуются

ранее вынесенными судебными решениями, которые, как известно общедоступны на сайтах Государственная автоматизированная системы Российской Федерации (ГАС РФ) «Правосудие», либо пользуются помощью профессиональных юристов.

В заключение автору видится убедительным и доказанным вывод о том, что классическая форма компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве обеспечивает реализацию конституционного права любого лица защищать свою позицию всеми законодательно разрешенными способами. При этом следует отметить, что здесь, как представляется, должна идти речь о более широком спектре способов – не только законодательно разрешенных, но и прямо не запрещенных действующим законодательством.

Библиографический список

1. Баянов, А. Э. О правах потерпевшего в уголовном процессе / А. Э. Баянов // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений). Сб. материалов международной науч.-практич. конф. : в 2-х ч. – М. : Академия управления МВД России. – 2015. – Ч. 1. – С. 64–67.

2. Верещагина, А. В. О факторах, влияющих на размер компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями дознавателя, следователя, прокурора и суда в ходе осуществления уголовного судопроизводства (на материалах судебной практики) / А. В. Верещагина // Государство и право. – 2013. – № 4. – С. 53–56.

3. Гриненко, А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях : дис. ... докт. юрид. наук. – Воронеж, 2001.

4. Гриценко, Е. Н. Моральный вред как последствие преступлений против жизни и здоровья : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005.

5. Евлоев, Р. М. Защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений в сфере уголовного в судопроизводства / Р. М. Евлоев, Д. Д. Сагова // Современная наука: теоретический и практический взгляд. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – НОУ «Вектор науки». – 2016. – С. 106–109.

6. Козацкая, В. Э. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлениями: взгляд на проблему // Гражданское право. – 2010. – № 4. – С. 42–45.

7. Комаров, И. М. Проблемные вопросы компенсации морального вреда в порядке реабилитации / И. М. Комаров, В. А. Потетинов // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 4 (27). – С. 59–62.

8. Куркина, Н. В. Правовая основа и практическая регламентация уголовно-процессуальной деятельности полиции по компенсации морального вреда // Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство (современное состояние и направления совершенствования): сборник трудов участников Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 13–14 апреля 2011 г.) / под ред. проф. А. В. Гриненко. – М. : Изд-во МГОУ. 2011. С. 100–104.

9. Савкина, М. А. Ответственность государства перед потерпевшим от преступления и механизм компенсации ущерба / М. А. Савкина // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 49–53.

10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/7087734/ (дата обращения: 02.02.2020).

11. Пункт 21 Постановления № 1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 4.

Ильин Н. Н.[1],
заведующий кафедрой судебно-экспертной
и оперативно-разыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В последнее время участились случаи использования заведомо технически неисправных транспортных средств, что нередко приводит к авариям, катастрофам и другим происшествиям на различных видах транспорта. А. И. Коробеев по данному поводу пишет о том, что снижение государственного контроля за соблюдением стандартов и технических условий способствует производству, ремонту и выпуску в эксплуатацию транспортных средств с имеющимися серьезными конструктивными дефектами, которые создают угрозу для безопасности их функционирования, что приводит к совершению преступлений [1, с. 3].

Появление новых объектов, видоизменение существующих могут привести к укрупнению рода экспертизы и выделению его в отдельный класс. К их числу следует отнести класс транспортно-технических судебных экспертиз, которые проводятся лицами, обладающими специальными знаниями в конкретной сфере транспорта и связанных с ними техническими науками. В то же время такие эксперты далеки от уголовного процесса, и руководствуются при производстве исследованиями не экспертными технологиями, а, в основном, сведениями из различных наук и нормативных правовых актов (за исключением автотехнических судебных экспертиз).

Попытки единого решения теоретических и методических вопросов, связанных с разработкой частной теории транспортно-технических судебных экспертиз отсутствуют. Лишь в 90-е гг. Р. С. Белкиным происходит упоминание о том, что такой самостоятельный класс, состоящий из четырех родов, вообще существует (правда, назван «инженерно-транспортные»). Им также говорилось о том, что из всех инженерно-транспортных судебных экспертиз наиболее разви-

[1] © Ильин Н. Н., 2020.

та автотехническая экспертиза, имеющая определенный теоретический и методический материал, позволяющий применять при производстве исследований единообразных коэффициентов и расчетных формул [2, с. 421].

Отсутствие общих методологических, недостаточная проработанность теоретических и прикладных основ, а также родовая разобщенность судебных экспертиз по исследованию транспорта не только негативно влияет на развитие данного направления в деятельности правоохранительных органов, но и заставляет следователей и суд часто ставить перед экспертами вопросы юридического характера. В большей степени это касается судебных экспертиз по исследованию объектов воздушного, водного и железнодорожного транспорта. В дальнейшем это может привести к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел, поверхностному расследованию, и как следствие – необоснованным приговорам. Эта проблема связана с тем, что в настоящее время нет единых подходов к теоретическому и методическому обеспечению транспортно-технических судебных экспертиз.

Специфика класса транспортно-технических судебных экспертиз состоит в том, что сама природа изучения его объекта познавательной деятельности представляется сложной, поскольку транспорт является многокомпонентным и комплексным понятием.

С одной стороны, транспорт – это отрасль материального производства, а, с другой стороны, – совокупность объектов транспортной инфраструктуры (пути сообщения, транспортные узлы, средства регулирования движения), транспортные средства и средства управления (сигналы светофора, различные нормативные акты, регулирующие процессы движения транспортные средств и т. п.). Применительно к транспортному процессу структура эксплуатации транспорта, исходя из второго его определения, представляет собой взаимосвязанную сложную систему: «лицо, управляющее транспортным средством – транспортное средство – пути сообщения – среда». Такая система позволяет ее изучить как в целом, так и отдельные составляющие (например, «транспортное средство – пути сообщения»). Каждый из всех вышеназванных элементов обладает определенными свойствами (техническими: например, скорость, масса, грузоподъемность, вместимость транспортного средства; технологическими, связанными с процессом изготовления и строением объектов транспорта; психофизиологические, связанные, например, с реакцией водителя на возникшую ситуацию в процессе движения и др.).

Применительно к рассматриваемым обстоятельствам не сформировался на данный момент единый подход к пониманию сущности предмета, объектов, экспертных задач, методического обеспечения, оформления заключения эксперта при производстве авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз судебных экспертиз. Исключение составляют лишь автотехнические судебные экспертизы, которые по большей части уже имеют решения обозначенных проблем.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что транспортно-технические судебные экспертизы являются несформированным классом судебных экспертиз. В связи с этим имеют место и требуют своего глубокого

научного решения проблемы теоретического, методического, организационного и правового характера, касающиеся:

– разработки единой концепции, с учетом интеграции знаний, для формирования научных основ как базы для экспертного исследования и теории транспортно-технических судебных экспертиз (понятие и классификация транспортно-технических судебных экспертиз, система общих понятий предмета, объектов, экспертных задач, методы и общие подходы к производству экспертного исследования);

– организации назначения и производства судебной экспертизы по исследованию транспортных средств и связанных с их участием других объектов в транспортных происшествиях;

– оформления результатов экспертного исследования;

– использования результатов транспортно-технических судебных экспертиз при раскрытии и расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также в ходе судебного разбирательства.

Это, на наш взгляд, позволит обеспечить методологическое единство отдельно существующих и пока не связанных между собой авиационно-технических, автотехнических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз.

Библиографический список

1. Коробеев, А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография / А. И. Коробеев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 486 с.

2. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА, 2001. 990 с.

Ильяшевич Т. А.[1],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Федеральным Законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации» УПК РФ дополнен новой ст. 278.1, предусматривающей производство судом допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи [1]. С введением данной нормы, можно отметить положительные стороны: сокращение срока судебного разбирательства, сокращение расходов, связанных с прибытием участников, проживающих на значительных расстояниях от места рассмотрения уголовного дела в суде. Учитывая положительные аспекты данных изменений, 8 апреля 2015 г. в Государственную Думу Российской Федера-

[1] © Ильяшевич Т. А., 2020

ции был внесен проект Федерального закона № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи)»[2], в котором предлагалось дополнить главу 22 ст. 164.1 «Общие правила применения видео-конференц-связи при производстве следственных и иных процессуальных действий». Данный законопроект на основании Заключения Правового Управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации от 25 октября 2016 г. был направлен для дополнительного обсуждения, в связи с наличием в нем неточностей и пробелов [3].

В науке уголовного процесса также неоднократно поднимался вопрос о необходимости дополнения УПК РФ нормой, предусматривающей возможность производства допроса в ходе предварительного расследования с использованием средств видео-конференц-связи. Нельзя отрицать назревшую необходимость использования средств видео-конференц-связи при производстве предварительного следствия.

В данной ситуации можно обратиться к законодательству стран СНГ, в уголовно-процессуальных кодексах, которых находит свое закрепление производство допроса, с использованием систем видео-конференц-связи (Казахстан), а в ряде стран, например в Украине, возможно производство и опознания, в Республике Беларусь еще производится и очная ставка. В уголовно-процессуальном законодательстве этих стран можно проследить большое количество схожих положений, так как все они были частями СССР и существовали в единой правовой среде. В ст. 213 УПК Казахстана рассмотрены особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос) [4]. В ст. 224.1 УПК Беларуси закреплено проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи [5]. И сходя из анализа данных норм можно прийти к выводу, что случаи для производства допроса с использованием систем видеоконференц-связи схожи. Они сводятся к невозможности прибытия участника процесса для производства следственного действия по уважительным причинам; для обеспечения безопасности участников процесса; потерпевший или свидетель несовершеннолетний; для соблюдения сроков уголовного процесса; а также при исключении значительных затрат при производстве допроса. Решение об использовании систем видео-конференц-связи, может быть принято должностным лицом самостоятельно или на основании ходатайства участников уголовного процесса. Направляется поручение в орган по месту нахождения допрашиваемого лица. При допросе составляется протокол, осуществляется видеозапись, которая по окончании допроса в полном объеме воспроизводится для ознакомления допрашиваемому лицу. Протокол подписывается допрашиваемым лицом и затем направляется должностному лицу инициировавшему производство дистанционного следственного действия.

Таким образом, проанализировав законодательство данных стран, можно отметить положительные моменты использования систем видео-конференц-связи и также закрепить в УПК РФ основания и порядок использования видеоконференц-связи применительно для досудебного производства России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ Законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Проект Федерального закона № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видео-конференц-связи)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08.04.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Заключение Правового Управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25 октября 2016 г № 2.2-1/4774 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.

Клещина Е. Н.[1]*,*
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

О ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОСУДЕБНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современный период продолжается реформирование уголовного судопроизводства. Результатом чего являются многочисленные изменения и дополнения, вносимые законодателем, в уголовно-процессуальный закон, в том числе, касающиеся досудебного производства.

В этих условиях чрезвычайно важное значение имеет обеспечение прав и законных интересов личности, оказавшейся в сфере уголовного судопроизводства. При этом, особое внимание заслуживают вопросы процессуального положения потерпевшего и обеспечения его прав.

Отметим, что в последние годы неоднократно вносились изменения и дополнения в ст. 42 УПК РФ, устанавливающую понятие и процессуальное положение потерпевшего. Тем самым в законе не только уточнен порядок признания лица потерпевшим, но и расширены его процессуальные права.

Если в рамках классической отечественной процессуальной традиции лицо признавалось потерпевшим только после получения достаточных доказа-

[1] © Клещина Е. Н., 2020.

тельств, указывающих на факт причинения вреда, то в последние годы подход изменился [1].

В соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 42 УПК РФ, решение о признании лица потерпевшим необходимо принимать незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформлять постановлением дознавателем, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Казалось бы, что порядок признания лица потерпевшим изложен законодателем после внесения в него изменений Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ безупречно. Однако в правоприменительной практике продолжают встречаться ситуации, когда лицо признается потерпевшим не своевременно, что бесспорно, нарушает его конституционное право на доступ к правосудию, поскольку оно лишено возможности своевременно реализовывать свои права, участвовать при производстве по уголовному делу.

На данные факты обращает внимание в своем докладе Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова.

В докладе за 2018 г. отмечается, что много жалоб поступает на нарушения ч. 1 ст. 42 УПК РФ, в соответствии с которой решение о признании потерпевшим должно приниматься незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляться постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Однако проблема заключается в том, что следователи (дознаватели) не всегда вместе с постановлением о возбуждении уголовного дела выносят постановление о признании лица потерпевшим, что лишает его возможности реализовать права, предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ. В этой связи целесообразно закрепить в указанной статье УПК РФ обязанность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, одновременно принимать решение о возбуждении уголовного дела и признании лица потерпевшим.

К Уполномоченному обратилась гражданка Г. с жалобой на ненадлежащее расследование СО по г. Сатка СУ СК России по Челябинской области уголовного дела по факту смерти ее малолетнего сына и на халатность должностных лиц администрации муниципального района. Данное обращение было направлено в прокуратуру Челябинской области. По требованию надзирающего прокурора для правовой оценки действий должностных лиц администрации муниципального района следователем были выделены соответствующие материалы, по результатам проверки которых указанным следственным отделом 19 марта 2018 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, а заявитель признана по нему потерпевшей.

В своих обращениях заявители также жалуются на то, что органами предварительного следствия и дознания выносятся необоснованные и немотивированные постановления о приостановлении или прекращении производства по уголовному делу, порой без проведения всех необходимых оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. К сожалению, нередко при последующих проверках доводы, изложенные в жалобах потерпевших, подтверждаются.

Для проверки и разрешения ситуации, изложенной в жалобе К. на незаконность прекращения СО ОМВД России по Новокубанскому району Краснодарского края уголовного дела по факту гибели в ДТП его родственников, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обратилась к прокурору указанного субъекта Российской Федерации. Изложенные в жалобе факты нашли свое подтверждение, прокуратурой Новокубанского района постановление следователя о прекращении уголовного дела отменено, расследование возобновлено.

В этой связи принципиальному прокурорскому реагированию должны подвергаться нарушения уголовно-процессуального законодательства, допускаемые при вынесении процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия и дознания при отсутствии оснований, установленных ст. 208 УПК РФ, и прекращении уголовного дела. Недопустимой является подмена указанными процессуальными решениями фактического продления сроков предварительного расследования [2].

В статье затронем еще несколько проблемных и дискуссионных вопросов, касающихся участия потерпевшего в досудебном производстве по уголовным делам.

Прежде всего, обеспечение прав лиц, потерпевших от преступлений на стадии возбуждения уголовного дела. Укажем, что в последние годы в ст. 144 УПК РФ, устанавливающую порядок рассмотрения сообщения о преступлении были внесены достаточно существенные изменения, которые расширили круг процессуальных действий, которые возможно проводить на данном этапе уголовного процесса, в установленные законом сроки. Поэтому следует признать, что стадия возбуждения уголовного дела в действующей редакции весьма объемна. В этой связи, становятся чрезвычайно актуальны вопросы, связанные с обеспечением прав личности на данном этапе уголовного судопроизводства [3].

Укажем, что ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. дополнена п. 1.1, в соответствии с которым лицам, участвующим при производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Вместе с тем, подчеркнем, что лица, принимающие участие на данной стадии, в том числе и лица, потерпевшие от преступлений не могут быть признаны соответствующими участниками процесса, например, потерпевшими, т.к. это возможно только после возбуждения уголовного дела на стадии предварительного расследования.

Поэтому научная полемика о том, каким же должен быть порядок производства на стадии возбуждения уголовного дела и целесообразно ли вообще эта стадия, становится еще более ожесточенной.

Кроме того, на практике возникают проблемы, связанные с нарушением прав лиц, потерпевших от преступлений.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 30 января 2020 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждански Э. Р. Юровских» признал ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ст.ст. 15 (ч. 4), 17, 46 (ч. 1 и 2) и 52, в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу прекращено в связи со смертью подозреваемого.

Ситуация заключалась в том, что в передаче кассационной жалобы заявительницы Э. Р. Юровских, действующей в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери М., для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции отказано (определение судьи Астраханского областного суда от 26 октября 2018 г. и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2019 г.).

Э. Р. Юровских, действующей в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери М., родившейся в 2012 г., указанными судами отказано в удовлетворении административных исковых требований о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Признавая срок судопроизводства разумным, суды исходили из того, что период с момента обращения Э. Р. Юровских с заявлением о проведении проверки и привлечении к уголовной ответственности лиц, действия (бездействие) которых привели к внутриутробной смерти двух ее детей, а также причинили вред здоровью третьему ребенку (10 июля 2013 г.), до признания Э. Р. Юровских и несовершеннолетней М. потерпевшими (14 апреля 2014 г. и 30 июня 2017 г. соответственно) не подлежит включению в срок судопроизводства по данному делу (несмотря на решения об отказе в возбуждении уголовного дела, неоднократно принимавшиеся в этот период), а потому продолжительность судопроизводства следует исчислять со дня признания указанных лиц потерпевшими и по день вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого (30 января 2018 г.).

По нашему мнению, на стадии возбуждения уголовного дела должен решаться единственный вопрос о том, имеются ли признаки преступления или таковые отсутствуют. После чего необходимо незамедлительно принимать решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Поэтому можно было бы учесть опыт предыдущего УПК в регламентации порядка производства на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

Кроме того, обратим внимание на комплекс прав потерпевшего на некоторые проблемы их реализации.

Так, п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусмотрено право потерпевшего знать о предъявленном обвинении. Однако в ст.ст. 171–175 УПК РФ, регламентирую-

щих порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, не предусмотрена процедура реализации указанного права потерпевшего.

Представляется, что в целях его эффективной реализации в УПК РФ должно содержаться указание на обязанность вручения потерпевшему копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Кроме того, укажем, что, к сожалению, в системе прав потерпевшего, установленных ст. 42 УПК РФ, не предусмотрено право знать об уведомлении о подозрении в совершении преступления. Соответственно в ст. 223.1, предусматривающей порядок уведомления о подозрении не предусмотрена процедура реализации указанного права потерпевшего.

Таким образом, очевидно, что необходимо дальнейшее развитие уголовно-процессуального закона и практики его применения, в направлении развития процессуального положения потерпевшего, обеспечения его прав и законных интересов.

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – 2-е изд., испр. – М., 2017. – С. 334–335.

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. – 2019. – № 125 (7883). – 11 июня.

3. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

Кондрат И. Н.[1],
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России,
доктор юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Стержень уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях составляет производство следственных действий, подавляющее большинство из которых связано с ограничением конституционных прав и свобод личности. Именно поэтому, с учетом реформирования уголовного судопроизводства, особую актуальность имеет рассмотрение проблем обеспечения прав участников уголовного процесса при производстве следственных действий.

[1] © Кондрат И. Н., 2020.

Как обоснованно подчеркивается в научной литературе, «права личности нуждаются в надлежащем обеспечении, причем не только в соответствии с российском уголовно-процессуальным законом, но и с требованиями современных международных стандартов по осуществлению уголовного судопроизводства [1].

Подчеркнем, что ряд положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства отдельных следственных действий непосредственно направлен на охрану частной жизни личности.

Так, при производстве обыска и выемки закон обязывает следователя до начала поиска и изъятия предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, предложить лицу выдать их добровольно. В случае добровольной выдачи, подлежащих изъятию предметов, документов и ценностей и при отсутствии оснований опасаться их сокрытия, следователь вправе ограничиться изъятием выданного и не производить обыск (ч. 5 ст. 182, ч. 5 ст. 183 УПК РФ). Наряду с этим, следователь обязан принять меры к неразглашению обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого были произведены обыск и выемка, его личной и (или) семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц, выявленных в ходе проведения этих следственных действий (ч. 7 ст. 182, ч. 2 ст. 183 УПК РФ).

В соответствии со ст.ст. 177, 182, 183 УПК РФ изъятию при производстве осмотра, обыска, выемки подлежат только те предметы и документы, которые имеют отношение к уголовному делу.

При этом укажем, что в последние годы в УПК РФ законодателем внесены изменения и дополнения, касающиеся особенностей изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Так, например, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ уголовно-процессуальный закон дополнен ст. 164.1 в соответствии с которой при производстве по уголовным делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев, когда: 1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации; 2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения; 3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение (ч. 1).

Согласно ч. 2 указанной статьи электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. В случае копирования информации специалистом при производстве следственных действий электронные носители информации передаются законному владельцу, о чем делается запись в протоколе.

На наш взгляд, в современный период, т. е. в период развития информационных технологий, установление вышеобозначенного порядка изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий является важнейшей гарантией обеспечения

прав и законных интересов личности, участвующей в уголовном судопроизводстве.

Отметим также, что производство следственного эксперимента допускается при условии, если при этом не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц (ст. 181 УПК РФ).

При получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, унижающие честь и достоинство человека (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

Помимо этого уголовно-процессуальный закон разрешает проведение фотографирования, видеозаписи и киносъемки при освидетельствовании, сопровождаемом обнажением лица, только с согласия освидетельствуемого (ч. 5 ст. 189 УПК РФ).

Фонограмма, полученная в ходе контроля и записи переговоров, в полном объеме приобщается к материалам дела как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ее прослушивания и тиражирования посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность (ч. 8 ст. 186 УПК РФ).

При этом системный анализ норм уголовно-процессуального закона со всей очевидностью свидетельствует о том, что внимание законодателя к вопросам обеспечения неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий носит фрагментарный характер. Это, в свою очередь дает основание для вывода об отсутствии единой концепции охраны прав личности в уголовно-процессуальном законодательстве.

Основной довод в пользу такого вывода заключается в следующем: буквальное толкование приведенных выше норм уголовно-процессуального закона неизбежно приводит к заключению о том, что они распространяются исключительно на упомянутые в них следственные действия и, как следствие, не должны применяться при производстве иных следственных действий.

Так, в частности, исходя из того, что в условиях, обеспечивающих сохранность и недоступность для посторонних, должна содержаться только фонограмма контроля и записи переговоров, следует, что доказательства, а также изъятые предметы и документы, имеющие отношение к частной жизни граждан, полученные при производстве иных следственных действий, можно содержать в любых условиях, тиражировать и предавать гласности.

Однако справедливости ради отметим, что уголовно-процессуальной наукой и следственной практикой давно признана необходимость руководствоваться вышеупомянутыми правилами при производстве всей совокупности следственных действий или, по крайней мере, большинства из них. Так, в частности, принятие мер к сохранению в тайне обстоятельств частной жизни граждан распространяется не только на случаи, когда эти обстоятельства стали известны в ходе проведения обыска и выемки, но и иных следственных действий (осмотра места происшествия, допроса, проверки показаний на месте и т. д.). И, наконец, не вызывает сомнений бесспорность факта, что производство любого следственного действия, а не только следственного эксперимента, должно осу-

ществляться в условиях, исключающих не только угрозу жизни и здоровью участвующих в нем иных граждан, но и возможность возникновения таковой.

Таким образом, с одной стороны, требование о недопустимости неправомерного ограничения права на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий должно иметь общеобязательный характер, с другой – согласно действующему законодательству оно не распространяется на все следственные действия без каких-либо исключений.

В этой связи, безусловно, положения ст. 164 УПК РФ, содержащие общие правила производства следственных действий, безусловно, важны. Однако, учитывая несомненную важность этих правил в аспекте обеспечения прав и свобод личности, полагаем, что она нуждается в определенной корректировке.

Так, полагаем целесообразным:

– ч. 4 ст. 164 УПК РФ изложить в следующей редакции: «При производстве следственных действий недопустимо создание опасности либо угрозы возникновения таковой для жизни и здоровья и собственности участвующих в них лиц, а равно применение к этим лицам насилия, угроз и иных незаконных мер, унижающих их человеческое достоинство, порочащих честь, доброе имя и репутацию»;

– дополнить ст. 164 УПК РФ ч. 3.1 следующего содержания: «Следователь принимает меры к неразглашению выявленных при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни, участвующих в них лиц, а равно иных лиц, их личной или семейной тайны.

Поскольку любое следственное действие, производство которого осуществляется в жилище в той или иной степени ограничивает конституционное право личности на неприкосновенность частной жизни, полагаем, что их производство требует получения согласия проживающих в нем лиц либо судебного решения. Поэтому нами предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 164 УПК РФ: «В случаях, предусмотренных пп. 4–9 и 11 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, а равно в иных случаях, сопряженных с проникновением в жилище, производство следственных действий допускается на основании судебного решения».

Библиографический список

1. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник для студентов, вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. – М. : Юнити-Дана, 2019.

Кузора С. А.[1]*,*
доцент кафедры уголовного процесса
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института
МВД России, кандидат юридических наук

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ВУЗАХ МВД РОССИИ

Сложившаяся в последнее время ситуация в органах предварительного следствия МВД России, связанная со значительным некомплектом кадров требует кардинальных действий, в том числе и от ведомственных образовательных учреждений, осуществляющих подготовку следователей по специальности 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности. Повышение качества подготовки выпускников ведомственных вузов упирается в несовершенство отдельных нормативных актов. Отход в последнее десятилетие от сложившейся традиционной схемы подготовки следователей, в том числе и с отходом от сложившейся схемы прохождения практик курсантами и слушателями, привел к фактическому снижению качества подготовки выпускников.

Учебная практика, бесспорно, является одним из важнейших элементов учебно-воспитательного процесса по подготовки квалифицированных следователей. Ранее, в ходе анализа подготовки следователей нами высказывались мысли о нецелесообразности изменения существовавшей до 2012–2014 гг. схемы организации прохождения практик в образовательных учреждениях МВД России [1; 2]. До начала реформы образования, начавшейся с 2011 г., порядок организации и прохождения практики курсантами вузов МВД регламентировался «Типовым положением об организации и проведении учебной практики курсантов и слушателей учебных заведений МВД РФ», закрепленным приказом МВД России от 7 апреля 1993 г. № 158 согласно положений которого курсанты за пять лет обучения проходили три практики. На третьем курсе, не изучившие в полном объеме дисциплины «Уголовный процесс», «Криминалистику», «Уголовное право», «Предварительное следствие в ОВД», курсанты в течении двух недель знакомились с работой следователей, оказывали техническую помощь по уголовным делам, присутствовали при производстве следственных действий проходили ознакомительную практику, в ходе которой изучали деятельность органов внутренних дел. По окончании четвертого года обучения, изучив все основные дисциплины профессионального блока, плюс отдельные дисциплины, связанные с особенностями расследования отдельных видов преступлений, курсанты проходили практику по профилю специальности, в ходе которой назначались приказом Начальника УМВД России по Приморскому краю на должности и.о. следователя с правом расследования неочевидных уголовных дел. На пятом курсе, в течении весеннего семестра, слушатели (будучи уже мл. лейтенантами), окончив изучение всех дисциплин, 4 ме-

[1] © Кузора С. А., 2020.

сяца проходили преддипломную практику, занимаясь сбором эмпирического материала, написанием выпускной квалификационной работы, для чего им выделялся один день в неделю. При этом слушатели, фактически готовые юристы, назначались на должности следователей, с назначением соответствующего оклада с правом расследования под присмотром наставников уголовных дел и направлением их в суд. По окончании вуза готовые к работе выпускники распределялись к местам постоянной работы и приступали к исполнению своих обязанностей.

С принятием нового закона «Об образовании» и ФГОС по специальности 030901 – Правовое обеспечение национальной безопасности в 2011 г., замененного на новый в 2016 г. по той же специальности, но с шифром 40.05.01, [3] приказ МВД России № 158 (1993 г.) утратил силу, в результате чего количество практик сократилось с трех до двух, что разрушило взаимосвязь теории и практики, когда курсанты в течении третьего-пятого курса курсанты, изучив теоретические дисциплины, закрепляли их на практике. В настоящее время курсанты на третьем курсе, не обладая еще достаточными знаниями, на протяжении 6 недель непонятно зачем проходят учебную практику по получению первичных профессиональных умений, и далее только в начале пятого курса в течении 17 недель проходят производственную, в том числе преддипломную практику по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности. При этом изменился учебный план, и практика с весеннего (десятого) семестра пятого курса сместилась на девятый (осенний семестр), когда изучение дисциплин еще не окончено. В приказе № 158 МВД России назначением преддипломной практики (стажировки) являлось максимальное ускорение адаптации выпускников к практической деятельности (п. 1.3.2), а в итоге мы получили ухудшение ситуации, связанное с несколькими факторами, первым из которых является отказ от практики по окончании четвертого курса, где курсанты осваивали азы работы следователя и готовились к практике на пятом курсе, где уже расследовали, направляя уголовные дела в суд с обвинительным заключением.

Изменение схемы прохождения практик еще можно как-то объяснить приказами Минобрнауки, но главный удар по системе подготовки кадров был нанесен приказом МВД России от 6 июня 2012 г. № 681, позднее замененным приказом МВД России от 19 сентября 2016 г. № 541, замененным на ныне действующий приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации», в котором закреплено положение об обязательном наличии высшего юридического образования у лиц, замещающих должности следователей (п. 79 Приказа №50). На основании этого пункта слушатели 5 курса образовательных учреждений МВД России не могут быть назначены на должность следователей и допущены к расследованию уголовных дел. Однако при этом указанные приказы в разных редакциях допускали и допускают отдельные категории сотрудников ОВД к назначению на должности следователей без юридического образования, но только не слушателей 5 курса, практически окончивших обучение в вузе МВД России. К примеру, приказ № 50 в пп. 80–80.3

допускает к назначению на должности следователей несколько категорий, в том числе и лиц, имеющих высшее неюридическое образование, стаж в ОВД не менее одного года и обучающихся (судя то тексту приказа на любом курсе) в образовательной организации высшего образования, имеющей государственную аккредитацию, по направлениям подготовки (специальностям) 40.03.01 Юриспруденция, 40.04.01 – Юриспруденция, 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 – Правоохранительная деятельность или имеющих оконченное среднее юридическое (у которых срок обучения 2–2,5 года) и стаж работы в ОВД 1 год.

Логику авторов приказа сложно понять – стать следователем может практически кто угодно, придя на работу в ОВД и прослужив 1 год, а курсант юридического вуза МВД России, проучившийся 5 лет и изучивший специализированные дисциплины на период прохождения преддипломной практики на должность следователя (с наставником) назначен быть не может. При этом если изменение количества практик – это следование за законом «Об образовании» ФГОС по специальности 40.05.01, то невозможность назначить слушателя 5 курса вуза МВД России на период прохождения преддипломной практики – это решение МВД России, негативно отразившееся на уровне практической подготовки выпускников. В ходе прохождения практик по старой схеме слушатели за период прохождения практики на 5 курсе направляли не менее 1–3 уголовных дел в суд, а наиболее способные оканчивали производством по 5–7 уголовных дел. В результате этого МВД России получало выпускников, готовых самостоятельно проводить расследование уголовных дел с первого дня назначения на должность, что существенно сокращало временные затраты на вливание в коллектив и уменьшало нагрузку на штатных следователей.

В настоящее время выпускник по окончании вуза прибывает к месту службы, где еще в течении длительного времени осваивает расследование реальных уголовных дел, что ведет к повышению нагрузки на других следователей, необоснованным временным и материальным затратам. На наш взгляд выход из ситуации видится в том, чтобы внести в п. 80 Приказа МВД России № 50, положения, аналогичные ст. 16 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», разрешающие в исключительных случаях назначение на должности следователей лиц, обучающихся не менее половины срока получения образования по программе высшего образования укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция».

Библиографический список

1. Загвоздкин, Н. Н. Об организации стажировки (преддипломной практики) слушателей следственной специализации вузов системы МВД России / Н. Н. Загвоздкин // Закон и право. – 2015. – № 1. – С. 102–105.

2. Кузора, С. А. О необходимости совершенствования порядка прохождения учебной практики в вузах МВД России / С. А. Кузора // Сборник статей международной научно-практической конференции по теме «Обучение полицейской специальности в современных международных условиях». Хэйлунзянский институт народной полиции КНР. – 2017. – С. 276–281.

3. Приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2016 г. № 1614 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

Кулакова Т. Г.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
МВД России

ХИЩЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ ГРАЖДАН

Возможность дистанционного (удаленного) пользования и распоряжения денежными средствами предоставляет правонарушителям, владеющим определенной информацией, оборудованием и технологиями, или подчас обманом, наблюдательностью, шанс похитить накопления у граждан. Способов дистанционного хищения денежных средств достаточно много, однако, как показывает практика, наиболее часто преступления совершаются в сфере IT-технологий.

Сегодня наиболее популярными является незаконное присвоение денежных средств физических лиц, через использование сервиса (системы) удаленного доступа банковским услугам.

Также большое распространение в последнее время получили «дистанционные преступления», в ходе которых мошенники звонят по телефону или присылают SMS сообщения, в которых указывают гражданам, что «Ваш родственник в полиции или Ваш родственник попал в беду», и для его освобождения необходимо передать определенную денежную сумму неизвестным лицам или перечислить на какой-либо номер.

Большинство субъектов России регистрирует существенный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации самыми распространенными преступлениями стали деяния, предусмотренные ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ. Их число в 2020 г. выросло, по сравнению с 2019 г.

Преступления, совершаемые в экономической сфере достаточно сложно выявлять, пресекать и раскрывать, а тем более, если они совершаются с использованием или посредством электронных дистанционных систем. Данное обстоятельство, помимо прочих, усиливает тезис о том, что самой эффективной и основной формой противодействия таким отрицательным социальным явлениям как хищение (мошенничество, кража) денежных средств физических лиц, с по-

[1] © Кулакова Т. Г., 2020.

мощью использования сервиса (системы) удаленного доступа банковским услугам может являться только профилактика и предупреждение.

Диспозиция ст. 159.3 УК РФ не предусматривает такой способ совершения мошенничества, как «злоупотребление доверием». Мошенничество при использовании платежных карт может совершаться только путем обмана. Доказывание самого умысла по подобного рода делам особой сложности не представляет. Стороне обвинения достаточно лишь указать, что лицо полностью осознавало, что использует чужую либо поддельную карту и совершает хищение средств, обманывая сотрудников кредитной, торговой или иной организации.

Пример, в дежурную часть обратилась 51-летняя местная жительница с заявлением о хищении у нее денежных средств неизвестными лицами.

Женщина призналась, что в начале октября, просматривая ленту в социальной сети «Одноклассники», наткнулась на рекламный баннер брокерской компании «FX-BASE». Перейдя через баннер на одноименный сайт, она оставила номер телефона для связи. Через время с женщиной связался представитель фирмы и заверил, что поможет выиграть деньги. В дальнейшем гражданка, по указанию «брокера», зарегистрировалась в личном кабинете. Для первой ставки ей необходимо было пополнить личный счет на 15 тыс. руб. Пару недель, действуя по указанию вышеуказанного помощника, женщина выигрывала крупные суммы денежных средств. После чего «брокер» предложил ей перейти на более существенные ставки и уговорил взять кредит, заверив, что она его быстро вернет. Таким образом, женщина взяла на себя кредитные обязательства на сумму 648 тыс. руб. Денежные средства гражданка переводила двумя частями, 500 тыс. непосредственно в офисе банка, 100 тыс. через онлайн-кошелек с пометкой «возврат долга», как диктовал ее помощник, якобы для усыпления бдительности службы безопасности банка-переводчика. Все денежные средства женщина в дальнейшем увидела на своем личном счете. Когда же, проведя очередные процедуры по ставкам, она проиграла часть денег, то попросила о выводе личных средств курирующего представителя, на что услышала различного рода отговорки, а затем и угрозы. Представитель заявил, что о ее махинациях сообщат в международную организацию, после чего она никогда не сможет выехать за границу, если не переведет еще денег. После этого, почитав отзывы о данном сайте, женщина поняла, что стала жертвой мошенников, которые в целом причинили ей ущерб на сумму 733 тыс. руб.

Спустя несколько дней по пути домой на волнах автомобильного радио заявительница услышала рекламное объявление, которое содержало в себе информацию с номером телефона горячей линии для жертв мошенничества. Женщина позвонила по указанному номеру, объяснила свою ситуацию, с ней также связались специалисты по решению подобного рода проблем. Для решения вопроса ей необходимо было представить ряд документов и направить посредством электронной почты. После процедуры с документами женщине позвонил якобы сотрудник Следственного комитета России. Мужчина предложил свою помощь по возврату денежных средств, так как, с его слов, он более 7 лет занимается подобного рода преступлениями. Совсем недавно им установлен банк, на счет которого мошенники переводят денежные средства своих жертв, в

том числе среди пострадавших он встретил фамилию заявительницы. Но, так как коммерческая организация находится на Кипре, для их вывода необходимо внести 150 тысяч рублей, что женщина и сделала, попросив взять кредит.

Таким образом, в общей сложности женщина лишилась порядка 900 тыс. руб.

При проведении разъяснительной работы с населением в рамках профилактических мероприятий в сфере противодействия преступления, связанные с несанкционированным снятием денежных средств с банковских карт граждан, следует знать, что основными видами преступлений в рассматриваемой сфере являются:

– кражи (снятие) денежных средств, когда преступникам стал известен ПИН-код, либо они завладели банковской картой потерпевших;

– снятие денег путем использования преступниками скример-устройств;

– снятие денег, когда преступники воспользовались услугами «мобильного банка».

Таким образом, носитель информации о коде доступа к банковской карте нужно хранить в труднодоступном месте и не брать его с собой.

– сообщать ПИН-код посторонним лицам или отдавать карту им в пользование (на пример: сходить в магазин приобрести товар);

– совершать операции с картой, не убеждаясь в безопасности введения ПИН-кода (рядом могут оказаться посторонние люди и узнать ПИН-код).

С учетом изложенного обратить внимание на граждан на то, что безопаснее всего осуществлять операции с использованием банкоматов, установленных в безопасных местах (например, в государственных учреждениях, подразделениях банков, крупных торговых комплексах, гостиницах, аэропортах и т. п.).

А также с информацией, о том, что действующими федеральными законами от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)», которым УПК РФ дополнен новой мерой пресечения – запретом определенных действий, от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ (в части усиления уголовной ответственности за хищения денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств», которым в УК РФ внесены изменения, касающиеся ужесточения санкций ст.ст. 159.3 и 159.6 УК РФ, а также снижения крупного и особо крупного размера для хищений, от 27 декабря 2018 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в ст. 109 УПК РФ (в части регламентации порядка неоднократного продления меры пресечения в виде содержания под стражей для ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока применения соответствующей меры пресечения)».

Время окончания данных преступлений в настоящее время зависит от особенностей и способа его совершения. Ранее согласно постановлению Верховного Суда Российской Федерации [2], хищение считалось оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему

усмотрению. Аналогичные разъяснения содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3] «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Таким образом, в целях исключения проблем при квалификации хищений, совершаемых при помощи компьютерных технологий, считаем, что в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» необходимо внести изменение, в котором следует указать, что хищение в форме кражи безналичных денежных средств считается оконченным в момент списания их со счета потерпевшего.

Библиографический список

1. Иванов, Н. Время совершения преступления / Н. Иванов // Уголовное право. – 2019. – № 1.

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2020).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (дата обращения: 13.03.2020).

Куликов М. А.[1],
аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного
института международных отношений (университет)
МИД России

ЮРИДИЧЕСКИЕ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ) ОСНОВАНИЯ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ (КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА)

В УПК РФ понятие юридических (процессуальных) оснований избрания мер пресечения не раскрывается. В юридической литературе под такими основаниями понимаются процессуальные документы, на основании которых принимаются решения об избрании мер пресечения [1, с. 84–85; 2, с. 27–28; 3, с. 114].

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными [4, с. 96–98]. При этом в ст. 101 «Постановление и опреде-

[1] © Куликов М. А., 2020.

ление об избрании меры пресечения» УПК РФ изложены общие требования к структуре и содержанию данного документа, а также раскрыт порядок его вынесения.

Несоблюдение требований, указанных в ч. 4 ст. 7 УПК РФ (законности, обоснованности и мотивированности), предъявляемых к решению, следует считать существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Это выражается в том, что: (а) решение незаконно; (б) не указано преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо; (в) не изложены основания для избрания меры пресечения в отношении конкретного лица; (г) не приведены доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления; (д) мотивировочная часть решения не соответствует фактическим обязательствам дела или уголовно-процессуальному закону [5, с. 85–86].

В то же время в процессуальных документах при избрании мер пресечения должны найти свое отражение и обстоятельства, учитываемые при их избрании [6, с. 57–65].

Часть 1 ст. 108 УПК РФ, регулирующая избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, прямо предусматривает, что в постановлении судьи должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых было принято соответствующее решение. Подобные требования также предъявляются к залогу, домашнему аресту и запрету определенных действий, поскольку все они избираются в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ.

В этой связи следует согласиться с рядом авторов, утверждающих, что решение об аресте уголовно преследуемого лица должно быть основано на доказательствах, имеющихся в уголовном деле и отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности для его принятия[7, с. 43].

Стоит учитывать различия, объективно имеющиеся при избрании мер пресечения в ходе досудебного производства и судебного разбирательства. В стадии предварительного расследования избирать меру пресечения могут должностные лица органов предварительного расследования. К таким мерам пресечения, которые избираются на основании постановления, следует отнести: (а) подписку о невыезде и надлежащем поведении; (б) личное поручительство; (в) наблюдение командования воинской части; и (г) присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Судья в досудебном производстве выносит постановление об избрании таких мер пресечения, как: (а) запрет определенных действий; (б) залог; (в) домашний арест и (г) заключение под стражу. Что же касается судебного разбирательства, то здесь суд правомочен избирать любую меру пресечения из числа предусмотренных законом, отменять, а также изменять меры пресечения в сторону как смягчения, так и ужесточения.

При этом в случаях, когда мера пресечения избирается по судебному решению, в стадии предварительного расследования соответствующее должностное лицо выносит постановление о возбуждении ходатайства о применении меры пресечения, которое также согласуется с должностным лицом, осуществляющим процессуальный контроль (руководителем следственного органа применительно к следствию) или надзор (применительно к дознанию). Разумеется, указанные документы также должны отвечать требованиям, указанным в ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

С целью определения и уяснения юридических (процессуальных) оснований избрания мер пресечения следует обратиться и к законодательству государств романо-германской правовой семьи (системы континентального права).

К примеру, в ст. 156^1 УПК Азербайджанской Республики говорится, что мера пресечения избираются по постановлению соответственно дознавателя, следователя, прокурора, осуществляющего процессуальное руководство предварительным расследованием, или суда. В постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны обоснованные подозрения в совершении преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, и предварительные доказательства, которые свидетельствуют о наличии оснований для применения соответствующей меры пресечения.

Из приведенной уголовно-процессуальной нормы УПК Азербайджанской Республики усматривается, что в процессуальном документы должны быть отражены доказательства, на основании которых и избирается соответствующая мера пресечения. Как представляется, такой порядок вполне целесообразен, поскольку это опять же демонстрирует взаимосвязь фактических и юридических оснований. При этом так же, как и в российском законодательстве, идет деление мер пресечения, которые избираются судом и меры, избираемые должностными лицами органов предварительного расследования [8, с. 70–72].

В ч. 1 ст. 119 УПК Республики Беларусь предписано, что о применении, изменении либо отмене меры пресечения орган дознания, лицо, производящее дознания, следователь, Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, прокурор или судья выносят постановление, а суд – определение, которое должны быть мотивированы, содержать указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и обоснование необходимости ее применения, изменения либо отмены [9, с. 204–210].

Таким образом, из рассмотренной выше нормы вытекает интересное указание на обязательность мотивировки процессуальных документов об избрании мер пресечения и наименование документа в зависимости от субъекта, уполномоченного принять решение о принятии меры пресечения. Примерно аналогичная формулировка содержится и в ст. 136 УПК Республики Армения.

В рассматриваемом ключе следует также привести ч. 2 ст. 140 УПК Республики Казахстан, согласно которой о применении меры пресечения орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление, содержащее указание на уголовное правонарушение, в котором подозревается, обвиняется лицо, и основания для применения этой меры пресечения.

Как представляется, данная норма не описывает детально юридические основания при избрании мер пресечения, а только указывает на название документа, без определения основных элементов, которые в таком процессуальном документе должны быть отражены.

Довольно детально регламентированы процессуальные основания при избрании, применении и отмены мер пресечения в УПК Республике Узбекистан. Так, согласно ст. 240 указанного выше уголовно-процессуального закона меры

пресечения могут быть применены, отменены и изменены постановлением дознавателя, следователя, прокурора и определением суда [10, с. 63–67]. Постановление или определение о применении, отмене, изменении меры пресечения должно содержать: указание на преступление, в совершении которого обвиняется лицо; ссылку на установленные законом основания применения меры пресечения либо отсутствие или изменение этих оснований с приведением соответствующих доказательств; доводы, объясняющие необходимость применения, отмены или изменения меры пресечения с учетом установленных законом обстоятельств, влияющих на выбор меры пресечения.

Интересным с точки зрения описания обязательных элементов процессуального документа об избрании и применении меры пресечения являются положения УПК Республике Туркменистана. К примеру, в ст. 159 обозначенного выше акта говорится, что о применении меры пресечения дознаватель, следователь, прокурор, судья выносят мотивированное постановление, а суд – определение. В постановлении (определении) указываются: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, национальность, гражданство, образование, отношение к воинской обязанности, прежняя судимость, место работы и жительства обвиняемого, совершенное преступление и статья уголовного закона, по которой обвиняется данное лицо, основания для избрания меры пресечения и вид избранной меры пресечения. А в постановлении (определении) о заключении под стражу, кроме того, указываются те особые обстоятельства, которые являются основанием для применения именно этой меры пресечения.

В ст. 177 УПК Республики Молдовы юридические основания избрания мер пресечения классифицированы в зависимости от субъектов принятия решения о них.

Достаточно размытая формулировка процессуальных оснований избрания и применения мер пресечения содержится в ст. 104 УПК Республике Таджикистан, поскольку там имеется лишь название документа, зависящее от того, какое должностное лицо принимает соответствующее решение, но обязательные элементы, присущие данному документу, не раскрыты. Аналогичная ситуация встречается и в УПК Кыргызской Республики (ст. 110).

Необходимо обратиться и к государствам романо-германской правовой семьи (системы континентального права), которые не включены в состав СНГ.

К примеру, в Японии ордер на арест также содержит определенные реквизиты. Он должен содержать фамилию и имя обвиняемого, деяние, которое ему инкриминируется, обстоятельства, подтверждающие его виновность, место, куда обвиняемый должен быть доставлен, в том числе тюрьму, где он должен находиться под стражей, срок действия ордера на арест, а также указание на последствия неисполнения ордера. Также в ордере должна быть указана дата его вынесения и другая информация, предусмотренная Регламентом суда [11, с. 83]. В УПК Республике Чехия также имеются нормы, регламентирующие исключительно юридические (процессуальные) основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (§ 69) [12, с. 51].

В Турецкой Республике ч. 1 ст. 101 Закона об уголовной процедуре устанавливает правило, согласно которому ходатайство о выдаче ордера на арест, по-

мимо указания на основании ареста, должно содержать также объяснение причин, в связи с которыми подозреваемый (подсудимый) не может быть вместо ареста помещен под судебный контроль [13, с. 64].

В Швейцарии в своем уголовно-процессуальном законе, в отличие от УПК иностранных государств, входящих в СНГ, отсутствуют нормы, которые детально описывают процессуальный документ и его неотъемлемые компоненты. Однако некоторые юридические основания все же можно найти опосредованно (к примеру, положения, касающиеся принятия решения о заключении под стражу – ст. 229). По такому же пути пошла и Франция [14, с. 407].

В УПК Федеративной Республики Германия в § 114 указывается, что постановление о предварительном заключении выносит судья в письменной форме, в котором в свою очередь должны быть указаны: (а) обвиняемый; (б) преступное деяние, в отношении которого наличествует существенное подозрение, время и место его совершения, признаки состава преступного деяния согласно закону и примененные нормы уголовного права; (в) основания применения заключения под стражу, а также (г) факты, из которых следует существенное подозрение и основания применения заключения под стражу, если это не представляет угрозы для государственной безопасности.

В немецкой юридической литературе по данному вопросу отмечается, что такое обоснование требуется не только для информирования обвиняемого, но и является средством самоконтроля судьи. Кроме того, поскольку обоснование подлежит проверке при обжаловании, оно не может ограничиваться формальными формулировками. При этом в постановлении должны быть также указаны средства доказывания, при помощи которых было обосновано существенное подозрение, если тем самым не будет поставлено под угрозу дальнейшее расследование [15, с. 425]. Бланковые постановления о предварительном заключении недопустимы [14, с. 200].

В ст. 245 УПК Латвии указывается, что меры процессуального принуждения, за исключением задержания, применяется по мотивированному постановлению ведущего процесс лица или следственного судьи, в котором указывается: (а) лицо, к которому применяется мера принуждения; (б) основание для применения меры принуждения; (в) вид меры принуждения; (г) срок применения; (д) учреждение или лицо, которому поручено исполнение постановления; (е) порядок обжалования постановления. В постановлении о применении меры пресечения дополнительно указывается, в связи с совершением какого преступного деяния к подозреваемому или обвиняемому применяется мера пресечения. При этом постановление о заключении под стражу, домашнем аресте, помещении несовершеннолетнего в медицинское учреждение для производства коррекции или помещении лица в медицинское учреждение для производства экспертизы во время досудебного процесса выносит следственный судья.

В УПК Эстонской Республике не содержится норм, регламентирующих юридические (процессуальные) основания избрания мер пресечения. Однако имеется норма, описывающая обязательные элементы, которые должны найти свое подтверждение в постановлении о заключении под стражу. Так, согласно ст. 132 указанного выше правового акта в постановлении о заключении под

стражу указываются: (а) имя, фамилия и место заключаемого под стражу лица; (б) обстоятельства преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, и квалификация деяния; (в) основание для заключения под стражу со ссылкой на ст. 130 и 429 УПК Эстонской Республики; (г) обоснование заключения под стражу.

В ст. 59 УПК Республике Болгария отмечается, что в акте, которым определяется мера пресечения, указываются: время и место его выдачи, орган, который его издает; дело, по которому он издается; фамилия, имя и отчество обвиняемого; преступление, за которое лицо привлечено в качестве обвиняемого, и мотивы определенной меры. Примерно такая же ситуация имеется и в ст. 251 УПК Республике Польша.

Таким образом, изучение законодательства иностранных государств романо-германской правовой семьи (системы континентального права) позволяет сделать вывод, что некоторые государства (в основном СНГ и страны Балтии) содержат в своем национальном уголовно-процессуальном законодательстве нормы, специально направлены на регуляцию юридического (процессуального) основания избрания и применения мер пресечения, однако другие (в основном Франция, Германия, Швейцария и др.) содержат либо общую норму, регламентирующую требования, предъявляемые ко всем процессуальным документам, или же предусматривают статью, определяющую юридические основания исключительно к мере пресечения в виде заключения под стражу. Как представляется, такая правовая дихотомия применительно к мерам пресечения диктуется правовыми традициями, ментальности и правосознанием юристов в данных государствах, которые складывались на протяжении несколько столетий.

В российском уголовно-процессуальном законе юридические (процессуальные) основания избрания мер пресечения не закреплены, что приводит на практике к некоторым нарушениям прав и интересов участников уголовного судопроизводства. В связи с чем полагаем, что назрела необходимость в корректировке содержания ст. 101 УПК РФ.

Библиографический список

1. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения / В. В. Рудич // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 84–87.

2. Рябинина, Т. К. О некоторых проблемных аспектах применения новой меры пресечения – запрета определенных действий / Т. К. Рябинина, Д. Е. Снегирева // Мировой судья. – 2018. – № 12. – С. 25–32.

3. Головинская, И. В. Гуманистические идеи и закрепление принципа гуманизма в нормах уголовно-процессуального законодательства / И. В. Головинская, М. В. Крестинский // Современное право. – 2019. – № 9. – С. 111–117.

4. Гриненко, А. В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными / А. В. Гриненко // Журнал российского права. – 2005. – № 3 (99). – С. 96–99.

5. Нарбикова, Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы : дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – 200 с.

6. Симагина, Н. А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика) : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019. – 224 с.

7. Химичева, О. В. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монографии / О. В. Химичева, Ю. Б. Плоткина. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 229 с.

8. Аббасов, Ф. Н. Процессуальные решения и действия органов предварительного расследования, в отношении которых необходимо судебное решение, по УПК Российской Федерации и УПК Азербайджанской Республики / Ф. Н. Аббасов, Г. А. Агаев, А. Г. Гурбанов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2 (30). – С. 69–75.

9. Князев, И. М. Меры пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: вопросы применения, изменения и отмены / И. М. Князев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2013. – № 6. – С. 204–212.

10. Александрова, О. П. Сравнительно-правовой анализ особенностей избрания и применения домашнего ареста в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве России и некоторых зарубежных стран (на примере Казахстана, Белоруссии, Узбекистана) / О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 4 (25). – С. 63–69.

11. Волосова, Н. Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование : монография / Н. Ю. Волосова, М. В. Волосова ; под общ. ред. Н. Ю. Волосовой ; пер. с англ. и японск. М. В. Волосовой. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 236 с.

12. Майорова, Л. В. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской Республики : учебно-методическое пособие / Л. В. Красноярск, 1999. – 107 с.

13. Григорьев, В. Н. Введение в уголовный процесс Турции : монография / В. Н. Григорьев, А. А. Сумин. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 188 с.

14. Уголовный процесс Франции. – М. : Изд-во «Спутник+», 2016. – 512 с.

15. Bottke, Strafprozessuale Rechtsprobleme massenmedialer Fahndung, ZStW (1981). – 631 p.

Макаренко М. М.[1]*,*
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Поступки и поведение несовершеннолетних, имеющие противоправный характер, опасны не только их преступными последствиями для государства и общества, но и формированием в последующем у подростков деструктивного мировоззрения и ценностных установок, влияющих на их жизненную ориентацию.

Несовершеннолетние не обладают должным жизненным опытом, они эмоционально неустойчивы, зачастую агрессивны к проявлениям диктата в отношении собственной персоналии и любыми путями стремятся к самоутверждению. Указанные обстоятельства являются одними из главных факторов, определяющих то влияние, которое способен оказать на них взрослый человек, владеющий знанием детской психологии, имеющий авторитет в подростковой среде или криминальный опыт. Нередко эти люди используют несовершеннолетних в целях достижения своих преступных замыслов, пытаясь таким образом избежать уголовной ответственности, либо минимально снизить свою роль в совершении преступления за их счет. Принимая во внимание данное положение, законодатель предусмотрел уголовную ответственность за действия по вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления (ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2].

Вместе с тем, анализ оперативной обстановки показывает, что применение указанной нормы дознавателями органов внутренних дел находится на крайне низком уровне. Так, например, в 2019 г. в производстве дознавателей находилось всего 1001 уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 150 УК РФ, из которых 855 преступлений зарегистрированы в отчетном периоде (снижение показателя на 7 %). На ЦФО приходится 178 преступлений (–4,5 %), затем идет Северо – Кавказский ФО (32, –33,3 %) Северо-Западный ФО (90, снижение показателя на 14,4 %), Южный ФО(176, –6,8 %); Приволжский ФО(241, –7 %), Уральский ФО (134, –7,7 %); Сибирский ФО (100, –10,3 %), Дальневосточный ФО (50, –5 %). Предварительно расследовано в отчетном периоде дознавателями 815 уголовных дел (–9,9 %), по которым в качестве подозреваемых проходило 803 человека, 710 дел направлено в суд (–15,4 %) [4].

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по выработке единого подхода к пониманию спорных вопросов методики расследования данного преступления. Указанные обстоятельства актуализируют проблемы, которые будут рассмотрены в данной статье.

---

[1] © Макаренко М. М., 2020

Следует заметить, что в судебной практике обязательным условием квалификации действий взрослого субъекта по ст. 150 УК РФ является наличие процессуального акта о принятии решения в отношении взрослого человека по совершенному им оконченному или неоконченному преступному деянию (приговор суда, постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам), в которое им же был вовлечен несовершеннолетний (кража, разбой, хулиганство, угон, причинение вреда здоровью и т. п.) [3]. То есть состав, предусмотренный ч. 1 ст. 150 УК РФ, предполагает наличие совершенного предикатного преступления. Если таковое не имело место, квалификация по ст. 150 УК РФ невозможна. В этой связи, очевидно, что информация о вовлечении подростка в совершение конкретного преступления чаще всего поступает в ходе производства расследования предикатного состава либо от самих фигурантов, либо от свидетелей, либо от лица, производящего расследование, либо от сотрудников органа дознания.

Основанием для принятия процессуального решения дознавателем о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 150 УК РФ является наличие достаточных данных о том, что совершеннолетний фигурант путем обещаний, обмана, угроз или другим способом умышленно вовлек подростка в совершение криминального деяния, доподлинно зная и осознавая при этом, что тот является несовершеннолетним.

Следует заметить, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ [1] дознаватель вправе выделить дело в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними обвиняемым, в отдельное производство. Применительно к рассматриваемому составу это делать необходимо в каждом случае, поскольку несовершеннолетний, которого взрослый преступник вовлек в совершение криминального деяния, является в рамках ст. 150 УК РФ потерпевшим.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, включают в себя:

– событие преступления. В ходе расследования дознавателем должно быть установлено действительно ли были совершены действия, охватываемые объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, т. е., имел ли место сам факт вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступного деяния. Коме того, лицо, производящее расследование, должно доказать не только факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение определенного преступления, но и сам факт его совершения, а также оконченный или неоконченный характер имели данные действия;

– способ совершения преступного деяния и характер взаимоотношений между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым). В рамках установления данного обстоятельства дознавателю надлежит определить и доказать какие конкретно действия по вовлечению в совершение преступления были предприняты взрослым преступником по отношению к несовершеннолетнему. Это поможет дознавателю составить четкое представление о роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления;

– характерные особенности личности потерпевшего и обвиняемого лица. Дознаватель, прежде всего, обязан установить и доказать документально точный возраст указанных лиц. В случае с потерпевшим возраст не должен достигать 18 лет, в случае с подозреваемым наоборот;

– условия жизни и воспитания несовершеннолетнего (данные об обстановке, в которой происходило формирование личности несовершеннолетнего, условиях жизни, учебы, работы, поведении в прошлом);

– уровень психического развития несовершеннолетнего и иные особенности его личности;

– влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц;

– виновность конкретного фигуранта;

– причины и условия, которые способствовали совершению преступления.

Следует обратить внимание на некоторые недостатки, допускаемые при расследовании уголовных дел по фактам вовлечения несовершеннолетнего в совершение криминальных действий, а именно:

– игнорирование правоприменителями всестороннего исследования обстоятельств вовлечения несовершеннолетнего в совершение криминальных действий. Основной акцент делается ими на формирование доказательственной базы по предикатному составу. Исследованию причин и условий совершения преступления подростком либо не уделяется внимания совсем, либо это откладывается «на потом», когда сроки расследования подходят к концу и времени для всестороннего анализа обстоятельств вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не остается;

– недостаточно хорошо проводимая работа по изучению личности несовершеннолетнего. Как свидетельствуют материалы правоприменительной практики, лица, производящие расследование по такого рода делам ограничиваются только запросом характеристики несовершеннолетнего по месту его учебы. В редких случаях осуществляется тесное взаимодействие с сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних. Очевидно, что анализ сведений, поступающих от представителей этой службы, может помочь дознавателю определить, является ли несовершеннолетний потенциальной виктимной жертвой, с сознанием которой может манипулировать взрослый человек, обладающий авторитетом и криминальным опытом, либо это уже устоявшаяся криминальная модель поведения. В дальнейшем это служит построению рабочих версий по уголовному делу и выбору правильной тактики проведения тех или иных следственных действий.

– несвоевременное назначение и проведение в отношении несовершеннолетнего соответствующих экспертиз (судебно-медицинских, психолого-психиатрических и др.), а также формулировка вопросов, не выходящих за пределы компетенции эксперта.

– отсутствие в протоколах следственных действий сведений о том, что взрослый фигурант доподлинно знал о возрасте вовлекаемого им подростка;

– неполная формулировка содержания обвинительного акта взрослого фигуранта при квалификации его действий по ч. 1 ст. 150 УК РФ. Имеют место

случаи, когда дознаватели не раскрывают конкретные способы вовлечения подростков в совершение противоправного деяния.

В заключение следует отметить необходимость дальнейшей разработки, рассмотренных в данной статье вопросов, что, безусловно, будет способствовать повышению эффективности на данном направлении деятельности.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.

4. Сводный отчет по России. Сведения о преступлениях, предварительное следствие по которым необязательно за январь-декабрь 2019 г. Форма: «1-А» (451), книга 112. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» // Официальный сайт МВД России. URL: https://xnb1aew.xnp1ai/folder/101762/item/15304733/ (дата обращения: 02.02.2020).

Макеева Н. В.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема соотношения главенства интересов личности, общества и государства остается не решенной на сегодняшний день. Тогда как защита интересов личности и создание условий, при которых бы интересы личности стали государственным приоритетом, является первостепенной задачей стоящей перед должностными лицами и государственными органами.

Существуют различные взгляды на приоритеты тех или иных интересов. Значительный разброс мнений связан с происходящими в среде ученых, а также общественных и государственных деятелей дискуссий, которые прослеживают-

[1] © Макеева Н. В., 2020.

ся начиная с 90-х гг., когда стали активно разрабатываться проекты, программы и концепции в сфере безопасности [11; 12;13].

Тем не менее, представляется, что защита интересов в случае возникновения различного рода угроз, должна иметь совершенно определенную направленность – *защита жизненно важных интересов личности должна преобладать над защитой государственных и общественных интересов*. Иначе говоря, сущностное понимание безопасности должно основываться на представлении о целях и жизненно важных интересах объектов защиты [14, с. 13]. А центральным объектом защиты является личность – ее права и свободы.

Соглашаясь с данным высказыванием можно считать, что категории «безопасность человека» и «безопасность личности» равнозначны и неотделимы, т. е. безопасность человека определяет нахождение в безопасности личности и наоборот. Другими словами, любой человек имеет право на личную безопасность.

В уголовном судопроизводстве безопасность личности трансформировалась в безопасность участников уголовного судопроизводства, т. е. безопасность личности представляет форму всеобщего, тогда как безопасность участников уголовного судопроизводства является формой особенного. Таким образом, любой человек, участвующий в уголовном судопроизводстве, независимо от его процессуального статуса, – это личность, а ее права и свободы гарантированы Конституцией РФ, международными правовыми актами, УПК РФ, а, следовательно, и самой уголовно-процессуальной процедурой. В этой связи еще И. Я. Файницкий отмечал, что построение уголовного процесса оказывает глубокое влияние на права и положение личности в государстве [7, с. 10]. Но независимо от того каким статусом в уголовном судопроизводстве наделена личность она имеет право на обеспечение ее безопасности.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве нашли отражение тезисы о признании высшей ценностью человека (его прав и свобод), получившие ранее свое закрепление в международных правовых актах и Конституции Российской Федерации, а позднее в законодательстве Российской Федерации. Общая ориентированность российского законодательства на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, потребовали приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными стандартами в области прав и свобод человека.

Другими словами, целый ряд универсальных [15] и региональных [16] международных правовых актов и договоров, являющихся составной частью правовой системы России, заложили основы безопасности личности, т. е. определили ее основные защищаемые права и свободы. А также стали причиной принятия целого ряда нормативных правовых актов, которые впоследствии повлияли на дальнейшее развитие всей системы российского законодательства.

Также в Конституции Российской Федерации были впервые заложены пределы защиты основных прав и интересов личности, которые определены следующими тезисами: решения и действия (или бездействие) органов государ-

ственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2 ст. 46) и т. д.

Таким образом, конституционный баланс интересов выражается: во-первых, в приоритете прав и свобод человека, определяемых общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституции Российской Федерации, перед интересами государства, если только нет необходимости в ограничении индивидуальных прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; во-вторых, в ограничении пределов осуществления индивидуальных прав и свобод сохранением возможности для беспрепятственного осуществления своих прав и свобод другими индивидами [6, с. 4]. Создание и организация эффективного государственного механизма защиты прав и свобод человека, основанного на четкой правовой регламентации и осуществляемого соответствующими субъектами (уполномоченными государственными органами и должностными лицами) является гарантом соблюдения интересов каждого.

Такое принципиальное положение распространяется и на уголовно-процессуальную деятельность, т. е. лица, став субъектами уголовно-процессуальных отношений, должны быть готовы к тому, что пределы реализации их прав и законных интересов могут быть ограничены в целях осуществления прав и законных интересов других участников данных правоотношений. Защита прав участников уголовного судопроизводства осуществляется при помощи существующих в законе правовых механизмов, в частности, закон предоставляет возможность обжаловать незаконные решения должностных лиц прокурору или в суд, в порядке предусмотренном гл. 16 УПК РФ. Таким образом, сначала в Конституции Российской Федерации, а затем в отраслевых нормативных актах, установлена правовая регламентация пределов эффективной защиты прав человека, и ее действенность зависит от создания государственного механизма, предоставляющего гражданам возможность воспользоваться всеми, установленными средствами защиты, иначе говоря, обеспечить собственную безопасность.

Предельно общий механизм поведения государственных органов, направленных на обеспечение безопасности в той или иной сфере жизнедеятельности, может быть представлен следующим образом: интересы личности, общества и государства – угрозы – оценка возможностей парирования угроз и защиты интересов – задачи – функции – структуры и органы – меры. В свою очередь для обеспечения безопасности необходима система, включающая совокупность законодательных актов и созданных на их основе структур и механизмов взаимодействия по защите интересов субъектов правоотношений [4, с. 47].

Именно определение всех этих элементов и предложенный алгоритм действий государственных органов в сфере безопасности участников уголовного судопроизводства и позволит говорить о создании действенного механизма, определяющего сущность системы безопасности участников уголовного судопроизводства.

Прежде всего, для того чтобы участие лица в уголовном судопроизводстве не создавало угрозу его безопасности, существует гарантирующая ее система правовых средств, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а в случае угрозы вторичной виктимизации через нарушение их субъективных прав, а также причинение вреда жизни, здоровью – система мер безопасности, направленная на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства.

Итак, если лицо вовлекается в одну из сфер государственной деятельности – уголовное судопроизводство, что сопряжено с возникновением для него различного рода угроз, государство, в свою очередь, обязано применять правовые средства, гарантирующие безопасность (защищенность) лица. А если возникает угроза вторичной виктимизации, т. е. при появлении достаточных данных об угрозе убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, адресованной потерпевшему, свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства и их близким, в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство обязаны принять в пределах своей компетенции адекватные меры для обеспечения безопасности, предусмотренные УПК РФ и другими законами.

Система правовых средств, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, на основании общепризнанных положений также имеет пределы их применения, а именно они не могут ограничивать права и свободы других участников правоотношений.

В свою очередь, меры безопасности, направленные на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства с одной стороны направлены на защиту добросовестных участников уголовного судопроизводства, в тоже время существенно ограничивают права и свободы других лиц. В данном случае такие ограничения оправданы, поскольку направлены на устранение еще больших опасностей, связанных с угрозами жизни и здоровью участников уголовного судопроизводства. Поэтому только неукоснительное соблюдение уголовно-процессуальной процедуры, должно стать тем условием, при котором такие ограничения возможны, чтобы защита прав одной из сторон уголовного судопроизводства не ставила под угрозу безопасность другой стороны.

На отраслевом же уровне в рамках теории уголовного процесса вопросы обеспечения безопасности стали исследоваться с конца 80-х годов, именно тогда появились первые работы в этом направлении.

Как отмечали сами авторы, разрабатывающие это направление в сфере уголовного судопроизводства, они обращались лишь к одному из аспектов обеспечения безопасности, а именно *физической и психологической защищенности человека* [1, с. 3].

Тем самым, их позиция согласуется с положениями уголовно-процессуального закона.

Таким образом, в общей теории права обеспечение безопасности увязывается с защитой и охраной личных (нематериальных) благ человека – жизни, здоровья, чести, достоинства, свободы и других благ, которые неотчуждаемы и неотделимы от самой личности [8, с. 123–126], а также имущественных (матери-

альных) благ. В теории уголовного процесса разработаны теоретические и правовые основы обеспечения безопасности жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства [2; 3] и предложена концепция, которая содержит доктринальную систему взглядов на эту проблему, определяющих цель, средства ее достижения, основной инструментарий (понятие, методы научного познания, интерпретация полученных знаний) [5].

Между тем, представляется, что на сегодняшний день подход к этой проблеме в уголовном процессе должен быть пересмотрен. Подход к ней должен быть изменен с учетом того, что обеспечение безопасности лиц в уголовном судопроизводстве необходимо соотносить *с возникновением уголовно-процессуальной дееспособности*. Данное положение может быть обосновано тем, что состояние защищенности, своего рода «комфортности» и в целом безопасности частного лица является необходимой предпосылкой для наступления его уголовно-процессуальной дееспособности, ибо такое состояние достигается не только посредством взросления лица и обладания им физическим и душевным здоровьем, но и посредством осуществления своей деятельности компетентными органами и их должностными лицами. Действительно, противоправное воздействие оказываемое на частное лицо может как парализовать волю, так и причинить вред здоровью, чем приведет фактически к беспомощному состоянию, выражающемуся в неспособности реализовать свои права и выполнить обязанности в уголовном процессе. В конечном итоге невозможность участия частного лица в процессуальных действиях означает невозможность осуществления им своих прав, правильного выполнения обязанностей, а значит, его уголовно-процессуальную недееспособность.

Иначе говоря, государственные органы в лице уполномоченных должностных лиц обязаны создать такие условия, при которых все участники уголовного судопроизводства будут процессуально дееспособны, поскольку каждый из них вправе рассчитывать на своевременную и беспрепятственную реализацию своих прав и выполнение возложенных на них обязанностей в ходе производства по уголовному делу.

Библиографический список

1. Брусницын, Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование) : монография / Л. В. Брусницын. – М., 2010.

2. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Казань, 2018.

3. Зайцев, О. А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации / О. А. Зайцев // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства Материалы межведомственной научно-практической конференции. – М., 2012.

4. Лопатин, В. Н. Информационное общество и правовое государство (О правовых основах регулирования отношений в сфере информационной безопасности) / В. Н. Лопатин // Безопасность информации. Материалы международной конференции. – М., 1997. – С. 53–69.

5. Лопатин, В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство / В. Н. Лопатин. – СПб., 2000.

6. Минин, Р. В. Концептуальный подход в решении уголовно-правовых проблем защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина / Р. В. Минин // Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции – Самара, 2015.

7. Смирнов, А. В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда Российской Федерации / А. В. Смирнов // Российская юстиция. – 2008. – № 5.

8. Файницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Файницкий. – СПб., 1912.

9. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М., 1974. – С. 123–126.

10. Есина, А. С. Проблемные вопросы при обеспечении реализации права на защиту в ходе досудебного производства / А. С. Есина, О. Е. Жамкова, А. В. Борбат // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 107–110.

11. Фадеев, П. В. Признаки и понятие обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве / П. В. Фадеев // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 32–34.

12. Национальные интересы и проблемы безопасности России // Доклад по итогам исследования, проведенного Центром глобальных программ Горбачев-Фонда в 1995–1997 гг. – М., 1997.

13. Политика национальной безопасности Российской Федерации. (1996–2000). Проект // Научные доклады. 32. Российский научный Фонд. – М., 1996.

14. Тер-Акопов, А. А. Право человека на управление государством / А. А. Тер-Акопов // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь : мат. Межд. конф., посвящ. 50-летию Всеобщей декларации прав человека. – М., 1999.

15. Шершнев Л. И. Безопасность / Л. И. Шершнев // Безопасность. – № 4. – 1994.

16. Устав ООН (1945 г.); Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Декларация о принципах международного права (1970) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Маламагамедова А. Р.[1]***,***
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ИЗЪЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализ изменений, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство за последние несколько лет, свидетельствует о направленности на обеспечение беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности. Законодатель делает приоритетным непрерывное функционирование законной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. С этой целью в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) отдельно обозначены требования к следственным действиям, производимым по уголовным делам о преступлениях экономической направленности.

Изменения, произошедшие в УПК РФ за последние несколько лет, отражают тенденцию на формирование своего рода особенного экономического уголовного судопроизводства. Да действительно, уголовный процесс по делам об экономических преступлениях требует ряда дополнительных регламентаций, но они, в свою очередь, должны быть четко выверены и не противоречить основным принципиальным положениям.

Вопрос о том, что изъятие электронных носителей информации требует дополнительного процессуального регулирования, обсуждался задолго до введения в УПК РФ ст. 164.1. Еще в 2012 г., Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 182 введена ч. 9.1., а в ст. 183 была введена ч. 3.1. Обе эти процессуальные нормы устанавливали обязательное участие специалиста в случае изъятия электронных носителей информации при обыске или выемке соответственно. В последствии ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ были исключены из кодекса, в связи с введением ст. 164.1 УПК РФ.

В настоящей статье мы остановимся на роли специалиста при проведении следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации по данной категории дел.

В процессе правоприменения назрела необходимость новых процессуальных решений в условиях развития преступности. Появление и все большее распространение преступлений, совершаемых с использованием различных технологий, требуют соответствующей подготовки должностных лиц. В этой связи объективно возникла потребность в применении специальных познаний в процессе доказывания по уголовным делам указанной категории.

П. С. Пастухов отмечает, что комплексность информационно-технологического обеспечения доказывания заключается и в том, что специальные зна-

---

[1] © Маламагамедова А. Р., 2020.

ния имеют значение и оказывают влияние на смежные, с уголовно-процессуальным, отрасли права. Так, уголовно-правовое значение использования специальных знаний заключается в том, что по некоторым категориям преступлений информация, полученная от сведущих лиц, имеет составообразующий характер [5, с. 34].

По мнению В. Н Григорьева, участие специалиста в следственных действиях, в результате которых электронная информация извлекается, позволило бы устранить значительную долю сомнений в достоверности полученных доказательств, и послужило гарантией защиты прав участников процесса при производстве указанных действий [3, с. 58].

Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации вызывает ряд вопросов. Часть 2 ст. 164.1 УПК РФ определяет его обязательное участие в данных следственных действиях. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. В свою очередь электронными носителями информации могут выступать такие относительно простые объекты, как, например, флеш-карта, или CD диск. Вряд ли для их изъятия необходимо применение специальных познаний. Возникает вопрос, насколько действительно обоснованно и целесообразно привлечение к участию в следственном действии специалиста. Полагаем, что было бы возможным сформулировать уголовно-процессуальную норму таким образом, чтобы оставить этот вопрос на усмотрение следователя, с тем, чтобы должностное лицо привлекало специалиста в тех случаях, когда действительно требуются специальные знания, а не априори для формального соблюдения уголовно-процессуальной нормы.

С. В. Зуев и В. С. Черкасов также полагают, что несмотря на положительные изменения, внесенные в УПК РФ статьей 164.1, спорным остается решение законодателя оставить в УПК РФ требование об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации [4, с. 43].

В свою очередь и Ю. В. Гаврилин с А. В. Победкиным указывали на неоправданность императивно установленного требования об участии специалиста во всех без исключения случаях изъятия электронных носителей информации [2, с. 109].

Нынешняя система следственных действий, закрепленных в УПК РФ, базируется на презумпции того, что следователь собирает сведения о следах преступления, фиксирует их в протоколе следственного действия и тем самым формирует судебные доказательства. Пока «мера используемых в ходе доказывания специальных знаний не колебала эту информационно-коммуникативную модель, носители специальных компетенций в лице эксперта и специалиста предполагались как вспомогательное, но не решающее средство установления истины по уголовному делу» [7, с. 30].

Помимо этого, также противоречивым является положение ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, которая допускает возможность самостоятельного копирования следователем информации, содержащейся на электронном носителе. Хотя, возможно, для данной процедуры знания специалиста более ценны, чем в ходе простого изъятия носителей.

Е. Р. Россинская отмечает, что, исходя из особенностей цифровых следов возможность осуществления самостоятельно, без участия специалиста манипуляций с цифровыми следами, за исключением самых примитивных действий по копированию файлов, вызывает большие сомнения. Даже для специалистов это достаточно трудная задача, поскольку криминалистические методики выявления, фиксации и исследования цифровых следов разработаны пока недостаточно и существенным образом зависят от способов компьютерных преступлений [6, с. 33].

Развитие общества, внедрение в повседневную жизнь все больших цифровых технологий не может не отражаться и на криминогенной обстановке. Все чаще преступления совершаются с помощью электронных технических средств, что требует от законодателя своевременного совершенствования уголовно-процессуальной формы. При общем положительном назначении ст. 164.1 УПК РФ, ее анализ свидетельствует о наличии достаточно большого количества недоработок, что не может не сказаться на правоприменительной практике. Уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться с учетом результатов практики и достижений науки.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (в редакции от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Гаврилин, Ю. В. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование уголовно-процессуальной формы / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3 (47).

3. Григорьев, В. Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводства / В. Н. Григорьев // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 58

4. Зуев, С. В. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации / С. В. Зуев, В. С. Черкасов // Законность. – 2019. – № 5. – С. 43.

5. Пастухов, П. С. Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания / П. С. Пастухов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1 (23). – С. 299.

6. Россинская, Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5. – С. 33.

7. Гармаев, Ю. П. Внедрение криминалистических методик расследования в практику: проблемы и пути решения / Ю. П. Гармаев // Организационно-методические проблемы расследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. – Краснодар, 2016. – С. 30–35.

Мальцева О. А.[1]**,**
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ ДЛЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ХОДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Повышенная психологическая напряженность в работе следователя, когда актуальна постоянная оперативная реактивность в деятельности, к организации психической деятельности данного сотрудника предъявляются особые требования. Например, такие как: организованность, высокая инициативность, социальная ответственность, эмоционально-волевая выносливость, выдержка, хладнокровие, упорство, мотивационная направленность на успех своего дела. Кроме того, должны присутствовать: физическая выносливость, развитые адаптационные возможности необходимы для работы в сложных условиях, для проведения неотложных следственных действий в любой обстановке, профессиональная грамотность, умение общаться с людьми, правильно составлять процессуальные документы и многое другое. Эти профессионально-важные качества формируются в процессе профессиональной подготовке следователя.

Образовательная деятельность сотрудников для предварительного следствия осуществляется в соответствии с нормативными документами, в частности с приказом Минобрнауки России от 19 декабря 2016 г. № 1614 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета)», согласно которому объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, являются события и действия, имеющие юридическое значение, общественные отношения в сфере реализации правовых норм, правового обеспечения национальной безопасности, обеспечения законности и правопорядка. В данном документе конкретно указаны компетенции, которыми должен обладать выпускник образовательной организации МВД России.

Если говорить о профессионально значимых особенностях познавательной сферы следователя, то необходимо отметить следующие особенности: объем, устойчивость, переключаемость и распределение внимания, уравновешенность аналитической и синтетической сторон восприятия и мышления и др.

В образовательных организациях МВД России в ходе реализации профессионального обучения у сотрудников для предварительного следствия формируются основные свойства мышления, а именно:

---

[1] © Мальцева О. А., 2020.

– *логичность*, которая проявляется в умении устанавливать причинно-следственные связи и отношения между предметами и явлениями, что позволяет не только правильно понимать и оценивать события, но и предвидеть их развитие в будущем;

– *оперативность*, представляющая собой умение эффективно применять знания в различных условиях и быстро принимать правильные решения в сложной и меняющейся обстановке, в условиях дефицита времени и экстремальных ситуаций;

– *креативность*, которая дает возможность следователю самостоятельно находить пути решения возникающих задач на основе комбинации уже имеющихся способов либо создавать принципиально новые способы;

– *рефлексивность*, которая необходима в умении осмыслить решения участников юридически значимых событий;

– *прогностичность*, выражающаяся в способности предвидеть, предвосхищать развитие юридически значимых событий и их главную тенденцию на основе анализа обстановки и выделения факторов, определяющих ход этих событий;

– *гибкость* – проявляется в создании вариантов действий для тех случаев, когда могут возникать не предусмотренные заранее неблагоприятные обстоятельства, затрудняющие или подчас полностью исключающие решение запланированных задач.

Кроме того, следователь должен уметь решать следственные нестандартные задачи, которые связаны с поиском недостающей информации.

Мышление следователя подвержено постоянному испытанию практикой. Особенностью практического мышления следователя являются тонкая наблюдательность, способность сконцентрировать внимание на отдельных деталях события, умение использовать для решения частной задачи то особенное и единичное, что не входит полностью в теоретическое обобщение, умение быстро переходить от размышления к действию.

Среди характерологических особенностей следователя первостепенную значимость имеют волевые и коммуникативные качества. Весьма существенно оптимальное соотношение ума и воли следователя как стороны одного и того же явления. Это подметил еще Аристотель, указав, что волевого стремления самого по себе не может быть, люди «совершают действия не под влиянием стремления, а следуют предписаниям разума». По Аристотелю, воля – это и есть практический ум. И если говорят, что тот или иной следователь имеет незаурядный ум, но лишен необходимых волевых качеств – решительности, мужества и т. п., то можно утверждать, что он не обладает необходимыми для этой профессии качествами.

Среди профессионально важных качеств первостепенную значимость имеют: система ценностных ориентаций следователя, его социальная, нравственная позиция, высоко развитое чувство гражданского и служебного долга, способность последовательно и целеустремленно реализовывать государственные интересы, не поддаваясь ситуативным воздействиям, преодолевая межличностные и внутриличностные конфликты на основе положительной социальной мотивации.

Говоря о нравственной стороне вопроса, то здесь наиболее актуальные профессионально-важные качества следователя такие, как: непримиримая борьба со злом, беззаконием и социальной несправедливостью, решительность, гражданское мужество, стойкость и целеустремленность.

Честность следователя – это, прежде всего, объективное и справедливое отношение ко всем участникам уголовного процесса, без предвзятости, обвинительного уклона, непримиримость ко лжи и несправедливости, субъективизму и произволу [1].

В процессе расследования существенное значение приобретает профессиональная интуиция следователя, которая представляет собой своеобразный тип мышления, когда отдельные звенья процесса мышления проносятся в сознании более или менее бессознательно, а предельно ясно осознается именно итог мысли – истина.

Знания и интуиция, соотнесенные с конкретными обстоятельствами расследования, позволяют составить реально полезные планы. Успех расследования в значительной мере определяется взаимодействием следователя с участвующими в деле лицами – подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и др. Основу такого взаимодействия составляют информационные и интенциональные (избирательно направленные) процессы. Каждая из сторон является источником и получателем информации, на основе которой стороны оценивают друг друга, разрабатывают соответствующую стратегию и тактику поведения. При этом используется самая разнообразная информация – смысл и значение речевых сообщений, речевые интонации, жесты, мимика, пантомимика (поза), внешний облик, эмоционально-ситуативные реакции, возникают определенные психологические феномены межличностного восприятия.

Установление коммуникативного контакта – это, прежде всего, избежание всего того, что может его нарушить: примитивности, вульгарности, профессиональной некомпетентности и тем более грубости и психического насилия (угрозы, шантаж, манипулирование ложной информацией, ущемление национальных и религиозных чувств и т. п). Вся система коммуникативных контактов должна строиться на положительных проявлениях личности, на справедливом и гуманном отношении к личности. В силу особенностей психики, тех или иных качеств, доминирующих в характере, можно выделить несколько типов личности следователя. Одни следователи более склонны к расследованию сложных, запутанных, малоинформативных на исходных этапах дел, но их способность к эвристическому поиску нередко сопряжена с низкой коммуникативной и организаторской способностью.

Следователи другого типа отличаются повышенной наблюдательностью, большим объемом и высокой распределенностью внимания при менее развитых эвристических возможностях [2]. Высокое развитие коммуникативных качеств отдельных следователей делает их более способными к установлению контактов с различными людьми, к получению значимой информации в процессе умело организованного общения.

Определенные типологические различия проявляются и в самоанализе. Одни следователи свои достижения и неудачи связывают преимущественно с лич-

ностными качествами – с компетентностью и рациональностью своих действий. Такие сотрудники отличаются повышенной ответственностью за свои решения. Они перепроверяют данные, если имеет место неопределенная ситуация, более конструктивно действуют в ситуациях, когда рушатся их первоначальные намерения, больше считаются с информацией о результатах своих действий, более устойчивы к давлению общественного мнения. Другие следователи связывают свои успехи и неудачи с не зависящими от них обстоятельствами. Они обычно недостаточно решительны в критических ситуациях, ригидны, консервативны.

Профессионально направленная наблюдательность, способность к концептуальному сопоставлению фактов, к реконструкции явлений по их косвенным признакам, умение охватить существенные стороны практической ситуации, анализировать сложные жизненные переплетения, намечать правильный план действий, а по мере обнаружения новых фактов – оперативно изменять его, самокритичность, принципиальность, высокая гражданственность и справедливость – таковы основные профессионально-психологические качества следователя.

Преподавательский состав осуществляет образовательную деятельность, применяя разные методы преподавания. Каждый метод, как правило, применяется не изолированно, сам по себе, а в сочетании, взаимодействии с другими. А это значит, что конечный результат учебной деятельности во многом определяется тем, насколько умело и эффективно используется «в деле» эвристический потенциал, педагогические и творческие способности преподавателя и обучающегося.

Ни один метод обучения не является «панацеей». Главное предназначение любого метода – на основе соответствующих принципов и функций преподаваемой дисциплины (требований рабочей программы обеспечить успешное решение познавательных и практических проблем).

Любой метод эффективно «работает» только в его целостности, т. е. когда все его стороны и грани берутся в гармоническом единстве и в своей целостности направлены на достижение специфической логики изучаемой дисциплины. Что в свою очередь нацелено на развитие вышеназванных профессионально-важных качеств сотрудников для предварительного следствия.

Библиографический список

1. Еникеев, М. И. Юридическая психология : учебник / М. И. Еникеев. – СПб., 2004.

2. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М., 1996.

Мелихов А. И.[1]*,*
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

РАЗДЕЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНОСТИ ДОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТИВНОСТИ СЛЕДСТВИЯ КАК ЗАЛОГ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В последнее время в области науки оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса возникло устойчивое мнение о необходимости совмещения стадий выявления, документирования и раскрытия преступлений со стадией его расследования в целях экономии сил и средств, и этому есть свои причины.

Отечественная система уголовного процесса, в основном, досталась нам из советских времен, где считалось, что следователь – как главный, высокообразованный и правосознательный участник уголовного процесса, организует расследование с целью установления объективной истины, по сути совмещая роль следователя и роль предварительного судьи в одном лице (судья-инквизитор). Однако данная схема организации уголовного процесса эффективно работала только в социалистической парадигме устройства жизни общества, где государство не ассоциировала себя с коммерческим предприятием, а потому могло себе позволить большие затраты для установления истины по делу в целях повышения доверия к существующему общественному и государственному строю. Для западного либерального уголовного процесса была характерна состязательность – для которой неважно установление истины, а важно нахождения компромисса между интересами сторон для разрешение конфликта. Состязательность формально была объявлена принципом в новом УПК РФ 2001 г., но окончательного развития не получила, хотя правила игры существенно поменялись [4, с. 56–66].

В 1999 г. экономисты Матиас Деватрипон и Жан Тироль опубликовали ставшую классической статью «Адвокаты» (Mathias Dewatripont, Jean Tirole. Advocates). В ней они сравнили процесс, где доказательства «за» и «против» собирает беспристрастное лицо, с процессом, где есть обвинение и защита, ищущие противоположные доказательства. Оказывается, что в модели, где получение доказательств затратно и их не сфальсифицировать, нельзя построить такую систему стимулов, чтобы заставить беспристрастное лицо найти объективную истину. Только в процессе с конфликтующими сторонами возможно обнаружить полный набор доказательств «за» и «против» [6, с. 1–39].

В такой смешанно системе уголовного процесса – следователь становится предварительным судьей с активными полномочиями по доказыванию (в противовес пассивному рассмотрению доказательств в суде). Однако данная система работает при условии, что издержки по установлению истины несут как

[1] © Мелихов А. И., 2020.

сторона обвинения, так и сторона защиты которым предоставлены равные возможности по сбору доказательств, в противном случае уголовный процесс приобретает обвинительный характер, несмотря на формальное присутствие институтов состязательности.

В настоящее время сторона защиты пассивна, поскольку ограничена в своих сыскных возможностей из-за неразвитости института частной детективной деятельности, поэтому следователю для установления истины самостоятельно требуется получить доказательства вины и невиновности. Как правило, на момент возбуждения уголовного дела, версия стороны обвинения уже сформирована и доказана субъектами оперативно-разыскной деятельности, а сторона защиты своей версии не предъявляет, поэтому участие следователя ограничивается оформлением дела, поскольку основная цель его работы формально уже достигнута.

В таких современных условиях следователь не заинтересован в установлении объективной истины, поскольку:

1) это требует больших издержек с его стороны на установление доказательств как виновности, так и невиновности подозреваемого в условиях хронического недостатка рабочего времени, сил и средств;

2) это может закончится безрезультатно (прекращением уголовного дела), в то время как следователь как государственный служащий акцентуирован в своей деятельности на выполнении конкретных показателей работы в форме своевременного и законного разрешения уголовных дел, а не на абстрактном поддержании государственной функции по установлению справедливости путем поиска истины.

С высказанной позиции, конечно же, целесообразно объединить стадии предварительного следствия и первоначального сбора материала органом дознания, однако модель состязательного процесса в нашей стране сильно деформирована, поэтому указанный способ решения проблемы загруженности государственных правоохранительных органов по нашему мнению позволит одержать лишь тактическую победу в угоду вульгарной экономии, однако в стратегической перспективе породит серьезные проблемы, связанные с нарушением баланса сил, средств и интересов в сфере правоохранительной деятельности и создать угрозы для стабильности российского общества как основного условия обеспечения национальной безопасности. На наш взгляд, проблема загруженности правоохранительных органов, должна решаться путем разрушения монополии на собирание доказательств на стадии выявления, документирования и пресечения преступлений посредствам культивирования института частной детективной деятельности, (что уже нашло свою аргументацию в работах автора статьи [2, с. 53] и С. В. Шошина [5, с. 78], но с оставлением института предварительного следствия как инстанции активного поиска истины (а не поддержки версии представленной органом дознания), в противовес пассивному судебному рассмотрению материалов уголовного дела. Другие причины разделения видов рассматриваемой деятельности уже получили философское [1, с. 23] и уголовно-процессуальное [3, с. 96] обоснование.

Начиная с времен Российской Империи и до настоящего момента, от полиции требовалась «быстрота действий, негласность и способность к обнаружению признаков преступного деяния», поэтому нормативная основа уголовного сыска, в отличии от следствия, была в Российской Империи невелика, чтобы не стеснить полицию в оперативной деятельности «требующей быстроты и целесообразности соответственно с видоизменяющимися обстоятельствами». Считалось, что полиция, как орган дознания, не представляет условий объективности и беспристрастности, которые необходимы при производстве судебных действий, поэтому был создан институт судебного следствия как инстанции поиска истины.

Отделяя дознание от предварительного следствия и создавая институт неотложных следственных действий, законодатель руководствовался принципом экономии сил правоохранительных органов (полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных сведений значительно уменьшиться), а во вторых принципом независимости убеждения следователя и его правом и обязанностью на поиск истины (судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений, судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения).

В настоящее время, совместив стадию первоначальной проверки материалов со стадией предварительного следствия мы не получим экономии ресурсов правоохранительных органов, поскольку нагрузка по рассмотрению и проверки материалов перенесется на судебную систему, а высокая цель поиска истины как эксклюзивная функция следствия, будет окончательно заменена нахождением компромисса между конфликтующими сторонами обвинения и защиты. В условиях неразвитости институтов гражданского общества призванных собирать доказательства в пользу обвиняемого, данное решение значительно ослабит гуманистические позиции государства и без того подорванные радикальными реформами последних лет. Для реализации реформы по совмещению стадии первоначальной проверки материалов со стадией предварительного следствия, отечественная модель выявления, раскрытия и расследования преступлений должна сначала приобрести законченный состязательный вид.

Библиографический список

1. Гобозов, И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу (Философский очерк) / И. А. Гобозов. – М. : Издатель Савин С. А., 2005.

2. Мелихов, А. И. О необходимости развития частного сыска и других правоохранительных институтов гражданского общества в целях укрепления национальной безопасности России / А. И. Мелихов, Т. И. Андрющенко, А. Ю. Истратенков // Вестник ВА МВД РФ. – 2019. – № 4 (51).

3. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : монография / Г. А. Печников. – Волгоград : ВА МВД России, 2007.

4. Цветков, Ю. А. Игра в правосудие: как увеличить выигрыш / Ю. А. Цветков // Уголовный процесс. – 2015. – № 12. – С. 56–66.

5. Шошин С. В. Неестественный монополизм и оперативно-розыскная деятельность: некоторые проблемы Российской специфики // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 1.

6. Mathias Dewatripont; Jean Tirole. Advocates The Journal of Political Economy, Vol. 107. – № 1. (Feb., 1999). – P. 1–39.

Миронова А. В.[1]*,*
начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЛИЦ ИХ ЗАМЕНЯЮЩИХ

По уголовным делам о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, производство предварительного расследования в целом осуществляется, по общим правилам, с определенными исключениями, которые связаны с представительством, дополнительными гарантиями защиты прав несовершеннолетнего и обстоятельствами подлежащими доказыванию по уголовному делу.

Психологические и психические особенности личности несовершеннолетнего требуют от следователей и дознавателей тщательней готовиться к проведению следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетнего и особенно четко соблюдать установленные процедуры применения мер процессуального принуждения.

Меры процессуального принуждения, с одной стороны, обеспечивают эффективность раскрытия и расследования уголовных дел, с другой стороны, характеризуются вмешательством в личные права и свободы участников уголовного судопроизводства, к которым они применяются. В производстве по уголовным делам несовершеннолетних ограничения и запреты затрагивают не только лицо, подвергаемое уголовному преследованию, но и законных представителей, родителей.

По общему правилу, независимо от возраста подозреваемого, обвиняемого УПК РФ установлены единые основания для применения мер процессуального принуждения. В тоже время в порядке задержания подозреваемого, применения мер пресечения и некоторых иных мер процессуального принуждения, преду-

[1] © Миронова А. В., 2020.

смотрены исключениях из общих правил (например, ч. 4 ст. 96, ч. 2 ст. 108, ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

Следует отметить, что уголовно-процессуальным законодательством установлен приоритет избрания несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде отдачи его под присмотр (ч. 2 ст. 423 УПК РФ). В связи с этим решение об избрании меры пресечения иной, нежели предусмотренной ст. 105 УПК РФ обязательно должно быть мотивированным, по какой причине к несовершеннолетнему не применена мера пресечения в виде отдачи его под присмотр. Стоит отметить, что в следственной практике мера пресечения, предусмотренная ст. 105 УПК РФ, применяется достаточно редко. Причины для этого могут быть различны, например, отсутствие в близком окружении несовершеннолетнего лица, заслуживающего доверия или способного обеспечить должное поведение несовершеннолетнего, либо в связи с необходимостью изучения близкого окружения для выявления родителей, опекунов и т. п., которым возможно отдать несовершеннолетнего под присмотр, и фиксация результатов такой работы, на что нет достаточного резерва времени. Порой причиной выбора другой меры принуждения является неясность или недостаточность ограничений, предусмотренных присмотром за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым, либо отсутствие для этого опыта следователя или дознавателя, поскольку практика избрания меры пресечения, регламентированной ст. 105 УПК РФ, довольно мала и составляет по данным исследований всего около 3 % [6, с. 18; 6, с. 436–437]

При производстве дознания причиной не применения присмотра являются также последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 100 УПК РФ, вызываемые применением мер пресечения в отношении подозреваемого. Несмотря на особенность принудительного воспитательного воздействия, мера, предусмотренная ст. 105 УПК РФ является мерой пресечения, которая достаточно существенно ограничивает право на передвижение несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 105 УПК РФ). Если такая мера избрана в отношении подозреваемого, в статусе которого преследуемое лицо находится весь период проведения предварительного расследования в форме дознания, то в срок не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения или с момента задержания, если оно осуществлялось, должно быть предъявлено обвинение. При производстве дознания обвиняемым лицо становится с вынесением обвинительного акта (п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), а если к этому нет оснований, то дознаватель должен по истечении вышеуказанного срока отменить меру пресечения, если нет оснований для применения положения ч. 2 ст. 100 УПК РФ. Требования нормы ч. 1 ст. 100 УПК РФ приводят к тому, что дознаватели в основном не применяют мер пресечения, избирая для обеспечения должного поведения подозреваемого одну из мер, предусмотренных гл. 14 УПК РФ. Вышеприведенное обстоятельство является еще одной причиной для неприменения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

В связи с возникающими трудностями в применении указанной меры, некоторыми авторами даже предлагается исключить присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым из перечня мер пресечения [2, с. 76]. Мы

не согласны с этим мнением, поскольку исключение одной из мер, без замены на какую-либо альтернативу, сузит возможности индивидуализации в применении мер принуждения, и минимизирует условия для особого производства в отношении несовершеннолетнего. Так как именно присмотр за несовершеннолетним является мерой пресечения, правильная реализация которой больше всего отвечает особенным целям уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетним.

Возвращаясь к проблеме применения положений ч. 1 ст. 100 УПК РФ при производстве дознания по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, необходимо отметить, что в гл. 14 УПК РФ в системе иных мер процессуального принуждения нет альтернативы для применения ст. 105 УПК РФ, как например, в следственной практике дознаватели находят альтернативу ст. 102 УПК РФ (подписка о невыезде и надлежащем поведении) в применении ст. 112 УПК РФ (обязательство о явке). Такое положение дел видится неверным, и свидетельствует о необходимости изменений в уголовно-процессуальном законе. Среди иных мер принуждения требуется введение меры специально ориентированной на применение к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства. В ситуации, когда необходимо применить принуждение к несовершеннолетнему целесообразнее всего привлекать к данной процедуре законного представителя, родителей или иных лиц, несущих ответственность за поведение несовершеннолетнего. Во-первых, это позволит в дополнение к принуждению обеспечить воспитательное воздействие и контроль за поведением подозреваемого (обвиняемого). Во-вторых, окажет воздействие на родителей или лиц их заменяющих, укрепив у них чувство ответственности за поведение ребенка. И, в-третьих, установление специальной меры принуждения, и вовлечение в процедуру ее исполнения законных представителей позволит обеспечить более гуманный подход к лицам, не достигшим в полном объеме дееспособности. Международные требования в области прав несовершеннолетних требуют, чтобы «любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя» [5, п. 5.1].

Не всегда в следственно-судебной практике можно обеспечить в период производства по уголовному делу должный контроль за несовершеннолетним со стороны родителей или лиц, их заменяющих. Наибольшие трудности вызывает определение других лиц, заслуживающих доверия. Обычно выделяют ряд условий, при которых несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый может быть отдан на попечение таким лицам: отсутствие родителей, опекунов, попечителей; родители, опекуны, попечители, возражают против исполнения обязанностей по присмотру за ним (хотя необходимость такого согласия является дискуссионным вопросом); либо у следователя, дознавателя, суда имеется основания полагать, что такие лица не смогут обеспечить присмотр за несовершеннолетним (например, по состоянию здоровья или в силу преклонного возраста, в связи с разъездным характером работы, наличие зависимости и других признаков неподобающего поведения). При решении вышеуказанного вопроса необходимо учитывать и отношение несовершеннолетнего к лицу, которое бу-

дет представлять его интересы. Например, с одним из родителей у ребенка могут быть доверительные отношения, а с другим – конфликт, либо взаимоотношения в семье отрицательно влияют на поведение несовершеннолетнего.

Для того чтобы определить лицо, заслуживающее доверие необходимо изучить особенности жизни и воспитания несовершеннолетнего, его окружение и оказываемое на него воздействие. К таким лицам, помимо близких родственников, иногда можно отнести лиц, для которых в силу жизненных обстоятельств судьба несовершеннолетнего небезразлична, например, родственники, не являющиеся близкими, школьный педагог, с которыми есть близкие доверительные отношения [4, с. 65–67].

Может оказаться так, что уже после привлечения лица в качестве законного представителя выяснится, что данный участник уголовного судопроизводства своими действиями наносит ущерб интересам несовершеннолетнего.

Если наличие подобного факта выясняется уже в процессе участия законного представителя по уголовному делу, то следователь (дознаватель) должен заменить участвующее лицо на другое из указанных в п. 12 ст. 5 УПК РФ. При этом в ч. 4 ст. 426 УПК РФ определено лишь основание для отстранения, а процедуры, устанавливающей порядок замены одного законного представителя на другого нет, так же как и нет последствий признания доказательств недопустимыми, если будет доказан тот факт, что при получении показаний или иного доказательства, законный представитель действовал во вред интересам несовершеннолетнего. Считаем, что этот пробел должен быть устранен законодателем.

Процессуальный порядок отстранения и замены законного представителя участника уголовного процесса не регламентирован УПК РФ, но логично, что он должен быть мотивированным и обоснованным и включать следующие действия: оценку ранее не известных обстоятельств, характеризующих личность законного представителя; оценку фактической возможности продолжения осуществлять представительские полномочия в пользу представляемого.

Порядка и формы принятия решения о замене одного законного представителя на другого в уголовно-процессуальном законе не определено, но, как и большинство процессуальных решений, оно должно быть оформлено постановлением. Должно быть вынесено новое постановление о допуске другого лица в качестве законного представителя.

Глава 9 «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве» УПК РФ не устанавливает конкретных случаев, при которых законный представитель несовершеннолетнего подлежит отстранению. Анализ практических рекомендаций [3] по данному вопросу указывает, что при решении вопроса о его отстранении рекомендуется учитывать определенные обстоятельства. Так, например, законный представитель несовершеннолетнего не должен допускаться к участию в уголовном деле, а ранее допущенный подлежит отстранению в случаях, если несовершеннолетний подозревается или обвиняется в совершении преступления в отношении лица, которому предстоит быть законным представителем, либо последний подозревается, обвиняется, осуждено или ранее имело судимость за совершение преступления в отношении несовершеннолетнего; либо указанное лицо или лица (родители несовершеннолетнего) не

выполняют обязанностей по воспитанию и содержанию своих детей; либо предполагаемые законные представители злоупотребляют спиртными напитками, имеют наркотическую зависимость; либо они не выполняют обязанностей, возложенных на них в соответствии с УПК РФ, а также в иных случаях, когда их участие в уголовном деле наносит ущерб правам и законным интересам несовершеннолетнего.

Таким образом, рассмотренные выше проблемы применения мер принуждения позволяют прийти к выводу о том, что в целях обеспечения прав несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого необходимо совершенствование практики применения и правового регулирования мер принуждения в отношении несовершеннолетних, в процедуре реализации которых участвуют законные представители и иные лица их заменяющие. Необходимо исследовать и развивать практику применения присмотра, предусмотренного ст. 105 УПК РФ, предусмотрев получение согласия лиц, на которых возлагается присмотр за несовершеннолетним, а изучение взаимоотношений таких лиц с несовершеннолетним в целях исключения отдачи его под присмотр лицам, не заслуживающим доверия. В главе 14 УПК РФ необходимо предусмотреть меру, применяемую к несовершеннолетнему и не влекущую последствий, предусмотренных ч. 1 т. 100 УПК РФ, в случаях, когда применение мер пресечения неприемлемо.

Библиографический список

1. Андроник, Н. А. Процессуальные особенности избрания мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых / Н. А. Андроник // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 16–20.

2. Бабкин, Л. М. Некоторые вопросы применения мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних / Л. М. Бабкин, С. В. Булатецкий // Центральный научный вестник. – 2017. – Т. 2. – № 12 (29).

3. Воскобойник, И. О. Методические рекомендации на тему: «Особенности привлечения законных представителей при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних» / И. О. Воскобойник, А. А. Хитяник. – 2013.

4. Лаврова, О. Н. О некоторых проблемах теории и практики участия педагога и психолога при производстве допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых / О. Н. Лаврова, Н. Н. Горач, И. Е. Теренков // Материалы научно-практической конференции «Меры уголовно-процессуального принуждения: вопросы теории и практики» (Рязань, 30 мая 2017 г.). – С. 64–70.

5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. – 1991. – № 12–14.

6. Тройнина, И. С. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при избрании и применении мер пресечения, не связанных с заключением под стражу / И. С. Тройнина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 435–440. – (Сер. Право).

Мичурина О. В.[1]*,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

АЛЬТЕРНАТИВА ПРАВОВОМУ МЕХАНИЗМУ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Делегирование полномочий в уголовном судопроизводстве разнообразно по своему содержанию. В самом широком смысле – это делегирование государством должностным лицам и государственным органам процессуальных полномочий на осуществление уголовного преследования. В законе при перечислении их полномочий (судьи, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания и др.) неизменно упоминается, на что каждый из них уполномочен в пределах компетенции, предусмотренной законом. Вместе с тем отдельные свои полномочия эти должностные лица и государственные органы могут делегировать другим должностным лицам. К примеру, полномочие на производство дознания предоставляется законом органу дознания, а в его системе оно воплощается в жизнь дознавателем, который может быть правомочен на осуществление дознания (штатный дознаватель) либо уполномочен на то начальником органа дознания (внештатный дознаватель). Наделение (возложение, уполномочивание) конкретными полномочиями какого-то участника, в частности начальником органа дознания дознавателя, тоже считается делегированием.

Передача отдельных полномочий от одного участника другому (от следователя следователю, от дознавателя дознавателю, от следователя или дознавателя органу дознания) в виде поручений на производство конкретных следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу также является одним из способов делегирования. Но именно его правовой механизм в современных условиях менее эффективен и нуждается в совершенствовании.

Учитывая большую протяженность территории нашей страны, органы предварительного расследования всегда испытывали серьезные трудности в процедурах взаимодействия по уголовным делам. Поэтому дача следователем или дознавателем поручений о производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также их исполнение в той форме, как сейчас она предусмотрена в законе, давно не отвечают современным реалиям жизни, т.к. требует дополнительных временных и ресурсных затрат. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает направление письменного поручения следователем органу дознания по месту производства предварительного расследования (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), а также направление поручения органу дознания или другому следователю вне места предварительного расследования (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Направление от-

[1] © Мичурина О. В., 2020.

дельного поручения следователем другому следователю вне территориальных границ производства по уголовному делу возможно в случаях, когда необходимо произвести большой объем процессуальных действий, включая следственные действия (п. 32 ст. 5 УПК РФ).

Хотелось бы заметить, что легитимность существования в уголовном судопроизводстве подобных поручений не вызывает сомнений ни у ученых, ни у практических работников, в силу того, что институт этот уже значительный период времени имеет официальное закрепление в законе. Вместе с тем доказательства считаются допустимыми, если они получены надлежащим субъектом, уполномоченным производить по уголовному делу соответствующие процессуальные действия и принимать по нему соответствующие процессуальные решения. К примеру, когда конкретное следственное действие произведено следователем или дознавателем, принявшим уголовное дело к своему производству, то имеет место надлежащий субъект. А когда следователь или дознаватель перепоручает выполнение этого следственного действия другому следователю (дознавателю), а нередко и органу дознания, делегируя им свое процессуальной полномочие, то надлежащий субъект тоже имеется, однако поручивший не может быть абсолютно уверен в качестве полученных в итоге результатов и, как правило, их допустимости.

Полнота и достоверность получаемой на допросе информации зависит не только от соблюдения процессуальной формы, но и от других обстоятельств, информированностью о которых обладает только тот, кто принял дело к своему производству и тщательно изучил его. Например, выполняющий поручение не знает всех нюансов фабулы уголовного дела, не в курсе особенной личности допрашиваемого. В то же время, у следователей и дознавателей, получивших такие поручения, в производстве имеются свои уголовные дела с истекающими сроками, а они вынуждены отвлекаться на отдельные поручения по уголовным делам из других регионов.

Выезд же самого следователя или дознавателя для допроса какого-нибудь участника уголовного судопроизводства, находящегося на большом удалении от места производства предварительного расследования, или же ожидание самостоятельного приезда последнего, вряд ли тоже решат вопрос, скорее всего даже усугубят его по причине затягивания процессуальных сроков.

Особую актуальность обозначенной проблеме придают аналогичные поручения следователей и дознавателей, но уже даваемые в рамках запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств. Там расстояния еще дальше и, как следствие, временные рамки еще больше. К примеру, исполнение запросов о правовой помощи по уголовным делам в традиционной процессуальной форме составляет, как правило, от шести месяцев до двух лет, иногда и более. Дистанционный допрос с использованием системы видео-конференц-связи на этапе досудебного производства по уголовным делам значительно ускорил бы и упростил эту процедуру.

Вместе с тем, следует учитывать, что правовая имплементация опыта любых информационных технологий в уголовное судопроизводство должна допускаться лишь при условии, если они отвечают требованиям законности, соблю-

дения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, актуальности их применения, а также режиму открытости (прозрачности). К слову сказать, формат видео-конференц-связи в полной мере отвечает заявленным требованиям.

Широкую популярность видео-конференц-связь получила в уголовном судопроизводстве многих стран, в том числе и в России. Однако отечественный уголовно-процессуальный закон допускает ее лишь в процедуре судебного производства в качестве гарантии права каждой из сторон довести свою позицию до сведения суда. Так, согласно ч. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи. Об аналогичной процедуре для досудебного производства по уголовным делам в уголовно-процессуальном законе речи не идет.

По мнению исследователей, детально занимавшихся вопросами использования систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве, впервые они стали применяться американскими процессуалистами. Сегодня в США процедура видео-конференц-связи распространена на все этапы уголовного процесса. Вместе с тем, американское уголовно-процессуальное законодательство не содержит какие-либо правовые нормы, устанавливающие процессуальную форму и основания получения показаний с использованием видео-конференц-связи. В правоприменении подобные вопросы решаются по мере их возникновения окружным судьей, председательствующим при рассмотрении уголовного дела, по аналогии с имеющейся практикой, т. е. основываясь лишь на прецедентах [1, с. 19].

В Бельгии, Германии, Италии, Казахстане, Латвии, Украине, Финляндии, Франции, Швеции, Эстонии, а также многих других зарубежных странах видеоконференц-связь в досудебном производстве по уголовным делам имеет весьма широкое распространение и нашла свое нормативное закрепление.

Согласно ст. 69 УПК Эстонии лицо, ведущее производство, может провести дистанционный допрос свидетеля, если непосредственный его допрос затруднен или повлечет за собой чрезмерные затраты. Причем, под дистанционным допросом там понимается допрос не только при помощи технического решения систем видео-конференц-связи, в результате чего участники процесса непосредственно видят и слышат в прямой трансляции показания свидетеля, не находящегося в следственном органе, прокуратуре или суде, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство, но и даже по телефону, когда участники процесса непосредственно лишь слышат показания свидетеля, не находящегося в следственном органе или суде, и могут задавать ему вопросы через лицо, ведущее производство [2].

Интересен подобный опыт в Украине. Во-первых, УПК Украины используется понятие дистанционное досудебное производство (ст. 232 УПК Украины) и дистанционное судебное производство (ст. 336 УПК Украины). А во-вторых, в ст. 232 УПК Украины говорится, что допрос лиц, опознание лиц или вещей во время досудебного следствия возможны в режиме видеоконференции при трансляции из другого помещения [3]. Таким образом, с использованием систем видео-конференц-связи там возможен не только допрос, но и иные другие следственные действия.

Скорость, способ и удобство коммуникаций в рамках всех этих систем уголовного судопроизводства, использующих видео-конференц-связь, уже никак не зависит от расстояния. Нельзя подобное сказать о российском уголовном судопроизводстве, где на сегодняшний день отсутствуют какие-либо правовые основы применения данной инновационной технологии в досудебном производстве по уголовным делам, что, на наш взгляд, существенно сужает ее потенциальные возможности и сферы применения, а также усугубляет и без того имеющиеся проблемы на практике.

Все высказанные нами выше доводы позволяют резюмировать, что благодаря стремительному развитию информационно-телекоммуникационных систем, перспективы введение в УПК РФ процедуры дистанционного допроса с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве, как альтернативы существующему правовому механизму делегирования, легко прогнозируемы. Тем более, соответствующий законопроект уже внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Направлен он на дополнение УПК РФ новой ст. 189.1, предусматривающей допрос свидетеля по уголовному делу следователем (дознавателем) посредством видео-конференц-связи [4]. Вместе с тем, мы не видим препятствий на допрос в дистанционном режиме и других участников уголовного судопроизводства, поэтому не исключаем возможность, что ко второму чтению указанного законопроекта это будет учтено законодателем.

Библиографический список

1. Архипова, Е. А. Применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 30 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12 февраля 2003 г. // URL: https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks (дата обращения: 20.02.20).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. // URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno_protsesualnij_kodeks_ukraini/statja-232.htm (дата обращения: 20.02.20).

4. Проект федерального закона № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: http://duma.gov.ru/news/29439/ (дата обращения: 20.02.20).

Победкин А. В.[1]*,*
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ДИСКРЕДИТАЦИЯ АНАЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОБРАЩЕНИЕ К ЗАКОНОДАТЕЛЮ

Известно, что хорошо работает не тот, кто работает много, а кто решает задачи эффективно, т. е. качественно, в кратчайшие сроки и с привлечением минимального объема средств. Индикатором качественной организационной и законотворческой работы выступает способность созданного механизма обеспечивать именно эффективное решение задач без постоянной ручной настройки, вмешательства в его функционирование, замены опорных элементов. Механизм, действительно и объективно требующий постоянной перенастройки, очевидно, плохой. Бывает и иначе: механизм в целом функционирует нормально, однако его создатели (по разным причинам) ошибочно считают необходимым корректировать его, чем чрезмерно усложняют или упрощают, дестабилизируют, разбалансируют и лишают характеристики эффективности. Еще хуже, если механизм функционирует с существенными изъянами, а его «настройщики» принимают многочисленные ошибочные решения по его «ремонту», чем усугубляют проблемы.

Представляется, что последняя ситуация характерна для непрерывных попыток законодателя «залатать» системные «прорывы» уголовного процесса методами, бьющими чаще мимо цели, иногда поражающими и здоровую процессуальную ткань. «Гиперактивность законодателя», «поточный метод», стремление выполнить «план на конец года» [1, с. 140] приводят к расшатываю системы уголовного судопроизводства, отрыву ее от достижений теории, внедрению в отрасль права явно алогичных и антинаучных положений. В примерах недостатка явно нет. Достаточно обратиться к целому ряду последних изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК), например к новой редакции ч. 8 ст. 109 УПК, позволяющей суду при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей, учитывать целый перечень обстоятельств, кроме оценки наличия (отсутствия) на момент данного продления оснований избрания меры пресечения.

Самое удивительное (если не сказать – опасное), что для целого ряда вносимых в УПК изменений объективных оснований нет. Конечно, на настоящий момент УПК не отвечает требованиям, предъявляемым к закону, на основании которого спасаются человеческие судьбы и его, действительно, нужно существенно менять (не так, как это делает законодатель сегодня). Однако корни многих проблем уголовного судопроизводства – в правоприменительной практике, в качестве подготовки должностных лиц, которым доверено применять

[1] © Победкин А. В., 2020.

уголовно-процессуальный закон [5, с. 3-10], зачастую не способных правильно понимать и толковать нормы права, хотя именно этому и должны учить (и учат!) в образовательных организациях юридического профиля. Хорошие студенты без труда находят правильные решения в ситуациях [1, с. 146], которые для правоприменителя составляют непреодолимую сложность. Настолько непреодолимую, что законодатель, ориентируясь на такого правоприменителя, корректирует УПК, подсказывает должностному лицу со слабым уровнем подготовки, как ему следует поступить в ситуации, которая для грамотного специалиста сложности не представляет. Давайте представим, во что скоро превратится и без того «израненный» УПК, если законодатель будет ориентироваться на правоприменителя, который способен действовать только так, как прямо написано в законе (для того, чтобы действовать только как написано, не стоит так долго обучать тонкостям юридической профессии).

К сожалению, применяющие уголовно-процессуальный закон участники судопроизводства, практически предали забвению такой необходимый для процессуальных отраслей юридический прием как аналогия.

Будем справедливы, во многом этому забвению способствовал и законодатель. Из числа нормативных актов процессуальных отраслей отечественного права только в УПК нет никакого упоминания об аналогии. Есть оно даже и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, также регулирующем отношения публичного характера, что еще раз свидетельствует о преодолении ошибочного представления о невозможности аналогии в уголовном судопроизводстве по причине публичности уголовно-процессуального права [2, с. 36]. Заметим, что ни в одном из кодексов, регулирующих процессуальные отношения и допускающих аналогию закона и аналогию права, нет правил ее применения. Между тем, они конечно, существуют и должны учитываться.

В УПК указание на возможность применения аналогии исчезло при принятии УПК РСФСР 1960 г. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав), УПК РСФСР 1922, 1923 г. содержались нормы, свидетельствующие, что аналогия в уголовном процессе допускается: «в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, … основывать решение на общем смысле законов» (ст. 12 Устава); «воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов» (ст. 13 Устава). В УПК РСФСР 1922 и 1923 г. предусматривалось, что останавливать решение дела под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия законов суду воспрещается (вероятно, прежде всего, имелся ввиду именно уголовно-процессуальный закон).

Действия законодателя, сначала исключившего из уголовно-процессуального законодательства все, что свидетельствовало бы о возможности аналогии, а затем прямо указав на такую возможность во всех процессуальных отраслях, конечно, дают основания полагать, что в уголовном судопроизводстве аналогия недопустима. В этом смысле логику правоприменителя, который чаще всего толкует закон только буквально, понять можно, в то время как именно такой подход, не учитывающий дух закона, влечет нарушение прав человека [1, с. 144]. Не исключено, что стремление к исключительно буквальному толко-

ванию закона связано и с боязнью должностных лиц, невольно поощряемых к этому законодателем, принять на себя ответственность,

Однако вряд ли стоит доказывать, что без аналогии уголовно-процессуальный закон может применяться только искаженно. Законодателю, конечно, не дано успеть его скорректировать под каждый случай отсутствия ясного правила поведения, а беспробельных законов никогда не было, нет и не будет.

Мало того, нет никакой необходимости стремиться урегулировать все мыслимые ситуации: процессуальный закон вполне позволяет в ряде случаев определить правильный вариант поведения, учитывая его системность, наличие прямо обозначенных концептуальных идей (принципов), и при условии надлежащей квалификацией правоприменителя [3, с. 10]. Иначе говоря, аналогию ошибочно связывают чаще всего с пробелом в праве, тогда как ее применение следует считать позволительной, а в ряде случаев необходимой в ситуациях, прямо неурегулированных, не все из которых являются пробелами в праве [6, с. 11–12].

Аналогия – прием, который должен учитываться законодателем как неизбежный в уголовно-процессуальной деятельности, потому не в каждом случае прямо неурегулированных ситуаций, законодателю следует реагировать путем внесения в закон изменений. Стремление законодателя поступать сегодня именно так – потакание нежеланию и неумению правоприменителя толковать закон, использовать аналогию.

Так, например, дискредитацией аналогии является один из последних случаев внесения дополнений в УПК: новая редакция п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК, позволяющая прокурору требовать устранения нарушений законодательства не только при производстве дознания и предварительного следствия, но и при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Очевидно, такая возможность вполне ясно усматривалась из применения аналогии, а изменения в закон не требовались. Такая же дискредитация – новая редакция п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК, указывающая на право начальника подразделения дознания проверять материалы не только уголовного дела, но и проверки сообщения о преступлении, равно как и прямо предоставленное руководителю следственного органа право лично осуществлять проверку сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК).

К числу не вполне грамотных изменений с этой точки зрения относится и, например, п. 2 ч. 6 ст. 161 УПК, исключающий из числа случаев разглашения данных предварительного расследования предоставление сведений по уголовному делу специалисту, если тот дал письменное обязательство об их неразглашении без согласия следователя, дознавателя. Почему речь идет только о сведениях, предоставленных специалисту? Разве он не участник уголовного судопроизводства? Должен ли следователь, дознаватель полагать, что для эксперта, переводчика, понятого действуют другие правила? Или «лицо, привлекаемое в качестве специалиста» не является участником судопроизводства (да и что это вообще за участник – «лицо, привлекаемое к участию в этом деле в качестве специалиста» – п. 2 ч. 6 ст. 161 УПК)? Недостатка в примерах нет. Если законодатель и дальше будет ориентироваться на должностных лиц, не владе-

ющих приемами применения аналогии, УПК превратится в многотомную инструкцию, которую весьма затруднительно будет дочитать.

При этом аналогия как нормальное средство, подлежащее использованию в прямо неурегулированных уголовно-процессуальным законом ситуациях, давно реабилитирована Конституционным Судом Российской Федерации, в правовой позиции, которого обозначается правомерность «процессуальной аналогии» [3]. По аналогии в многочисленных случаях дает разъяснения и Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум Верховного Суда). Справедливости ради заметим, что иногда он выходит за рамки правомерного применения аналогии, в том числе и потому, что они формулируются только в теории, положения которой уже не основной фактор, определяющий содержание и закона и разъяснений Пленума Верховного Суда.

Упорное стремление законодателя умолчать об аналогии и правилах ее использования именно в уголовном судопроизводстве – существенная ошибка, дезориентирующая правоприменителя и снижающая самодисциплину законодателя, ощущающего себя не обязанным учитывать в законотворческой деятельности возможности этого юридического приема.

Некоторые решения законодателя вызывают в лучшем случае недоумение, поскольку ориентируют не на правомерную аналогию, а на нарушение принципа законности. Как например, следует оценить положения ч. 1.1. ст. 144 УПК, допустившей предупреждение участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства в порядке, предусмотренном ст. 161 УПК, т. е. распространив эту статью на стадию возбуждения уголовного дела. Не беда, что ст. 161 УПК предусматривает предупреждение о неразглашении данных только предварительного расследования (законодатель вправе предусматривать применение принуждения, хотя в стадии возбуждения уголовного дела оно и должно сводиться к минимуму). Беда в другом: ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) предусматривает уголовную ответственность только за разглашение данных предварительного расследования, следовательно, предупреждать об ответственности участников проверки сообщения о преступлении по ст. 310 УК попросту незаконно.

Законодателю следовало бы не дискредитировать аналогию в уголовном судопроизводстве, и не только разрешить, но и прямо обязать властных участников уголовного судопроизводства применять как аналогию закона, так и аналогию права, установив при этом правила ее применения, относительно которых нет недостатка в предложениях. В целом все они сводятся к строгому соблюдению принципов уголовного судопроизводства [3, с. 9], недопущению ущемления прав граждан [7, с. 158], наличия действительного пробела в праве, невозможности аналогии для решения политических или узковедомственных вопросов [4, с. 258–260]. Из всего этого перечня вызывает возражение только связь аналогии исключительно с пробелом в праве, о чем сказано выше. Трудно согласиться и с предложениями ограничить субъектов применения аналогии только судом [7, с. 160] (в то же время, полагаем Пленум Верховного Суда, разъясняя судебную практику в своих постановлениях, обязан указывать на законный, с его точки зрения, вариант поведения в неурегулированных ситуаци-

ях). Вместе с тем, следует согласиться, что аналогия недопустима в тех случаях, когда влечет применение прямо не предусмотренного законом принуждения [6, с. 13–14] (в связи с чем следователь и дознаватель должны понимать, что при производстве следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении принуждение, например, при производстве освидетельствования, недопустимо, поскольку предусмотрено только в отношении обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля). Крайне важно, что при применении и аналогии закона и аналогии права в первую очередь необходимо ориентироваться на принципы уголовного судопроизводства [3, с. 13–14], которые в настоящее время игнорируются и законодателем, меняющим УПК без оглядки на основополагающие идеи, им же предусмотренные (гл. 2 УПК), и правоприменителем, который зачастую просто не понимает, где найти место принципам при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, действия законодателя дискредитируют аналогию как правомерный и необходимый юридический прием, тогда как назрела необходимость установления в УПК как обязанности, так и правил ее применения должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Библиографический список

1. Белоносов, В. О. Современное состояние уголовно-процессуального законотворчества в России / В. О. Белоносов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27 (1–4). – № 2.

2. Власенко, Н. А. Об аналогии в современном процессуальном праве / Н. А. Власенко // Российская юстиция. – 2005. – № 7.

3. Зайцева, Е. С. Аналогия как способ преодоления пробелов в уголовном судопроизводстве / Е. С. Зайцева, П. В. Козловский // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – № 4 (63).

4. Мальцева, А. А. Аналогия и субсидиарное применение норм при производстве по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц / А. А. Мальцева // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2.

5. Россинский, С. Б. Что может быть практичнее хорошей теории? Продолжаем обсуждать проблемы юридического образования / С. Б. Россинский // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 9. – С. 3–10.

6. Тихомирова, В. В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012.

7. Францифоров, Ю. В. Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве / Ю. В. Францифоров, Н. О. Овчинникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – № 1 (30). – (Серия 5. Юриспруденция).

Полянская Е. П.[1]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С появлением новых способов совершения преступлений в сфере информационных технологий приходится говорить о недостаточности принятых мер по противодействию этому виду современного криминала. Особенно остро обозначилась проблема распространения вредоносных компьютерных программ, представляющих угрозу информационным ресурсам.

Всего правоохранительными органами Российской Федерации в январе-сентябре 2019 г. зарегистрировано 205,1 тыс. (+69,2 %) преступлений, совершенных с использованием ИТТ. Сотрудниками органов внутренних дел задокументировано 201,7 тыс. (+70,3 %) IT-преступлений, при этом в массиве выявленных преступлений они составляют 14,2 % от общего числа преступлений, выявленных органами внутренних дел. Почти половина рассматриваемых преступлений – 97,4 тыс. (+174,1 %) относится к тяжким и особо тяжким составам. Раскрываемость таких преступлений составила 20,5 % [1].

Для хакеров взлом аккаунтов – одно из самых увлекательных занятий, которое дает им огромный простор для творчества. Кто-то совершенствует навык, кто-то ищет материальную выгоду. Причем не всегда приходится что-то взламывать. Сколько бы ни появлялось рекомендаций по созданию надежного пароля, культура интернет-безопасности в целом остается низкой. Обусловлено это тем, что пользователи как правило, используют незамысловатые кодовые слова, либо цифровые комбинации для разных сайтов, переходят по подозрительным ссылкам спама и отказываются от менеджеров паролей.

Как правило, применяются следующие распространенные способы совершения преступлений, которые необходимо выявить в первую очередь.

1. Фишинг – это вид интернет – мошенничества, построенный на принципах социальной инженерии [2]. Иначе говоря, при использовании пользователем сайта-двойника, ему предлагается ввести данные, которые получают преступники и используют совершенно в различных целях.

2. Вредоносное программное обеспечение используется в зависимости от целей преступника. В последнее время чаще используется вредоносное ПО, которое без разрешения работает в фоновом режиме и собирает личные данные, такие как шаблон просмотра часто посещаемых сайтов, содержимое электрон-

[1] © Полянская Е. П., 2020.

ной почты, куки, иные данные, сохраненные в браузерах, пароли веб-сайтов, данные кредитных карт. И это только малая часть от всех имеющихся возможностей злоумышленников.

3. Социальная инженерия. Злоумышленник получает несанкционированный доступ к информации или системам хранения информации без использования технических средств. К примеру, злоумышленнику удается подсмотреть пароль, либо добиться расположения как самой жертвы, так и круга ее знакомых, от которых становится известна информация, позволяющая использовать ее в преступных целях. Как правило, здесь выстраивается целый пласт интернет – мошенничества.

4. Подбор пароля. Обладая информацией о пользователе, которую легко найти в социальных сетях, можно подобрать пароль имея некий минимум информации, либо воспользоваться ассоциативной базой данных или техникой словарной атаки, когда несловесные комбинации исключаются, а словесные модифицируются.

Несомненно, компаниями активно осуществляются меры по противодействию кибепреступности. В настоящее время компанией Mozilla вводится защита для сохраненных паролей пользователей с помощью мастер-пароля в выпуске браузера Firefox 76.

Не секрет, что наша правоохранительная система выступает в роли «догоняющей» стороны, не успевая адаптироваться к появляющимся способам совершения преступлений. Подобное происходит ввиду слабого информационного, процессуального взаимодействия, недостаточного количества квалифицированных специалистов и современного высокотехнологичного оборудования. Существенно осложняет работу сотрудников еще и тот фактор, что агрегаторы информации собирают сведения, которые привязаны к идентификаторам персональных данных пользователя, а не устройств, используемых злоумышленниками. Современные преступники применяют средства, позволяющие скрыть свою реальную личность (VPN/VPS-сервисы для анонимизации интернет-трафика, виртуальные номера мобильных телефонов и адреса электронной почты, анонимные электронные и криптовалютные кошельки). ФИО пользователя заменяется на никнейм, количество которых у злоумышленников может достигать нескольких десятков, дата рождения указывается вымышленная.

Решение сложившейся проблемы с раскрываемостью киберпреступлений в России эксперты видят в создании принципиально новой системы криминалистического учета и идентификации на основе электронно-цифрового следа различных гаджетов. Кроме того, необходимо усилить прежде всего информационное взаимодействие с подразделениями, осуществляющими раскрытие преступлений для осуществления выработки алгоритма формирования доказательственной базы. Также следует организовывать курсы повышения квалификации для сотрудников, специализирующихся на раскрытии и расследовании столь сложной категории преступлений, требующей наличие специальный познаний, что несомненно повлияло бы на качество и эффективность расследования.

Библиографический список

1. Приказ МВД России № 878 от 25 ноября 2019 г. «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3 км». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.03.2020).

2. Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/-wiki/фишинг (дата обращения: 30.03.2020).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 7. – Ст. 701.

Потапов В. Д.[1]*,*
директор юридического института
Сыктывкарского государственного
университета имени Питирима Сорокина
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В различные периоды развития права регулярно поднимаются вопросы о целесообразности модернизации досудебных стадий судопроизводства, включая дифференциацию уголовно-процессуальных форм. К примеру, в советский период времени законодатель строго придерживался подхода, согласно которому при производстве по уголовным делам на всей территории государства должен быть одинаковый режим предварительного расследования, одни и те же процессуальные средства, позволяющие устанавливать фактические обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также способы их исследования. Похожий подход был и к принятию решений, необходимых требований, которым они должны соответствовать, а также к их исполнению субъектами уголовно-процессуальных отношений. Тем не менее, наблюдались и отступления от единства уголовно-процессуальной формы, диктуемые особыми свойствами отдельных категорий уголовных дел, а также в отношении определенных лиц.

1. В последний период времени в силу продолжающейся либерализации уголовного судопроизводства, развития его диспозитивных начал и ряда иных причин произошли многочисленные изменения и дополнения в уголовно-процессуальном законодательстве. Подверглись модернизации многие институты досудебного производства по уголовному делу, что все больше и больше ведет к стремительному изменению его формы (согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ под досудебным производством понимается часть уголовного судопроизводства с момента получения сообщения о преступлении и до направления прокурором

[1] © Потапов В. Д., 2020.

уголовного дела в суд для его рассмотрения по существу). С одной стороны развивается процесс значительного упрощения различного рода уголовно-процессуальных процедур, с другой – их значительное усложнение, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. В частности, продолжает свое распространение сокращенная форма уголовного судопроизводства, развиваются возможности стадии возбуждения уголовного дела, появляются новые категории лиц, в отношении которых предусмотрен особый, благоприятствующий процессуальный порядок производства по делу и др.

Все это обостряет имеющиеся проблемы, ведет к нестабильности развития уголовно-процессуальной формы, отдаления от соблюдения от основных принципов (законности, презумпции невиновности и др.), а в целом – создает угрозу утраты ею имманентных черт, позволяющих обособить уголовное судопроизводство в самостоятельный вид государственной деятельности [4, с. 111].

Не вдаваясь в многочисленные дискуссии среди исследователей по поводу понятия, сущности, пределов дифференциации уголовно-процессуальной формы [5, с. 142], более подробно остановимся на ее соотношении с досудебным производством по делу.

Общую форму уголовного судопроизводства составляют его особые процедуры: как общие порядки (досудебное производство, судопроизводство), так и частные процессуальные формы (к примеру, предварительное расследование осуществляется в форме дознания и предварительного следствия).

Исследователи справедливо объясняют правовую форму досудебного производства стадийным построением всего уголовного процесса, связанного с типом его организации. Обязательность соблюдения уголовно-процессуальной формы по итогам досудебного производства позволяет суду рассмотреть уголовное дело по существу и разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого, о назначении ему меры уголовного наказания либо освобождении от такового [2, с. 23].

Основные задачи, решаемые в ходе досудебного производства, вытекают из его назначения, сформулированного в качестве одного из ключевых принципов процесса в ст. 6 УПК РФ. В рамках определенной уголовно-процессуальной формы осуществляется возбуждение уголовных дел, устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, производится привлечение лица в качестве обвиняемого, применяются меры уголовно-процессуального принуждения и др. Результатом досудебного производства является итоговое решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо о направлении его в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом), в котором для суда определяются пределы проведения судебного разбирательства.

Рассматривая данный вопрос с позиций теории доказательств в уголовном процессе, необходимо отметить, что стадия предварительного расследования присуща континентальному типу судопроизводства. Она является сугубо государственной функцией, связанной с собиранием процессуальных сведений и выявлением источников доказательств в ходе досудебного производства [3, с. 29]. На страницах юридической литературы указывается на привыкание

судей к тому, что по уголовному делу уже собраны необходимые доказательства. Они с трудом допускают возможность производства судебного разбирательства без определенной досудебной подготовки, проведенной в соответствующей уголовно-процессуальной форме [2, с. 69].

Изучение правоприменительной практики показывает, что в подавляющем случае сформированные в ходе предварительного расследования доказательства (фактически при отсутствии состязательных начал) являются основой для принятия судом решения о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему общественно опасного деяния. Об этом ярко свидетельствует и количество вынесения судом оправдательных приговоров.

В условиях стремительного развития цифровизации продолжаются дискуссии среди ученых и правоприменителей относительно единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства. Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство влечет к ее упрощению, освобождению участников процесса от чрезмерных обязанностей. Учеными-процессуалистами обосновывается позиция, согласно которой правовая система формирования доказательств и принятия процессуальных решений в условиях цифровизации нуждается не просто в ее модернизации, а в полной замене. Происходящие преобразования диктуют в первую очередь необходимость осуществления реформы досудебного производства, а в последующем – цифровой трансформации всего уголовно-процессуального устройства [1, с. 200]. В любом случае в ходе решения проблем уголовного судопроизводства на современном этапе его развития, поиска новых путей разумности срока и экономии процесса следует бережно относиться к вопросу о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы и прежде всего исходить из ее назначения и социальной ценности.

Библиографический список

1. Александров, А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199–207.

2. Манова, Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н. С. Манова ; под ред. В. М. Корнукова. – Саратов, 2003.

3. Пиюк, А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса / А. В. Пиюк. – Томск, 2011.

4. Победкин, А. А. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности / А. А. Победкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 110–118.

5. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития / С. Б. Россинский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 140–144.

Попенков А. В.[1]*,*
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ФОРМА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ АДВОКАТА, ВСТУПАЮЩЕГО В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Одним из структурных элементов обеспечения права подозреваемого или обвиняемого на защиту, закрепленных в уголовно – процессуальном законодательстве Российской Федерации является право на получение юридической помощи, через адвоката, предоставленного органами предварительного расследования или нанятого самим подзащитным, для реализации своих интересов. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регламентирует на прямую количество адвокатов, представляющих интересы подзащитного, степень участия и взаимосвязь в некоторых вопросах. В целях уточнения данных моментов, 17 апреля 2017 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 73-ФЗ, вносящий уточнения в ст. 49 УПК РФ, согласно которым адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные ч. 3 ст. 53 УПК РФ. Таким образом, законодатель изменил формулировку, уточнив, что адвокат именно вступает, а не допускается органами предварительного расследования к участию в деле. Кроме этого был расширен и спектр полномочий адвоката, получившего право допрашиваться в качестве свидетеля по уголовному делу, право на привлечение к делу специалистов и некоторые иные полномочия, связанные с реализацией своих профессиональных обязанностей.

Бесспорно, такие новеллы в законодательстве были позитивно восприняты адвокатским сообществом и направлены на улучшение принципа состязательности сторон в уголовном процессе, а так же в реализации права граждан на защиту. Однако следует отметить, что по-прежнему остаются не решенными ряд трудностей, носящих порой технический характер, но весьма деструктивно влияющих на правоспособность сторон – участников процесса.

Предположим, что адвокат, действующий в рамках заключенного соглашения, появляется лишь на третий день расследования уголовного дела, возбужденного в отношении гражданина. За прошедшее с момента возбуждения уголовного дела время, органы предварительного расследования допросили лицо в качестве подозреваемого, предъявили ему первоначальное обвинение и допросили в качестве обвиняемого. Все эти следственные действия были проведены с участием адвоката, представленного гражданину по назначению за государственный счет. Таким образом, появление в деле нового адвоката, влечет за со-

[1] © Попенков А. В., 2020.

бой необходимость его ознакомления с протоколами следственных действий, проведенных с участием его подзащитного, в целях изучения ситуации и построения алгоритма защиты своего клиента. Данное право адвоката закреплено в ст. 47 УПК РФ, так как он в полной мере имеет возможность пользоваться всеми правами, предусмотренными своему подзащитному [2]. Как было указано в ч. 4 ст. 49 УПК РФ, адвокат вступает в дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения и ордера на защиту, но само по себе данное действие еще не обязывает следователя предоставлять адвокату копии протоколов и знакомить его с ними. Если процедура ознакомления адвоката с материалами уголовного дела на стадии окончания расследования достаточно подробно регламентирована ст. 217 УПК РФ, то процедура ознакомления с текущими протоколами следственных действий на промежуточных этапах расследования не столь ясна. Процессуальный вакуум данного действия порождает следующую коллизию. Адвокат изъявляет желание ознакомиться с протоколом допроса своего подзащитного, в качестве подозреваемого, для чего должен отразить свое желание в каком – либо письменном виде, дабы соблюсти процедуру и порядок судопроизводства, однако получив такое ходатайство следователь, руководствуясь ст. 121 УПК РФ получает право на рассмотрение данного ходатайства в течении трех суток, с момента его подачи. То есть, заявив ходатайство в понедельник, адвокат сможет увидеть протоколы следственных действий только в среду, следовательно, откладывается и фактическая защита обвиняемого, ограничивая его право на доступ к правосудию.

Решая этот вопрос с позиции следователя, можно констатировать, что на следователя не возлагается обязанность, знакомить всех вступающих в процесс адвокатов с материалами дела, в части касающейся их подзащитных. Т. е., следователь не должен выступать, с инициативой ознакомить адвоката с протоколами, только потому, что адвокат представил ему удостоверение и ордер на защиту. Более того, по мнению автора, желание ознакомиться с любыми документами является формой активной защиты, а значит должно выражаться в действии, а, следовательно, в волеизъявлении участников процесса в установленном законом порядке.

Интересным, видится пример аналогичной ситуации, когда адвокат желает ознакомиться с материалами, подтверждающими законность и обоснованность ходатайства перед судом, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Имея право ознакомиться с представленными следователем в суд материалами, адвокат обращается в канцелярию суда с заявлением на имя председателя суда, после чего получает для ознакомления материалы, в том числе и для их копирования.

Некоторые адвокаты полагают, что для волеизъявления им достаточно устного заявления, о намерении ознакомиться с материалами дела, однако и устное ходатайство регулируется теме же правилами, предусмотренными ст. 121 УПК РФ, следовательно, принципиального отличия в такой форме ходатайства автор не видит.

Естественно, для адвокатов есть и альтернативное решение данной проблемы, когда адвокат, пользуясь своим правом на свидание с подзащитным, может

ознакомиться с копией постановления о привлечении в качестве обвиняемого, врученной самому подзащитному, а о сути допроса узнать из устной беседы с ним, но такое решение нарушает правоспособность адвоката, создает дополнительные трудности в осуществлении защиты, а так же негативно отражается на качестве юридической помощи обвиняемому [3, с. 255].

Решение данной проблемы видится автору в уточнении положений ст. 49 УПК РФ, в которую следует добавить процедуру предоставления адвокату положенных ему копий материалов уголовного дела. Такое структурирование снимет разногласия, как с органов предварительного расследования, так и с адвокатуры, позволяя сделать процедуру реализации прав участников процесса более прозрачной и доступной.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Клещина, Е. Н. О вопросах совершенствования порядка производства предварительного следствия // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 255–259.

4. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2020).

Прохорова Е. А.[1]**,**
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Золотухин Н. А.[2]**,**
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Одним из дискуссионных вопросов в науке уголовного процесса является производство судебных экспертиз и исследований на стадии возбуждения уголовного дела.

При признании большинством ученых факта, что без специальных исследований «зачастую невозможно принять законное решение на стадии возбуждения уголовного дела» [6, с. 129], часть из них опасается, что возможность проведения экспертизы на первоначальном этапе уголовного судопроизводства приведет к активному производству и других следственных действий [5, с. 111], а также к существенным нарушениям прав личности [3, с. 21–24].

Сторонники положительного решения о назначении судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела, в свою очередь, полагают, что это исключит двойную работу – производство исследований и экспертиз по одним и тем же вопросам [4, с. 211].

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), изначально закрепивший возможность назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, неоднократно подвергался изменениям в этой части – от запрета данного процессуального действия и последующей замены его производством исследований документов, предметов, трупов до вновь введенного разрешения не только на назначение, но и на производство судебной экспертизы.

В результате, на настоящий момент УПК РФ допускает на стадии возбуждения уголовного дела назначение и производство судебной экспертизы, а также производство исследований документов, предметов, трупов.

Анализ следственной практики позволяет выявить особенности рассматриваемых форм применения специальных знаний в ходе проверки сообщений о преступлениях.

---

[1] © Прохорова Е. А., 2020.
[2] © Золотухин Н. А., 2020.

Несомненно явное преимущество экспертизы перед исследованием – признание ее результатов доказательством, поскольку заключение эксперта относится, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, к видам доказательств по уголовному делу, в отличие от справки об исследовании, доказательственное значение которой весьма спорно.

Кроме того, УПК РФ достаточно детально регламентирует порядок назначения судебной экспертизы и представления заключения эксперта, в то время, как правила требования производства исследований и оформления их результатов не нашли законодательного закрепления, а правоприменительная практика не отличается единообразием в этом вопросе – отношение или постановление о производстве исследования, справка об исследовании или заключение специалиста и т. д.

Тем не менее, назначение судебных экспертиз не получило широкого применения на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. В частности, экспертизы назначаются, когда иным путем невозможно установление признаков преступления, например, в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ – для установления причин смерти, характера и степени вреда, причиненного преступлением и др.

В большинстве случаев в ходе проверки сообщений о преступлениях проводятся исследования, что объясняется следующими обстоятельствами.

Экспертиза обычно требует более длительного времени для производства, нежели исследование, несмотря на то, что ч. 3 ст. 144 УПК РФ допускает возможность продления срока стадии возбуждения уголовного дела до 30 суток в равной мере для производства как судебных экспертиз, так и исследований.

В среднем исследование на стадии возбуждения уголовного дела выполняется в срок от нескольких часов до 3 суток, а на производство экспертизы иногда затрачивается до 30 суток.

Обозначенная разница в сроках объясняется, прежде всего, объемом проводимых действий. Так, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств объем изучаемых экспертом или специалистом материалов различается – при экспертизе должны быть изучены все изъятые и представленные объекты, а при исследовании достаточно определенного минимально необходимого количества изъятого вещества.

Быстрота производства имеет значение, например, в случае, если решается вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, подвергнутого фактическому задержанию и доставленного к следователю или в орган дознания. Часть 1 ст. 92 УПК РФ в таком случае обязывает не позднее 3 часов составить протокол задержания, чему должно предшествовать решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Соответственно, производство исследования, осуществляемого в кратчайшие сроки, в данном случае предпочтительнее.

Другая причина, по которой предпочтение на стадии возбуждения уголовного дела нередко отдается исследованию перед экспертизой, связана с перспективой назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Часть 1.2 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о

производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Таким образом, само ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, если заключение первоначальной экспертизы получено на стадии возбуждения уголовного дела, является безусловным основанием для ее производства.

Указанное обстоятельство вызывает сомнения в целесообразности производства экспертизы на данном этапе, тем более в условиях имеющейся альтернативы в виде исследования. Особенно остро данный вопрос стоит, если при производстве экспертизы возможно уничтожение или изменение объектов исследования, делающее невозможным производство повторной экспертизы.

Сформулированное в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ правило идет вразрез с общими положениями о назначении дополнительной и повторной экспертизы, порядке разрешения ходатайств, обязательности рассмотрения ходатайств.

Так, ч. 1 ст. 206 УПК РФ закрепляет право потерпевшего, его представителя, подозреваемого, обвиняемого, его защитника ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы. Части 1 и 2 ст. 207 УПК РФ регламентируют возможность назначения дополнительной и повторной экспертиз при наличии соответствующих оснований. Согласно ч. 1 ст. 159 УПК РФ, каждое заявленное по уголовному делу ходатайство подлежит обязательному рассмотрению следователем, дознавателем, при этом, в силу ст. 122 УПК РФ, может быть принято решение как об удовлетворении ходатайства, так и о полном или частичном отказе в его удовлетворении.

Соответственно, участники уголовного процесса вправе заявлять ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы, которые подлежат обязательному рассмотрению лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и, в случае обоснованности приводимых в заявляемом требовании доводов, подтверждающих наличие оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы, должны быть удовлетворены.

Иное решение данного вопроса по результатам проведенной на стадии возбуждения уголовного дела экспертизы означает, что полученное на данном этапе заключение эксперта является «второсортным» доказательством по сравнению с аналогичным заключением, полученным в ходе предварительного расследования, что не соответствует норме ч. 2 ст. 17 УПК РФ, установившей, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

По нашему мнению, такое недоверие к составленному в ходе проверки сообщения о преступлении заключению эксперта обусловлено отличиями в порядке назначения экспертиз на разных стадиях уголовного процесса.

В частности, отсутствует определенность в решении вопроса о применении на стадии возбуждения уголовного дела ч. 3 ст. 195 УПК РФ, обязывающей следователя, дознавателя знакомить с постановлением о назначении экспертизы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, и ст. 198 УПК РФ, наделяющей определенными правами подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы. С одной стороны, на данной стадии указанные участники отсутствуют, но с другой стороны, там, где

речь идет об обеспечении прав личности, следует исходить из фактического, а не формального статуса лиц [1; 2].

В этой связи правильной представляется практика, когда лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, знакомит с постановлением о назначении экспертизы заявителя, лицо, в отношении которого проводится проверка, и обеспечивает другие права этих лиц, связанные с производством судебной экспертизы на данном этапе, а также лица, дающего объяснения.

В целях усиления гарантий прав личности на стадии возбуждения уголовного дела и обеспечения единообразия правоприменительной практики полагаем необходимым закрепить соответствующие положения в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, что усилит доказательственное значение полученных на данном этапе сведений, в том числе заключения эксперта.

Помимо этого, для исключения дублирования процессуальных действий путем необоснованного назначения дополнительных и повторных экспертиз представляется необходимым изменить редакцию ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, приведя ее в соответствие с общими правилами рассмотрения ходатайств в уголовном процессе: «Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит рассмотрению в порядке, установленном главой 15 настоящего Кодекса».

В целом же полагаем, что разрешение законодателем назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела должно повлечь исключение из содержания данного этапа псевдопроцессуального действия «исследование» и разработку методических рекомендаций для экспертных подразделений, учитывающих специфику экспертных исследований в части сроков и других аспектов для различных стадий уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

3. Митюкова, М. А. К вопросу о производстве неотложных следственных действий / М. А. Митюкова // Сибирский юридический вестник. – 2002. – № 3.

4. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М. : Норма, 2006.

5. Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора / В. М. Савицкий. – М., 1975.

6. Яшин, В. Н. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы : учебное пособие для вузов / В. Н. Яшин, А. В. Победкин. – М. : Юнитидана, Закон и право, 2002.

Пушкарев В. В.[1]***,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) презюмирует необходимость защиты личных и публичных интересов от уголовных правонарушений в процессе уголовного судопроизводства и прескриптивно устанавливает необходимость охраны присущих личности, обществу и государству прав, свобод и законных интересов посредством установления обязанности государства в виде уголовного преследования виновных или отказа от уголовного преследования невиновных, а также юридической ответственности государства, выраженной в необходимости реабилитации каждого, кто подвергся уголовному преследованию необоснованно.

Исходя из системного толкования и смысла целого ряда конституционных норм, выраженных в ст.ст. 2, 7, 18, 21, 45, 52, 53, 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы каждого человека и гражданина являются важнейшей социальной ценностью и общественным благом. Их нарушение причиняет существенный вред частным и публичным интересам. Последний представлен необходимостью признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, в виде основной обязанности государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации), образуя собой основу конституционного строя России. В таком смысле справедливо дополнение умозаключения о том, что назначение уголовного судопроизводства представляет собой форму выражения общественных потребностей [1, с. 103–104], которые видятся в необходимости как уголовного преследования, так и уголовно-процессуальной деятельности, при этом назначение уголовного судопроизводства фиксирует правильное направление генерального взгляда правоприменителя на сущность уголовно-процессуального права, смысл функций и содержание целей, задач, средств и возможных результатов социально значимой уголовно-процессуальной деятельности.

При этом, до 2015 г. существовал пробел права и правопонимания относительно термина «публичный интерес», скорректированный выраженной позицией Верховного Суда Российской Федерации в п. 75 своего Постановления, где под публичными интересами понимаются интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды [4].

---

[1] © Пушкарев В. В., 2020.

В настоящее время некоторые ученые-юристы выражают обеспокоенность позицией об игнорировании в действующем законодательстве интересов общества и государства в ходе производства по уголовным делам [2, с. 112], ввиду их отсутствия в тексте нормы, изложенной в ст. 6 УПК РФ. Однако, упомянутый абсентеизм мнимый, о чем и свидетельствуют ранее приведенные аргументы.

Кроме того, говорить об игнорировании публичных интересов в уголовно-процессуальном законодательстве России неверно, так как они выражены не только интересами общества и государства, а гораздо шире, например, в ст. 23 УПК РФ, а также в ч. 3 ст. 44 УПК РФ прямо учитываются интересы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Соответственно публичный интерес в уголовно-процессуальном праве представлен перманентно, как слагаемое личных интересов, образующих общественный, а, следовательно, и государственный, и муниципальный интерес. Более того, он не может отсутствовать в уголовно-процессуальных отношениях, имеющих публично-правовой характер.

В то же время, системно-юридический анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что регулирование и охрана публичных интересов в отраслевом законодательстве осуществляются недостаточно, для чего необходимо аргументированно предложить новую редакцию норм действующего уголовно-процессуального закона.

I. Советское уголовно-процессуальное законодательство прогрессивно включало необходимые положения, прямо предписывавшие необходимость учета общественных интересов при принятии ряда процессуальных решений должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование в досудебном порядке. В первую очередь это касается ст. 95 УПК РСФСР о поручительстве общественной организации, однако общий характер изложения не предопределил частоту ее использования при избрании этой меры пресечения конкретным обвиняемым.

В уголовно-процессуальной науке были предприняты попытки, взывающие к литеральному возврату данной статьи [3, с. 12], которые вызывают несомненную поддержку по духу предложения, но неудачны по предлагаемой букве закона: проекция прежнего названия не способна учесть всего многообразия лиц и уголовно-процессуальных отношений досудебного уголовного преследования, обусловленных общественными интересами, подлежащими учету для гармонизации и гуманизации досудебного уголовного преследования при построении правового социального государства.

Предполагается изменить ст. 98 УПК РФ посредством включения в нее п. 2.1) поручительство;». Также требуется формулировка содержательной части нормы о поручительстве, посредством введения в УПК РФ ст. 103.1 «Поручительство» в следующей редакции:

«Статья 103.1. Поручительство»

1. Поручительство как мера пресечения, основанная на общественном интересе, заключается в письменном обязательстве заслуживающего доверия юридического лица прошедшего государственную регистрацию в соответствии в

законодательством и его трудового коллектива в том, что данное лицо и трудовой коллектив ручается своим авторитетом, деловой репутацией и вносимой денежной суммой в депозит суда, которая может быть взыскана с него в случае невыполнения принятого на себя обязательства, за соответствующее поведение подозреваемого или обвиняемого, включающее соблюдение им общественного порядка, явку по вызовам дознавателя, следователя и суда, и исполнение других процессуальных обязанностей.

2. Юридическое лицо и трудовой коллектив, выступающий от его имени, должны быть поставлены в известность о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения.

3. В случае, если обстоятельства уголовного дела представляют повышенный общественный интерес, по обращению юридического лица или трудового коллектива, следователь или дознаватель может разрешить представителям средств массовой информации производить аудио- и видеозаписи, фотографировать отдельные моменты открытия и подведения итогов заседания при условии, что они не мешают нормальному ходу заседания и не ущемляют интересы иных участников уголовного судопроизводства.

4. Поручитель в любой момент уголовного судопроизводства вправе отказаться от принятого поручительства.

5. При изменении меры пресечения по причинам, не связанным с поведением подозреваемого или обвиняемого, в связи с предъявлением нового обвинения, обнаружением обстоятельств, о которых поручитель не знал или не мог знать в момент принятия поручительства, при утрате поручителем – юридическим лицом своей правоспособности, поручитель может получить денежную сумму, внесенную на депозитный счет в обеспечение поручительства.

6. Если поручитель не выполнил своего обязательства по обеспечению соответствующего поведения подозреваемого или обвиняемого, или любым произвольным способом отказался от поручительства, внесенная поручителем в обеспечение поручительства, денежная сумма, подлежит обращению в доход государства на основании судебного решения. Такое решение может быть обжаловано в вышестоящий суд».

II. Надлежит прямо учитывать общественные интересы при осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве в ст. 119 УПК РФ, посредством расширения круга лиц, имеющих право заявить ходатайство.

В связи с чем ч. 1 ст. 119 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «1. Подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, представитель юридического лица или трудовой коллектив, и иное лицо, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации.».

Иные нормы главы 15 УПК РФ в изменении редакции не нуждаются, сроки рассмотрения ходатайств в УПК РФ являются более жесткими, поскольку

предусматривают максимальный трехдневный срок для рассмотрения ходатайств, в отличие, например, от ч. 1 ст. 246 УПК Молдовы, устанавливающей для этого 15-дневный срок [5]. В то же время в законе необходимо определить размер вносимой в депозит суда денежной суммы в качестве поручительства.

III. Наличие общественных интересов в минимизации расходов и обеспечении более быстрого досудебного производства и рассмотрения дел, в выявлении, предотвращении или прекращении большого количества преступлений, должно нормативно учитываться при рассмотрении условий инициирования и заключения соглашений о досудебном сотрудничестве в качестве основания порядка его применения. Данные признаки публичного интереса в планируемом заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, должны быть отражены и конкретизированы в представлении прокурора, включены в ст. 317.5 и ст. 317.6 УПК РФ.

IV. Общественные интересы должны учитываться при привлечении следователями и дознавателями лиц, в качестве понятых, в связи с чем предлагается дополнить ст. 60 УПК РФ положением о том, что в качестве понятых не могут привлекаться лица, отвлечение которых от исполнения служебных обязанностей может повлечь существенный вред общественным, государственным и муниципальным интересам.

Высказанные предложения показывают направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства с насущной целью учета и нормативной регламентации публичных интересов в конкретных статьях уголовно-процессуального закона, открывая новое направление исследований в целях гуманизации уголовного преследования и эволюционного развития уголовного судопроизводства, призванного своевременно и обоснованно учитывать публичные интересы при осуществлении досудебного уголовного преследования.

Библиографический список

1. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барбаш. – СПб., 2005. – 257 с.

2. Качалова, О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права / О. В. Качалова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 109–112.

3. Эсендиров, М. В. Обеспечение прав лица при наделении его процессуальным статусом обвиняемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 26 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140 (6711).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2018) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 20.03.2020).

Самолаева Е. Ю.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧИСЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ СУТКАМИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Под процессуальным сроком понимается установленный УПК РФ период времени, в течение которого должны совершаться процессуальные действия или в течение которого следует не выполнять процессуальные действия [1, с. 128]. Правила исчисления сроков регламентированы в главе 17 УПК РФ, в частности ст. 128.

Соблюдение процессуальных сроков является одним из показателей соблюдения законности в уголовном судопроизводстве, гарантом реализации прав и свобод граждан и участников уголовного судопроизводства.

Обстоятельства, связанные с нарушениями сроков могут иметь причины, не связанные с несовершенством законодательства и быть связанными с техническими ошибками или человеческим фактором (например, при подаче апелляционных представлений на приговор путем почтового отправления сотрудник почты ошибочно проставил на конверте с апелляционным представлением неверную дату) [2].

Однако исследование практики показывает, что несоблюдение сроков чаще связано с неверным толкованием положений ст. 128 УПК РФ. В частности, несмотря на многочисленные обсуждения проблем, связанных с исчислением сроков в юридической литературе, в правоприменительной деятельности продолжает отмечаться неопределенность в данных вопросах. Напомним о наиболее известных мнениях относительно данного вопроса, заключающихся в двух основных трактовках правил ст. 128 УПК РФ. Первый состоит в том, что при исчислении сроков сутками, первые сутки, которыми начинается данный срок, учитываются в полном объеме вне зависимости от конкретного часа начала течения срока [3, с. 42]. Другие исследователи проблем процессуальных сроков, изучив ранее действовавшие нормы, а также положения иных отраслей законодательства, утверждают, что определение срока, исчисляемого сутками, должно быть основано на 24-часовом его понимании и в него не включаются тот час и те сутки, которыми начинается течение срока [4, с. 30].

Противоречивость толкования данных вопросов соответствующим образом отражается на правоприменении. Даже при строгом соблюдении норм отмечаются затруднения по традиционным направлениям: определение сроков проверки сообщения о преступлении, окончания расследования, заключения под стражу и др.

Положения, связанные с определением окончания сроков постепенно перешли в категорию проблем, которые практика научилась благополучно решать

[1] © Самолаева Е. Ю., 2020.

без ущерба для успешного разрешения уголовных дел, а наука – их обходить, не внося существенных изменений в разъяснение данного вопроса. В то же время, все стороны обсуждения проблемы сходятся во мнении, что требуется законодательное определение этих спорных позиций, в том числе в определении понимания суток в уголовном судопроизводстве.

Особый интерес вызывают затруднения возникают сроки, указанные сутками, начало исчисления которых четко определен в законе. Например, ч. 5 ст. 165 УПК РФ устанавливает необходимость уведомлять следователем или дознавателем судью и прокурора о производстве не терпящего отлагательства следственного действия не позднее трех суток с момента начала его производства. Таким образом, правоприменитель может предположить, что исчислять данный срок следует с указного в законе момента. В результате, может быть произойти нарушение данного срока и наступить соответствующее неблагоприятное последствие.

Похожая ситуация с определением окончания срока наблюдается при применении ст. 100 УПК РФ, согласно которой в течение десяти суток «с момента применения меры пресечения» или «с момента задержания» подозреваемому должно быть предъявлено обвинение. С учетом положений ч. 2 ст. 128 УПК РФ логика определения окончания данного срока может складывается следующая: первые сутки рассчитываются, исходя из 24-го понимания суток, и заканчиваются в то же время, но на следующий день, а последние оканчиваются в 24.00 последних суток [6]. Таким образом, следуя данной логике, фактически допускается превышение установленного законом срока ст. 100 УПК РФ.

Считаем, что в случае неоднозначного толкования нормы до ее корректировки, следует исходить из соблюдения прав участников уголовного процесса, даже если это не всегда согласуется с интересами стороны обвинения.

В некоторых статьях УПК РФ, сроки исчисляются днями, а не сутками, как должно быть в соответствии со ст. 128 УПК РФ, а днями. Например, в ч. 4 ст. 317.5 УПК РФ прокурор направляет уголовное дело и представление в суде не позднее трех дней с момента ознакомления обвиняемого и его защитника с представлением; в ч. 2 ст. 401.5 УПК РФ – кассационная жалоба, представление должны быть возвращены в течение 10 дней. Аналогичные разновидности сроков указаны и в других статьях УПК РФ: ч. 6 ст. 401.14, ч. 2 ст. 412.4, ч. 2 ст. 446.3 УПК РФ.

При этом в нормах, связанных с исчислением сроков подачи, рассмотрения и ознакомления с документами, например, протоколом судебного заседания (ч. 7 ст. 259 УПК РФ), жалобами (ст.ст. 121, 124, 125 УПК РФ) снова используется исчисление в сутках.

Понятие «день» также встречается в нормах, регламентирующих производство следственных действий. Так, в ч. 6 ст. 183 УПК РФ используется словосочетание «трехдневный срок»; ч. 1 ст. 425 УПК РФ – «более 4 часов в день»; и т. д.

Статья 128 УПК РФ не предусматривает порядок исчисления сроков «днями». Употребляемое в УПК РФ словосочетание «со дня» нельзя приравнивать к пониманию «сроков». Вероятно, законодатель подразумевает календарный день. Однако, в этом случае, необходимо внести соответствующее изменение в ст. 128 УПК РФ, закрепив, что сроки могут также исчисляться и днями. Необ-

ходимо уточнить, что под этим сроком понимается: «календарный день» или промежуток времени «с 6 до 22 часов по местному времени» [6]. В первом случае «день» будет равноценен «суткам» и для единообразия их следует объединить в одно понятие, заменив «дни» на «сутки». В этом случае правоприменители без дополнительных разъяснений будут понимать, что выходные дни в этом случае (кроме, закрепленных в законе) включены не будут в указанный в данных нормах срок. Во втором случае, следует законодательно внести в часть первую ст. 128 УПК РФ новый срок, разъяснив его содержание. Мы придерживаемся позиции второго варианта.

На основании изложенного предлагаем внести в нормы уголовно-процессуального законодательства изменения следующего характера:

1. Следует указать на различие в понимании сроков, исчисляемых «днями» и «сутками», введя в ст. 5 УПК РФ уголовно-процессуальные понятия: «сутки» и «день» следующего содержания: «сутки – период времени с 00.00 часов до 24.00 часов», а также «день – период времени с 6.00 часов до 22.00 часов».

2. Внести изменения в ст. 128 УПК РФ, закрепив, что «при исчислении сроков сутками первыми сутками считать первые полные или неполные сутки, которыми начинается течение срока независимо от их начала».

3. Дополнить часть первую ст. 128 УПК РФ сроком «дни», изложив первое предложение указанной части первой в следующей редакции: «1. Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами…».

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий и др. ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М. : Редакция «Российской газеты», 2015. – Вып. III–IV. – 912 с.

2. Апелляционное постановление г. Ханты-Мансийск от 21 февраля 2018 г. Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Дело № 22-199/2018 по ст. 109 ч. 1 УК РФ // URL: https://rospravosudie.com/court-sud-xanty-mansijskogo-avtonomnogo-okruga-xanty-mansijskij-avtonomnyj-okrug-s/act-580596656/ (дата обращения: 01.03.2020)

3. Есина, А. С. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для СПО / А. С. Есина, Е. Н. Арестова, О. Е. Жамкова. – М. : изд-во «Юрайт», 2017. – 179 с.

4. Козловский, П. В. Исчисление процессуального срока сутками / П. В. Козловский, Е. Н. Чемерилова // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 30–31.

5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – 851 с.

6. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

Саморока В. А.[1]*,*
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Угольникова Н. В.[2]*,*
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ЛИЦ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Около 10 млн человек ежегодно участвуют в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших и свидетелей [1]. Указанные участники уголовного судопроизводства часто являются объектами применения физического и психологического воздействия в целях искажения показаний либо отказа от них. Такое воздействие зачастую влечет изменение позиции потерпевших и свидетелей в отношении дачи показаний в суде и расследования.

«В период с 2014 по 2017 гг. число защищаемых лиц, которые были задействованы в программных мероприятиях, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За указанный период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33500 мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место.

В целом анализ статистических данных показывает, что наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и мер безопасности, применяемых в отношении этих лиц» [1].

Указанная статистика обуславливает непреходящий интерес к вопросам обеспечения безопасности участников уголовного процесса [2, с. 18; 3, с. 37], а также актуальность разрешения проблем правоприменения.

Некоторые пробелы Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» влекут появления конкурирующих норм нормативно-правых актов, регламентирующих правоприменение.

---

[1] © Саморока В. А., 2020.
[2] © Угольникова Н. В., 2020.

Одна из проблем, связанна с кругом участников к котором в соответствии с законодательством могут применяться меры государственной защиты (Эти лица, после принятия в установленном порядке решения о применении мер государственной защиты, именуются «защищаемые лица»).

В частности не решен вопрос о применении мер безопасности в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами на конфиденциальной основе. Безусловно, данная категории лиц подпадает под определение «иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления» (ч. 2 ст. 2 ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ) [4]. Однако, категоризация не делает более ясным их правовой статус. При реализации мер безопасности в отношении указанных лиц возникает несколько вопросов, которые не регламентированы законом в должной степени. К таким проблемным вопросам можно отнести следующие: конфиденциальность сведений о защищаемом лице в рамках производства по уголовному делу; оценка реальности возникающих угроз при решении вопроса о назначение и выборе мер безопасности, вопросы ответственности следователя и сотрудника подразделения государственной защиты, правила взаимодействия органов следствия и органов обеспечения безопасности.

Рассмотрим некоторые из этих проблем. Прежде всего вопросы конфиденциальности сведений. В соответствии с правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты [5] к сведениям, подлежащим защите, относятся не только сведения о защищаемом лице, но и в целом об осуществлении государственной защиты. Правила защиты сведений, в основном, касаются подразделений государственной защиты, действия же следователя (дознавателя) по сохранению конфиденциальности сведений об осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства в них не регламентируется [5, п. 7].

«Сведения о лице, защищаемом в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства” [4], могут быть предоставлены организациями, располагающими такими сведениями, в органы предварительного расследования, прокуратуру или суд на основании письменного запроса прокурора, суда (судьи) с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты, в исключительных случаях, связанных с производством по другому уголовному или гражданскому делу» [5, п. 8]

Анализ приведенной нормы в свете положений ст. 12 и ст. 21 Федерального закона об оперативно-разыскной деятельности указывает на проблему конкуренции норм. [6]

Документы, составляемые следователем (дознавателем) и подразделениями государственной защиты в ходе взаимодействия (постановление о применении мер безопасности, уведомление об избрании (изменении, дополнительном применении) меры безопасности в отношении защищаемого лица, постановление об отмене мер безопасности и другие документы составление которых предусмотрено чч. 1, 5 ст. 18, ч. 3 ст. 20 ФЗ № 119 [4]), содержат сведения об осуществлении государственной защиты и о защищаемом лице, т. е. сведения

подлежащие защите, их документооборот должен быть согласован с руководителем подразделения, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Рассмотренная конкуренция норм является существенным недостатком нормативно-правового регулирования применения мер безопасности в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами на конфиденциальной основе. Кроме того, следует отметить несогласованность требований ведомственных нормативных актов, предписывающих сотрудникам направлять документы (осуществлять переписку) по Системе электронного документооборота, функционирующей в ОВД. При том, что сведения о защищаемом лице содержат сведения конфиденциального характера и имеют соответствующий гриф. Полагаем, что приоритетное значение в данном случае имеет соблюдение режима секретности и безопасность защищаемого лица. В связи с чем рекомендуем осуществлять документооборот по данным вопросам в порядке, исключающем утечку сведений конфиденциального характера.

Следующий проблемный вопрос связан с оценкой реальности возникающих угроз при решении вопроса о назначение и выборе мер безопасности. При решении вопроса о применении непроцессуальных мер безопасности должностное лицо, принимающее решение обязан, в первую очередь, проверить наличие реальности угрозы. Проведение проверки сотрудникам подразделений государственной защиты в этом случае как обычный вариант выполнения поручения в рамках п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ о проведении оперативно-разыскных мероприятий, очевидно может быть нецелесообразным для сохранения конфиденциальности информации. Постановление о применении мер безопасности скорее всего будет формальным.

Еще одним аспектом рассматриваемой проблемы является вопрос об объемах прокурорского надзора. Вопрос о необходимости наделения прокурора правом отменять незаконные или необоснованные постановления следователя в том числе о государственной защите участников уголовного судопроизводства ставится как правоприменителями [7], так и авторами, проводящими теоретические исследования [8, с. 125–128].

Итак, в соответствии с ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 18 Федерального закона № 119-ФЗ прокурор субъект рассмотрения жалобы на постановление об отказе в применении мер безопасности и об отмене указанных мер. По результатам рассмотрения жалобы прокурора ,в качестве акта реагирования может вынести требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, и отмене незаконного и необоснованного постановления. Такой метод прокурорского реагирования является малоэффективным, как показывает практика, с точки зрения оперативности устранения нарушений закона. В вопросе обеспечения безопасности оперативность устранения нарушений является определяющей. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: «… в Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации расследовалось уголовное дело № 201/374054-08 о совершении тяжких и особо тяжких преступлений против личности членами «Братской» ОПГ. К лидеру указанной преступной группы О. Ю. Маковозу постановлением лица, производящего расследование, были

применены меры государственной защиты. В связи с тем, что каких-либо объективных данных, свидетельствующих о необходимости принятия данного решения, не имелось, заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Председателю Следственного комитета Российской Федерации было внесено требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, и отмене незаконного и необоснованного постановления. Председатель Следственного комитета Российской Федерации с требованием прокурора не согласился, меры государственной защиты в отношении О. Ю. Маковоза отменены не были. При этом процедура рассмотрения указанного акта прокурорского реагирования заняла длительное время, а в последующем уголовное дело для дальнейшего расследования было передано в иной следственный орган. Таким образом, у прокуратуры не имелось возможности своевременно отреагировать на допущенные нарушения закона и оперативно их устранить» [7].

Указанное законодательное предложение было снято с рассмотрения, однако вопрос о полномочиях прокурора остался. Рассмотрим его с позиции соответствия международными рекомендациями [8].

Вопросу конфиденциальности Рекомендации уделили большое внимание. Одни из аспектов конфиденциальности – процедура проверки решений о применении либо об отказе в применении мер безопасности, а также решений, принимаемых в ходе реализации этих мер. В большинстве случаев они не подлежат “внешней” проверке (никакие другие органы не имеют доступа к информации в подразделении по защите свидетелей) [8, с. 59–60, 62]. Принятые решения могут подвергаться в некоторых случаях лишь судебному или «внутреннему» пересмотру. Пример последнего: в Словакии служба по защите свидетелей пересматривает собственные решения о включении лица в программу защиты и исключении из нее (что признается компромиссом между полным отсутствием возможности ревизии решений и обычным ее порядком) [10, с. 123]

Российское законодательство в рамках Закона о госзащите потерпевших [4], и рассмотрение жалоб осуществляются в обычном порядке, за исключением сроков (ч. 3 ст. 18 ч. 4 ст. 20 Закона установлен сокращенный срок для принятия решения по жалобе на постановление о применении мер безопасности либо об отказе в их применении: 24 часа с момента подачи жалобы). Следует обратить внимание, особенности прокурорской проверки проведения оперативно-разыскных мероприятий (в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 24 Закона органы, осуществляющие меры безопасности, вправе проводить оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ).

Статья 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сформулировала полномочия прокурора следующим образом: «по требованию указанных прокуроров руководители органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности» [11]. Буквальное толкование нормы, указывает на то, что в предмет проверке прокуратурой исполнения Закона о госзащите, входить ОРМ, то проверка должна проводиться с соблюдением указанных правил. В свете зарубежного опыта целесообразно распространить эти особенности на надзор за исполнением Закона о госзащите потерпевших [4] независимо от того, связаны ли проверяемые действия с ОРД.

Еще один аспект конфиденциальности отмечает Л. В. Брусницын: «… при окончании защиты человека у него может быть отобрано обязательство не сохранять никаких документов (копий соглашений со службой защиты, запись встреч с ее сотрудниками и пр.), содержащих информацию о деятельности данной службы» [12, с 51].

Исходя из действующего законодательства, для сохранения конфиденциальности следователь сведений об осуществлении государственной защиты и о защищаемом лице материалы, связанные с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства не следует приобщать к уголовному делу. Тем более вынесение постановления об осуществлении государственной защиты не предусмотрено УПК РФ, а значит – такая деятельность не является процессуальной, так как в соответствии с п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальным действием является следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ.

Подобные материалы (постановление о применении мер безопасности, уведомление об избрании (изменении, дополнительном применении) меры безопасности в отношении защищаемого лица, постановление об отмене мер безопасности и др.) следователю необходимо хранить отдельно от уголовного дела с соблюдением режима секретности.

В соответствии с ч. 7 ст. 20 ФЗ о защите участников уголовного судопроизводства именно суд (судья) при постановлении приговора по уголовному делу выносит определение (постановление) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер. Так как в уголовном деле будут отсутствовать материалы, связанные с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, то суд (судья) не сможет принять указанное решение. Поэтому следователю после поступления уголовного дела в суд необходимо передать материалы, связанные с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, непосредственно в суд.

В целях совершенствования нормативно-правового регулирования обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, необходимо в Правилах защиты сведений регламентировать деятельность следователя направленную на защиту сведений об осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства. В частности, там следует указать место и порядок хранения следователем документов содержащих данные сведе-

ния (на наш взгляд, они должны храниться отдельно от материалов уголовного дела), а также процедуру передачи их в суд.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы"». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309631/.

2. Зайцев, О. В. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации / О. В. Зайцев // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 18–23.

3. Епихин, А. Ю. Состояние безопасности личности в сфере судопроизводства в современных условиях развития теории нормотворчества и правоприменения / А. Ю. Епихин // Деятельность ОВД по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. – 2015. – № 2. – С. 37–44.

4. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 04.03.2020).

5. Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» // URL: https://base.garant.ru/71135090/#block_21 (дата обращения: 04.03.2020).

6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 04.03.2020).

7. Законопроект № 296636-6 «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" (в части наделения прокурора правом отменять незаконное или необоснованное постановление следователя о государственной защите участников уголовного судопроизводства)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/296636-6 (дата обращения: 04.03.2020).

8. Грунская, Т. Ю. Прокурорский надзор в системе процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 1. – С. 125–128. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-v-sisteme-protsessualnyh-garantiy-prav-uchastnikov-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 04.03.2020).

9. «Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности» // URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/V0853366 %20WP %20-Good %20Practices %20 %28R %29.pdf (дата обращения: 04.03.2020).

10. Федорова, О. В. Защита прав и свобод человека и гражданина – принцип уголовного судопроизводства / О. В. Федорова. – М., 2010.

11. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 04.03.2020).

12. Брусницын, Л. В. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в свете рекомендаций ООН / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 48–59.

Селиванов С. В.[1],
соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ И РАСХОДОВАНИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Обыск как вид доказательства причастности лица к совершенному преступлению известен отечественному уголовному процессу с XV в. Однако понятие «обыск» в существующем в настоящее время значении появилось не сразу. Первоначально под обыском подразумевался опрос лиц, которым могло быть что-либо известно о происшествии [7, с. 67].

Основанием обыска служит наличие достаточных данных (в том числе и оперативного характера) о том, что искомые предметы находятся в конкретном месте. Как показывают данные изучения уголовных дел, обыски по делам о совершении коррупционных преступлений в сфере распределения и расходования бюджетных средств чаще всего проводятся по месту работы подозреваемых (обвиняемых) – 62,2 %; по месту жительства подозреваемых (обвиняемых) и членов их семей – 19,4 %; по месту работы соучастников – 13,3 %; в иных местах в зависимости от информации, полученной из достоверных источников (дачи, гаражи, транспортные средства и т. д.) – 5,1 %.

Говоря об оптимальном выборе момента производства данного следственного действия можно за основу взять данные полученные В. П. Бахиным, В. С. Кузьмичевым, Е. Д. Лукьянчивым, которые установили, что «наиболее благоприятная ситуация для использования данного приема обычно складывается на первоначальном этапе расследования, когда внезапность, как правило, связана с быстротой и неотложностью следственных действий, а также одно-

[1] © Селиванов С. В., 2020.

временным их осуществлением (обыск, допрос и т. п.) в отношении нескольких лиц [6]. Так, 78,4 % проинтервьюированных следователей отметили зависимость реализации внезапности от этапов расследования. По данным анализа уголовных дел, проведение обысков в день возбуждения уголовного дела было результативным в 82 % случаев, а затем результативность данного следственного действия резко сокращалась: в течение трех дней – до 25 %, в течение 10 дней – до 15 %» [1, с. 22].

Целью производства обыска по делам данной категории является обнаружения и изъятие предметов вознаграждения (денежные средства, имущество и т. п.); документов, подтверждающих или опровергающих выделение бюджетных средств в адрес конкретных получателей; дневников, записей, платежных документов, квитанций, записок, писем; служебных и иных документов, подтверждающих или опровергающих причастность к решению вопросов, связанных с выполнением конкретных служебных действий в интересах получателей бюджетных средств, с целью изобличения их в получении денежных средств при пособничестве должностного лица, с которым ранее была достигнута такая договоренность. Кроме того, изымаются личная документация (переписка, адреса и номера телефонов, мобильные телефоны с записями адресов, номеров телефонов и иной информацией); ценные предметы и книги с дарственными надписями, могущие свидетельствовать о знакомстве участников преступления [4, с. 4].

Целью обыска у взяткополучателей также является: определение материального достатка (путем изъятия и изучения банковских сберегательных книжек, исследования доходов и расходов членов семьи); выявление фактов крупных денежных трат, приобретения дорогостоящих предметов и драгоценностей. По окончании обыска необходимо наложить арест на имущество [8, с. 121].

Главной тактической особенностью производства обыска в данном случае его внезапность, а поисковая задача – обнаружение ценностей, денег, нажитых преступным путем, конкретных объектов, полученных в качестве вознаграждения за бюджетные махинации или следы их нахождения [5].

В протоколах обыска следует подробно отражать весь ход процессуального действия и используемую криминалистическую технику, подробно описывать общие и индивидуальные признаки обнаруженных и изымаемых предметов и документов [3, с. 128]. Необходимо использовать дополнительные средства фиксации: фото- и видеосъемку.

Помимо соблюдения процессуального порядка производства, имеет существенное значение и оперативность проведения следственных действий [9, с. 111], в том числе и обыска. Совершенно прав И. Е. Быховский, когда пишет, что «неожиданное проведение обыска пресекает действия, направленные на уничтожение доказательств, сокрытие имущества. Вовремя произведенный обыск гарантирует сохранность документов. Внезапность при производстве расследования достигается отнюдь не скороспелыми решениями, непродуманными действиями. Напротив, необходим хладнокровный учет всех плюсов и минусов определенного момента производства следственных действий» [2, с. 171].

При производстве обыска по данной категории уголовных дел, учитывая возможность обнаружения большого количестве финансовых и бухгалтерских документов, свидетельствующих о незаконном расходовании и распределении бюджетных средств целесообразно привлекать в обязательном порядке специалиста в области финансовой и бухгалтерской деятельности [5]. Данное предложение поддерживают и сотрудники практических органов.

Так, на вопрос, считаете ли Вы целесообразным участие специалиста в области финансовой или бухгалтерской деятельности при производстве обыска по данной категории уголовных дел положительно ответили 84,5 % опрошенных следователей.

Однако, в тоже время, как свидетельствует анализ изучения материалов уголовных дел, по фактам совершения коррупционных преступлений в бюджетной сфере, лишь в 46,8 % случаев при производстве обыска присутствовал специалист в области финансовой или бухгалтерской деятельности. При этом в качестве специалиста выступали соответственно бухгалтер – 12,3 %, специалист – 10,6 %, аналитик бюджетной политики – 9,2 %, экономист – 8,1 %, аудитор – 6,6 %, что составляет соответственно менее половины из общего количество проведенных обысков. Сложившаяся негативная практика нуждается в существенном реформировании. В связи, с чем автором предлагается дополнить ч. 11 ст. 182 УПК РФ третьим предложением следующего содержания: «При производстве обыска, предполагающем обнаружение и изъятие предметов и документов, содержащих информацию о распределении и расходовании бюджетных средств обязательно участие специалиста».

Данное нововведение позволит более тщательно исследовать и фиксировать всю доказательственную информацию, свидетельствующую о совершении коррупционных преступлений в бюджетной сфере, получаемую в ходе производства обыска.

Библиографический список

1. Бахин, В. П. Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел / В. П. Бахин, В. С. Кузьмичев, Е. Д. Лукъянчиков. – Киев, 1990.

2. Быховский, И. Е. Об использовании фактора внезапности при расследовании преступлений / И. Е. Быховский // Вопросы криминалистики. – 1963. – № 8–9. – С. 171–172.

3. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий /А. В. Гриненко. – М. : Проспект, 2019.

4. Иванов, Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением / Д. А. Иванов // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

5. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

6. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

7. Коршунов, А. В. Сложные вопросы производства обыска / А. В. Коршунов, Л. А. Калиновская // Уголовный процесс. – 2019. – № 5 (173). – С. 66–69.

8. Соколова, М. В. Деятельность следователя по наложению ареста имущество : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019.

9. Хачатурян, Т. Б. Выявление и расследование взяточничества в органах исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград. 2004.

Семенкова Е. В.[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ – НЕНУЖНЫЙ РУДИМЕНТ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Потерпевшим в уголовном судопроизводстве признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или юридическое лицо при причинении преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ст. 42 УПК РФ). Этот участник уголовного судопроизводства представляет сторону обвинения и обладает довольно широким перечнем прав.

Вопрос о приобретении лицом статуса потерпевшего считался бесспорным в науке уголовного процесса до последнего времени [6, с. 205–210; 5, с. 91–97; 7, с. 130–132]. Большинство ученых процессуалистов едины во мнении о том, что лицо приобретает статус потерпевшего при наличии фактических оснований (т. е. непосредственное причинение преступлением физического, имущественного или морального вреда) и юридических оснований (т. е. соответствующих решений, принимаемых должностным лицом при наличии материальных оснований).

Однако, такой порядок приобретения лицом статуса потерпевшего ставит данного участника уголовного судопроизводства в полную зависимость от волеизъявления должностного лица, что препятствует реализации его прав и законных интересов при производстве по уголовному делу.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о необходимости радикального реформирования порядка приобретения лицом статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Так, решения этого выс-

[1] © Семенкова Е. В., 2020.

шего судебного органа закрепляют необходимость обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, которая не должна обуславливаться формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим. Необходимость обеспечения прав и законных интересов связана с приобретением определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав [1; 2; 3].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации заключил, что вынесение постановления о признании лица потерпевшим лишь процессуально оформляет статус данного участника, но не формирует его [4].

На наш взгляд, приобретение лицом статуса потерпевшего в уголовно-процессуальном праве возможно только после соответствующего решения компетентных должностных лиц (следователя или дознавателя, в производстве которых находится уголовное дело) в связи с публичностью данной отрасли права. До вынесения соответствующего решения следователем (дознавателем), лицо не может приобрести статус потерпевшего, так как установление наличия необходимых сущностных признаков (совершение преступления, а не иного противоправного деяния; наличие вреда, причиненного этим преступлением) – это прерогатива следственных органов, а не частных лиц. Уголовно-процессуальный статус потерпевшего подразумевает наличие возбужденного уголовного дела.

Приведенные решения высших судебных органов свидетельствуют о необходимости дополнения УПК РФ новыми нормами об участниках, которые давно существуют на практике, но не имеют правового статуса в соответствии с законом (лицо, в отношении которого совершено преступление, заявитель и т. д.). Однако, в данной статье хотелось бы остановиться на процедуре приобретения лицом статуса потерпевшего и на возможности ее упрощения.

Определенно законодателем предпринимаются попытки обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, о чем свидетельствуют постоянные изменения, вносимые в статью 42 УПК РФ, в том числе о незамедлительном признании лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, в связи с требованиями уголовно-процессуального закона о незамедлительном признании лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела, необходимо упрощение процедуры такого признания. Так, видится, возможность приобретения лицом статуса потерпевшего с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, в котором указываются данные о лице, в отношении которого было совершено преступление. Такие изменения довольно логичны, особенно в свете норм о приобретении лицом статуса подозреваемого с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица.

Такой порядок возможен, когда во время проверки сообщения о преступлении данные о лице, пострадавшем от преступления, установлены в полном объеме. В таком случае при принятии решения о возбуждении уголовного дела в

описательно-мотивировочной части соответствующего постановления обязательно указываются данные лица, в отношении которого совершено преступление или которому причинен вред. Почему же такое лицо нельзя считать потерпевшим с момента вынесения соответствующего постановления о возбуждении уголовного дела? По сути, сегодняшняя конструкция нормы, закрепляющей порядок приобретения лицом процессуального статуса потерпевшего, используя конструкцию «незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела», предполагает аналогичный порядок приобретения лицом соответствующего статуса, лишь с усложнением в форме вынесения соответствующего постановления. Предлагаем отказаться от вынесения постановления о признании лица потерпевшим в случае, если данные о лице, пострадавшем от преступления указаны в постановлении о возбуждении уголовного дела. По нашему мнению такой порядок приобретения лицом статуса потерпевшего упростит документооборот и обеспечит скорейшую возможность реализации прав заинтересованными лицами.

Однако, следует сохранить существующую процедуру для случаев, когда на момент возбуждения уголовного дела данные о лице, потерпевшем от преступления не известны. Однако процент таких дел на практике крайне низок. По таким делам целесообразно сохранить существующий порядок признания лица потерпевшим и вынесение постановления о признании лица потерпевшим обязательно. Данный процессуальный документ должен закрепить процессуальный статус лица, так как ранее никаких данных о нем в материалах уголовного дела не содержалось.

Обращаясь к предложенному нами ранее упрощенному порядку приобретения лицом статуса потерпевшего, следует предусмотреть необходимость разъяснения потерпевшему его прав перед его допросом.

Подводя итоги, отметим, что уголовное судопроизводство сегодня требует последовательного реформирования. Думается, что изменения должны идти по пути укрепления гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, которым пришлось «вступить» в уголовное судопроизводство. Отказавшись от существующей процедуры признания лица потерпевшим и предусмотрев возможность приобретения лицом статуса потерпевшего с момента возбуждения уголовного дела, мы обеспечим лицу, потерпевшему от преступления, возможность оперативно реализовать права, предоставленные уголовно-процессуальным законом.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 119-О «По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 23. – Ст. 2333.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного Военного суда в проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 24. – Ст. 2424.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2020).

5. Клещина, Е. Н. Охрана прав потерпевшего при производстве по уголовному делу: вопросы теории и законодательной регламентации / Е. Н. Клещина, И. Н. Кондрат // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. − 2017. − № 3 (43). – С. 91–97.

6. Шагинян, А. С. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве / А. С. Шагинян // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Санкт-Петербургский государственный университет ; под ред. Н. Г. Стойко. – 2015. – С. 205–210.

7. Ширяева, Т. И. О процессуальном статусе лиц, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела / Т. И. Ширяева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 20. – С. 130–132.

Сидоров Ю. В.[1],
старший преподаватель
кафедры организации и обеспечения раскрытия
и расследования преступлений
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО О ДНЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ: НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРОЦЕДУРЫ

Конституция Российской Федерации провозглашает высшей ценностью права и свободы человека, которые государство обязано соблюдать и защищать. Существенное ограничение прав человека допускается в ходе его уголовного преследования: возбуждения уголовного дела, задержания, избрания меры пресечения, привлечения в качестве обвиняемого. В целях обеспечения в полном объеме прав и законных интересов лиц, подвергнутых уголовному пресле-

[1] © Сидоров Ю. В., 2020.

дованию, институт привлечения в качестве обвиняемого нуждается в усовершенствовании.

Лицо признается обвиняемым по уголовному делу с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо обвинительного акта, а также составления обвинительного постановления. То есть при буквальном рассмотрении ст. 47 УПК РФ с момента вынесения следователем или дознавателем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого последний вправе знать, в чем он обвиняется, и иметь реальную возможность реализации данного права, а уполномоченное должностное лицо обязано обеспечить эту возможность. После принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого и вынесения постановления следователь или дознаватель обязаны известить обвиняемого о дате предъявления обвинения, разъяснить последнему, что он вправе пригласить защитника либо ходатайствовать о его обеспечении следователем. О дне предъявления обвинения обвиняемый, содержащийся под стражей, информируется через администрацию места содержания под стражей, а находящийся на свободе – повесткой в порядке и форме, установленных ст. 188 УПК РФ. На наш взгляд, отсылка законодателя на указанную норму в части извещения обвиняемого о дне предъявления обвинения является некорректной. Этому есть определенные причины, поскольку ст. 188 УПК РФ регламентирует порядок вызова на допрос повесткой потерпевшего и свидетеля, о производстве других следственных и процессуальных действий, кроме допроса, законодателем не упоминается. Так, согласно требованиям ст. 242 УПК Республики Беларусь, «обвиняемый, не содержащийся под стражей, вызывается для предъявления обвинения и на допрос повесткой. В повестке указывается, кто вызывается в качестве обвиняемого, куда, день и час явки, а также последствия неявки» [1]. Кроме того, в указанной статье перечисляются конкретные уважительные причины неявки обвиняемого (заболевание, смерть близких родственников, стихийные бедствия и иные обстоятельства, лишающие обвиняемого возможности явиться в назначенный срок) [1]. То есть в данном случае повестка служит средством не только вызова обвиняемого на допрос, но извещения лица о предстоящей процедуре предъявления обвинения. Ранее ст.ст. 145–146 УПК РСФСР предусматривался порядок вызова обвиняемого и обязательность его явки к следователю, который в процессе дальнейшей эволюции уголовно-процессуального законодательства был упразднен [2, с. 54; 3, с. 55; 4, с. 125].

Исходя из правоприменительной практики реализации положений чч. 2–4 ст. 172 УПК РФ следует, что следователь в некоторых случаях, ссылаясь на требования упомянутой выше статьи, направляет обвиняемому уведомление (извещение), в котором сообщает о дате, месте предъявления обвинения, квалификации действий обвиняемого по статье (пункт, часть и статья) УК РФ, а зачастую указывает исключительно дату предъявления обвинения, как того требует закон. В нормах УПК РФ требования к форме извещения обвиняемого о дне предъявления обвинения отсутствуют, в связи с чем уполномоченные на то законом лица, руководствуясь сложившейся на местах практикой, направляют разноформатные уведомления (извещения, сообщения), что не может в полной мере своевременно обеспечить право обвиняемого «знать в чем он обвиня-

ется». Объективных причин сохранения в тайне информации о времени, месте и статье УК РФ, планируемой к предъявлению обвинения, по нашему мнению, нет. Следователь, заблаговременно направив извещение обвиняемому, находящемуся на свободе, с данными о предъявлении обвинения, безусловно, рискует, ведь обвиняемый может скрыться от следствия и его явка станет маловероятной, что, несомненно, станет тактическим промахом следователя и приведет к срыву запланированных следственных и процессуальных действий. Вместе с тем срок направления указанного извещения также законом не урегулирован, поэтому ничто не препятствует следователю уведомить обвиняемого о дате предъявления обвинения непосредственно в кабинете перед предъявлением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Согласно одному из апелляционных постановлений по жалобе обвиняемого о его несвоевременном извещении следователем о дне предъявления обвинения и нарушении его конституционного права на защиту от обвинения, суд, несмотря на сведения места содержания под стражей об отсутствии поступавшего в адрес обвиняемого извещения о дне предъявления обвинения, не усмотрел нарушений конституционных прав обвиняемого, в том числе и права на защиту, поскольку обвинение предъявлено уполномоченным лицом в установленный законом срок и в присутствии защитника [5]. По нашему мнению, законом должен быть предусмотрен срок извещения лица о предстоящем обвинении и предъявляться конкретные требования к содержанию данного извещения.

Полагаем, что следователь или дознаватель, приняв решение о привлечении лица в качестве обвиняемого, в течение 24 часов обязаны вручать либо направлять обвиняемому извещение о предъявлении обвинения средствами связи, обеспечивающими достоверную фиксацию переданного извещения и факт его получения обвиняемым. Извещение должно содержать дату, время, место предъявления обвинения, пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление, права обвиняемого, изложенные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а также последствия неявки и уважительные причины неявки обвиняемого, к которым могут быть отнесены: заболевание обвиняемого, подтвержденное медицинским заключением, смерть его близкого родственника, иные обстоятельства, препятствующие своевременной явке обвиняемого к следователю (эпидемии и пандемии, стихийные бедствия, катастрофы). При невозможности явиться по вызову в установленный срок обвиняемый незамедлительно уведомляет следователя или дознавателя.

Таким образом, исходя из анализа отечественного и зарубежного законодательства, правоприменительной практики России можно сделать обоснованный вывод о том, что в настоящее время процедура извещения обвиняемого о дне предъявления обвинения является несовершенной и требует переработки в той мере, в которой это необходимо для полного и всестороннего обеспечения прав обвиняемого на защиту от обвинения, а вместе с тем формирования единого подхода уполномоченных законом на предъявление обвинения лиц к вопросу извещения обвиняемого. В целом порядок извещения обвиняемого должен стать сбалансированным механизмом обеспечения прав обвиняемого и одновременным гарантом их обеспечения со стороны лиц, осуществляющих от имени государства уголовное преследование.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по состоянию на 09.01.2019) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 23.03.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1967.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1973.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1979.
5. Апелляционное постановление № 22-326/2015 22К-362/2015 от 3 марта 2015 г. по делу № 22-326/2015 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/sdUTRKq-31C1g/ (дата обращения: 23.03.2020).

Соколова М. В.[1],
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;

Подустова О. Л.[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Существует много разнообразных способов возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением, и действуют они в большинстве стран.

Самым распространенным механизмом возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением, является решение вопроса о возмещении в рамках судебного производства и основывается данный способ на принципах справедливости и неотвратимости наступления ответственности за совершенное деяние, заключающиеся в необходимости возмещение ущерба лицом, совершившим преступление. Как отмечает А. А. Федорченко, общепринято, что субъектом предоставления возмещения должно быть лицо, нанесшее ущерб. Таким образом, вопрос о возложении на данное лицо обязанности по возмещению причиненного преступлением вреда должен решаться в ходе уголовного судопроизводства. Привлечение виновного лица к обязанности возместить причиненный вред является самой распространенной гарантией возмещения вреда потерпевшим [10, с. 571].

---

[1] © Соколова М. В., 2020.
[2] © Подустова О. Л., 2020.

По данным МВД России за 2019 год, размер причиненного материального ущерба составил 627,7 млрд руб. [4].

В случае, когда похищенное имущество не обнаружено, а обвиняемый добровольно не возмещает причиненный ущерб, в российском законодательстве предусмотрена процедура наложения ареста на имущества, предусмотренная ст. 115 УПК РФ.

Наиболее актуальным является деятельность по обеспечению возмещения ущерба от преступлений экономической направленности, который в своем большинстве исчисляется миллионами рублей, составляя от 40 % до 70 %, а в отдельных регионах и более, от общего причиненного ущерба по всем оконченным уголовным делам. Негативными факторами, оказывающими существенное влияние на эффективность принимаемых мер обеспечительного характера по уголовным делам о преступлениях данной категории, является высокая степень латентности, изощренность способов сокрытия и легализации виновными лицами похищенного имущества, ценных бумаг, денежных средств, отсутствие эффективной совместной работы на всех стадиях расследования уголовных дел.

Так, к примеру, низкий процент возмещенного ущерба в СУ УМВД России по Ивановской области обусловлен окончанием СЧ СУ и направлением в суд уголовного дела № 117012400320031011 по обвинению Р. В. Второва в совершении преступлений, предусмотренных чч. 2, 3, 4 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ, по которому причиненный материальный ущерб составил 18 млн 14 тыс. руб. В ходе расследования наложен арест на имущество обвиняемых только на сумму 930 тыс. руб. Причиненный преступными действиями ущерб в размере 17 млн 84 тыс. рублей не возмещен, что составило более 45 % от общей суммы причиненного ущерба по оконченным уголовным делам [5].

Особое внимание следует обратить на добровольное возмещение причиненного ущерба, хотя как показывает практика, возмещение ущерба таким способом не является приоритетным у лиц, совершивших преступление и обязанных возместить причиненный ими ущерб. Несовершенство действующего законодательства позволяется им своевременно «избавиться» от имущества, подлежащего аресту, что в дальнейшем затруднит поиски указанного имущества. В это связи, необходимо отметить, что оперативность в поиске и наложении ареста на имущество, зачастую является приоритетной задачей правоохранительных органов для обеспечения потерпевшему имущественного вреда, причиненного преступлением. Несмотря на изложенное выше, К. В. Ашкатова обоснованно указывает на то, что в первую очередь, причиной неудовлетворительной работы правоохранительных органов является несовершенство действующего законодательства, позволяющее скрыть имущество, на которое необходимо наложить арест [1, с. 185].

Изучение учеными-процессуалистами вопросов по возмещению потерпевшему вреда, причиненного преступлением на сегодняшний день является актуальным, так как вызывает интерес, как в теоретическом, так и в практическом смысле. Некоторые ученые, изучающие углубленно права потерпевших проводят сравнительный анализ российского законодательства с законодательством

зарубежных стран. И справедливо отмечают, что относительно наложения ареста на имущество, способствующего возмещению потерпевшим вреда, причиненного преступлением, в ряде зарубежных стран, в отличие от российского уголовно-процессуального законодательства, отведено достаточное количество статей, и даже глав, раскрывающих сущность и содержание указанной меры процессуального принуждения [3, с. 158]. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно при изучении положительного опыта зарубежных стран имплементировать его в действующее российское законодательство.

Так, на наш взгляд, необходимо имплементировать уголовно-процессуальное законодательство Швейцарии относительно изъятия у обвиняемого или третьих лиц имущества, необходимого для возмещения вреда потерпевшему. Несмотря на то, что отдельная статья, посвященная наложению ареста на имущество в УПК Швейцарии не предусмотрена, по своей сути аналогичной ей является ст. 263, в которой речь идет о том, что уполномоченное лицо, расследующее уголовное дело имеет право изъять имущество, предварительно убедившись в том, что оно должно быть передано потерпевшему, либо необходимо для оплаты административных штрафов или соответствующих имущественных взысканий [7, с. 134]. Отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 268 УПК Швейцарии ограничений в изъятии имущества у обвиняемого для возмещения процессуальных издержек нет [7, с. 135]. Также необходимо отметить, что решение о передаче имущества потерпевшему или о взыскании процессуальных издержек принимает орган, расследующий уголовного дело.

Рассматривая законодательство Чехии, интерес представляет ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Чехии, указывающая на то, что претензия на возмещение вреда потерпевшему обеспечивается соразмерной суммой вреда, причиненного преступлением, имуществом обвиняемого, но только при условии, если потерпевший будет обоснованно опасаться за воспрепятствование в получении указанной суммы ущерба [9]. Так, доля имущества, которая будет предназначена для предоставления претензии, описывается судом в определении об указанной претензии, после чего обвиняемый не имеет права распоряжаться им, о чем он уведомляется соответствующим приказом суда. В этой связи следует отметить, что движимое имущество, в основном, остается на хранении у суда, а сведения о запрете распоряжения недвижимым имуществом передаются в кадастровый орган.

Таким образом, в Чешской Республике наложение ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства может быть направлено на будущее возмещение вреда, причиненного преступлением.

Интерес вызывает и уголовно-процессуальное законодательство других зарубежных странах, таких как Эстония и Грузия, в которых наложение ареста на имущество в исключительных случаях возможно без получения судебного разрешения на его производство.

В соответствии со ст. 155 УПК Грузии прокурор уполномочен вынести мотивированное постановление о наложении ареста на имущество без судебного разрешения, в тех случаях, когда будет достаточно доказательств, подтверждающих факт препятствования или уничтожения указанного имущества. Однако

после исполнения указанного постановления, в обязанности прокурора входит уведомление суда о наложении ареста на имущество в срок не позднее 12 часов с момента исполнения постановления [8]. А в УПК Эстонии (ст. 142) арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или гражданского ответчика налагается без разрешения следственного судьи, и уведомление его не требуется, но только в тех случаях, которые не терпят отлагательства [6].

Как утверждает В. К. Булдакова, судебное санкционирование такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество необходимо полностью исключить, что поспособствует улучшению работы правоохранительных органов и повышению показателей по возмещению материального вреда, причиненного преступлением [2, с. 82]. Противоположного мнения придерживаются Б. Б. Булатов и В. В. Николюк, обосновывая свою позицию тем, что при исключении судебного разрешения на проведение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество конституционные права по защите имущества собственника будут нарушены, с чем невозможно не согласиться.

Подводя итог изложенному выше, на наш взгляд, целесообразно при изучении положительного опыта по наложению ареста на имущество в зарубежных странах имплементировать его в действующее российское уголовно-процессуальное законодательство, однако необходимо учитывать конституционные положения о защите прав собственника имущества.

Библиографический список

1. Ашкатова, К. В. Розыск похищенного имущества, а также имущества, подлежащего конфискации: нормативные и правоприменительные аспекты / К. В. Ашкатова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1. – С. 184–188.

2. Булдакова, В. К. Роль следователя (дознавателя) в обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением / В. К. Булдакова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 4. – С. 79–85.

3. Иванов, Д. А. Сущность наложения ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения / Д. А. Иванов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 158–163.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. (по данным статистической отчетности МВД России, сформированной за январь-декабрь 2019 г.) // URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450/ (дата обращения: 05.04.2020).

5. Обзор «О практике принятия судами решений в части удовлетворения гражданских исков, заявленных на стадии досудебного производства по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и в отношении имущества, на которое в ходе предварительного следствия накладывался арест».

6. Правовые акты Эстонии на русском языке // URL: http://zakon24.ee/ugolovno-processualnyj-kodeks/ (дата обращения: 05.04.2020).

7. Трефилов, А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии : монография / А. А. Трефилов. – М. : Юрлитинформ, 2015.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // URL: http://pravo.org.ua/-files/Criminal %20justice/_09_10_2009.pdf (дата обращения: 05.04.2020).

9. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской республики : учебно-методическое пособие / Краснояр. гос. ун-т ; сост. Л. В. Майорова. – Красноярск, 1999. – 107 с. – URL: http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/.pdf (дата обращения: 05.04.2020).

10. Федорченко, А. А. Общее международное право о возмещении ущерба пострадавшим от преступлений в международном уголовном праве / А. А. Федорченко // Международное право и международные организации. – 2014. – № 4. – С. 571–580.

Соломатина А. Г.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ДЕЛЬФИ ПРИ ПРОВЕРКЕ И ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Как справедливо утверждают уважаемые ученые, «теория и практика использования метода экспертных оценок, с помощью которых следователь, суд и стороны получают возможность познания (установления, объяснения, удостоверения) обстоятельств, входящих в предмет доказывания, как показывает история отечественного и зарубежного правосудия, должны избегать двух крайностей: во-первых, слепой веры в непогрешимость специалистов, дающих заключение, и, во-вторых, недооценки особенностей рассматриваемого источника доказательств по сравнению с иными источниками фактических данных» [2, с. 29–30]. И то, и другое может привести к ошибкам в правоприменении, неправильному разрешению уголовного дела.

Уголовно-процессуальный закон предъявляет к заключению эксперта, как и к любому другому виду доказательств, требование о необходимости соответствия критериям относимости, допустимости, достоверности.

О значении оценки доказательств в юридической литературе сказано немало [12, с. 22].

При формировании доказательственной базы при расследовании уголовных дел проверка и оценка экспертного заключения вызывает определенные трудности. Связано это с тем, что исследование проводится лицом, обладающим специальными знаниями в необходимой области науки, техники, искусства, ре-

[1] © Соломатина А. Г., 2020.

месла, а выводы, сделанные на основании такого исследования следует проверить и оценить субъектом доказывания, зачастую не компетентным в предмете и методике проведенного исследования.

Для субъекта доказывания необходимо оценить соблюдение процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы, ее полноту, а также научную обоснованность, достоверность выводов.

Представляется, что для следователя, дознавателя, суда по большинству видов экспертных исследований посильными являются лишь оценка соблюдения процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы, прав участников уголовного судопроизводства и соответствие выводов эксперта поставленным перед ним вопросам.

Объективно проверить полноту, научную и практическую обоснованность, достоверность заключения эксперта для субъекта доказывания не представляется возможным в силу отсутствия у него необходимых специальных познаний.

Несомненно, данное обстоятельство приводит к необоснованным и незаконным выводам в решениях следственных и судебных органов. В качестве примера можно привести оценку судебно-психиатрической экспертизы, выводом которой является признание лица, совершившим деяние, запрещенное уголовным законом, невменяемым.

Да, совершенно верно, что для простоты понимания экспертных выводов лицом или органом, назначившим экспертизу, а также для убедительности других участников уголовного судопроизводства предусмотрена единая процессуальная форма заключения, а принципы ее составления изложены в соответствующих методических указаниях. Но все эти обстоятельства ни коем образом не способствуют следователю, дознавателю, суду проверить и оценить научность, обоснованность и достоверность экспертного мнения.

«Во многих случаях, – отмечал А. И. Винберг, – судить о соответствии или несоответствии действий лица определенным специальным правилам можно лишь располагая специальными познаниями в области сложной технологии производства, технического состояния транспорта, строительства, бухгалтерского учета и т. п.» [1, с. 717]. К сказанному следует добавить – в любой отрасли науки, техники, искусства, ремесла.

Всегда ли эксперт прав? Является ли его заключение бесспорным доказательством? А. Н. Петрухина [9, с. 23], Э. А. Меринов [7, с. 35], В. Н. Исаенко [5, с. 9] и многие другие ученые [10, с. 42; 8, с. 5–59; 4, с. 63] актуализируют проблему о необходимости разработки инструментария для более качественной проверки и оценки научности, обоснованности, достоверности, допустимости заключения эксперта. И этот инструментарий должен быть в руках должностного лица либо органа, назначившего экспертизу.

Действующее законодательство предусматривает способы проверки экспертного заключения: назначение и проведение повторной судебной экспертизы, заключение специалиста и его допрос, допрос эксперта. Все они свидетельствуют о том, что заключение эксперта проверяется и оценивается посредством лиц, обладающих специальными познаниями.

Усомниться в достоверности заключения эксперта может не только следователь, дознаватель либо суд.

Согласно п. 4 ст. 283 УПК РФ суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе может назначить повторную или дополнительную экспертизы. Причем удовлетворение ходатайства лежит в плоскости дискреционных полномочий суда. В законе уточняется, что назначение повторной или дополнительной экспертизы возможно при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов.

Из смысла указанной нормы следует, что если заключение эксперта одно, то нет и противоречий, а, следовательно, необходимость в повторной или дополнительной экспертизе отсутствует.

В судебной практике складывается так, что в случае несогласия с заключением эксперта заинтересованные участники процесса сначала должны убедить суд в обоснованности своих сомнений. Судьи требуют от сторон предоставления заключения специалиста о том, что в экспертном заключении нарушена методика и необоснованны выводы, так как сами судьи не компетентны в его оценке по описанным выше обстоятельствам. И только в случае убеждения судьи доводами, приведенными в заключении специалиста, судья инициирует повторную экспертизу [9].

Считаем сложившуюся судебную практику не отвечающей реалиям настоящего времени – не способствующей защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, приводящей к многочисленным следственным и судебным ошибкам, вынесению неправосудных приговоров.

На основании изложенного представляет научный интерес исследование вопроса о возможности использования в уголовном судопроизводстве в качестве обоснованной и согласованной оценки экспертного заключения метода Дельфи.

Метод Дельфи – это процедура, предназначенная для получения согласованного мнения группы экспертов, сутью которого является серия последовательных действий – опросов, интервью, мозговых штурмов, с помощью которых возможно добиться максимального консенсуса при определении правильного решения [3].

Основной особенностью дельфийского метода, согласно первоначальной концепции, является возможность высказывания своего экспертного мнения сначала индивидуально и анонимно, а в последующем – формирования итогового вывода, опираясь на мнения других членов экспертной группы.

Анализ с помощью дельфийского метода проводится в несколько этапов, результаты обрабатываются статистическими методами.

Сам термин Дельфы относится к городу в древней Греции, в котором предсказания Бога Аполлона были переданы футурологам на Земле.

Дельфийский метод сегодня существует в двух различных формах. Наиболее распространенным является «бумажно-рукописный» вариант.

В первом варианте инициатор проведения опроса разрабатывает анкету интересующих вопросов и отправляет ее заранее созданной группе экспертов. После получения экспертного мнения по первой группе вопросов, они обобщают-

ся, конкретизируются и формируется следующая группа вопросов, которая опять рассылается экспертам. Такая процедура повторяется несколько раз до достижения приемлемой согласованности всей совокупности высказанных мнений.

Точность и непредвзятость результатов достигается анонимностью исследования, с одной стороны, и возможностью дополнить информацию о предмете экспертизы, отказом от коллективного мнения – с другой.

Другая форма метода Дельфи основана на использовании потенциала нейронных сетей. Создана специальная программа, наделенная искусственным разумом и обученная для составления и оценки групповых результатов. Данный метод имеет преимущества, т.к. помогает экономить, время, силы и средства. При его использовании исключается временной интервал, задействованный на обработку информации при подведении результатов по каждому проводимому этапу исследования.

Обычно, любая из форм метода Дельфи состоит из четырех этапов. Первый из них характеризуется изучением предмета исследования. Каждый эксперт вносит дополнительную информацию, которую, как он считает, имеет отношение к исследованию.

На втором этапе предъявляется усредненная оценка полученных мнений и пояснения экспертов, высказавших особые точки зрения. После получения уточняющей информации эксперты, как правило, корректируют свои оценки и преобразованное таким образом мнение каждого снова передается в аналитическую группу.

В случае возникновения существенных разногласий в экспертных мнениях, для выяснения их причин и их оценки, переходят к третьему этапу.

Последний заключительный этап наступает, когда вся ранее собранная информация была проанализирована, оценена и результаты уточненного общего экспертного мнения переданы организатору исследования для рассмотрения. При наличии особого мнения, эксперт должен подтвердить свою позицию достаточной аргументацией и разъяснить, почему ранее поступившие обоснованные мнения других специалистов не изменили его позицию.

Разработчиками метода рекомендуется состав экспертной группы – 15–20 специалистов. Но представляется, что инициатор исследования, а применительно к уголовному судопроизводству – это следователь, дознаватель, суд (судья), сам должен определить количественный состав экспертной группы исходя из существующей ситуации.

Данный метод можно сравнить с комплексной или комиссионной экспертизой, т. е. той, в которой участвуют два и более лиц. Но преимущества данного метода состоят в том, что эксперты изолированы друг от друга, а, следовательно, непредвзято оценивают ситуацию, не опираясь на мнение других участников исследования, что позволяет избежать давления, споров, группового влияния, приводящего к подчинению мнению большинства.

Конечная цель, как и при любом экспертном исследовании, направлена на получение необходимой достоверной информации для достижения максимального консенсуса и нахождения верного решения.

По нашему мнению, данная методика может быть эффективна не только при проверке и оценке экспертных заключений, но и непосредственно при получении таких доказательств, как заключение специалиста или заключение эксперта.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что метод Дельфи, применительно к осуществлению уголовного судопроизводства, а в частности к проблемам оценки экспертных заключений заслуживает пристального внимания ученых и практиков. Методика уже разработана, существует, апробирована в других отраслях жизнедеятельности общества. Зарекомендовала себя положительно, незамысловата в применении [11, с. 297–301]. Определенно, имеет свои преимущества по сравнению с другими методами, как получения экспертного мнения, так и его оценки – это возможность получения качественного достоверного результата, лишенного субъективности отдельных экспертных мнений, при качественном формализованном обобщении и обработке индивидуальных оценок каждого из экспертов.

Библиографический список

1. Винберг, А. И. Теория доказательств в советском уголовном процессе / А. И. Винберг. – М., 1973.

2. Громов Н. Заключения эксперта: от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики) / Н. Громов, А. Смородинова, В. Соловьев // Российская юстиция. – 1998. – № 8. – С. 29–30.

3. Дельфийский метод // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/115806 (дата обращения: 25.03.2020).

4. Егорова, О. В. Обеспечение достоверности заключения эксперта / О. В. Егорова // Юрист. – 2010. – № 7.

5. Исаенко, В. Н. О криминалистическом подходе к оценке допустимости заключения эксперта / В. Н. Исаенко // Законность. – 2016. – № 4.

6. Материалы уголовного дела № 01-0352/2018 Дорогомиловского районного суда г. Москвы.

7. Меринов, Э. А. Основания признания заключения эксперта по уголовному делу недопустимым доказательством в стадии судебного разбирательства / Э. А. Меринов // Эксперт-криминалист. – 2006. – № 4.

8. Овсянников, И. В. К вопросу о вероятном заключении эксперта / И. В. Овсянников // Российская юстиция. – 2014. – № 11. – С. 5–59.

9. Петрухина, А. Н. Основания признания заключения эксперта недопустимым доказательством в уголовном процессе / А. Н. Петрухина // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 23.

10. Селина, Е. В. Какая преюдиция нужна в уголовном судопроизводстве? / Е. В. Селина // Российская юстиция. – 2015. – № 12.

11. Смирнова, Ю. А. Метод Дельфи как инструмент эффективного стратегического планирования и управления / Ю. А. Смирнова // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2016. – № 2 (апрель-июнь). – С. 297–301.

12. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: Проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2009. – 240 с.

Тарасов М. Ю.[1]***,***
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат юридических наук

О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО РОЗЫСКА

Межгосударственный розыск – это вид розыска, направленный на обнаружение разыскиваемых лиц, находящихся за пределами государства (инициатора розыска), но на территории государств – участников СНГ, при котором используются сигнальные системы всех оперативно-справочных учетов ИЦ и адресных бюро МВД стран Содружества [13, с. 532]. Основной отличительной чертой межгосударственного розыска от международного является территория проведения розыска и страны, которые имеют право осуществлять его. Критерий различия межгосударственного и международного розыска сводится к тому, что применение розыска этих видов зависит от точной информации о стране местонахождения разыскиваемого, но ни в коем случае не от принадлежности страны к определенному содружеству [12, с. 82–83].

Вопросы межгосударственного розыска помимо нормативно-правовых актов общего характера [5] специально регулируются Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 г. [1]; Договором государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц, подписанном в г. Москве 10 декабря 2010 г. [2]; Решением Совета глав правительств СНГ «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц», принятом в г. Душанбе 30 октября 2015 г. [3], самим этим Регламентом компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц, утвержденным во исполнение ст. 9 Договора государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц 2010 г. решением Совета глав правительств СНГ 2015 г. [4], а также рядом подзаконных актов, среди которых соответствующие ведомственные нормативные правовые акты МВД России, ФСБ России, ФСПП России, ФСИН России и т. д. [8, 9, 10, 11].

Указом Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 «О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц» [7] Федеральная служба исполнения наказаний определена в качестве одного из компетентных органов Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц. Соответствующая норма включена в Положение о Фе-

---

[1] © Тарасов М. Ю., 2020.

деральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 04.11.2019) [6]: в соответствии с подп. 9.6 п. 7 указанного Положения ФСИН России сотрудничает в установленном порядке с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями при осуществлении розыска лиц [8].

Розыск обвиняемых, подсудимых, осужденных, а также лиц, пропавших без вести, прекращается в связи с достижением цели розыска или истечением его срока. Конкретные основания прекращения межгосударственного розыска установлены Регламентом компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц. В ст. 33 Регламента указывается, что межгосударственный розыск лиц прекращается на основании постановления о прекращении межгосударственного розыска, которое выносит инициатор розыска в пятидневный срок после прекращения дела по розыску лица. Согласно п. 18 Приложения 5 к Регламенту (постановление о прекращении межгосударственного розыска), являющегося неотъемлемой частью Регламента, причиной [такая категория употреблена в тексте Регламента] прекращения межгосударственного розыска лица, совершившего преступление, может быть: арест, задержание, установление местонахождения, задержание при совершении нового преступления, опознание трупа, в том числе с признаками насильственной смерти, прекращение уголовного дела, решение суда о прекращении розыска, установление местонахождения разыскиваемого лица с отказом в его экстрадиции, прекращение по сроку давности и пр. Соответственно, по этим же основаниям может быть прекращено разыскное дело, так как в контексте рассматриваемого документа понятия прекращение розыска и прекращение разыскного дела взаимообусловлены.

Ведомственными нормативными актами ФСИН России, регулирующими разыскную работу, также установлены основания для прекращения розыска. В целом они сходны с приведенными выше основаниями, однако имеются и отличия. Разыскное дело по постановлению, утвержденному начальником территориального органа ФСИН России или его заместителем, курирующим вопросы безопасности и оперативной работы, прекращается, в частности, при наличии следующих оснований:

– задержании разыскиваемого лица (за исключением случаев, требующих решения вопроса о выдаче (экстрадиции) скрывшегося лица в установленном порядке – до поступления сообщения о прибытии разысканного лица на территорию Российской Федерации или поступления сообщения из соответствующих органов государственной власти Российской Федерации о направлении в иностранное государство уголовного дела для осуществления его дальнейшего уголовного преследования);

– при документальном подтверждении факта смерти разыскиваемого лица;

– при прекращении производства по уголовному делу по факту побега из учреждения УИС или уклонения от отбывания лишения свободы в отношении разыскиваемого лица;

– при вынесении постановления (определения) суда о прекращении уголовного преследования;

– при получении из уголовно-исполнительной инспекции или ее филиала информации о снятии с учета осужденных по истечении срока ограничения свободы, истечения испытательного срока условно-осужденных и срока отсрочки отбывания наказания;

– при получении документально-подтвержденной информации о нахождении на территории иностранного государства разыскиваемого лица, уклоняющегося от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывшего к месту отбывания наказания в указанный в предписании срок, а также осужденного уклоняющегося от контроля уголовно-исполнительной инспекции, являющегося гражданином данного государства (информация о прекращении разыскного дела и оригиналы полученных документов направляются в соответствующий суд или уголовно-исполнительную инспекцию для принятия дальнейшего решения в соответствии с действующими международными договорами и соглашениями Российской Федерации).

Следует заметить, что эти основания прекращения розыска, установленные ведомственными нормативными актами ФСИН России, и установленные международно-правовым актом с участием Российской Федерации, не во всем соответствуют друг другу.

При этом одни разночтения обусловлены предметной ведомственной специализацией. В Регламенте межгосударственного розыска, например, как об основании прекращения розыска говорится о прекращении уголовного дела, а в наставлении ФСИН России – о прекращении производства по уголовному делу по факту побега из учреждения УИС или уклонения от отбывания лишения свободы в отношении разыскиваемого лица. Подобное различие представляет по сути детализацию общей нормы применительно к специфике и предмету деятельности разыскных подразделений ФСИН России и представляется оправданным.

Вместе с тем, такая детализация, обусловленная специализацией разыскной работы оперативных подразделений ФСИН, вызывает вопросы с точки зрения полноты охвата всех категорий разыскиваемых лиц. В качестве разыскиваемых названы только лица, совершившие побег из учреждения УИС (ст. 313 УК РФ) или уклоняющиеся от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ). Между тем, в ст. 314 УК РФ наряду с уклонением от лишения свободы предусмотрена также ответственность за уклонение от отбывания ограничения свободы и от применения принудительных мер медицинского характера. В этой связи возникает вопрос о необходимости включения в число оснований прекращения разыскного дела прекращение производства по уголовному делу в отношении и иных осужденных лиц, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, тем более что в круг лиц, для осуществления розыска которых заводится разыскное дело, они включены.

Но есть и другие варианты разночтений в формулировках оснований прекращения розыска, по-разному определяющие, например, момент (этап) принятия соответствующего решения. Так, в Регламенте межгосударственного розыска, например, говорится о прекращении розыска в связи с задержанием разыскиваемого лица, а в наставлении ФСИН России для принятия аналогично-

го решения в подобной ситуации, когда решается вопрос об экстрадиции, требуется в дополнение к самому факту задержания еще поступление сообщения о прибытии разысканного лица на территорию Российской Федерации или поступление сообщения из соответствующих органов государственной власти Российской Федерации о направлении в иностранное государство уголовного дела для осуществления его дальнейшего уголовного преследования. Такое разночтение не обусловлено ни спецификой предмета деятельности, ни специализацией оперативных подразделений ФСИН России, поэтому нуждается в устранении.

Встречаются и такие разночтения в основаниях прекращения разыскного дела, которые, с одной стороны, содержат оправданную спецификой предмета деятельности детализацию общей нормы, и вместе с тем, привносят в нее выходящее за эти рамки дополнительное содержание. Так, в Регламенте межгосударственного розыска предусмотрено в качестве причины его прекращения установление местонахождения разыскиваемого лица, а в наставлении ФСИН России – получение документально-подтвержденной информации о нахождении на территории иностранного государства разыскиваемого лица, уклоняющегося от получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывшего к месту отбывания наказания в указанный в предписании срок, а также осужденного уклоняющегося от контроля уголовно-исполнительной инспекции, являющегося гражданином данного государства (информация о прекращении разыскного дела и оригиналы полученных документов направляются в соответствующий суд или уголовно-исполнительную инспекцию для принятия дальнейшего решения в соответствии с действующими международными договорами и соглашениями Российской Федерации).

Предметно-специальная детализация последней нормы здесь налицо, и в этой части она если и вызывает замечания, то из-за витиеватой техники изложения текста нормативного акта, и главным образом, отмеченной уже выше неполноты охвата приведенным в основании перечнем категорий подлежащих розыску лиц. Однако за витиеватостью избранной техники кроется норма, определяющая несколько иное основание для прекращения розыска чем предусмотрено в Регламенте межгосударственного розыска: информация о нахождении на территории иностранного государства разыскиваемого лица, являющегося гражданином данного государства. Включение в формулировку основания указания на принадлежность гражданства разысканного лица к запрашиваемому государству значительно сужает сферу (объем) применения данного основания. К тому же, данное основание не вполне согласуется с приведенным выше основанием прекращения разыскного дела из нормативного акта ФСИН России, – задержание с экстрадицией, для применения которого требуются сведения о прибытии разысканного лица на территорию Российской Федерации или о направлении в иностранное государство уголовного дела для осуществления его дальнейшего уголовного преследования. Такое разночтение не обусловлено ни спецификой предмета деятельности, ни его специализацией, поэтому также нуждается в устранении.

По существу же в данной ситуации подлежит применению завуалированное в тексте нормативного акта ФСИН России такое основание прекращения ро-

зыска как установление местонахождения разыскиваемого лица с отказом в его экстрадиции, установленное в упомянутом выше п. 18 Приложения 5 к Регламенту, поскольку речь идет о ситуации выдачи Стороной своего гражданина. В такой ситуации на основании пп. «а» п. 1 ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 г., выдача не производится, если лицо, выдача которого требуется, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

Приведенные результаты сравнительного анализа межгосударственных и ведомственных оснований для прекращения разыскного дела свидетельствуют о значительной зауженности и излишней казуистичности и в связи с этим неполноте последних и необходимости их совершенствования, приведениях в соответствие с общими нормами, содержащимися, в частности, в Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц 2015 г., имеющем более высокую юридическую силу как межгосударственный нормативный правовой акт.

Библиографический список

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22.01.1993. Вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994 (с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

2. Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц. Подписан в г. Москве 10.12.2010 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 39. – Ст. 5619.

3. Решение Совета глав правительств СНГ «О Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц». Принято в г. Душанбе 30.10.2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

4. Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц. Утвержден решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Регламенте компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц от 30 октября 2015 г. // http://docs.cntd.ru/document/420389266 (дата обращения: 03.03.2020).

5. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

6. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 04.11.2019) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 42. – Ст. 4109.

7. Указ Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 «О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 29. – Ст. 4798.

8. Положение о Федеральной службе исполнения наказаний : Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 04.11.2019) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 42. – Ст. 4109.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2013 г. № 809 (ред. от 03.06.2019) «О Федеральной таможенной службе» (вместе с «Положением о Федеральной таможенной службе») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 38. – Ст. 4823.

10. Приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 6 октября 2006 г. (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

11. Письмо ФССП России от 18 сентября 2017 г. № 00141/17/90064-ОП «О межгосударственном розыске лиц» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2017. – № 11.

12. Дунаева, А. В. О понятиях межгосударственного и международного видов розыска / А. В. Дунаева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 1 (52). – С. 82–85.

13. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.

Тишутина И. В.[1],
профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

В современных условиях цифровизации общества постоянно совершенствуется обращение социально значимой информации. Накопление информации различного характера обусловлено наличием систем регистрации граждан, существующих как в министерствах и ведомствах, так и в частных организациях и учреждениях. Тем самым обеспечивается совершенствование информационного обеспечения управляющего воздействия на социальные и экономические процессы. Современные направления компьютеризации, цифровизации этих

[1] © Тишутина И. В., 2020.

систем и баз данных, несомненно, способствуют их объединению и значительному упрощению доступа к содержащейся в них информации.

Во многом именно возможностями по сбору, накоплению, и использованию информации как о гражданах в целом, так и о лицах, совершающих преступления, способах их действий, определяется эффективность предупреждения, выявления и преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений. В настоящее время, преступность и прогнозы ее развития ориентируют общество и государство не только на совершенствование средств и методов борьбы с ней, но и на организацию мгновенного доступа к системам хранения потенциально значимой в этих целях информации. Одно из главных мест среди таких систем занимают системы регистрации граждан, с использованием их биометрических данных и кодовой информации о них. Под биометрией понимается научно обоснованная система знаний об идентификации человека по совокупности отличительных физиологических или поведенческих его характеристик [1, с. 19–20]. Высокая эффективность биометрии и ее аутентификационных систем в отождествлении личности способствовала тому, что во многих странах ее давно и успешно применяют для регистрации граждан.

Например, в США биометрическая идентификация пациентов клиник позволяет решить ряд проблем: исключить возможность получения медицинских услуг по чужому страховому полису; сократить вероятность врачебных ошибок и дублирования записей об одном и том же больном в базе данных клиники; распознать человека, попавшего в клинику в бессознательном состоянии. Помимо простой идентификации постепенно внедряются биометрические технологии с системами электронного рецепта и медицинской карты, которые связаны между собой. В вузах биометрия используется для учета посещаемости занятий студентами. В школах – для идентификации оплаты школьных услуг: питания, учебников, факультативов и др. Полиция Нью-Йорка использует биометрические смартфоны и планшеты для моментальной проверки наличия следов пальцев задержанного в базах разыскиваемых или криминальных лиц. Еще один пример – биометрические карты заключенных. В чип вносится персональные данные преступника и уникальный код его папиллярного узора. Таким образом, карта используется для надежного удостоверения личности и отслеживания перемещений ее владельца. Кроме того, карта может выступать в качестве платежной и медицинской (в ней хранится информация о медосмотрах и назначенных лекарствах) [2].

Европарламент 5 февраля 2019 г. принял предварительное соглашение о безопасности в сообществе. Согласно нему, с целью контроля границ и предупреждения терроризма, ЕС создаст базу данных с отпечатками пальцев и распознаванием лиц. Полиция в доли секунды идентифицирует гражданина по его отпечатку пальца или с помощью видеокамеры и программы распознавания лиц. Полученные данные отправляются в общую информационную систему стран ЕС в режиме реального времени, и моментально приходит ответ, есть ли к проходящему паспортный контроль человеку вопросы.

Предполагается в этой связи объединение нескольких баз, хранящих сегодня персональные данные: реестра заявителей на получение визы, реестра за-

просов на предоставление убежища, а также реестра находящихся в розыске и объявленных преступниками, подлежащими задержанию. Будут созданы еще три базы биометрических данных: лиц, направляющихся в страны ЕС и Шенгенского соглашения с кратковременными туристическими визитами; лиц, направляющихся на долгосрочное пребывание; лиц, которые, прибыв из не входящих в ЕС стран, совершили противоправные действия. Для тех, кто получит право оперировать хотя бы в одном из шести реестров, будет открыт доступ и во все остальные. Предполагается, что возможность коммуникаций и обмена данными между ранее независимыми реестрами будет способствовать выработке общей стратегии безопасности границ, управления миграцией и борьбе с терроризмом [3].

Неоднозначным было и остается отношение общества к процессу унификации данных всех систем регистрации граждан в единый регистр. Конечно, с точки зрения гарантий соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина, присутствует определенный риск, однако, он проявляется как одна из общих закономерностей развития научно-технического прогресса, достижения которого вместе с очевидными благами одновременно несут человечеству и реальные угрозы. В конечном итоге все зависит от того, каким образом, кем конкретно и с какой целью эти достижения будут использованы.

Важно понимать, что в рамках социально-правового контроля, который и базируется во многом на существовании подобных систем, осуществляется наблюдение не за гражданами, их деятельность не персонифицируется, она обращает на себя внимание только тогда, когда осуществляется с нарушением закона, или, когда гражданин нуждается в помощи. По существу, такое «наблюдение» представляет собой самоконтроль общества и является важнейшим элементом социально-правового контроля над преступностью.

Представляет интерес реализация таких возможностей в Китае. Мы уже писали ранее о системе социального рейтинга граждан, которую с 2020 г. планировалось распространить на всю территорию страны. Суть ее заключается в том, что поведение граждан оценивает искусственный интеллект, а на основе такой оценки по результатам их собственных действий граждане попадают либо в красный (позитивный) список, если они вовремя платят налоги, кредиты, алименты, занимаются волонтерством; либо в черный (негативный), если нарушают финансовые, социальные, правовые обязательства, например, переходят улицу на красный свет, грубо ведут себя в городском транспорте [4, с. 217]. Одна из целей проекта – снижение преступности.

Возможности этой системы были использованы и в связи с экстренно возникшей в 2020 г. ситуацией, связанной с эпидемией COVID-19. Сразу в нескольких самых высокотехнологичных городах Китая – г. Ханчжоу (местонахождение штаб-квартиры Alibaba Group), г. Шэньчжэне (штаб-квартира Tencent) и в г. Шанхае велась разработка системы «Персональный QR-код здоровья». В эту систему стекаются большие данные (кит. 大数据, англ. big data) из региональных дата-центров, где хранятся данные различных департаментов и управлений, таких как здравоохранение, общественная безопасность и транспорт, а также данных от операторов мобильной связи, авиационных и железно-

дорожных компаний. Система способна самостоятельно в режиме реального времени провести моделирование, анализ и оценку всех полученных данных. Войдя в систему, заявитель может получить персональный QR-код, который наглядно показывает эпидемиологические риски заявителя, окрашивая динамически сгенерированный QR-код в разные цвета: зеленый – безопасный, желтый – потенциально опасный, красный – опасный.

Уже по состоянию на 24 февраля 2020 г., правительство провинции Чжэцзян рапортовало, что было выдано 50.47 млн персональных QR-кодов здоровья. Буквально через день на своих страницах в социальных сетях Alipay объявила о том, что взявший свое начало в г. Ханчжоу персональный QR-код здоровья – цзяньканма уже доступен для жителей более 200 городов по всему Китаю. В различных административных единицах КНР существуют собственные стандарты и уникальный алгоритм вычисления. При этом все они доступны в приложении платежной системы Alipay [4, с. 217].

Персональный QR-код здоровья может быть использован жителями этих городов, включая иностранных граждан, постоянно проживающих в этих городах, для входа в общественный транспорт, в жилой микрорайон, офисные здания, торговые центры, магазины и супермаркеты, вокзалы и аэропорты, в отделения банков, мобильных операторов, почты и другие места скопления людей, потенциально опасные с точки зрения профилактики распространения эпидемии. Можно констатировать, что этот эффективный способ профилактики переполошившей весь Земной шар эпидемии COVID-19, впоследствии весьма успешно будет интегрирован в общую систему социального контроля Китая.

Иммиграционные офицеры в США с июля 2019 г. получили право проверять социальные сети людей, въезжающих в страну. Позднее им разрешили создавать фейковые аккаунты для более внимательной проверки потенциальных иммигрантов. Теперь американские консульства при запросе на въездную визу в США могут просить предоставить данные аккаунтов в социальных сетях, электронной почты (в том числе старой, за пять лет) и мобильных телефонов (тоже за последние пять лет). И это во многом оправдано, так как нередко террористы свободно выражают свои убеждения и планы в аккаунтах [6].

Нашей стране на то, чтобы приблизиться к практической реализации законодательных инициатив и нормативных предписаний о создании государственного регистра населения потребовалось немало времени [7]. Еще в начале этого пути было очевидно, что создание и развитие государственного регистра населения станет информационно-аналитической основой повышения качества социально-экономических и политических решений, принимаемых органами государственной власти и местного самоуправления. Оно будет, прежде всего, способствовать адресности и эффективности государственной социальной поддержки, собираемости налогов в бюджеты всех уровней и их рациональному распределению, проведению основных структурных реформ, обеспечению общественной безопасности и охраны порядка, контроля миграционных процессов, повышению эффективности работы органов государственной власти в чрезвычайных ситуациях [8]. Централизованный сбор данных о гражданах поз-

волит обеспечить достоверность и непротиворечивость сведений, которые сейчас числятся в реестрах разных служб.

Основы цивилизованного подхода к системе правового регулирования государственной регистрации граждан налицо. Принято и действует довольно значительное количество нормативных актов, в том числе и международных, ратифицированных Россией. Конечно, построение правового информационного поля обращения персональной информации было сопряжено с необходимостью решения множества организационных, технических и финансовых вопросов.

С июля 2019 г. в Госдуме находится на рассмотрении Законопроект № 759897-7 «О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации», согласно которому с 2025 г. в России начнет полноценно функционировать единая база данных о населении страны [10]. В ней будет аккумулироваться информация из ныне разрозненных реестров разных государственных структур – МВД России, Минобороны, Минобрнауки, ФНС, Пенсионного фонда, Фонда ОМС и других через систему межведомственного электронного взаимодействия. Оператором базы будет Федеральная налоговая служба.

Предполагалось, что новых данных, не учитывавшихся ранее, в эту базу включать не будут, как было указано в «Концепции формирования и ведения единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации», утвержденной в июле 2017 г. Тем не менее, в законопроекте такие полномочия предоставлены ФСБ и Службе внешней разведки: они смогут вносить в базу сведения, «ранее не учтенные в иных государственных и муниципальных информационных ресурсах». Доступ к банку данных будут иметь органы власти всех уровней, органы управления внебюджетными фондами (ОМС и прочие), а также избирательные комиссии, а также многофункциональные центры (МФЦ). Портал «Госуслуги» должен будет обеспечить возможность видеть свои данные в базе гражданам.

В «банк данных» будут включать информацию не только о гражданах России, но также обо всех находящихся в нашей стране иностранных гражданах. Сбору подлежат два типа сведений: базовые и дополнительные.

Базовые сведения:

– сведения о гражданине: настоящие и предыдущие (при наличии) ФИО; дата и место рождения; дата и место смерти; настоящий и предыдущий (при наличии) пол; гражданство (при наличии);

– идентификаторы (реквизиты, серия и номер, иные данные) документов: свидетельство о рождении; свидетельство о смерти; удостоверение личности (паспорт); статус иностранного гражданина (разрешение на временное проживание, вид на жительство, трудовой патент и так далее); ИНН; свидетельство о регистрации ИП; СНИЛС, полис ОМС и соцстрахования; сведения о постановке на учет в службе занятости; документы об образовании, квалификации, ученой степени и ученого звания; учетная запись в ЕСИА.

Дополнительные сведения: о семейном положении (реквизиты свидетельства о браке/разводе); о родственных связях (ссылки на имеющиеся в базе данные о родителях, супруге и детях гражданина).

На примере ряда зарубежных стран очевидно, что создание и внедрение единой автоматизированной информационно-поисковой системы регистрации граждан существенным образом повысит эффективность деятельности правоохранительных органов по контролю над преступностью и в борьбе с ней, в предупреждении и преодолении противодействия расследованию. Именно всеобщая глобальная криминализация провоцирует необходимость ограничения конституционных прав и свобод граждан, вынуждает изыскивать новые методы и средства борьбы с ней на основе достижений научно-технического прогресса. При этом мировой опыт борьбы с организованной преступностью и одним из наиболее опасных ее проявлений – терроризмом, показывает, что в целях предотвращения таких угроз граждане готовы к ограничению их прав и свобод при условии жесткой законодательной регламентации условий и порядка реализации соответствующих мер и гарантий соблюдения законности. В этой связи расширение полномочий государственных органов по сбору, хранению и использованию информации о гражданах вполне оправдано при условии детальной проработки соответствующей нормативной базы.

Библиографический список

1. Бол, Р. М. Руководство по биометрии / Р. М. Бол, Дж. Х. Коннел, Ш. Панканти и др. – М. : Техносфера, 2007.

2. Биометрическая идентификация. Мировой опыт // URL: https://targcontrol.com/biometricheskaya-identifikaciya-mirovoj-opyt/ (дата обращения: 01.03.2020).

3. Добрынин, В. Изменились в лице: в Европе вводят тотальный контроль по биометрии // URL: https://iz.ru/852375/vladimir-dobrynin/izmenilis-v-litce-v-evrope-vvodiat-totalnyi-kontrol-po-biometrii (дата обращения: 01.03.2020).

4. Писаренко, Д. В. Об отельных аспектах информационного обеспечения предупреждения, выявления и преодоления противодействия расследованию / Д. В. Писаренко // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. В 2-х т. Т. 2. – Орел : Орловский ЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. – С. 215–222.

5. Китайские мегаполисы вводят персональный QR-код здоровья // URL:https://www.servioline.com/article/kitayskiye_megapolisy_vvodyat_personalniy_qr-kod_zdorovya/ (дата обращения: 01.03.2020).

6. Бовт, Г. Чужая душа больше не потемки, если у нее есть аккаунт в соцсетях // URL:https://snob.ru/entry/177969/ (дата обращения: 01.03.2020).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 марта 2000 г. № 323-р «Об утверждении Концепции создания автоматизированной системы «Государственный регистр населения» (АС ГРН)» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Д. Медведев поддержал идею создания единого социального регистра населения России // URL: http://www.prime-tass.ru/news/show (дата обращения: 01.03.2020).

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 748-р «Об утверждении Концепции создания системы персонального учета населения Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.03.2020).

10. Законопроект «О едином федеральном информационном ресурсе, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7 (дата обращения: 01.03.2020).

Толманов А. Н.[1]**,**
преподаватель кафедры организации
и обеспечения раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИНЫЕ ДАННЫЕ», КАК ОСНОВАНИЯ ПОДОЗРЕНИЯ И ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Выяснение причастности лица к совершению преступления на досудебном этапе производства не обязывает, а предоставляет органу дознания, дознавателю, следователю право и возможность ограничивать его права и свободы, в том числе при осуществлении задержания. При этом баланс между свершением правосудия и недопустимостью необоснованного ограничения прав и свобод личности – одна из главных проблем правоприменителей. Употребление термина «иные данные», в контексте заявленной тематики, создает возможность различного толкования оснований подозрения и задержания, быть оправданным достижением назначения судопроизводства либо создавать возможность необоснованного или намеренного злоупотребления властью.

В качестве «иных данных», дающих основание предполагать о совершении преступления конкретным лицом, А. И. Трусов рассматривает результаты оперативно-разыскной деятельности, полученные из достаточно надежных источников [1, с. 252], вместе тем, что это за «надежные источники» не раскрывает.

По мнению Е. А. Рубинштейна, под «иными данными» можно понимать показания потерпевшего или свидетелей, непосредственно не являвшихся очевидцами совершенного преступления, но их содержание указывает на причастность лица к его совершению; показания в отношении соучастников преступления; результаты следственных действий; данные ревизий или инвентаризаций; совпадение примет и т. д. [2, с. 373].

Под «иными данными», дающими основание подозревать лицо в совершении преступления, В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Яшин указывают обстоятельства, полученные в процессе доказывания [3, с. 219].

Приведенные из учебной литературы понятие и содержание «иных данных», как оснований подозрения и задержания, в основном обобщают результаты диссертационных исследований, в которых данный вопрос был детально рассмотрен. Понимание «иных данных», данное Е. А. Рубинштейном, является

[1] © Толманов А. Н., 2020.

продолжением исследования И. А. Веретенникова, который наряду с вышеуказанными данными и сведениями, также указывал на предметы, обнаруженные на месте происшествия и свидетельствующие об их принадлежности конкретному лицу [4, с. 138].

В исследовании В. Ю. Мельникова указанные сведения дополняются заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных действий и другими документами, а также действиями, направленными на уничтожение или сокрытие следов преступления. Вместе с тем он более критично относится к безусловному включению в понятие «иные данные» результатов оперативно-разыскной деятельности, указывая на недопустимость использования в качестве оснований для процессуального задержания результатов не подлежащих легализации негласных оперативно-разыскных мероприятий [5, с. 72–73].

Заслуживает внимания диссертационное исследование Ю. Б. Чупилкина, в котором, с учетом имеющихся воззрений других авторов, рассматриваются пять оснований задержания, возможных к объединению под общим понятием «иные данные» [6, с. 53–58]. Давая свою оценку приведенным выше сведениям и действиям, Ю. Б. Чупилкин также не исключает из оснований для подозрения и задержания явку с повинной, если при этом причастность лица к совершению преступления подтверждается иными доказательствами, но указывает на недопустимость использования, несмотря на имеющуюся практику, в качестве таких оснований результаты применения служебно-разыскных собак.

Несправедливым и необоснованным будет не указать таких авторов, как И. Л. Петрухин, Е. С. Березина, Н. Н. Ковтун, А. В. Ольшевский, Ф. А. Богацкий, Л. И. Лавдаренко и А. Ю. Усов., В. В. Кальницкий, Д. Д. Максаров, В. В. Бабурин и П. Л. Сурихин и многие другие, кто также в своих трудах проводил исследование понятия «иные данные», как основания подозрения и задержания. Анализ их трудов показывает, что в основном это авторская оценка с аргументами «за и против» указанных выше сведений и действий.

Анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод, что подозрение органов предварительного расследования о причастности лица к совершенному преступлению должно быть обосновано достаточными данными, а именно такой совокупностью содержащихся в материалах дела конкретных сведений, указывающих на причастность именно этого лица к совершению преступления [7]. Так, в частности:

– Президиум Ленинградского областного суда в постановлении от 27 марта 2018 г. по делу № 44у-19/2018 не ставит под сомнение считать «иными данными» наличие у следователя оперативной информации о возможной причастности лица к совершению преступления;

– Московский окружной военный суд в апелляционном постановлении от 19.06.2018 по делу № 22К-203/2018 считает возможным отнести к «иным данным» повестки на имя лица и рапорты оперуполномоченного и следователя;

– Московский областной суд в апелляционном постановлении от 04.04.2017 по делу № 22К-2326/2017 не усматривает нарушений следователем в указании в качестве «иных данных» результатов прослушивания телефонных переговоров

мобильного телефона задержанного, в которых он высказывал намерение оказать давление на органы предварительного следствия;

– Иркутский областной суд в апелляционном постановлении от 19.09.2017 по делу № 22К-3206/2017 признает обоснованным считать совокупность сведений в виде показаний представителя потерпевшего о возможной причастности лица к преступлению, исходя из записей видеорегистраторов, не наблюдавшего непосредственно его противоправных действий, а также показаний свидетеля, опознавшего на видеозаписи с банкомата данное лицо, в качестве оснований для задержания в соответствии с ч. 2 ст. 91 УПК РФ, т. е. «иными данными»;

– Брянский областной суд в апелляционном постановлении от 14.11.2017 по делу № 22К-1779/2017 признает обоснованным указание в качестве «иных данных», как основания задержания, обладание следователем информацией о розыске задерживаемого лица, подтвержденной имеющимися в материалах поручением соответствующего правоохранительного органа об установлении его местонахождения и задержании, а также подтверждение о розыске с просьбой о его задержании [8].

Таким образом, на основе анализа научных воззрений и материалов судебно-следственной практики по исследуемому вопросу, в качестве признаков «иных данных», как основания для подозрения и задержания в уголовном судопроизводстве, можно выделить следующие:

– это сведения о фактах, указывающих на причастность лица к совершенному преступлению, либо о действиях, совершенным им или в его пользу и непосредственно направленные на воспрепятствование уголовному преследованию;

– эти сведения могут быть получены при производстве процессуальных действий или в ходе оперативно-разыскных мероприятий и должны отвечать требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам;

– указанные сведения должны быть представлены совокупностью подтверждающих и (или) дополняющих друг друга материалов;

– данные сведения не могут предрешать вопрос о виновности и невиновности задерживаемого лица, а выступают лишь в качестве обоснования возможной его причастности к совершенному преступлению.

Не отрицая обязательность выполнения дополнительных условий задержания, установленных ч. 2 ст. 91 УПК РФ, и вследствие предлагаемых признаков «иных данных», а также в целях защиты личности от незаконного и необоснованного задержания, обеспечения прав лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, решения проблем судебно-следственной практики при реализации исследуемых положений, считаем возможным дополнить ст. 91 УПК РФ ч. 3 следующего содержания:

«3. Под иными данными, указанными в ч. 2 настоящей статьи, следует понимать совокупность сведений о фактах или действиях, указывающих на причастность лица к совершению преступления либо воспрепятствование его уголовному преследованию, и которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу».

Библиографический список

1. Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. – М. : изд-во «Зерцало», 2007. – 736 с.

2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Норма, 2009. – 1072 с.

3. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – М. : Эксмо, 2008. – 816 с.

4. Веретенников, И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. – М. : РГБ, 2003. – 202 с.

5. Мельников, В. Ю. Задержание подозреваемого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Краснодар, 2004. – 169 с.

6. Чупилкин, Ю. Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Ростов н/Д, 2001. – 185 с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/ 70548674/ (дата обращения: 24.03.2020).

8. Материалы судебных актов, размещенных в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 24.03.2020).

Тутынин И. Б.[1]**,**
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЦАМ, ВОВЛЕКАЕМЫМ К ПРИМЕНЕНИЮ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Анализ практики применения показывает, что из перечня, установленного ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [5], ряд мер пресечения не стали реальной альтернативой самой репрессивной – заключению под стражей и не самой эффективной – подписке о невыезде и надлежащем поведении. Не значительно используемые меры, предусмотренные ст.ст. 103–105, 106 УПК РФ, действенность которых связана с особенностью межличностных отношений в обществе, в семье, в окружении человека. Но это не единственная причина их неприменения. Так, УПК РФ не устанавливает при избрании данных мер пресечения какие-либо требования к лицам, на которые возлагаются обязанности обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого (для краткости назовем их поручителем, присмотрщиком, наблюдателем, залогодателем).

[1] © Тутынин И. Б., 2020.

В момент избрания меры пресечения необходимо на основе характеристики личности, имущественного, общественного и семейного положения подозреваемого, обвиняемого выбирать вариант, который в большей мере свидетельствует о доверии лица, применяющего меру пресечения, к поручителю, присмотрщику, наблюдателю, залогодателю, а также о доверии между перечисленными лицами и обвиняемым (подозреваемым). Такая многосубъектность отношений предопределяет особенности оценки имеющихся обстоятельств.

Следователь обязан проанализировать наличие и значимость ряда обстоятельств. В основу оценки качеств вовлеченных лиц полагаются личностные особенности, родственные и дружественные связи, чувство долга, взаимные материальные и нематериальные интересы, личное имущественное положение и его значимость для лица, и др. Причем оценка доверия будет трехсторонней: дознаватель, следователь, суд с одной стороны, поручитель, присмотрщик, залогодатель – с другой, и подозреваемый, обвиняемый – с третьей.

Доверие дознавателя, следователя, суда к поручителю, присмотрщику, залогодателю подкрепляется данными: должные свойства лица; реальная возможность обеспечить надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого; способность подозреваемого, обвиняемого исполнить требования поручителя, присмотрщика, залогодателя.

Заметим, воздействие поручителя, присмотрщика, наблюдателя, залогодателя на подозреваемого, обвиняемого не урегулировано уголовно-процессуальным правом. Да и сложно предположить, что данные взаимоотношения должны быть регламентированы правом с преобладанием публичных начал. В этой ситуации психическое (моральное) воздействие представляет собой метод убеждения, меры нравственно-воспитательного характера [1, с. 15; 2, с. 90; 3, с. 92; 4, с. 9–11], а выбор степени воздействия полностью возлагается на поручителя, присмотрщика, наблюдателя, залогодателя.

То же самое относится к физическому воздействию. Степень физического принуждения, применяемую поручителем, присмотрщиком, наблюдателем, залогодателем, УПК РФ не устанавливает. Поэтому принудительное доставление к дознавателю, следователю и в суд при противодействии побегу или иному ненадлежащему поведению подозреваемого, обвиняемого необходимо признавать социально полезным, а поэтому правомерным поведением, за исключением случаев превышения необходимых пределов.

При определении требований к поручителю, присмотрщику, залогодателю учитываем наше отношение к природе данных мер пресечения.

Из-за того, что перечисленные меры имеют имущественную составляющую (возможность подвергнуться материальной ответственности), не считаем правомерным привлекать в качестве поручителя, присмотрщика, залогодателя несовершеннолетних. Имущественная составляющая диктует требование финансовой состоятельности физического лица (например, недопустимо, чтобы лицо было признанно в установленном законом порядке банкротом) и возможность его идентификации.

Поручителем (поручителями) могу являться руководители предприятия, на котором работает подозреваемый, обвиняемый, руководители социального

учреждения, в котором он проживает (участвует), друзья, знакомые, родители или супруги подозреваемого, обвиняемого.

Спорно включение в число поручителей (залогодателей) адвокатов-защитников. Считаем, что сущность данной меры пресечения не позволяет это делать. В Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а именно в ст.ст. 2 и 6 которого, не указано такое полномочие адвоката. Также п. 2 ч. 4 ст. 6 данного закона запрещает адвокату принимать участие в деле, когда он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица. Неблагоприятные имущественные последствия в виде денежного взыскания (обращения залога в доход государства) ставят адвоката в заинтересованное положение.

Социально-личностные качества залогодателя (наличие судимости, отрицательные характеристики, отсутствие постоянного места жительства и работы), не имеют прямой связи с предметом доказывания, определенным ст. 73 УПК РФ. Поэтому они не могут являться преградой применения рассматриваемых мер пресечения. Иначе обстоит дело в случае, если следователь установил связь имущества, подвергаемого залогу, с уголовно-правовыми претензиями.

О возможности привлечения в качестве залогодателей юридических лиц наше мнение основано на следующем. Юридическое лицо в уголовном судопроизводстве наделяется представительными правовыми возможностями отстаивания, как своих интересов, так и интересов иных лиц. Наблюдается тенденция к расширительному толкованию закона, с бóльшими вовлечением представителей гражданского общества, что может способствовать повышению эффективности и распространенности рассматриваемых мер.

Препятствием быть залогодателем (поручителем) будет прямая связь их имущества с преступным деянием. При этом важно, что такая связь была не абстрактная – «связь с преступным миром», а имела конкретное юридическое наполнение. Обращение к ч. 3 ст. 115 УПК РФ, где установлены требования к третьим лицам, имущество которых может быть арестовано, позволяет предположить, что имущество не должно быть предметом залога, если оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Ограничения в уголовном судопроизводстве быть залогодателем юридическому лицу определены гражданским законодательством. Отсутствие указанных в законе запретов и ограничений на действия с таким имуществом, и соблюдение процедуры получения решения самим юридическим лицом на использование его имущества в качестве залога предоставляют применить данную меру пресечения. Но если это юридическое лицо так называемого публичного права (государственные органы, органы местного самоуправления и другие организации и объединения), то оно не располагает (не должно распола-

гать) правовыми свойствами, позволяющими участвовать в качестве залогодателя по уголовному делу. Причем данные положения применимы и для иных мер пресечения имущественного характера.

Библиографический список

1. Григорьев, В. Н. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / [В. Н. Григорьев и др.]. – М., 2016.

2. Иванов, Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография / Д. А. Иванов. – М. : Юрлитинформ, 2018.

3. Масленникова, Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве / Л. Н. Масленникова. – М., 2000.

4. Химичева, О. В. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам / О. В. Химичева, Ю. Б. Плоткина // Российский следователь. – 2008. – № 11. – С. 9–11.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с последующими изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

Уханова Н. В.[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ СПОСОБА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления имеет важное уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение, так как представляет собой:

– обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ;

– одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ);

– элемент криминалистической характеристики, который оставляет различного рода идеальные и материальные следы, подлежащие процессуальному закреплению, и позволяет получить сведения не только о личности преступника (вовлекателя) и его жертвы (несовершеннолетнего), но и о механизме вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и обстоятельствах, способствовавших этому (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) [9, с. 102–104].

[1] © Уханова Н. В., 2020.

Из всех способов, указанных в диспозиции ст. 150 УК РФ, на практике «наибольшую сложность представляют случаи квалификации вовлечения, совершенного иным способом, поскольку при этом допускается значительное количество ошибок, связанных с неправильным установлением этого способа вовлечения» [2, с. 90].

Путем изучения приговоров судов установлено, что предложение несовершеннолетнему совершить преступление очень часто выступает как «иной способ» вовлечения в совершение преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» прямо указано, что при вовлечении несовершеннолетнего действия взрослого могут выражаться, в числе прочего, в форме предложения совершить преступление (п. 42).

В научной литературе многие авторы также отмечают, что предложение совершить преступление должно быть квалифицировано как «иной способ» вовлечения в совершение преступления [2, 3, 4].

Подробно и обстоятельно «предложение» как иной способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления рассмотрел В. М. Гарманов. Опираясь на многочисленные материалы изученных уголовных дел, он выделил несколько видов предложения:

– «простое» предложение (без обещаний и угрозы);
– предложение-просьба;
– предложение, соединенное с личным примером взрослого;
– предложение, переданное несовершеннолетнему через посредника [2, с. 16].

При этом названный исследователь отмечает, что в судебной практике имеются решения, согласно которым одно только предложение не расценивается как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления [2, с. 18]. Поэтому в ситуациях, когда имеет место предложение несовершеннолетнему совершить преступление, данный автор рекомендует делать вывод о наличии вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления при помощи указанного способа, исходя из следующий условий вовлечения:

– авторитет взрослого;
– зависимое положение вовлекаемого лица (в смысле психологической зависимости младшего от старшего);
– доверительные отношения несовершеннолетнего со взрослым (родителем, иным родственником, хорошим знакомым и т. д.);
– существующая установка на выполнение просьб и указаний взрослого [2, с. 20].

Данная рекомендация представляется полезной в практическом отношении, так как, по нашему мнению, поможет предупредить необоснованные оправдательные приговоры по фактам вовлечения несовершеннолетних в преступления.

С квалификацией вовлечения в совершение преступления путем обмана тоже возникают проблемы: в упомянутом постановлении Пленума ВС РФ содер-

жание обмана не разъясняется, и доктринальное толкование данного способа вовлечения не отличается единообразием. А именно, мнения ученых расходятся по поводу того, считать ли вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, если взрослый ввел его в заблуждение относительно предстоящих действий таким образом, что в результате этого несовершеннолетний не считает их преступными (и даже аморальными) по самой сути.

Например, О., находясь на лестничной площадке 7 этажа, складным ножом сломал замок противоугонного троса, которым был пристегнут к батарее велосипед стоимостью 16 300 руб., принадлежащий Д. Затем он ввел в заблуждение о принадлежности данного велосипеда несовершеннолетнюю Ж., которая не была осведомлена об истинных намерениях О. В результате этого Ж. по указанию О. беспрепятственно взяла велосипед и переместила его по указанию О. в другое место. Суд квалифицировал действия О. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (без признака «группа лиц по предварительному сговору») и по ч. 1 ст. 150 УК РФ (хотя Ж. не знала, что она совершает преступление) [8].

Судья ВС РФ – Е. В. Пейсикова признает подобную квалификацию (в части ст. 150 УК РФ) правильной, поскольку она предлагает считать способом вовлечения в совершение преступления такой обман, при котором «несовершеннолетний не осознает, что он совершает преступление, добросовестно заблуждается в принадлежности изъятых ценностей» [5. с. 493].

Есть другие определения обмана:

1) «обманом признается умышленное искажение или сокрытие истины с целью ввести несовершеннолетнего в заблуждение. Содержание обмана могут составлять сведения о фактических обстоятельствах преступления либо о наказании за его совершение» [6, с. 344];

2) «обман – введение несовершеннолетнего в заблуждение с целью побудить его к участию в преступлении (например, вовлечь несовершеннолетнего в драку, приведшую к причинению потерпевшему ...вреда здоровью, путем ложного сообщения о том, что потерпевший якобы грубо оскорбил знакомую девушку; приобщить подростка к совершению преступления, заведомо ложно проинформировав о том, что он в силу возраста не подлежит уголовной ответственности)» [10, с. 128].

Однако в этих определениях ничего не говорится о том, считать ли способом вовлечения такой обман, в результате которого несовершеннолетний не считает действия, в которые его вовлекают, преступными (как в приведенном выше примере).

В такой ситуации необходимо обратиться к комментарию советского ученого – Марии Ильиничны Блум, проведшей масштабное изучение рассматриваемой проблемы. Изучив современное ей законодательство и 179 уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство, она однозначно указала, что несовершеннолетний должен осознавать, что взрослый склоняет его к преступному, недозволенному, аморальному поведению. Если же «несовершеннолетний не сознает, что выполняемое им по предложению взрослого действие является недозволенным или аморальным, то отсутствует состав преступления» [1, с. 174].

Мы согласны с такой точкой зрения, поскольку объектом рассматриваемого преступления является нормальное физическое, психическое и нравственное развитие несовершеннолетнего. И если в сознание несовершеннолетнего не внедряется установка на совершение преступления (т. е., если несовершеннолетний не воспринимает свои будущие действия в качестве как минимум аморальных, недозволенных и осуждаемых обществом), то вряд ли можно согласиться с тем, что данный объект претерпевает вред. Следовательно, состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в данном случае будет отсутствовать.

Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления должен быть доказан и четко обозначен («расписан») следователем (дознавателем) в процессуальных документах:

а) протоколах следственных действий (допросов, очных ставок);

б) постановлениях (в частности, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого);

в) итоговых документах (обвинительном заключении, обвинительном акте).

Процесс доказывания способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления включает следующие действия следователя (дознавателя):

1. Определение предмета доказывания (какие именно сведения нужно выяснить), например: в какой форме взрослым было высказано предложение совершить преступление (устно, письменно, с использованием средств связи); использовались ли при этом какие-либо средства передачи информации (телефон, электронная почта, социальные сети и т. д.); какими именно словами высказано предложение совершить преступление и так далее.

Для того чтобы исчерпывающе определить предмет доказывания в отношении способа рассматриваемого преступления, необходимо уяснить содержание каждого способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, как это было сделано выше в отношении таких способов как обман и предложение совершить преступление (иной способ).

2. Получение (собирание) доказательств, включающее их надлежащее оформление, а именно:

– допрос несовершеннолетнего в качестве потерпевшего;

– допрос свидетелей, которые прямо или косвенно могут подтвердить способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (например, угрозы уничтожения имущества);

– допрос взрослого в качестве подозреваемого в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления.

3. Проверка собранных доказательств – сопоставление их между собой, убеждение в их достоверности (например, проведение очной ставки между несовершеннолетним потерпевшим и взрослым подозреваемым или обвиняемым, производство освидетельствования с целью обнаружения на теле несовершеннолетнего потерпевшего следов физического воздействия, которое использовалось как способ вовлечения его в совершение преступления, и т. д.).

Что касается фиксации способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в протоколах следственных действий (допросов, очных ставок), то в этих протоколах необходимо максимально подробно расписывать

действия, составляющие способ вовлечения: время, дату, место, обстоятельства, конкретные слова, действия вовлекателя и прочее. Например (из показаний несовершеннолетнего, включенных в приговор суда):

«ДАТА в послеобеденное время я находился в общежитии по месту своего жительства. В это время ко мне пришли ФИО5 (несовершеннолетний – примениавтора) и Титов (вовлекатель – прим автора). Мы немного постояли возле общежития и решили прокатиться по городу. Титов вызвал автомобиль такси и позвал меня и ФИО5 прокатиться. Мы согласились и сели в автомобиль. Поехали в центр города. Скоро мы подъехали к торговому центру по адресу: АДРЕС. Водитель остановил автомобиль, и все вышли. Титов попросил водителя подождать нас. Отойдя от автомобиля, Титов сообщил мне и ФИО5, что есть возможность без оплаты из магазина взять вещи, т. е. украсть их, при этом пообещал нам, что если удастся украсть их, то мы возьмем каждый по понравившейся нам вещи. Сначала ни я, ни ФИО5 не соглашались идти и воровать вещи, так как боялись, что за совершение кражи нас могут привлечь к уголовной ответственности. Об этом мы сказали Титову. Но он стал нас уговаривать, говорить, что за совершение преступления нам ничего не будет, так как мы несовершеннолетние, и никто не сможет привлечь нас к ответственности. Мы ему поверили. Также Титов сказал, что мы (т. е. я, ФИО5 и Титов) украдем вещи быстро, и никто не узнает, что украли вещи именно мы. После долгих уговоров мы (я и ФИО5) согласились помочь Титову украсть вещи. К тому же, мне очень хотелось приобрести себе какую-нибудь новую вещь, но денег не было...» [7].

Собранные и проверенные данные относительно способа вовлечения подлежат грамотному и достаточно подробному описанию в процессуальных документах, имеющих ключевую роль в материалах уголовного дела: постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении (обвинительном акте). Например (на основе того же приговора суда):

«...Титов вовлек несовершеннолетних ФИО4 и ФИО5 в совершение преступления путем обещаний, обмана и иным способом (предложением совершить преступление), а именно: предложил совершить кражу, пообещал выгоду в виде присвоения одной из похищенных вещей (на выбор ФИО4 и ФИО5) и ввел в заблуждение о дальнейшей их безнаказанности в силу несовершеннолетнего возраста...» [7].

Таким образом, для доказывания способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления необходимо уяснить содержание каждого из способов, перечисленных в диспозиции ст. 150 УК РФ. При этом следует иметь в виду, что «иной способ» вовлечения, выразившийся в предложении совершить преступление, должен быть оценен в совокупности с такими условиями вовлечения как авторитет взрослого, доверительные отношения между взрослым и несовершеннолетним, значимость указаний взрослого для несовершеннолетнего.

Обман как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления должен исключать такое поведение вовлекателя, в результате которого несовершеннолетний не может воспринимать действия, в которые его вовлекают, как преступные или, как минимум, аморальные и неодобряемые обществом.

Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления должен быть подробно описан в протоколах следственных действий (допросов, оч-

ных ставок), с указанием времени, даты, места, обстоятельств вовлечения, конкретных слов и действий вовлекателя, и прочего.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительном заключении, обвинительном акте) необходимо указывать конкретный способ (или несколько способов) вовлечения несовершеннолетнего – так, как он указан (они указаны) в диспозиции ст. 150 УК РФ, а также раскрывать содержание конкретных действий взрослого лица в части, касающейся способа совершения рассматриваемого преступления (так, как показано в вышеприведенном примере).

Библиографический список

1. Блум, М. И. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство / М. И. Блум // Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей (Уч. зап. ЛГУ имени П.И. Стучки. Т. 135). – Рига, 1971. – С. 171–188.

2. Гарманов, В. М. Квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления : учебно-практическое пособие / В. М. Гарманов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2014. – 90 с.

3. Гребнева, Н. Н. Анализ основных способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Н. Н. Гребнева // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – Оренбург, 2015. – № 23. – С. 64–66.

4. Жмуркина, Н. А. Основы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления / Н. А. Жмуркина // Уголовная политика России на современном этапе состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей международной научно-практической конференции. – М. : Академия управления МВД России, 2018. – С. 71–74.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – М. : изд-во «Юрайт», 2012. – 1359 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). – 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2017. – 1072 с.

7. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска по уголовному делу № 1-169/17 от 6 июня 2017 г. // Сайт «Судебная практика». – URL: http://sud-praktika.ru/precedent (дата обращения: 01.03.2020).

8. Приговор Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга по уголовному делу № 1-82 от 21 февраля 2017 г. // Сайт «Судебная практика». – URL: http://sud-praktika.ru/precedent.

9. Сокол, Е. В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий в современной России / Е. В. Сокол // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 4 (26). – С. 102–106.

10. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – 836 с.

Фадеев П. В.[1]*,*
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящий период правовая помощь выступает важной гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем современная общая теория права и уголовно-процессуальная наука, нормы уголовно-процессуального закона и правоприменительная практика не рассматривают ее в качестве самостоятельной интегральной категории [10, с. 23]. Научные работы о правовой помощи (содействии) как комплексной научной и законодательной категории наметили только общие пути формирования теоретической модели правовой помощи в уголовном процессе [5, 9].

Такой подход, не признающий интегральный характер правовой помощи, влечет за собой не только разнообразную трактовку ее содержания в законодательстве, юридической литературе и на практике, но и существенное умаление ее потенциальных возможностей в реализации назначения уголовного процесса, совершенствовании норм уголовно-процессуального и иного права.

Между тем мониторинг правоприменительной практики, норм международного и уголовно-процессуального права, различных источников монографического и учебного характера по вопросам оказания правовой помощи участникам уголовного судопроизводства на национальном и международном уровнях свидетельствует, с одной стороны, об особенностях правовой помощи в этой сфере, о наличии специфического механизма, имеющего свою внутреннюю структуру, о системе разнообразных правоотношений, регламентируемых нормами уголовно-процессуального закона и других отраслей права, с другой стороны, о целесообразности определения ее теоретической модели, позволяющей теоретически и нормативно обосновать комплексный характер правовой помощи в уголовном процессе, а также связанные с этим перспективы совершенствования норм уголовно-процессуального закона, прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Учитывая особенности правовой помощи в уголовном процессе, а также основываясь на мнении различных ученых, исследующих отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности [2, 6], теоретическая модель правовой помощи в уголовном процессе включает в себя различные элементы.

Во-первых, комплекс научных положений о ее теоретических и правовых основах. В их числе целесообразно отметить вопросы, разъясняющие сущность

[1] © Фадеев П. В., 2020.

и основные признаки правовой помощи, ее место и роль в реализации назначения уголовного судопроизводства, в системе его принципов, гарантий и субъективных прав, в категориальном аппарате и типологии науки уголовно-процессуального права.

Например, анализ нормативных правовых актов и юридической литературы, позволяет сделать вывод, что государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, и их должностные лица, наряду с обеспечением, защитой и охраной прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, оказывают правовую помощь. При этом такие участники обладают правом на правовую помощь в уголовном процессе, позволяющее им обратиться за содействием в государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, к адвокату и иным лицам, а также потребовать от них исполнения возложенных обязанностей или взятых обязательств. Как показали результаты анкетирования, 85,8 % опрошенных должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, полагают, что они оказывают правовую помощь потерпевшему, 82,5 % – оказывают правовую помощь подозреваемому и обвиняемому.

Во-вторых, обоснование ее как разновидности уголовно-процессуальной деятельности, имеющей определенную внутреннюю структуру, состоящей из взаимосвязанных между собой базовых элементов. Следует отметить, что указанные элементы характеризуют самостоятельный механизм правовой помощи в уголовном судопроизводстве, включающий в себя совокупность различных субъектов, соответствующих правовых средств и объект, реализуемый стоящими целями.

При этом деятельность по правовому содействию могут осуществлять иные лица, как являющимися участниками уголовного процесса (близкие родственники), так и не признающимися ими (частные детективы, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации). Исходя из состава его субъектов, используемых правовых средств, а также наличия цели на национальном и международном уровнях, целесообразно выделить следующие самостоятельные механизмы: 1) внутригосударственной правовой помощи; 2) международной правовой помощи; 3) квалифицированной юридической помощи; 4) правового содействия с участием иных лиц [9, с. 84].

В-третьих, комплекс научных положений об уголовно-процессуальных отношениях, составной частью которых являются правовые отношения при оказании правовой помощи. Это связано с тем, что такие уголовно-процессуальные отношения имеют: 1) расширенный субъектный состав; 2) специфический объект, которым являются субъективные права и материальные блага, незаконно нарушенные в результате преступления или злоупотребления властью или находящиеся под угрозой такого нарушения при производстве по уголовному делу; 3) содержание, включающее правомерную деятельность его участников, наделенных законом корреспондирующими правами и обязанностями.

Представляется, что лицо, пострадавшее в результате преступления: 1) имеет право на правовую помощь непосредственно с момента совершения в отношении него преступления или реальной угрозы его совершения; 2) выполняет

функции, связанные с деятельностью по восстановлению нарушенных прав и уголовному преследованию виновного в целях его изобличения в совершении преступления и рассмотрения уголовного дела судом. В тоже время лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, отличается от лица, получившего статус подозреваемого в ином порядке: 1) по статусу; 2) по степени ограничения свободы передвижения; 3) по срокам ограничения прав; 4) по основаниям признания; 5) по порядку избрания меры пресечения в виде заключения под стражу судом; 6) по наличию дополнительных условий признания [4].

В-четвертых, деятельность государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, адвокатов (защитников, представителей), иных лиц по оказанию правовой помощи участникам уголовного процесса.

По нашему мнению, к иным лицам, оказывающих правовую помощь в уголовном судопроизводстве, могут относиться не только участники уголовного процесса (например, близкие родственники), но и лица, не признанные в таком качестве при производстве по уголовному делу (частные детективы, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и др.). О наличии и возможности оказания правовой помощи иными лицами, не являющимися субъектами уголовного процесса, указывают 69 % опрошенных лиц.

На наш взгляд, такой подход позволит не только представить теоретическую модель правовой помощи в уголовном процессе, но и определить проблемы уголовного судопроизводства, а также наметить пути совершенствования норм уголовно-процессуального и других законов, а также прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса и нуждающихся в правовом содействии [3].

Например, рассмотрение правовой помощи в качестве интегрированной правовой категории уголовно-процессуального права, позволяет обратить внимание на положения уголовно-процессуального закона, умаляющие права и свободы участников уголовного процесса. В их числе положения, в которых не признается процессуальный статус потерпевшего в качестве родового по признаку причиненного вреда для частного обвинителя, гражданского истца и заявителя; отсутствует понятие фактического задержания, не указаны права задержанного и процессуальное решение на данном этапе; процессуальные статусы адвоката, защитника и представителя отличаются друг от друга и общеправового статуса адвоката и т. д.

Библиографический список

1. Арабули, Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.09. – Челябинск, 2010. – С. 33–35.

2. Дмитриева, А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.09. – М., 2017.

3. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

4. Иванов, Д. А. Значение деятельности органов предварительного расследования по возмещению вреда, причиненного преступлениям, как фактор противодействия преступности / Д. А. Иванов // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития материалы межведомственного Круглого стола. 2018. – С. 105–109.

5. Латыпов, В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ : монография / В. С. Латыпов. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

6. Насонова, И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: монография / И. А. Насонова ; под ред. О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2011. – С. 27–29.

7. Панченко, В. Ю. Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов : монография / В. Ю. Панченко. – М. : Проспект, 2014. – 152 с.

8. Таланов, Д. В. Правовая помощь как объект общетеоретического анализа : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. – Н. Новгород, 2011. – 35 с.

9. Фадеев, П. В. Классификация механизма правовой помощи в уголовном судопроизводстве / П. В. Фадеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 6. – С. 84–90.

10. Фадеев, П. В. Правовая помощь в уголовном судопроизводстве как комплексная законодательная и научная категория / П. В. Фадеев // Российский следователь. – 2016. – № 7. – С. 23–26.

Федулова И. И.[1]**,**
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопросы, касающиеся первоначального этапа уголовного судопроизводства долгое время являются предметом обсуждения среди многих ученых и процессуалистов. В научных кругах имеются различные точки зрения относительно проверочных действий, осуществляемых на данном этапе: от предложений их расширить до мнений о сокращения перечня следственных действий, допустимых на первоначальной стадии уголовного судопроизводства и даже ее ликвидации. [1, с. 103]. Интересна позиция законодателя по рассматриваемому вопросу. За последние годы в УПК РФ вносились различные изменения, регламентируюшие порядок процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Со стороны законодателя мы видим тенденцию, направленную на расширение круга проведения следственных действий, проводимых в рамках этапа возбуждения уголовного дела [2]. Также законодателем вносились изме-

[1] © Федулова И. И., 2020.

нения в уголовно-процессуальное законодательство относительно расширения поводов возбуждения уголовного дела и изменения, корректирующие сам порядок возбуждения уголовного дела. Следует сказать, что с одной стороны данные изменения совершенствуют порядок проверки сообщения о преступлении, но с другой стороны прослеживается некоторая нелогичность законодателя в формулировках отдельных положений, что приводит к некой хаотичности в применении этих положений в практической деятельности. Так, например, в настоящее время в рамках проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела можно проводить такое следственное действие как освидетельствование. Но в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование можно провести только в отношении определенных субъектов уголовного судопроизводства, таких как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель. Однако на этапе возбуждения уголовного дела такие участники отсутствуют. Следовательно, возникает вопрос о правосубъектности участников доследственной проверки. Данную коллизию правовых норм, на наш взгляд, можно устранить путем внесения изменений в положения нормы ч. 1 ст. 179 УПК РФ, где указать, что при определенных предусмотренных законом обстоятельствах производство освидетельствования возможно и в отношении иных физических лиц. Данный вопрос возникает и при производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Дело в том, что у лиц, участвующих в процессе проведения предварительной проверки сообщения о преступлении должны быть соответствующие права на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта. Эти права у данных участников имеются, но только после возбуждения уголовного дела. В соответствии с УПК РФ дознаватель либо следователь обязаны ознакомить потерпевшего и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы, а позже с заключением эксперта. Поэтому и возникает вопрос, каким образом должна осуществиться эта процедура в ходе проверки сообщения о преступлении, когда необходимо назначить кукую либо судебную экспертизу [4, 5]. В практической деятельности дознаватели и следователи знакомят данных участников после возбуждения уголовного дела, так как существует процессуальный бланк ознакомления потерпевшего и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта. Данный факт подтвержден результатами проведенного нами анкетирования среди дознавателей и следователей по г. Москве и Московской области. 100 % из них подтвердили, что при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела знакомят с соответствующим постановлением уже потерпевшего и подозреваемого после возбуждения уголовного дела. Полагаем, что это нарушает права участников на этапе проверки сообщения о преступлении. Поэтому для решения этой проблемы предлагаем на законодательном уровне закрепить права участников проверки сообщения о преступлении при назначении судебной экспертизы либо определить конкретный статус этих лиц на этапе возбуждения уголовного дела.

Следующим проблемным вопросом рассматриваемой нами стадии возбуждения уголовного дела является вопрос о возможности лица, проводящим доследственную проверку истребовать и изымать необходимые предметы и доку-

менты. Данный способ проверки закреплен в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Однако в УПК РФ такое следственное действие как «изъятие» не предусмотрено и законодатель не прописал, каким образом должна осуществляться эта процедура и каков должен быть порядок фиксации этого действия. С одной стороны изъятие можно произвести, но только в рамках производства осмотра места происшествия, выемки, обыска, личного обыска. Однако выемка, обыск, личный обыск – это следственные действия и нормы УПК РФ, регламентирующие порядок ее производства содержат прямое указание на их производство в рамках предварительного расследования, т. е. когда уголовное дело уже возбуждено. Кроме того, следует учитывать тот факт, что ряд документов, которые в рамках проверочных мероприятий необходимо изымать (например, медицинская карта на имя пострадавшего лица или документы содержащие банковскую тайну) содержат охраняемую законом тайну и могут изыматься только по решению суда в рамках, опять же, уже возбужденного уголовного дела в ходе производства выемки. Учитывая изложенное, полагаем, что данный пробел можно устранить путем внесения соответствующих корректировок в УПК РФ, позволяющим производить изъятие необходимых предметов и документов а рамках проверки сообщения о преступления без негативных правовых последствий [6].

Рассматривая вопросы первоначальной стадии уголовного дела, следует затронуть еще одну важную проблему, которая касается ознакомления заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении, если это связано с отказом в возбуждении уголовного дела.

На сегодняшний день в УПК РФ нигде не закреплено право заявителя на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении в случае отказа в возбуждении уголовного дела. И здесь следует отметить тот факт, что в соответствии с разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации, закон не препятствует лицам, чьи права и свободы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, в ознакомлении с материалами проверки, проведенной по сообщению о преступлении или заявлению [3]. А позиция Конституционного Суда Российской Федерации в силу ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» является общеобязательной для правоприменителя.

Полагаем, что заявителю необходима возможность изучения фактических материалов, послуживших основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Считаем, что необходимо это, в первую очередь, для подачи своевременной, грамотной и квалифицированной жалобы на решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Необходимость предоставления заявителю права на ознакомление с материалами проверки подтвердилась результатами проведенного нами анкетирования должностных лиц органов дознания по г. Москве и Московской области. 90 % из них согласились с тем, что необходимо предоставлять заявителю права на ознакомление с материалами проверки, по которым принято решение о возбуждении уголовного дела во избежание определенных правовых последствий.

Учитывая изложенное, считаем необходимым на законодательном уровне закрепить право заявителя на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении должно быть закреплено в УПК РФ.

Проведенный нами анализ некоторых проблем стадии возбуждения уголовного дела позволяет констатировать тот факт что нормы УПК РФ, регламентирующие порядок и саму деятельность проведения проверки сообщения о преступлении далеко не совершенны, что говорит о необходимости внесения соответствующих изменений в указанные нормы уголовно-процессуального законодательства направленные на его совершенствование.

Библиографический список

1. Александров, А. С. Стадия возбуждения уголовного: ликвидировать нельзя оставить / А. С. Александров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 31.

2. Федеральным закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 62 и 603 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. – № 48. – 2013. – 6 марта.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 г. № 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 1.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 3.

6. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

7. Иванов, Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением / Д. А. Иванов // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

Филатова И. В.[1]**,**
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук, доцент

ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Защита имущественных интересов государства, частной, муниципальной и иных форм собственности в уголовном судопроизводстве определена в качестве приоритетной цели.

Результативность этой работы является одним из основных критериев успешности осуществления уполномоченными органами функций по реализации ключевых положений Конституции Российской Федерации.

В вопросах нанесения убытков государству экономические преступления считаются одними из самых опасных. Они попадают под определение, когда совершенное деяние относится к посягательствам на финансовую систему страны из корыстных побуждений, с использованием управленческих прав, полномочий и финансовых операций. Как и другие правонарушения, экономические преступления имеют различную степень тяжести и зависят от рода деятельности субъекта, их совершившего. Экономическое преступление законодательство рассматривает как нанесение государству убытка, совершенное с целью незаконного обогащения физическим или должностным лицом.

В современных условиях развития система преступлений, сосредоточенных в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охватывает три группы деяний, а именно:

Преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ст.ст. 169–172, 172.2–175, 178–180, 183–184, 191.1, 195–197, 200.3 УК РФ).

Преступления в финансово-кредитной сфере (ст.ст. 1721, 176–177, 181, 185–187, 191, 192, 198–199.2 УК РФ).

Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля (ст.ст. 188–190, 193–194, 200.1–200.2 УК РФ).

По статистике МВД России, именно преступлений экономической направленности в 2019 г. было выявлено более 104 тыс. экономических преступлений, вред от них составил 447,2 млрд руб.

Стоит отметить, что общий вред от преступности в стране по итогам 2019 г. составил 627,7 млрд руб. Этот показатель на 11,5 % выше уровня 2018 г. Более половины зарегистрированных преступлений (53,5 %) составили хищения чужого имущества.

---

[1] © Филатова И. В., 2020.

За 1 квартал 2020 г. вред от преступлений составил 91,9 млрд рублей, что на 17,7 % меньше аналогичного показателя прошлого года. Причем 86,8 % вреда приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа. Также за три месяца увеличилось число экономических преступлений, а материальный вред от них составил более 56 млрд рублей, что уже составляет почти 13 % от вреда, выявленного в 2019 г.

Объем хищений денежных средств из федерального бюджета по оценкам Счетной палаты Российской Федерации составляет 2–3 млрд руб. в год. При этом общий объем финансовых нарушений, которые выявили аудиторы в 2019 г., оценивается в 804 млрд руб. Примерно треть из них – нарушения бухгалтерского учета, их исправляют по ходу проверок, еще треть – это нарушения процедур закупок, которые не являются уголовными преступлениями.

Подозреваемыми по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики чаще всего являются должностные лица. В качестве обвиняемых по расследуемому уголовному делу могут привлекаться индивидуальные предприниматели, директора предприятий и даже представители власти, т. е. лица, которые напрямую распоряжались финансами и наносили своими действиями экономический вред государству умышленно [5].

Страдают от таких преступлений не только граждане, но и государство – его бюджетная система, так как вред, причиняемый бюджету, исчисляется миллионами и в большинстве случаев не возмещается.

Анализ следственной практики показывает, что основные трудности при проведении первоначальных проверочных мероприятий по таким уголовным делам по-прежнему связаны с документированием доказательственной базы, а также с разграничением гражданских и уголовно-правовых отношений в анализируемой области [2]. Здесь сказывается нехватка квалифицированных специалистов, а также экспертных организаций, в том числе для определения размера причиненного вреда. Несмотря на принятие мер, проблема возмещения вреда, причиненного преступлениями экономической направленности, остается острой. Это объясняется следующими основными аспектами [5].

Во-первых, в качестве представителей потерпевших по таким делам, в основном, признаются должностные лица органов исполнительной власти и местного самоуправления, которые, к сожалению, неохотно взаимодействуют со следствием, зачастую отказываются от признания их потерпевшими по уголовному делу, мотивируя позицию отсутствием вреда, либо отсутствием полномочий по представлению интересов государства.

Во-вторых, это сложность возмещения вреда при расследовании налоговых преступлений, размер которого, как правило, исчисляется миллионами, а то и десятками миллионов рублей. По делам о таких преступлениях имущественную ответственность обычно несут юридические лица, не обладающие на момент расследования каким-либо имуществом. Суды, отказывая в удовлетворении ходатайств о наложении ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого), т. е. физического лица, указывают, что обязанность по возмещению вреда лежит не на физическом лице, а на организации. Однако у самой организации имущества, за счет которого могло быть в дальнейшем произведено взыскание, не оказывается.

Также стоит отметить, что такая мера уголовно-процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, зарекомендовала себя достаточно действенной. Однако в большинстве случаев, еще до уголовного преследования, подозреваемые по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики принимают всевозможные попытки распродажи имущества, закрытия расчетных счетов в банках, обналичивания денежных средств [3].

Нередки на практике и проблемы, связанные с определением размера вреда и конкретного субъекта, которому он причинен (физическому или юридическому лицу, учредителям, кредиторам, акционерам, работникам и другим). Например, в настоящее время сформировалась противоречивая судебная практика при рассмотрении ходатайств о наложении ареста на имущество по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов с организации (ст.ст. 199 и 199.1 УК РФ). Так у судов на сегодняшний день нет единой правовой позиции относительно того, на чье имущество следует налагать арест, физического или юридического лица [1].

В одних случаях суд исходит из того, что невозможно наложить арест на имущество юридического лица, поскольку ущерб от совершения налогового преступления причиняется физическим лицом. В других случаях считает, что имущество физического лица не подлежит аресту, поскольку в соответствии с налоговым законодательством лицом, юридически обязанным платить налоги, выступает не должностное лицо организации, а сама организация-налогоплательщик.

Разрешая же вопрос на практике Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении конкретного уголовного дела указал, что руководитель (учредитель) организации, совершая противоправные действия, руководствуется преступным умыслом, направленным на уклонение от уплаты налогов, реализовав который, причиняет вред бюджету Российской Федерации. В связи с этим нести гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный налоговым преступлением, должно физическое лицо. Какой-либо ясности в разрешении данной коллизии не внес Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что вопрос о том, кто должен возместить вред в случае уклонения от уплаты налога с организации – физическое или юридическое лицо, разрешается в каждом конкретном деле с учетом имеющихся доказательств.

Коллизия налогового, гражданского и уголовно-процессуального законодательств в вопросе возмещения вреда породила и случаи, когда в одном и том же субъекте Российской Федерации принимаются диаметрально противоположные решения [4].

Также сложность расследования преступлений экономической направленности состоит в том, что соучастниками преступной деятельности, являются бывшие сотрудники правоохранительных органов, которые знали методы проведения оперативно-разыскных мероприятий и принимали при совершении противоправных действий соответствующие меры конспирации и предосторожности. Следователю приходится выполнить значительный объем следственных и процессуальных действий, провести множество судебных экспертиз

и исследований для сбора значимых и неопровержимых доказательств, изобличающих обвиняемых в совершении преступлений.

Таким образом, на сегодняшний день, вопросы возмещения вреда и наложения ареста на имущество в правоприменительной практике являются одними из самых сложных и противоречивых, в том числе и при расследовании преступлений экономической направленности.

Несмотря на то, что в целях выполнения задач по возмещению вреда, причиненного преступлениями, правоохранительными, контролирующими и надзорными органами реализован комплекс различных мер координирующего, практического и методического характера, эта работа требует дальнейшей консолидации усилий правоохранительных органов всех ведомств в целях максимальной защиты конституционного права частной собственности, законных интересов юридических лиц и государства.

Результативность этой работы является одним из основных критериев эффективности осуществления уполномоченными органами функций по реализации ключевых положений Конституции Российской Федерации.

Библиографический список

1. Иванов, Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением / Д. А. Иванов // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

2. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

3. Крупенин, Г. Р. Возмещение вреда деловой репутации юридическим лицам, потерпевшим от преступлений / Г. Р. Крупенин, Д. А. Иванов // Российский следователь. – 2008. – № 24. – С. 5–8.

4. Иванов, Д. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, по законодательству Российской Федерации в сравнении с опытом зарубежных государств / Д. А. Иванов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 5. – С. 17–20.

5. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

Филиппов Д. В.[1],
первый заместитель начальника
Главного управления внутренних дел
Московской области,
кандидат юридических наук

ВНОВЬ ОБ ИНСТИТУТЕ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ: МНЕНИЕ ПРАКТИКА

Пунктом 4 перечня поручений Президента Российской Федерации от 29 января 2020 г. № Пр-126 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее по тексту – Совет) Верховному Суду Российской Федерации (далее по тексту – Верховный Суд) рекомендовано в срок до 1 июня т.г. рассмотреть вопросы о целесообразности введения института следственного судьи, а также внести соответствующие предложения [5].

В основу поручения легла давно обсуждаемая учеными и практиками мысль о необходимости разграничения полномочий между судьями, рассматривающими дело по существу, и судьями, обеспечивающими соблюдение прав человека в досудебной стадии (рассмотрение ходатайств об избрании и продлении меры пресечения и меры процессуального принуждения, производстве требующих судебного разрешения следственных действий, рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Данное разделение судебных полномочий, по мнению высказавшего свои предложения 10 декабря 2019 г. на заседании Совета вице-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Г. М. Резника сможет приостановить усиление обвинительного настроя, характерного для российских судов [7].

11 февраля т.г. председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев, подводя итоги деятельности судебной системы в 2019 году на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, напомнил, что Верховным Судом в последние годы обсуждается вопрос о введении института следственного судьи для рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, об избрании и продлении меры пресечения, рассмотрения жалоб на действия, бездействие и решения органов предварительного расследования и дознания, депонирования доказательств [2].

Идея введения данного института не является новой для правовой мысли нашего государства. Сторонниками разделения судебных полномочий являются А. В. Смирнов, В. Д. Зорькин, Т. Г. Морщакова, М. Ю. Барщевский, В. Н. Мысловский, А. А. Клишас, Б. Ю. Титов и др.

Ряд исследователей проводят аналогии с существовавшим в Российской империи институтом судебного следователя. Что, по мнению ряда ученых и автора, некорректно. Должность судебного следователя, введенная Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. подразумевала широкие полно-

[1] © Филипов Д. В., 2020.

мочия и во многом соответствует процессуальному функционалу современных следователей и дознавателей.

Так, судебный следователь мог самостоятельно возбуждать уголовное преследование, принимать необходимые для расследования меры, поручать полиции производство дознаний и давать указания о сборе справок, производить обыски и выемки, избирать меру пресечения. При необходимости производства отдельных процессуальных действий судебный следователь обращался за согласием на их проведение в окружной суд [9, с. 1742].

Активное обсуждение необходимости формирования следственных судей имело место в 2014–2015 гг. В 2015 г. Верховным Судом подготовлены предложения по созданию института следственных судей, подготовленные во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 14 октября 2014 г. № Пр-2783.

Однако тогда этот вопрос был отложен в связи с многочисленными вопросами к предложенной концепции этого института и приоритетом введения новых кассационных и апелляционных инстанций.

К недостаткам действующего УПК разработчиками отнесены:

– процессуальное неравноправие стороны защиты и обвинения, отсутствие фактической возможности формирования доказательств стороной защиты;

– формальный и ограниченный судебный контроль за соблюдением прав участников процесса на досудебной стадии.

Задача следственного судьи состоит в осуществлении активного судебного контроля за расследованием без принятия на себя функции уголовного преследования.

В целом, по мнению автора, Концепция формирования института следственного судьи отсылала именно к Уставу 1864 г. В 2015 г. Верховным Судом предлагалось наделить следственного судью, в том числе, полномочиями по контролю законности и обоснованности возбуждения стороной обвинения уголовного преследования (уголовного дела) против конкретного лица либо отказа в его возбуждении, предъявления стороной обвинения первоначального обвинения (постановления о привлечении в качестве обвиняемого), приостановления предварительного расследования, окончательного обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; по проведению по ходатайству сторон – обвинения и защиты – так называемых судейских следственных действий в целях легализации предварительно собранными сторонами сведений в качестве судебных доказательств; по назначению на стадии расследования судебных экспертиз; по принятию по ходатайству стороны обвинения итогового для стадии предварительного расследования решения о передаче дела с обвинительным заключением в суд.

При этом подразумевалось дискретное осуществление функций следственным судьей, в форме судейских следственных и иных процессуальных действий, в промежутках между которыми расследование в установленном порядке осуществляют только стороны.

Предусматривалась также возможность предоставления сторонами собранных ими протоколов, предметов на последующих судебных стадиях в случае

незаинтересованности в немедленной легализации из соображений процессуальной тактики.

Предлагался дифференцированный порядок расследования с участием следственных судей – по делам о преступлениях об особо тяжких, тяжких преступлениях и ряда преступлений средней степени тяжести. С учетом указанной выше предметной подследственности институт следственных судей предполагалось ввести на уровне областных, краевых и республиканских судов.

Разработанный механизм реформирования судебной системы и функционал следственных судей подвергся обоснованной критике со стороны как ученых, так и практиков. Нет единообразия во мнениях и в настоящее время. При этом доводы противников не лишены смысла.

Против создания института следственных судей выступил бывший генеральный прокурор России В. Г. Степанков. По его мнению, данное предложение «противоречит принципам деятельности судебной системы, суд в период следствия должен оставаться как можно дольше от него и независимо оценивать доводы следствия и защиты по поступившему для рассмотрения по существу делу. Функционалом следственных судей должна заниматься прокуратура» [8].

Профессор Л. В. Головко также отрицает необходимость введения данного института, как проявления «американизации». По его мнению, следственный судья может стать полноправным «хозяином процесса» на стадии предварительного следствия, что может быть «чревато разрушением не только правоохранительной, но и правозащитной систем» [1].

Анализируя целесообразность введения института следственного судьи необходимо четко разграничить предполагаемый статус данного субъекта уголовного судопроизводства. Как верно заметили Н. Н. Ковтун и Т. С. Бухранова: «Если реформа касается непосредственно предварительного следствия, логично будет появление судебного следователя, а не следственного судьи (как это наблюдается в странах с континентальной системой права). В случае проведения планируемой реформы в некоторых аспектах судебного контроля (например, применение мер процессуального принуждения к субъектам уголовного процесса именно на досудебном этапе), то целесообразным будет появление следственного судьи, который будет выступать субъектом реализации юрисдикционной функции государства. Однако совмещение в одном (даже судебном) органе одновременно и следственных, и юрисдикционных функций объективно показало свою несостоятельность, ибо судья/следователь a priori не может быть одновременно эффективным субъектом расследования, и действительно беспристрастным субъектом контроля за законностью и обоснованностью (своих) основных актов» [3, с. 35].

По мнению автора, весомым аргументом в пользу введения института следственного судьи является ожидаемый положительный итог по снижению нагрузки на судебный аппарат, осуществляющий рассмотрение уголовных дел по существу, закрепление специализации судей, рассматривающих ходатайства следователей, а значит, симметричное повышение оперативности принятия таких решений и одновременное сокращение сроков рассмотрения дел.

Таким образом, при тщательной проработке механизма создания и функционирования, а также объема полномочий следственного судьи в условиях качественной реализации данный институт, по мнению автора, является эффективным инструментом реформирования судебной системы.

В отсутствие в настоящее время конкретных предложений по формированию института следственного судьи необходимо отметить следующие важные аспекты:

1. Полномочия следственного судьи могут быть возложены на судью, специально выделенного в составе суда для решения в период предварительного следствия вопросов, предусмотренных частями второй и третьей ст. 29 УПК. При этом они не должны подменять функции следователя и прокурора.

2. Введение института следственных судей в случае положительного решения данного вопроса, должно осуществляться, в первую очередь, на уровне районных и городских судов, так как подавляющее большинство уголовных дел расследуется в территориальных органах районного уровня. Сформулированное в 2015 г. предложение о введении следственных судей лишь на уровне областных, краевых и республиканских судов не учитывает протяженность территории регионов и не «приближает» судей к следователям для оперативного решения возникающих вопросов.

3. В случае принятия решения о наделении следственных судей полномочиями по депонированию полученных стороной защиты доказательств, необходима разработка четкого законодательного алгоритма предоставления депонированных судом доказательств следователю (дознавателю), осуществляющему предварительное расследование. Во-первых, для обеспечения предусмотренного п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК (Обвиняемый) права обвиняемого знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела в случае наличия в деле нескольких обвиняемых. Во-вторых, для обеспечения возможности оценки следователем доказательств в совокупности в целях исключения необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности.

4. Механизм реализации полномочий следственного судьи по депонированию доказательств требует особенно тщательной проработки в целях исключения возможного приоритета таких доказательств, обеспечения реализации предусмотренного ч. 2 ст. 17 УПК «Свобода оценки доказательств» принципа, согласно которому никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Библиографический список

1. Головко, Л. В. Следственный судья или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? / Л. В. Головко // Международная ассоциация содействия правосудию. – URL: https://www.iuaj.net/node/1740 (дата обращения: 12.03.2020).

2. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 11.03.2020).

3. Ковтун, Н. Н. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права / Н. Н. Ковтун, Т. С. Бухранова // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 35.

4. Морщакова, Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации / Т. Г. Морщакова // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/351 (дата обращения: 11.03.2020).

5. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченным по правам человека // Президент России. – URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/-orders/62700 (дата обращения: 11.03.2020).

6. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб., 2000.

7. Стенограмма заседания Совета от 10 декабря 2019 г. // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6004/ (дата обращения: 11.03.2020).

8. Степанков, С. Н. Комментарий инициативы создания института следственных судей Национальной службе новостей / С. Н. Степанков // НСН.ФМ. URL: https://nsn.fm/society/eks-genrokuror-vystupil-protiv-instituta-sledstvennyh-sudei (дата обращения: 12.03.2020).

9. Струкова, А. А. Судебный следователь в российском уголовно-процессуальном праве / А. А. Струкова, В. В. Конин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – С. 1742–1746.

10. Тришева, А. А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства / А. А. Тришева // Законность. – 2009. – № 7.

Химичева О. В.[1],
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ ЖАЛОБЫ ВО ВНЕСУДЕБНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ ОБЖАЛОВАНИЯ (ТЕЗИСЫ)

1. Одним из средств реализации участвующими в уголовном судопроизводстве лицами их субъективных уголовно-процессуальных прав, но недопущения злоупотреблений этими правами может стать совершенствование нормативных предписаний, устранение пробелов и противоречий в уголовно-процессуальных

[1] © Химичева О. В., 2020.

нормах, регулирующих подачу и рассмотрение жалоб, в том числе на досудебном этапе уголовного производства.

2. Ввиду отсутствия прямого регулирования уголовно-процессуальным законом заявитель может использовать любой способ принесения жалобы.

Вместе с тем новые способы передачи информации, отражающие объективно существующую тенденцию цифровизации всех сфер государственной и общественной жизни, активно проникают и в уголовное судопроизводство. Разнообразие форм вовлечения компьютерной информации не исчерпывается применением технических средств при производстве следственных действий или изъятием электронных носителей информации и копированием с них информации. Развитие различных интернет-сервисов позволяет перевести в электронный формат и процедуру принесения жалоб, как и всех прочих обращений участвующих в уголовном судопроизводстве лиц.

Нельзя отрицать бесспорного преимущества процедуры подачи жалоб в электронной виде: это сокращение сроков рассмотрения жалоб, уменьшение «бумажного» документооборота, возможность «удаленного» принесения жалобы заявителем и отслеживания им хода рассмотрения жалобы и проч.

3. Одним из шагов в этом направлении стало введение в июне 2016 г. в уголовно-процессуальный закон ст. 474.1, установившей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве.

Так, согласно ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ [1] ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью.

В указанной норме речь идет о подаче обращений (ходатайств, жалоб и проч.) в форме электронного документа в суд как в судебном, так и в досудебном производстве. Но возникает вопрос, распространяется ли этот порядок на внесудебные формы рассмотрения обращений участников уголовного судопроизводства?

4. На практике обращения в форме электронного документа подаются через онлайн-сервис интернет-сайт государственного органа (к примеру, территориального органа МВД России). При этом такие обращения, в том числе жалобы на незаконные или необоснованные процессуальные действия и решения вопреки ст. 124 УПК РФ, рассматриваются в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

Смешение двух различных порядков рассмотрения обращений (жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ и обращения в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ) недопустимо, это приведет к нарушению прав заявителя, обжалую-

щего в рамках уголовного процесса незаконные или необоснованные процессуальные действия (бездействие) и решения следователя, дознавателя и иных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Вместе с тем указанные интернет-сервисы не предусматривают каких-либо различий в процедурах подачи и рассмотрения обращений, поданных в электронном виде.

5. Сама возможность подачи в электронном виде жалобы во внесудебном порядке следует из ст. 474.1 УПК РФ, предусматривающей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве и не содержащей запрета на обращение в рамках уголовного дела с жалобой в электронном виде, являющимся разновидностью письменной формы обращения [7].

6. В связи с этим порядок направления жалоб в электронном виде в порядке ст. 124 УПК РФ нуждается в обстоятельном законодательном регулировании; необходимы и ведомственные акты, по аналогии с теми, которыми регулируется к подача такого рода жалоб в судах [3, 4, 5], которые устанавливали бы порядок подачи и рассмотрения таких жалоб в электронном виде с помощью онлайн-сервисов.

7. Применительно к внесудебному порядку обжалования в уголовно-процессуальном законе возможно следует установить некоторые требования к форме и содержанию жалобы: в частности, приводить данные заявителя; указывать, какое процессуальное действие (бездействие) и решение обжалуется, а также права, которые были им нарушены, сведения о принятых ранее по аналогичной жалобе решениях и др.

Соответственно, эти же сведения должны указываться в специальной онлайн-форме, размещенной на официальных сайтах государственных органов в сети Интернет, если жалоба подается в электронном виде.

8. Отдельное внимание необходимо уделить вопросу идентификации личности заявителя, подающего жалобу в электронном виде.

В целях достоверного установление личности заявителя, подающего жалобу в суд, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [6] указал, что документ в электронном виде (как электронный образ документа, так и электронный документ) должны содержать электронную подпись. Причем, как указывает Верховный Суд Российской Федерации, если речь идет об обращении в суд в рамках уголовного судопроизводства (ходатайстве, заявления, в том числе связанном с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалобе, представлении), то оно может быть подано в виде электронного документа, в виде электронного образа документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего.

Иными словами, если у лица нет усиленной квалифицированной электронной подписи, жалобу в электронном виде в суд оно подать не сможет.

В части внесудебных процедур обжалования вряд ли целесообразно устанавливать при подаче жалобы в электронном виде требование ее подписания

исключительно усиленной квалифицированной электронной подписью, поскольку далеко не каждый участник уголовного процесса обладает такого рода подписью, а значит, его право на обжалование будет серьезно ограничено. В то же время обеспечить достоверную идентификацию личности заявителя возможно в ходе проверки, проводимой руководителем следственного органа или прокурором по каждой поступившей жалобе.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (1). – Ст. 4921.

2. Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в последующих редакциях) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

3. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 46-П // СПС «КонсультантПлюс».

4. Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 сентября 2017 г. № 168 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 4.

7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 марта 2019 г. по делу № 10-4554/19 // СПС «КонсультантПлюс».

Хмелев С. А.[1]**,**
старший преподаватель
кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ (СООБЩЕНИЙ) О ПРЕСТУПЛЕНИИ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Миграционные потоки, происходящие в настоящее время в Российской Федерации, влекут в свою очередь обострение криминогенной обстановки. Так, по данным Главного управления по вопросам миграции (ГУВМ) за период с января по сентябрь 2019 г. в Российскую Федерацию въехало и было поставлено на учет 14 940 455 иностранных граждан, что кстати на 1 322 319 человек больше, чем за аналогичный период 2018 г. В данном случае стоит выделить тот факт, что было выдано разрешение на работу всего 91 391 мигрантам [3].

Со слов и.о. начальника ГУВМ МВД России полковника полиции В. Л. Казаковой (в настоящее время начальник генерал-майор полиции (прим. авт.) в 2018 г. в Российскую Федерацию въехало 17 млн человек и находилось на нелегальном положении около 2 млн человек [4].

Огромный поток иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию, следующих транзитом и в том числе оседающих на нелегальном положении влечет за собой осложнение криминогенной обстановки с участием этих граждан. Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за период с января по сентябрь 2019 г. иностранными гражданами было совершено 27 319 преступлений, из них только гражданами СНГ 24 243. В отношении же иностранных граждан, было совершено 12 594 преступления. При этом характерно то, что в отношении иностранных граждан было совершено на 6,4 % преступлений больше, чем за аналогичный период 2018 г. [3].

Существующая в иностранной среде преступность порождает в свою очередь и процесс осуществления предварительного расследования, которое в соответствии с требованиями ст. 156 УПК РФ) [5], начинается только с момента возбуждения уголовного дела.

Так, среди ученых процессуалистов в научной литературе часто возникают дебаты по поводу полномочий субъектов правоохранительной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Одни ученые высказываются за расширение полномочий соответствующих субъектов на данной стадии, другие, наоборот за их ограничение, ну а третьи и вовсе придерживаются позиции отмены данной стадии [1].

Не вдаваясь в научную полемику по данному поводу и руководствуясь действующим законодательством, рассмотрим особенности деятельности следова-

[1] © Хмелев С. А., 2020.

теля, дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела в случаях совершения преступлений, как в отношении иностранных граждан, так и самими иностранцами.

Иностранные граждане, участвуя в уголовном судопроизводстве обладают определенными особенностями в отличие от граждан. Эти особенности конкретно не закреплены в УПК РФ поскольку на стадии возбуждения уголовного дела, как правило, отсутствуют участники уголовного процесса.

Уголовное преследование в Российской Федерации начинается с момента возбуждения уголовного дела, но как поступить в том, случае если заявление, сообщение поступило от лица, не владеющего языком судопроизводства. При этом следует учитывать на каком языке поступило данное заявление. Оно может быть как на русском, так и на другом языке, которым владеет заявитель.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, изымать предметы и документы в соответствии с УПК РФ, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения и другие действия.

Таким образом, встает вопрос о том, какие же участники уголовного процесса принимают участие в проверочных действиях? Это безусловно дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, а также специалист, понятые.

Поскольку в УПК РФ, а именно в ст. 144 было введено положение о получении объяснения, то встает вопрос о том, как же получить это объяснение от иностранца, а именно не владеющего или частично владеющего языком судопроизводства. Как показывает практика дознаватели, орган дознания, следователь и иные уполномоченные субъекты получают показания от иностранцев, не вдаваясь в подробности о том, владеют они соответствующим языком или нет. При этом, иностранец, давая показания не всегда может понимать смысл задаваемых ему вопросов, а также ответы, которые он дает в ходе опроса.

Исходя из этого, субъект, принимающий решение о возбуждении уголовного дела, исходя из полученной информации может принять ошибочное решение по материалу, т. е., возбудить уголовное дело или наоборот отказать в его возбуждении.

Анализируя положения ч. 2 ст. 18 УПК РФ видится, что приглашение переводчика на стадии возбуждения уголовного дела лицу, не владеющему языком судопроизводства или недостаточно им владеющим предусмотрено приглашение переводчика для подачи заявления, дачи им объяснения, дачи показаний. В то же время, законодатель, почему-то это предусмотрел только в рамках уголовного дела, забыв при этом стадию возбуждения уголовного дела. Это же положение закреплено и в ч. 1 ст. 169 УПКРФ, в которой закреплено, что следователь привлекает для участия в следственном действии переводчика. Считаем, что имеющиеся в УПК РФ нормы, не совсем удовлетворяют процессуальные потребности лиц, не владеющих языком судопроизводства или недостаточно владеющих этим языком.

Кроме того, встает вопрос о том, кому субъект, проводящий проверку по заявлению, должен пригласить переводчика на стадии возбуждения уголовного дела? В каком процессуальном статусе находится лицо, обратившееся с заявлением о совершении в отношении него преступлении, в каком статусе находятся лица, являющиеся очевидцами преступления, т. е. лица, непосредственно наблюдавшие процесс совершения преступления? К сожалению, однозначного ответа на поставленные вопросы по данному поводу в действующем УПК РФ нет.

Так, лицо обратившееся с заявлением о преступлении в обиходе называют потерпевшим, однако понятие потерпевшего закреплено в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, т. е. физическое лицо которому причинен имущественный, физический или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением соответствующего субъекта, наделенным правом возбуждать уголовное дело. Таким образом, в соответствии с настоящим положением, лицо не может обладать статусом потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела.

На основании изложенного предлагаем придать процессуальный статус лицу, обратившимся с заявлением о совершении в отношении него преступления – заявитель. Законодательно закрепив данное понятие в п. 12.1 ст. 5 УПК РФ изложив его в следующем содержании: заявитель – лицо обратившееся в правоохранительные органы с заявлением (сообщением) о преступлении. Заявитель имеет право обращаться с заявлением (сообщением) о преступлении, пользоваться услугами адвоката (или иного доверенного лица) услугами переводчика, знакомиться с материалами проверки. Заявитель обязан давать объяснения и предоставлять предметы и документы, а также иную информацию по требованию компетентных должностных лиц.

Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела встает и вопрос о процессуальном статусе лица, непосредственно наблюдавшего событие совершенного преступления. Таковым лицом может быть и иностранец, не владеющий или недостаточно владеющий языком уголовного судопроизводства. В уголовно-процессуальном законе, а в частности в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ закреплено одно из оснований задержания лица в качестве подозреваемого: «когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление».

Таким образом встает вопрос, кто же это «очевидец»? Какими правами и обязанностями в уголовном процессе данное лицо обладает? Ответ на этот вопрос в действующем законодательстве, к сожалению, отсутствует. Тем более, что таковым «очевидцем» может являться иностранный гражданин, не владеющий или недостаточно владеющий языком судопроизводства. Которому в данном случае необходимо предоставить переводчика на стадии возбуждения уголовного дела. Согласно толкового словаря С. И. Ожегова: «Очевидец, дца, м. Тот, кто наблюдает, наблюдал какое-нибудь событие, явление. О. происшествия…» [2, с. 529]. Исходя из определения очевидец ясно, что это лицо, которое в настоящее время наблюдает какое-либо событие, либо ранее его непо-

средственно наблюдало. Для придания процессуального статуса данному лицу, по мнению автора, необходимо закрепить данное понятие в уголовно-процессуальном кодексе. Так, предлагаем внести в ст. 5 п. 24.1 УПК РФ понятие – очевидец. Очевидец – лицо, непосредственно наблюдавшее событие происшествия (преступления), которое обязано дать показания по требованию соответствующего должностного лица, а также имеет право воспользоваться услугами адвоката или иного доверенного лица, а также переводчика. Действующий п. 24.1 ст. 5 УПК РФ «получение информации» нумеровать как п. 24.2 ст. 5 УПК РФ.

Таким образом следует резюмировать, что при производстве проверки заявления (сообщения) о преступлении, в том числе и с участием иностранных граждан, следует внести дополнительные понятия в уголовно-процессуальный кодекс, с целью придания официального статуса участникам уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела. Придание официального статуса заявителя и очевидца предоставит им законные права и обязанности как участникам уголовного судопроизводства, а также предоставит права дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа, суду получать объяснения от заявителя и очевидца, истребовать необходимые документы и предметы имеющие значение по материалам проверки. Кроме того, введение статуса заявителя обяжет субъектов проводящих проверку привлекать к участию переводчика, знакомить заявителя по его заявлению с материалами проверки в случае принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Библиографический список

1. Иванов, Д. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, по законодательству Российской Федерации в сравнении с опытом зарубежных государств / Д. А. Иванов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 5. – С. 17–20.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.

3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: http://www.government.ru (дата обращения: 07.04.2020).

4. Петров, И. В МВД назвали число нелегальных мигрантов в России / И. Петров // Российская газета. – 2018. – дек.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020).

Шаров А. В.[1]***,***
начальник кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИЦИРОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДОКАЗЫВАНИИ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит некоторые термины и определения, которые используются в доказывании по уголовным делам. Однако процессуальный закон практически не использует понятийный аппарат, применяемый при криминалистическом идентифицировании.

Так, например, понятие «идентичный» применяется только при направлении международного запроса и иных материалов, дающих возможность идентифицировать личность (ст. 460. «Направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства»), при идентификации животных при обеспечении хранения вещественных доказательств (ст. 82. «Хранение вещественных доказательств»), при обеспечении безопасности подозреваемого и обвиняемого в случае выделения уголовного дела (ст. 154. «Выделение уголовного дела»), для идентификации абонентов при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 5. «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе»). Синоним понятию «идентичный» – тождественный не упоминается.

Термин «сходный» применяется только при предъявлении для опознания, тогда как термин «признак» используется гораздо чаще как «индивидуальный признак» в том же предъявлении для опознания, при хранении денежных купюр и животных в качестве вещественных доказательств, при осмотре, освидетельствовании, обыске. Вместе с тем идентифицирование представляет собой основополагающий процесс установления единичного объекта, относящегося к преступлению, без которого невозможно установить конкретное лицо, конкретное орудие преступления и т. д., т. е. обеспечить конкретность приговора. Успешность доказывания при этом полностью зависит от возможности криминалистической идентификации.

Однако ряд объектов, исследуемых в целях раскрытия и расследования преступлений, не обладают свойствами и признаками объектов, подлежащих криминалистической идентификации. При этом законодатель отчего-то предъявляет к ним такие же требования по собиранию, исследованию, оценке и использованию как к объектам криминалистической идентификации, что в корне неверно: невозможно применить один и тот же подход к идентифицированию объектов разной природы. Особенно если речь идет об электронных документах, которые в принципе не подлежат криминалистической идентификации; к ним применяются другие методы исследования.

---

[1] © Шаров А. В., 2020.

Криминалистическая идентификация базируется на общеизвестных научных основах: об индивидуальности объектов и их тождественности только самим себе; об относительной устойчивости объектов в пределах идентификационного периода; о взаимосвязи и взаимозависимости объектов и явления материального мира; о способности объектов отображаться и отражать свои свойства и признаки в следах на других объектах [1, с. 44–45].

Электронные документы как объекты материальной обстановки, объективной действительности, практически не соответствуют этим положениям, хотя также по природе материальны.

Так, согласно Межгосударственному стандарту «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» [2] применяются термины, несколько отличные от терминов, использующихся в криминалистической идентификации. Например, электронный документ – это документ, выполненный как структурированный набор данных, создаваемых программно-техническим средством.

При этом, в целях доказывания для наглядности и возможности восприятия такого документа, как правило, изготавливается его твердая копия – полученная на устройствах вывода ЭВМ надлежащим образом удостоверенная форма внешнего представления электронного документа, выполненная на бумажном носителе. Но УПК РФ не содержит упоминания о твердой копии электронного документа, хотя и установил правила копирования информации с электронных носителей информации.

Отсюда возникает вопрос: скопированный согласно требованиям УПК РФ электронный документ является идентичным первоисточнику или нет? Согласно теории криминалистической идентификации первый является источником криминалистически информации (идентифицируемым объектом), второй – его следом (идентифицирующим объектом), т. е. двумя разными объектами.

Упомянутый Межгосударственный стандарт, как и ряд других стандартов [3, 4] в таких ситуациях (в отличие от УПК РФ) применяет термин «аутентичный документ» – документ, одинаковый с исходным по содержанию и различный по формату и (или) кодам данных, который может быть выполнен на одинаковых или разных видах носителя данных. То есть это тот же самый документ (тождественный), но только могущий размещаться на ином носителе.

Далее, согласно этим же стандартам, мы можем говорить, что идентичный документ – это документ, одинаковый с исходным по содержанию и формату и (или) кодам данных, выполненный только на одинаковых видах носителя данных. То есть это тоже по смыслу криминалистической идентификации тождественный объект, однако, выполненный на одном виде носителей данных [5, 6].

Поэтому, в УПК РФ речь идет не об изготовлении копий при копировании в порядке ст. 164.1, а об изготовлении аутентичных документов в случае использования разных носителей данных (электронных носителей информации) или идентичных, в случае применения такого же носителя, как и источник. Таким образом, твердая копия документа – это аутентичный документ, имеющий бумажную форму представления, понятный для визуального обозрения и пригодный для восприятия человека [7].

Такое положение в корне противоречит теории криминалистической идентификации, ведь в результате «копирования» образуется не след, а тот же самый объект, снова и снова при каждом повторении, с теми же признаками (атрибутами).

Процесс доказывания предполагает выяснение источника доказательства. Конечно, в протоколе при выполнении требований ст. 164.1 УПК РФ отражено, откуда информация получена на каком носителе. Однако в криминалистическом смысле, абсолютно неважно, какой из файлов (электронных документов) был первичным, а какой вторичным, поскольку это один и тот же файл.

В подтверждение этому, как уже указывалось неоднократно, необходимо применять такой относительно простой метод, как сравнение хэш-кодов [7]. Напомним, этот метод позволяет идентифицировать компьютерный файл (электронный документ) компьютерными средствами путем применения к ним хэш-функции с получением хэш-кода [5, 6].

В отличие от сравнения в криминалистическом плане, где возможно идентифицировать объект по описанию признаков при их обзоре, по хэш-коду практически невозможно установить исходные данные, как и практически невозможно получить идентичные хэш-коды разных файлов.

Проблему легализации компьютерного идентифицирования файлов компьютерными средствами можно решить путем закрепления в УПК РФ такой возможности. В принципе, в рамках существующей ст. 164.1 УПК РФ, при копировании информации можно применить специальные компьютерные программы, а полученные хэш-коды файлов, зафиксированные в протоколе, только повысят надежность источников информации. Однако в следственной и судебной практике широко не известны случаи, когда компьютерное идентифицирование осуществлялась вне судебной компьютерной экспертизы, хотя и там применяется тот же самый метод сравнения хэш-кодов.

Конечно, с психологической точки зрения, субъект доказывания или суд более «благосклонен» к заключению эксперта, нежели к записи в протоколе о применении компьютерных средств. Подразумевается, что внутренне мы согласны с результатами экспертизы, потому что такое исследование более привычно, заключение эксперта носит характер самостоятельного доказательства, есть пояснения и иллюстрации, эксперт, в отличие от следователя – «специалист в этой области».

Однако развитие программных средств и методов проверки хэш-кодов привело к серьезному, коренному упрощению процесса применения хэш-функции (практически, «в один клик»), что дает возможность, и об этом мы писали ранее, существенного сокращения сроков следствия и расходования времени на экспертизу [8].

Единственным «тормозом» прогресса в этой области выступает, к сожалению, уголовно-процессуальный закон, который необходимо совершенствовать.

Библиографический список

1. Криминалистика [Комплект]: углубл. курс : учебник / Департамент гос. службы и кадров МВД России ; под общ. ред. А. Г. Филиппова. – М. : ДГСК МВД России, 2012. – URL: http://80.253.29.57/marcweb/docinfo.asp?Id=59251 (дата обращения: 30.03.2020).

2. Межгосударственный стандарт «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения». – URL: http://docs.cntd.ru/document/1200045526 (дата обращения: 30.03.2020).

3. ГОСТ 2.001-2013. Группа Т52. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Общие положения // URL: http://docs.cntd.ru/document/1200106859 (дата обращения: 30.03.2020).

4. ГОСТ 2.051-2013. Группа Т52. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения // URL: http://docs.cntd.ru/document/1200106860 (дата обращения: 30.03.2020).

5. Белавин А. В. Отдельные вопросы доказывания происхождения текстовых компьютерных файлов / А. В. Белавин, А. В. Шаров // Уголовное судопроизводство: стратегия развития : сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (1 ноября 2018 г.) / под ред. О. В. Химичевой. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 16–18.

6. Шаров, А. В. Применение специальных технических знаний в идентификации текстовых компьютерных файлов / А. В. Шаров // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : материалы девятого межвузовского научно-практического семинара (26 апреля 2018 г.). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 277–282.

7. ГОСТ Р 34.11-2012. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). – URL: http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=172313 (дата обращения: 30.03.2020).

8. Шаров, А. В. Применение специальных технических знаний в идентификации текстовых компьютерных файлов / А. В. Шаров // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сборник научных статей преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 277–282.

Шишов В. В.[1]*,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПОСТАНОВЛЕНИЕМ О ВОЗБУЖДЕНИИ ПЕРЕД СУДОМ ХОДАТАЙСТВА О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Вопросам исчисления процессуальных сроков при прекращении уголовного дела или уголовного преследования уделяется самое пристальное внимание, поскольку они напрямую затрагивают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, в том числе, и по возмещению вреда, причиненного преступлением [1, с. 4].

Статья 6.1 УПК РФ предусматривает, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок [2; 3]. Законодателем также определено, что в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу. Главой 51.1 УПК РФ предусмотрен порядок производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, согласно которому уголовное дело с ходатайством о его прекращении направляется следователем напрямую в суд, минуя прокурора. В дальнейшем при рассмотрении поступившего ходатайства прекращение производства по уголовному делу фактически происходит после вынесения судом постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Таким образом, можно предположить, что срок предварительного следствия при таких делах обстоятельствах должен исчисляться с момента возбуждения уголовного дела и до дня вынесения судом постановления о прекращении уголовного дела.

Однако, при направлении уголовного дела с ходатайством о прекращении уголовного дела следователь должен убедиться, что имеется достаточный срок для рассмотрения ходатайства судьей – 10 суток, предусмотренный ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ.

Кроме того, ч. 6.2 ст. 162 УПК РФ предусматривает лишь обстоятельства возвращения судом уголовного дела руководителю следственного органа в связи с отменой постановления о прекращении уголовного в порядке, предусмотренном ст. 446.5 УПК РФ. В данном случае срок производства следственных и

[1] © Шишов В. В., 2020.

иных процессуальных действий не может превышать один месяц со дня поступления уголовного дела следователю.

Однако, УПК РФ не рассматривает вопрос исчисления процессуальных сроков при отказе судом в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела. Придерживаясь вышеизложенной логики исчисления процессуальных сроков, можно предположить, что в установленный 10-дневный срок судья рассматривает ходатайство, не удовлетворяет его и в последний день возвращает уголовное дело руководителю следственного органа для направления следователю, у которого фактически не остается времени для возбуждения перед руководителем следственного органа ходатайства о продлении срока предварительного следствия, поскольку в соответствии с ч. 7 ст. 162 УПК РФ постановление должно поступить руководителю за 5 дней до истечения срока предварительного следствия.

При таких обстоятельствах уголовное дело с ходатайством о применении судебного штрафа следует направлять как минимум за 15 суток до истечения срока предварительного следствия, что существенным образом ограничивает следователя в его процессуальных полномочиях, и, вероятно, повлечет ненадлежащее качество направляемых в суд уголовных дел, что, в свою очередь, отказ в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела.

Следователь, руководитель следственного органа не будут заинтересованы в направлении уголовных дел с таким ходатайством, поскольку налицо ограничение в сроках расследования уголовного дела, а также риск возвращения уголовного дела в случае неуплаты лицом судебного штрафа, т. е. по независящим от следователя обстоятельствам.

Размытое понимании срока окончания предварительного следствия при прекращении уголовного дела с ходатайством о применении судебного штрафа повлечет дисгармонию в уголовно-процессуальном праве, выраженную с одной стороны в гуманизации законодательства посредством предоставленной возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести впервые и возместивших ущерб или загладивших причиненный преступлением вред, а с другой стороны – в злоупотреблении правом со стороны правоприменителей, не заинтересованных в таком прекращении уголовных дел. Уместным будет справедливое замечание П. О. Панфилова, что «прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям является благотворной почвой для возможных злоупотреблений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство» [4, с. 167].

Разумным решением данной проблемы будет являться установление срока предварительного следствия по делам, оконченным постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа, а именно: с момента возбуждения уголовного дела и до дня передачи уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Библиографический список

1. Иванов, Д. А. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в случаях добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением / Д. А. Иванов // Эпоха науки. – 2017. – № 10. – С. 3–6.

2. Иванов, Д. А.Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 30.03.2020).

4. Панфилов, П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019. – 247 с.

Яшков С. А.[1],
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Екатеринбургского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, НЕ ПОВЛЕКШЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ, УКАЗАННЫХ В ЗАКОНЕ

Современное общество немыслимо без такой ее составляющей как информация. С одной стороны, она является одним из важнейших элементов развития нашего общества. С другой, она же является тем фактором, который тесно связан с преступностью, в особенности – преступностью в сфере компьютерной информации.

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации ответственность за совершение преступлений в названной сфере предусмотрена главой 28 УК РФ.

Согласно статистическим данным [1] в 2019 г. в России было зарегистрировано 2 883 преступления в сфере компьютерной информации, 2 420 из которых связаны с неправомерным доступом к ней (ст. 272 УК РФ).

По объективной стороне состав данного преступления сформулирован как материальный. Это означает, что уголовно наказуемыми действия субъекта будут только в том случае, если наступят последствия, указанные в законе – уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации.

---

[1] © Яшков С. А., 2020.

Судебная практика Российской Федерации показывает, что проблем с привлечением к уголовной ответственности лиц, чьи действия повлекли за собой указанные в законе последствия, в общем-то, не имеется.

Например, приговором суда М. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ. Так, она, не желая продолжать трудовую деятельность с новым руководством, решила удалить новостные сообщения о деятельности организации с официального сайта учреждения.

С этой целью она открыла в сети «Интернет» страницу сайта учреждения, а потом путем ввода пароля и логина, имевшихся у нее в связи с занимаемой должностью, обеспечила себе доступ к сайту в режиме администратора. После чего М. осуществила уничтожение с сайта новостной ленты путем ее удаления [2].

В другом примере В., работая в салоне сотовой связи, используя биллинговую программу «___», осуществила неправомерный доступ к аккаунту социальной сети, принадлежащему ФИО, после чего изменила от него пароль, а впоследствии удалила данный аккаунт.

Она также была осуждена по ч. 1 ст. 272 УК РФ. В приговоре было отражено, что своими действиями она совершила неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, что повлекло модификацию и блокирование компьютерной информации [3].

Еще в одном случае приговором суда Б. осужден за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший копирование компьютерной информации. Так, у Б., работавшем в отделе безопасности ИК №__ УФСИН России по Республике Мордовия, возник умысел осуществить неправомерный доступ к базам данных УФСИН России по Республике Мордовия с целью их дальнейшего копирования, что им и было реализовано с помощью выхода в сеть «Интернет» и использования компьютерной программы для сканирования сети «IPScan» [4].

Как видно, приведенные примеры судебной практики показывают то, что трудностей с привлечением к ответственности по ст. 272 УК РФ не имеется при условии, если неправомерный доступ к компьютерной информации приводит к уничтожению, блокированию, модификации либо копированию компьютерной информации.

Вместе с тем возникает вопрос, какую уголовно-правовую оценку дать действиям лица, если неправомерный доступ к компьютерной информации им был осуществлен, однако последствий, указанных в законе, не наступило?

Например, судебной практике известен такой случай. В., подобрав пароль доступа к почтовому ящику ООО «___», получил возможность ознакомиться с находящимися в нем входящими и исходящими сообщениями. После этого он создал фильтр для пересылки копий электронных писем с данного почтового ящика на другой почтовый ящик. Кроме того, впоследствии он удалил с данного почтового ящика несколько писем, а также поменял ранее привязанный к нему абонентский номер.

Как видно, в результате действий В. наступил целый «букет» последствий, указанный в ч. 1 ст. 272 УК РФ. Здесь имеется и копирование компьютерной информации, и ее уничтожение, и модификация.

За содеянное В., конечно, был осужден [5]. Вместе с тем возникает вопрос – как квалифицировать его действия, если бы он остановился на стадии незаконного доступа к почтовому ящику и только лишь ознакомился с его содержимым – входящими или иными сообщениями?

Анализируя объективную сторону состава преступления, а именно, действие, выраженное в «неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации», можно прийти к выводу, что доступ следует рассматривать и как процедуру (сами действия), и как состояние (последствие действий, связанных с неправомерным доступом).

Совершенно очевидно, что в случае совершения «процедурных» действий, направленных на неправомерный доступ к информации, могут быть последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Вместе с тем, если же в процессе этих действий не последовали указанные последствия, можно ли говорить о составе преступления?

Так, в приведенном выше случае субъект преступления подобрал пароль к почтовому ящику. Представляется, что нет смысла утверждать, что здесь имели место такие последствия как уничтожение и блокирование компьютерной информации.

Про модификацию тоже вряд ли приходится говорить, поскольку к почтовому ящику с помощью какого-либо программного обеспечения был подобран «родной» пароль и вход в него осуществлен именно с его использованием.

Вопрос же о последствиях «копирование» в данном случае более сложен и неоднозначен.

Процесс копирования компьютерной информации можно представить как копирование файла, с одной стороны, и копирование информации, с другой.

Копирование файла – это создание его копии, содержащей информацию. Копирование имеет место при переносе файлов на оптический, жесткий диски, на любой другой носитель.

Отсюда следует, что под копированием с данной точки зрения можно понимать лишь действия по созданию копии файла на каком-либо носителе. Таким образом, «ознакомление» с информацией с экрана, например, монитора нельзя рассматривать как копирование файла.

Копирование информации представляет собой создание копии какой-либо информации. Любая копия информации предполагает стопроцентную идентичность оригиналу. Следовательно, считывание информации с экрана монитора также не может признаваться копированием информации, поскольку в большинстве случаев мозг человека не сможет запомнить и потом воспроизвести все то, что было на экране монитора.

Так, например, если на экране монитора открыта программа с какой-либо базой данных, в которой большое количество ячеек, имеющих собственное название, а в этих ячейках зафиксировано множество наименований продукции и ее стоимость, то запомнить даже одну страничку этой базы для среднестатистического человека будет невозможным.

Таким образом, исходя из понятия компьютерной информации, данном в примечании к ст. 272 УК РФ, согласно которому под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, можно сделать вывод, что копирование компьютерной информации следует понимать в узком смысле этого слова, т. е. копирование файла, содержащего информацию.

Отсюда следует, что неправомерные действия, связанные с доступом к компьютерной информации с целью ее ознакомления, в настоящее время по российскому уголовному законодательству не наказуемы.

Нельзя признать данные действия также покушением, поскольку, как сказано выше, неправомерный доступ следует рассматривать и как процедуру, и как состояние. И в том, и в другом случае действие уже было совершено. А когда у злоумышленника нет целей достижения последствий, указанных в ст. 272 УК РФ, такие действия вряд ли можно назвать даже оконченным покушением.

Таким образом, анализируемые действия в настоящее время могут быть квалифицированы согласно действующему УК РФ не по нормам главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», а по нормам глав 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» или 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», предусматривающим ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, почтовых и иных сообщений, незаконное получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую, банковскую тайны.

Библиографический список

1. Официальный сайт МВД Российской Федерации. – URL:https://мвд.рф (дата обращения: 23.03.2020).

2. Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 9 сентября 2019 г. (по делу № 1-226/2019) // ГАС «Правосудие». – URL://https://bsr.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2020).

3. Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 18 июля 2019 г. (по делу № (1)-149/2019) // ГАС «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2020).

4. Приговор Зубово-Полянского районного суда Республики Мордовия от 11 сентября 2019 г. (по делу № 1-123/2019) // ГАС «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2020).

5. Приговор Кировского районного суда г. Перми Пермского края от 10 октября 2019 г. (по делу № 1-355/2019) // ГАС «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru (дата обращения: 23.02.2020).

ЧАСТЬ 2.
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Буренина В. К.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Фадеев П. В.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ДОЗНАВАТЕЛЯ)

В настоящее время по имеющимся официальным данным, в России ежегодно около 2 млн потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям получают угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний [2]. При этом только около 3 тыс. человек получают реальную защиту [3]. Негативную статистику подтверждают и результаты проведенного анкетирования. Так, из числа опрошенных следователей из Москвы, Московской и Тверской областей 94 % указали, что к ним или сотрудникам их подразделения редко обращались с просьбой о применении мер безопасности, 6 % опрошенных отметили, что никогда не сталкивались с данным вопросом в своей практической деятельности.

Как показывает анализ, процессуальный порядок принятия мер безопасности регламентируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1] (далее Закон о государственной защите), которые, на наш взгляд, нуждаются в совершенствовании по следующим основаниям.

Во-первых, в положениях УПК РФ закреплена не обязанность, а право следователя (дознавателя) принимать меры безопасности к участникам уголовного процесса в случае угроз убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Данное обстоятельство влечет не только не принятие некоторых мер безопасности, установленных УПК РФ (например, использование псевдонима в протоколе следственного действия), но и не разъяснение в должной мере по-

[1] © Буренина В. К., 2020.

терпевшим, свидетелям и другим участникам уголовного процесса их право на меры безопасности [5].

Во-вторых, в положениях УПК РФ указано не достаточное количество процессуальных мер безопасности, применяемых следователем (дознавателем). По нашему мнению, представляется целесообразным в положения УПК РФ ввести дополнительные меры безопасности, которые следователь может самостоятельно обеспечить и которые не требуют финансовых затрат. Например, востребованной мерой может быть такая мера, как запрет на приближение. Данная мера является не только мерой пресечения, но и мерой безопасности в отношении защищаемых лиц. Ее использование закреплено в ст. 165 УПК Республики Казахстан [6]. Реализация этой меры осуществляется следующим образом: при наличии данных, свидетельствующих, что в отношении потерпевших, свидетелей, их родственников, близких родственников, близких со стороны подозреваемых, обвиняемых, подсудимых существует реальная угроза о применении насилия, следователь выносит постановление о запрете на приближение со стороны подозреваемых, обвиняемых, подсудимых. В случае нарушения ими данного запрета на этих лиц накладывается денежное взыскание, а также применяется более строгая мера пресечения.

В-третьих, положения уголовно-процессуального закона и закона о государственной защите не определяют лиц, которым в обязательном порядке необходимо применение мер безопасности. На наш взгляд, к таким лицам в обязательном порядке могут быть отнесены участники уголовного судопроизводства, вовлеченные в производство по делу о преступлениях, совершенных организованными преступными группами. Следует отметить, что такая практика применяется в некоторых зарубежных странах. Так, законодательство Польши предусматривает следующие категории свидетелей и потерпевших, в отношении которых эта мера применяется в обязательном порядке: 1) тайные сотрудники полиции; 2) коронные свидетели (подозреваемые, которые при сотрудничестве со следствием переходят в статус свидетеля); 3) потерпевшие и свидетели преступления, совершенные организованными преступными группами.

В-четвертых, реализация положений УПК РФ о принятии мер безопасности существенно затруднена в связи с ненадлежащим материально-техническим обеспечением этой деятельности. Например, выделенные финансовые средства в 2019 г. в размере 1 млн 41 тыс. рублей смогли защитить не более 20 тыс. человек. При этом до сих пор не реализована Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» [2], предписывающая российским судам и органам, осуществляющим государственную защиту участников уголовного процесса, иметь мобильные комплексы для их защиты. Однако до сих пор не все следственные подразделения и суды имеют оборудованные комнаты для производства опознания в условиях, исключающих видимость опознающего опознаваемым.

Таким образом, нормы УПК РФ, регулирующие вопросы принятия процессуальных мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, нуждаются в совершенствовании в связи с отсутствием обязанности сле-

дователя (дознавателя) принимать меры безопасности к участникам уголовного процесса в случае угроз убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, а право проводить проверку для установления реальности угрозы; ограниченности процессуальных мер безопасности, применяемых следователем (дознавателем); не определенности лиц, которым в обязательном порядке необходимо применение мер безопасности; ненадлежащим материально-техническим обеспечением этой деятельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 41. – Ст. 4778.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586 г. Москва «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 29. – Ст. 3965.

4. Алимамедов, Э. Н. Следователь как гарант обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций в уголовном судопроизводстве / Э. Н. Алимамедов // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 22–25.

5. Синенко, С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография / С. А. Синенко ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2013.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 18.04.2017) // URL: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 24.02.2020).

7. Макеев, А. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решения Европейского суда по правам человека / А. В. Макеев, Н. В. Макеева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1 (11). – С. 20–24.

Васильева Т. Д.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Есина А. С.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 161 УК РФ

Предварительное расследование является важной стадией уголовного процесса, так как именно на данной стадии осуществляется сбор доказательств и дается квалификация действий лица, совершившего преступление. При этом следует отметить, что квалификация, данная на предварительном следствии, может быть изменена в ходе судебного разбирательства на менее тяжкую, что обычно происходит в тех случаях, когда следователем неправильно оценены отдельные доказательства либо не учтены при квалификации все обстоятельства, влияющие на квалификацию.

Вне зависимости от категории расследуемого преступления следователь, как правило, начинает свою деятельность с производства первоначальных следственных действий.

Криминалистические предпосылки производства конкретного первоначального и (или) неотложного следственного действия при расследовании грабежей определяются его природой. Собственно, криминалистические предпосылки получают свое отражение в предварительном изучении объекта воздействия, подготовке средств воздействия, знании тактических возможностей, заложенных в том или ином приеме воздействия.

Цель любого следственного действия, которое проводится по уголовному делу по факту открытого хищения чужого имущества, заключается в получении значимой для уголовного дела информации о предмете доказывания.

Основные задачи следственных действий, производимых на первоначальном этапе расследования грабежей, направлены на получение первичных доказательств по уголовному делу, которые могут оказать влияние на весь ход дальнейшего расследования.

Рассмотрим первоначальные следственные действие, которые выполняются следователем при возбуждении уголовного дела по ст. 161 УК РФ. На первона-

[1] © Васильева Т. Д., 2020.

чальном этапе расследования, проводимые следственные действия называют еще неотложными, т. е. такими, проведение которых является безотлагательным.

К неотложным следственным действиям, которые чаще всего производит следователь в случае расследования грабежа, следует относить: осмотр места происшествия, допросы потерпевшего и свидетелей – очевидцев совершенного преступления, а также производство оперативно-разыскных мероприятий, которые поручаются сотрудникам оперативных подразделений.

При осмотре места происшествия по грабежу следователю следует учитывать некоторые особенности.

Можно выделить два вида осмотров. Первым видом является непосредственно сам осмотр места происшествия, т. е. места, где было совершено открытое хищение чужого имущества. Такое место устанавливается согласно данным полученным от потерпевших либо от очевидцев преступления. Кроме того, место происшествия может быть установлено на основании данных полученных от сотрудников правоохранительных органов, например, в тех случаях, когда лицо, совершившее грабеж задержано непосредственно после совершения преступления сотрудниками. Определить точное место совершения преступления могут и видеокамеры, установленные на близстоящих зданиях недалеко от места преступления. Таким образом, при расследовании грабежа, прежде чем производить осмотр места происшествия чаще всего следователь проводит иные следственные действия, направленные на установление точного места совершения преступления. Например, допрос потерпевшего, изъятие видео изображений и их просмотр, допрос очевидцев. Это важно с той точки зрения, что при осмотре места происшествия могут быть обнаружены важные следы (объекты или предметы), способствующие в дальнейшем установлению преступника. Если место совершения грабежа будет установлено неверно, то осматриваться будет другой участок местности, который не относится к преступлению. Будут напрасно затрачены усилия следователя, поскольку и на таком участке могут быть обнаружены всякого рода предметы и объекты, не имеющие никакого отношения к преступлению. В этой связи следователю целесообразно проводить осмотр места происшествия вместе с потерпевшим (если к этому не препятствуют какие либо обстоятельства. Например потерпевший находится в стационаре). В некоторых случаях, если допрос потерпевшего состоялся до осмотра места происшествия, выход с потерпевшим можно оформить как проверка показаний на месте. Однако в случае если осмотр проводится до допроса потерпевшего, т. е. целесообразность провести данное следственное действие с потерпевшим.

Вторым видом осмотра, имеющего значение для грабежа, является место обнаружения похищенного имущества. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда лицо, совершившее грабеж, выбросило имущество, когда заметило преследование. Поскольку грабеж это открытое похищение имущества, то в 70 % следственная ситуация складывается таким образом, что потерпевший чаще всего хоть и не долго, но преследует преступника. Стремясь избавиться от похищенного, преступники, как правило, сбрасывают то, что им оказывается не нужно (сумки, кошельки и т. д.)

Немаловажное значение для осмотра места происшествия имеет фиксация следственного действия на видео. Следует отметить, что законодатель отказался от ранее закрепленного в УПК РФ требования о том, что при производстве осмотра обязательно участие понятых, что следует признать обоснованным. Исключение такого требования позволяет облегчить проведение осмотра в случаях, когда привлечение лиц в качестве понятых является затруднительным. Однако, в тех случаях, когда участвующие лица ходатайствуют о привлечении к осмотру понятых, лицо, производящее осмотр должно положительно разрешить такое ходатайство. Законодатель закрепил требование о том, что при отсутствии понятых при производстве осмотра необходимо применение средств фиксации данного следственного действия. Однако мы полагаем, что в любом случае использование видеофиксации при осмотре места происшествия будет являться необходимым и полезным для дальнейшего расследования.

Следующим следственным действием, которое характерно для первоначального этапа расследования грабежа следует признать – допрос. Потерпевший и свидетель являются важными источниками доказательств и их показания становятся основным источником информации как о совершенном преступлении и его деталях, так и о лице, совершившем преступлении, а также о предмете и стоимости похищенного имущества. Тактика допроса может быть различной в зависимости от обстоятельств дела, личности потерпевшего, взаимоотношений с подозреваемым и иными участниками процесса [1, с. 8–13].

Особое внимание следует уделить подготовке к допросу потерпевшего. Только потерпевший может оценить причиненный ущерб и указать данные о количестве, приметах и стоимости похищенного при совершении хищения имущества. Именно потерпевший при расследовании грабежей может сообщить сведения о лице, совершившем преступление, его приметах и действиях. Таким образом, показания потерпевшего можно рассматривать как ценный источник информации.

При допросах как потерпевшего, так и свидетелей-очевидцев по факту грабежа необходимо особое внимание уделять приметам лица, совершившего преступление, а также приметам похищенного имущества. Это важно с той точки зрения, что в случае установления лица, совершившего преступление, в ходе расследования часто проводится такое следственное действие как опознание лица. Грабеж тем и отличается, например, от кражи, что действия виновного производятся открыто для пострадавшего. Он видит преступника, понимает характер его действий. Поэтому при допросе особое внимание уделяется именно описанию примет внешности, голоса, одежды. Каким-то неконтролируемым действиям (например, преступник шмыгает носом, заикается и т. д.). Даже какая-то мелочь, которая на первый взгляд может показаться не существенной, в дальнейшем может иметь значение для установления преступника, для раскрытия преступления. Именно в этом и состоит особенность допроса, потерпевшего при расследовании грабежей. Кроме того, при допросе должно уделяться внимание речи лица, совершившего противоправное деяние, а также особенностям его поведения и его одежде. Полное установление примет позволяет с большей вероятностью установить лицо, совершившее преступление, а также

принять решение о возможности проведения опознания в тех случаях, когда задержано лицо, схожее по приметам. Если в ходе допроса потерпевшего не были указаны приметы лица, а на опознании он (потерпевший) сразу опознал грабителя, то возникает закономерный вопрос у стороны защиты: по каким признакам опознано лицо? То же самое может произойти и с вещами. Если не были достаточно подробно описаны похищенные вещи, их особенности, то в случае их обнаружения и при опознании этих вещей очень уязвимыми становятся показания потерпевшего, опознавшего эти вещи как свои. Изучение правоприменительной практики позволяет как раз говорить о наиболее частных ошибках, допускаемых следователями в этой ситуации. А именно: об отсутствии в допросе, который предшествует опознанию (лица или вещи), показаний о приметах или признаках похищенного.

Кроме того, при допросе потерпевшего необходимо устанавливать наличие или отсутствие у лица, совершившего преступление каких-либо предметов, которые он возможно использовал в момент преступления. Должны быть выяснены вопросы о наличии угроз и восприятии угроз потерпевшим, а также как потерпевший воспринимал предмет, который грабитель использовал при хищении. Ответы на такие вопросы позволят в дальнейшем правильно квалифицировать действия преступника и отграничить грабеж от, например, разбоя.

На основании изложенного можно сделать вывод, что совокупность и перечень следственных действий, которые производятся на первоначальном этапе грабежа возможно идентичен тем, которые рекомендуется производить при расследовании других категорий преступлений. Однако в данной статье мы хотели обратить внимание и особо подчеркнуть особенность производства типичных следственных действий в зависимости от состава расследуемого преступления.

Библиографический список

1. Уханова, Н. В. Предмет и некоторые особенности тактики допроса потерпевшего при расследовании грабежа / Н. В. Уханова // Социально-экономические и правовые меры борьбы с правонарушениями. Тезисы научно-практической конференции. – 2015. – С. 8–13.

2. Артемова, В. В. К вопросу о правовом регулировании приема и разрешения сообщений о преступлениях / В. В. Артемова // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. – Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – С. 13–18.

3. Есина, А. С. К вопросу о процессуальной самостоятельности дознавателя / А. С. Есина, И. И. Федулова // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 12–15.

4. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов / [Е. Н. Арестова и др.]. – М., 2019.

Габай П. Г.[1]*,*
соискатель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат выявлению обстоятельства, способствующие совершению преступления.

В ч. 2 ст. 158 УПК РФ определено, что установив в ходе досудебного производства обстоятельства, способствующие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств и других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Подчеркнем, что доминирующую роль в современных условиях в системе детерминант неосторожной преступности в сфере здравоохранения играют социально-экономические, правовые, организационно-управленческие и нравственно-психологические факторы. Именно эти факторы и приводят к развитию причин, способствующих совершению конкретных рассматриваемых нами преступлений. Причем их взаимосвязь прослеживается в нескольких направлениях функционирования системы здравоохранения, в ее государственном, муниципальном и частном (коммерческом) секторах.

В данной статье, учитывая обозначенные выше положения уголовно-процессуального закона, укажем на проблемные аспекты выявления и устранения причин и условий неосторожной преступности при оказании медицинской помощи в процессе предварительного расследования по конкретным уголовным делам.

В процессе производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124 и 293 УК РФ необходимо выявлять, как того требует УПК РФ, обстоятельства, способствующие данным преступлениям.

Проблема заключается в том, что зачастую причины и условия неосторожной преступности при оказании медицинской помощи носят системный характер.

Так, по мнению 168 опрошенных медицинских работников (87 % из них), они не обеспечены необходимой медицинской техникой, лекарствами и расходным медицинским материалом, хотя на это выделяются бюджетные средства в большом объеме. В рамках такого обеспечения, по их мнению, поставля-

[1] © Габай П. Г., 2020.

ется медицинская продукция низкого качества. Соответственно повышаются риски совершения таких неосторожных преступлений как причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что преступными признаются только те действия медицинских работников, которые нельзя признать логичными в лечении конкретных заболеваний или которые грубо нарушают порядок оказания медицинской помощи или проведения каких-либо медицинских процедур.

В случаях бездействия под уголовно-правовую оценку также попадают только крайние формы его проявления со стороны медицинских работников, когда органам предварительного расследования удается доказать, что субъектом преступления осознавался факт необходимости оказания пациенту той или иной медицинской помощи. В значительной части случаев к уголовной ответственности привлекаются те медицинские работники, чье бездействие обусловлено таким видом неосторожности, как легкомыслие, когда субъект предвидел возможность наступления общественно опасных последствий для пациента в результате своего бездействия, но самонадеянно, без достаточных к тому оснований рассчитывал на их устранение.

Однако, по мнению Ю. Д. Сергеева, чаще всего причинение смерти по неосторожности является результатом преступной небрежности. Вместе с тем причинение смерти по самонадеянности (легкомыслию) представляет большую общественную опасность, чем такое же деяние, совершенное по небрежности. Это объясняется тем, что в первом случае речь идет о сознательном нарушении правил предосторожности, охраняющих жизнь человека, и предвидении возможности наступления смерти больного при легкомысленном (самонадеянном) расчете на ее предотвращение (действия врача на авось при необоснованном расчете на благополучный исход) [1, с. 415–416].

В любом случае, не вызывает сомнения, что психологический механизм неосторожности заключается в том, что лицо из медицинского персонала не осознает, но имеет возможность понимать общественную опасность своего поведения, свою неподготовленность для предпринимаемой медицинской деятельности.

Согласно УК РФ виновность лица всегда базируется на его предвидении и понимании (или объективной возможности такого предвидения) вероятности наступления в будущем общественно опасных последствий в результате своих действий (бездействия), т. е. такая связь не является для него случайной.

Противоположенным случаем является так называемый казус, т. е. ситуация, когда лицо, совершившее общественно опасное деяние, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предусмотреть, предвидеть, предотвратить (ст. 28 УК РФ). Именно поэтому наличие казуса и исключает виновность лица и наступление уголовной ответственности.

Конечно, нельзя ставить знак равенства между такими категориями, как вина и причинно-следственная связь, поскольку это признаки разных элементов состава преступления (субъективной и объективной сторон), а также и еще по-

тому, что связь устанавливается в рамках медицинской экспертизы, а виновность лица определяет суд. Тем не менее, их корреляция очевидна, так как при всех разновидностях вины связь между противоправными действиями (бездействиями) лица и наступившими общественно опасными последствиями не была абстрактна, непредсказуема для данного лица, – ведь лицо в зависимости от формы вины: желало наступления общественно опасных последствий, или сознательно их допускало, или предвидело, но рассчитывало на их предотвращение (без достаточных на то оснований), или не предвидело, должно и могло предвидеть такие последствия при должной внимательности и предусмотрительности [1, с. 415–416].

Таким образом, неосторожность (в любом ее виде) при ненадлежащем осуществлении медицинской деятельности характеризуется отсутствием предусмотрительности, внимательности, подобающего отношения к своему профессиональному долгу.

В ходе исследования выявлены основные причины, по которым медицинскими работниками устанавливались неправильные диагнозы, допускались ошибки в выборе метода лечения или хирургического вмешательства, незаконно отказывалось в госпитализации.

Так, по мнению 150 опрошенных сотрудников правоохранительных органов, наиболее распространенными среди них являются:

– небрежное ведение медицинской документации (в части документирования анамнеза, назначений врача, результатов обследования и др.);

– равнодушное отношение к пациентам;

– профессиональная некомпетентность медицинских работников;

– ненадлежащие санитарно-гигиенические условия, в которых проводилось лечение или обследование пациентов;

– многочисленные правовые пробелы регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения.

Перечисленные причины, с нашей точки зрения, можно отождествлять с некоторыми проявлениями преступности в сфере трудовых отношений, детерминанты которой определяются в виде совокупности недостатков и противоречий, имеющихся в социально-экономической, политической, организационно-управленческой, нравственно-воспитательной и правовой сферах жизнедеятельности российского общества [2, с. 8].

В заключении отметим, что специфика системы детерминант неосторожных преступлений в сфере здравоохранения определена совокупностью социально-экономических, правовых, организационно-управленческих и нравственно-психологических факторов, механизм воздействия которых на данные преступления обусловлен процессами взаимного влияния. Критерии отличия ненадлежащего оказания медицинской помощи от неблагоприятного исхода заболевания, вызванного объективными причинами, многогранны и оценочны.

В ходе расследования конкретного уголовного дела необходимо выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, как того требует ч. 2 ст. 73 УПК РФ, а также принимать меры к их устранению в порядке

ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Важную роль при этом имеет качество уведомления направленного дознавателю или следователю о принятых мерах в связи с внесенным представлением в соответствующую организацию или должностному лицу.

Необходимо обращать внимание не только должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, на качество этих уведомлений, но и, как представляется, прокурору, осуществляющему надзор. Не должно быть «отписки», т. е. формального отношения к полученному представлению. В таких случаях важно, чтобы уголовно-процессуальный закон предписывал обращаться в вышестоящую организацию или к вышестоящему должностному лицу с указанием на необходимость устранить причины и условия совершенного преступления.

Библиографический список

1. Сергеев, Ю. Д. Медицинское право : учебный комплекс : в 3 т. / Ю. Д. Сергеев. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008.

2. Султанова, М. А. Преступность в сфере трудовых отношений (криминологическое региональное исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2013.

Гасанов У. Н.[1]***,***
аспирант кафедры уголовного процесса
Ульяновского государственного университета;

Научный руководитель: ***Зайцев О. А.,***
исполняющий обязанности заведующего отделом
уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
судоустройства Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В науке уголовно-процессуального права проблемам обеспечения личной безопасности свидетеля, как и других участников уголовного судопроизводства, уделяется повышенное внимание [2, с. 19; 3, с. 21; 4, с. 17]. Свидетель преступления, в большинстве случаев, оказывает содействие органам дознания, предварительного следствия и суду в ходе производства по уголовному делу, наделен процессуально-правовым статусом и является полноценным субъектом уголовно-процессуальных отношений [1, с. 54].

[1] © Гасанов У. Н., 2020.

Законодательство многих государств содержит нормы, допускающие возможность применения уголовно-процессуальных и иных мер защиты указанных лиц в случае оказания противоправного давления на них за оказание содействия правосудию. В связи с этим вызывает интерес Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (далее, УПК АЗ), в котором имеются конкретные нормы, направленные на обеспечение личной безопасности свидетеля по уголовному делу.

В частности, руководитель органа дознания в рамках своих полномочий, закрепленных в ст. 86.7 УПК АР, вправе направлять прокурору, который осуществляет процессуальный надзор за предварительным расследованием, ходатайство в связи с принятием мер для личной безопасности свидетеля (ст. 86.7.2–3). Аналогичная возможность имеется и у начальника следственного отдела (отделения, управления) по уголовным делам, которые находятся в производстве у его подчиненных (ст. 85.6.4).

Особую важность в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Азербайджанской Республики имеет отдельная глава под названием «Обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе». В этой главе сконцентрированы нормы, предписывающие всем должностным лицам (в том числе и следователю) в ходе производства по уголовному делу принимать установленные законом меры по защите прав и законных интересов (включая и обеспечение личной безопасности) свидетеля и других участников процесса.

Так, если свидетель нуждается (или может нуждаться) в защите от посягательств со стороны заинтересованных в принятии по делу незаконных решений, орган, осуществляющий уголовный процесс, обязан принять меры личной безопасности, вынеся соответствующее постановление по государственной защите данного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Причем это может быть сделано как по личной инициативе должностного лица, так и по просьбе свидетеля (ст. 123.1 УПК АР).

Также в законе закреплена обязанность органа, осуществляющего уголовный процесс, незамедлительно рассмотреть поступившее от свидетеля ходатайство или просьбу о принятии мер безопасности по его защите (не позднее 72 часов с момента их получения) и о принятом решении известить заявителя путем направления ему копии соответствующего постановления (ст. 123.3 УПК АР).

В этой же статье подробно урегулирована процедура применения мер безопасности, включая возможность обжалования принятого по делу решения. Свидетель преступления, чье ходатайство (просьба) отклонено, может обжаловать полученное постановление в течение пяти дней в суд. В случае неполучения ответа, заявитель вправе обратиться в суд для принятия мер обеспечения личной безопасности в течении семь дней с момента внесения ходатайства (просьбы) копии соответствующего постановления органа, осуществляющего уголовный процесс (ст. 123.4 УПК АР).

Азербайджанское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность для свидетеля, которому отказано в применении мер без-

опасности, повторно обратиться с ходатайством (просьбой) об их применении, если он подвергнулся угрозам или нападению, а также, если появились иные обстоятельства, которые ранее не были отражены в ранее поданном обращении (ст. 123.5 УПК АР).

В целях обеспечения личной безопасности свидетеля может быть проведено опознание с учетом соблюдения необходимых условий, которые исключает возможность визуального наблюдения опознающим опознаваемого лица. Среди оснований производства подобной процедуры указано на необходимость обеспечения безопасности лица, содействующего правосудию, а также наличие требования опознающего провести опознание в подобных условиях (ст. 239.7 УПК АР).

Особое внимание в законодательстве Азербайджанской Республики уделяется прокурорскому надзору за производством предварительного расследования. В связи с этим в Уголовно-процессуальном кодексе достаточно подробно регламентированы полномочия данного должностного лица, среди которых закреплено право прокурора принимать меры к безопасности свидетеля и иных участников уголовного процесса (ст. 84.5.20 УПК АР).

Следует также отметить, что применительно к судебному разбирательству уголовного дела, также допускается применения мер безопасности. В частности, по распоряжению председательствующего при необходимости обеспечения безопасности при проведении судебного заседания проверяются документы, удостоверяющие личность, а также досматриваются вещи лиц, допускаемых в зал заседания (ст. 310.3 УПК АР). К сожалению, азербайджанский заседатель умалчивает, каким образом должна обеспечиваться личная безопасность свидетеля, который вызван в суд для производства его допроса. Для примера, в отношении такого субъекта уголовно-процессуальных отношений, как потерпевший, в УПК АР содержатся положения, которые допускают применение в отношении его мер защиты в ходе его допроса в суде, в частности, возможности для дачи показаний с использованием технических средств без непосредственного участия в заседании суда (ст. 330 УПК АР).

В заключение необходимо обратить внимание, что уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики нуждается в дальнейшем совершенствовании относительно необходимости обеспечения личной безопасности свидетеля. Так, следует более подробно регламентировать в ходе производства по уголовному делу процедуру сохранения в тайне данных о личности свидетеля, в отношении которого применяются меры личной безопасности (как это сделано, например, в УПК РФ).

Библиографический список

1. Аббасов, Ф. Н. Свидетель и его представители в уголовном процессе Азербайджана / Ф. Н. Аббасов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 52–56.

2. Дмитриева, А. А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. А. Дмитриева. – М. : изд-во «Юрлитинформ», 2017.

3. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Епихин. – СПб. : Изд-во Р. Асланова ; «Юридический центр Пресс», 2004.

4. Зайцев, О. А. Государственная защита участников уголовного судопроизводства / О. А. Зайцев. – М. : изд-во «Экзамен», 2001.

5. Татаров, Л. А. Свидетель как субъект уголовного процесса в Российской Федерации / Л. А. Татаров // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 105–107.

Грачева А. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ СОДЕРЖАНИИ ст. 160 УПК РФ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В современном мире Россия идет по пути изменения как правого устройства, так и государственного устройства в целом. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному собранию, выразил убеждение в необходимости закрепления приоритета национального законодательства над нормами международного правовых договоров, рацифицированных Россией. Тем не менее, в законах Российской Федерации достаточно много норм введенных, с целью реализации подписанных Россией договоров. Примером таких норм является ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), а также содержание ст. 160 УПК РФ. Соответственно, возникает проблема целесообразности существования обозначенной нормы.

Одним из первостепенных приоритетов в государственной политике России являются дети, что обеспечивается приоритетом, прежде всего, семейного воспитания. В случае если воспитание детей в семье невозможно, государство принимает на себя обязанности присущие родителям (опекунам, попечителям) в отношении таких детей.

В соответствии с Законом к ведению Российской Федерации дополнительно отнесены защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях [4].

Статья 160 УПК РФ включена в главу 21 «Общие условия предварительного расследования». Однако в статье есть прямое указание на юридические факты, в случае наступления которых, начинает действовать статья, и только в отно-

[1] © Грачева А. С., 2020.

шении подозреваемого или обвиняемого. Из чего следует необходимость выявления соотношения между категориями: общие условия предварительного расследования, принципы уголовного судопроизводства и гарантии.

В основе уголовно-процессуальной деятельности лежат определенные изначальные положения, которые выражают ее наиболее существенные черты и свойства, определяют основы ее осуществления – такие положения соответствуют пониманию принципов уголовного процесса.

Принципы уголовного процесса объективны по своему содержанию и определяются теми экономическими и социальными реалиями, которые существуют в обществе и отражают степень демократизма самого общества. Принципы носят нормативный характер, т. е. они закреплены в нормах права. Большая часть принципов уголовного процесса закреплена в Конституции Российской Федерации [3].

Для уголовно-процессуального права принципы – главенствующий уголовно-процессуальный институт, формирующий основы, прежде всего, правового статуса участников уголовного процесса. Наличие пробелов в уголовно-процессуальных нормах, их несоответствие Основному закону – Конституции Российской Федерации – способно создать непреодолимые трудности для осуществления полномочий, прав и обязанностей отдельных участников уголовного судопроизводства.

В свою очередь, общие условия предварительного расследования – это установленные уголовно-процессуальным законом правовые требования, определяющие порядок производства предварительного расследования, основанный на принципах уголовного процесса и выражающий собой наиболее важные и специфические черты предварительного расследования как самостоятельной стадии уголовного процесса.

Общими условиями они названы потому, что содержат в себе требования, регламентирующие единый и обязательный для всех органов, ведущих расследование, порядок. Будучи связаны между собой, они обеспечивают всестороннее полное, объективное и своевременное расследование преступлений, соблюдение законных прав и интересов граждан. Общие условия не допускают ни малейшего отступления от содержащихся в них требований. Только строжайшее соблюдение их позволяет успешно выполнить важные задачи в ходе расследования преступлений.

Полагаем важным обратить внимание на интересную, на наш взгляд, позицию, отмеченную в юридической литературе, Л. А. Кротова классифицирует общие условия по сфере действия уголовно-процессуальных норм на две группы: 1) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, которые охватывают регулирующим воздействием всю систему уголовного процесса, основные условия судопроизводства либо содержат разъяснения процессуальных понятий и институтов (принципы уголовного судопроизводства); 2) процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, которые охватывают регулирующим воздействием определенные типичные процессуальные ситуации.

При этом, процессуальные гарантии второй группы распространяются лишь на отдельные, однородные группы общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. К ним в первую очередь относятся специальные процес-

суальные гарантии, закрепленные в отраслевом законодательстве, а также процессуальные средства обеспечения прав личности, сформулированные в международно-правовых актах определенной направленности. Мы согласны в этой части с высказанным мнением, поскольку, к примеру, процессуальные гарантии прав и законных интересов обвиняемых и подозреваемых, заключенных под стражу, в отечественном законодательстве установлены помимо УПК РФ также Федеральным законом от 21 июня 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» и от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», Приказом Следственного комитета при МВД России № 27 от 23 августа 2007 г. «Об организации процессуального контроля при продлении сроков предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей». К международно-правовым актам определенной направленности в рассматриваемой сфере следует отнести Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, от 9 декабря 1988 г.

К тому же, профессор И. Л. Петрухин не выделяет основания для подобной классификации, ориентирует на существование двух групп гарантий: 1) гарантии, обеспечивающие возможное достижение истины в уголовном процессе, 2) гарантии, обеспечивающие охрану прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе. Отмеченное свидетельствует о том, что понятия: принципы, общие условия предварительного расследования, гарантии- образуют систему с взаимодополняющими и взаимопроникающими элементами. Применительно к исследуемой проблематике содержания ст. 160 УПК РФ хотелось отметить и следующее.

Социальная защита – конституционное законодательное обеспечение всего комплекса прав и свобод человека [1]. На современном этапе просматриваются две основные функции в системе государственной социальной защиты: социальные выплаты и система социального обслуживания одиноких, престарелых, инвалидов и других подобных категорий, основанные на принципе заботы государства о социально уязвимых членах общества и социальной благотворительности. В то же время социальная защита должна распространяться на все категории населения через систему социальных гарантий.

Социальные гарантии – это механизм долговременного действия, предусмотренные законом обязательства государства, направленные на реализацию конституционных прав граждан [2]. Социальные гарантии – система социально-экономических и правовых средств, обеспечивающих условия жизнедеятельности членов общества, социальных групп, реализацию их интересов, разнообразных связей и отношений, функционирование и развитие общественной системы в целом.

Библиографический список

1. Нечуйкина, Е. В. Социальная защита: понятие, категории, терминология // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2008. – № 49. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-ponyatie-kategorii-terminologiya (дата обращения: 17.03.2020).

3. Магомедова, П. М. Социальные стандарты и гарантии – основа социальной защиты населения / П. М. Магомедова // Вопросы структуризации экономики. – 2011. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-standarty-i-garantii-osnova-sotsialnoy-zaschity-naseleniya (дата обращения: 17.03.2020).

4. Хасанова, С. Г. К вопросу о понятии и значение принципов уголовного судопроизводства / С. Г. Хасанова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2015. – № 4 (167). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-znachenie-printsipov-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 17.03.2020).

2. Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/62988 (дата обращения: 20.03.2020).

Дегтярева И. С.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Самолаева Е. Ю.****,*
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ДРУГИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ, НАУЧНУЮ, ИСТОРИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ

Находящиеся в Российской Федерации культурные ценности имеют для государства и его народа огромное значение. Имеющийся фонд предметов и документов, представляющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, благоприятно влияет на нравственное воспита-

[1] © Дегтярева И. С., 2020.

ния народа, позволяет приобщиться к культуре, а также обогатить свои знания в историческом аспекте и воспитать патриотизм к своей Родине. В ст. 44 Конституции Российской Федерации сказано: «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям».

В настоящее время в России остро стоит вопрос о сохранении культурного достояния наций и народностей. В связи с этим перед Российской Федерацией возникает задача предпринять все необходимые меры по охране культурного достояния от возможных противоправных посягательств.

Для прогресса в области науки, образования, искусства культурные ценности имеют огромное значение, как внутри одного государства, так и для всего мирового сообщества.

Так, в Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 6 ноября 1972 г. констатируется, что культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносным разрушительными явлениями.

Каждое государство должно охранять культурные ценности для занятия лидирующего положения среди иных государств, а также для будущих поколений [1, с. 169].

Преступники, как правило, орудуют в различных музеях, галереях, на выставках, в библиотеках и жилых помещениях коллекционеров или лиц, имеющих предметы особой ценности.

Производство расследования хищения рассматриваемого предмета преступления должно осуществляться правомочным на то должностным лицом. В ходе расследования следователю нужно использовать знания специалистов то же время, инициировать его может должностные лица учебных заведений, библиотек, архивов, научных институтов и центров, научно-исследовательских (испытательных) лабораторий, конструкторских бюро и иных учреждений. Также необходимо использовать возможности данных учреждений и организаций (в первую очередь, специальные знания специалистов, в них работающих) для достижения целей расследования данных преступлений.

Кроме раскрытия, расследования и предупреждения преступлений перед сотрудниками органов внутренних дел стоит задача по обеспечению должного оборота предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В этой связи целесообразно и эффективно в данной сфере осуществление взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с другими правоохранительными органами. Это способствует равномерному рассредоточению сил и средств, продуктивному и оперативному раскрытию и расследованию преступлений, а также взаимному обмену информацией. Данный институт необходимо развивать и совершенствовать.

Для успешного раскрытия, расследования и предотвращения хищения предметов, имеющих особую ценность имеет значение отслеживание оперативной обстановки в регионе и знание особенностей его расследования [2, с. 30].

Под отслеживанием оперативной обстановки подразумевается такая совокупность оперативно-профилактических мероприятий, направленных на изобличение лиц, занимающихся коллекционированием, владельцев и работников антикварных лавок, учреждений, осуществляющих продажу таких предметов, а также лиц, которые уже были ранее привлечены к уголовной ответственности за аналогичные преступления.

В содержание второго аспекта входят анализ вышеуказанной оперативно-профилактической работы, а также результатов осмотра места происшествия; контроль дорожной обстановки на тех участках, которые граничат с другими странами для исключения экспорта предметов, имеющих особую ценность и производство необходимых неотложных следственных действий, выдвижение следственных версий и их проверка.

Расследование хищений предметов, представляющих особую ценность, требует специальных познаний в различных областях, в связи с этим взаимодействие ОВД с другими структурами способствует эффективному, объективному и всестороннему расследованию. А именно с Федеральной службой безопасности, Федеральной таможенной службой РФ, Департаментом по сохранению культурных ценностей, коллегами из стран СНГ с использованием возможностей Бюро «Интерпола» и партнеров дальнего зарубежья.

Взаимодействие правоохранительных органов по борьбе с преступными посягательствами на культурные ценности производится:

1) на региональном уровне – в зависимости от криминогенной обстановки;

2) на межрегиональном уровне – в соответствии с поручениями руководителей федеральных правоохранительных органов или по согласованию с ними.

Формы взаимодействия:

1) координационное совещание руководителей правоохранительных органов;

2) региональные и межрегиональные следственно-оперативные группы.

В рамках первой проводятся такие мероприятия, как определений целей, задач, а также формулировка и подготовка соответствующих приказов и распоряжений; осуществление контрольных мероприятий, направленных на проверку исполнений данных приказов и распоряжений.

При реализации второй формируются следственно-оперативные группы, необходимые для осуществления расследования и раскрытия хищений культурных ценностей. Для чего издается соответствующий совместный приказ руководителей, регламентирующий условия и задачи такой группы. Как правило, в состав таких следственно-оперативных групп привлекаются опытные следователи, знающие специфику расследования преступлений данной категории.

Принимая во внимание факт того, что чаще всего целью похищения предметов, имеющих особую ценность выступает желание реализовать их заграницей, взаимодействие с таможенными органами и международное сотрудничество в этой сфере – наиболее эффективное направление деятельности в рамках расследования преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ. В ходе такого взаимодействия происходит активный обмен данными, информацией, статистикой [3, с. 292].

Исходя из анализа вышеизложенного следует, что взаимодействие способствует эффективному и оперативному расследованию. Таким образом, при осуществлении борьбы с хищением предметов, имеющих особую ценность, взаимодействие является неотъемлемой частью, без которой эффективность расследования существенно снижается. А ведь все правоохранительные органы и соответствующие ведомства объединены одной общей целью – сохранения предметов культурного и исторического наследия народов России.

Библиографический список

1. Богданов, А. В. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность / [А. В. Богданов и др.] // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 169–176.

2. Басков, В. А. Проблемы и отдельные направления совершенствования межведомственного взаимодействия в предупреждении и раскрытии хищений предметов, имеющих особую ценность / В. А. Басков // Российский следователь. – 2006. – № 3. – С. 20–34.

3. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы : учебник / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев. – М., 2010.

4. Артемова, В. В. К вопросу о правовом регулировании приема и разрешения сообщений о преступлениях / В. В. Артемова // Проблемы досудебного производства по УПК РФ : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. – Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – С. 13–18.

Во Ким Зунг[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Иванов Д. А.****,*
начальник кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

На сегодняшний день возможность признания юридического лица потерпевшим от преступлений является действительном, необходимым шагом развития национального законодательства в целом, и уголовного процесса в частности. Из-за своей природы, участие юридического лица в уголовном судопроизводстве как потерпевший от преступлений полностью обеспечивается путем участия его представителя. Со своей стороны, представитель потерпевшего юридического лица, как самостоятельный участник уголовного процесса, также имеет процессуальные права, и одновременно, несет процессуальные обязанности. Однако, проблеме о процессуальных ответственностях представителя юридического лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, в теории и практике, уделяют большое внимание ученые и процессуалисты.

Изучение уголовно-процессуального кодекса России и Вьетнам, позволяет нам сделать вывод о том, что в них отсутствует указания законодателя о процессуальной обязанности представителя потерпевшего.

Так, ч. 9 ст. 42 УПК РФ определено, что *«в случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель»,* а согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ, *«законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица».* Таким образом, из буквального толкования указанных статей следует, что представитель потерпевшего юридического лица, участвуя в уголовном процессе, несет процессуальные права без каких-либо обязанностей.

Аналогичная ситуация также и в ч. 2 ст. 62 УПК СРВ, где предусмотрены процессуальные права потерпевшего: *«потерпевший и его представитель*

[1] © Во Ким Зунг, 2020.

вправе:…», а в ч. 4 данной статьи определены процессуальные обязанности потерпевшего: *«потерпевший обязан:…»*. Получается, законодатель только перечисляет те права, которыми обладает представитель потерпевшего, а не его обязанности.

По нашему мнению, данные положения в законах обеих стран можно считаться пробелом. Таким образом, перед нами стоит задача по выявлению, перечислению тех обязанностей, которые должны нести представитель потерпевшего юридического лица, а также по разработке предложений по совершенствованию законодательства обеих стран.

Как отмечалось выше, основаниями для участия в качестве представителя юридического лица, потерпевшего от преступления является ордер адвоката, учредительные документы (подлинник или их копия, заверяемая надлежащим образом), а также доверенности. Такие документы необходимо приобщить к материалам уголовного дела. По нашему мнению, целесообразно закрепить за представителями обязанность, выражающуюся в том, что он должен представлять должностному лицу или органу, ведущему производство по уголовному делу, документы, которые подтверждают его полномочия представителя.

Анализ процессуальных обязанностей, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством России и Вьетнама за потерпевшим, показывает, что особый интерес вызывает обязанность потерпевшего являться по вызову должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. В противоположном случае, когда потерпевший уклоняется от явки без уважительных причин, к ним может быть применена мера процессуального принуждения, которая называется привод (ст. 113 УПК РФ и ст. 127 УПК СРВ). При этом возникает вопрос о том, что наделен ли потерпевший, являющийся юридическим лицом, такой обязанностью, как явка по вызову следователя, дознавателя и в суд?

В России, как отметил В. В. Чибизов приводу, безусловно, подлежит потерпевший, являющий физическим лицом. УПК РФ, в отличие от ст. 27.15 КоАП РФ, не предусматривает возможность осуществления привода представителя потерпевшего юридического лица [1, с. 36]. Изучая данный вопрос, Д. А. Иванов утверждает, что «представитель юридического лица, потерпевшего от преступлений, должен нести обязанность по явке по вызову должностных лиц, а также в случае его неявки без уважительных причин, он подвергается приводу, поскольку данное лицо непосредственно представляет права и законные интересы юридического лица, признанного потерпевшим» [3, с. 169].

Сходная ситуация также возникает во Вьетнаме. В правоприменительной практике, неоднократно появляется у должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу вопрос: возможно ли применять привод к представителю потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, являющихся организациями, при его умышленной неявке, или неявке без уважительной причин, и если такая неявка препятствует разрешение уголовного дела? Отвечая на этой вопрос, Верховная Народная Прокуратура СРВ, в п. 23 своего постановления [4], ссылается ч. 2 ст. 127 УПК СРВ. Согласно которой, привод может применяться к следующим участникам процесса: 1) свидетелю; 2) потерпевшему; 3) подозреваемому; 4) обвиняемому.

Таким образом, нельзя применить привод к представителю потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, являющихся организациями, так как отсутствует законное основание для его осуществления. Однако, как показывает практика, отсутствие основания для применения привода к представителю организации, признанной потерпевшим, условно оказывает негативное влияние на качество процесса расследования преступлений. В связи с этим, предлагается закрепить за представителями потерпевшего юридического лица, обязанность не уклоняться от явки по вызову должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

Следующая обязанность потерпевшего, выполнение которой существенно влияет на результат процесса расследования, выражается в том, что потерпевший обязан не разглашать данные указанного процесса, если об этом он был предупрежден должностным лицом.

По уголовно-процессуальному законодательству России, эта обязанность является одной из единственных, которые перечислены в ч. 5 ст. 42 УПК РФ. Порядок предупреждения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования определяется в ст. 161 УПК РФ. Отмечается, что представитель потерпевшего, являющегося юридическим лицом, участвует в производстве по уголовному делу, как самостоятельный участник уголовного процесса. Таким образом, в силу ч. 3 ст. 161 УПК РФ, следователь, дознаватель вправе предупредить его о недопустимости разглашения без разрешения данных предварительного расследования. Однако, по нашему мнению, законодательство России по рассматриваемому вопросу несовершенно. Аргументируем нашу позицию следующим образом, если в качестве представителя юридического лица, потерпевшего от преступлений, участвует лицо по доверенности руководителя потерпевшего, допустим главный бухгалтер. Несет ли такой представитель юридического лица уголовную ответственность, предусмотренную ст. 310 УК РФ, если он докладывает своему руководству (руководителю юридического лица) сведения из известных ему материалов уголовного дела? Действительно, представитель потерпевшего юридического лица, предупрежденный о неразглашении данных предварительного расследования, не вправе доложить кому-либо из руководства юридического лица о результатах выполненной им задачи по доверенности. Но, в то же время, как отмечает М. А. Новиков, данная обязанность приводит к нарушению корпоративной подчиненности и трудового законодательства, так как, она ограничивает права руководителя юридического лица [5, с. 29]. Считаем, что представитель юридического лица, признанного потерпевшим, должен нести обязанность о неразглашении данных расследования и ответственность за нарушение этого. Представитель юридического лица, потерпевшего от преступления, освобождается от ответственности за данного нарушение, если оно совершено в интересах потерпевшего – юридического лица.

Что касается рассматриваемой проблемы во Вьетнаме. Недопустимость разглашения сведения расследования определяется вьетнамским законодателем в ст. 177 УПК СРВ. Согласно которой, неразглашение данных расследования вменено в обязанности всем участникам уголовного производства под угрозой

уголовной ответственности. Однако неясно, почему же вьетнамский законодатель не изложил данную обязанность потерпевшего в ч. 4 ст. 62 УПК СРВ, где предусмотрены процессуальные обязанности данного участника. На практике нередко возникает случай, когда лицо, случайно или умышленно, разглашает сведения из материалов уголовного дела, в котором оно является потерпевшим, последствие которого оказывает отрицательное влияние на процесс расследования преступлений. Проведенный нами анализ процессуальной обязанности представителя потерпевшего и ответственности за нарушение в уголовном судопроизводстве Вьетнама позволяет констатировать, что необходимо включить в УПК СРВ нормы, содержащие обязанности потерпевшего, а также его представителя о неразглашении данных предварительного расследования. Данное новшество, по нашему мнению, способствует достижению назначения уголовного судопроизводства в целом, обеспечению качества, эффективности и временности расследования, защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса, в частности. Мы также солидарны с мнением о том, за нарушение рассматриваемой обязанности, потерпевшего, его представителя можно привлечь к уголовной ответственности. Однако, к сожалению, в вьетнамском уголовном праве данная ответственность не предусмотрена. УК СРВ определяет только ответственность за разглашение или потери государственной (ст. 337, ст. 338 УК СРВ), служебной (ст. 404, ст. 405, ст. 406, ст. 407 УК СРВ), и коммерческой тайны (ст. 361, ст. 362 УК СРВ), а не за разглашение данных предварительного расследования. На наш взгляд, это можно считаться как пробелом законодательства Вьетнам, и для его устранения важно учитывать российский опыт. Мы полагает изложить в УК СРВ норму, в которой будет установлена уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования.

Имея сходное мнение, З. Л. Ву предполагает закрепить такую ответственность в ст. 383.1 УК СРВ [6].

Таким образом, исходя из вышеперечисленных положений, с целью совершенствования процессуального статуса представителя потерпевшего юридического лица в России и во Вьетнаме, мы предлагаем следующие изменения и дополнения в УПК РФ и УПК СРВ:

– ст. 45 УПК РФ дополнить частями 5, 6, 7 в следующих редакциях:

«5. Представитель потерпевшего обязан:

– предоставлять дознавателю, следователю и в суд документы, подтверждающее его полномочия представителя;

– являться по вызову дознавателя, следователя и в суд, для защиты прав и законных прав представляемого им лица.

6. Представитель не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с представлением прав и законных интересов потерпевшего, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. За разглашение данных представительного расследования, представитель потерпевшего несет ответственность, предусмотренную ст. 310 УК РФ.

7. При неявке представителя потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу».

– ч. 1 ст. 113 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1. В случае неявке по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, его законный представитель (представитель), … могут быть подвергнуты приводу».

– ст. 62.1 УПК СРВ дополнить частями 4, 5, 6 в следующих редакциях:

«4. Представитель потерпевшего обязан:

– предоставлять дознавателю, следователю и в суд документы, подтверждающее его полномочия представителя;

– являться по вызову дознавателя, следователя и в суд, для защиты прав и законных прав представляемого им лица.

5. Представитель не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с представлением прав и законных интересов потерпевшего, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 177 УПК СРВ. За разглашение данных представительного расследования, представитель потерпевшего несет ответственность, предусмотренную ст. 383.1 УК СРВ.

6. При неявке представителя потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу».

– ч. 2 ст. 127 УПК СРВ изложить в следующей редакции: «2. В случае неявке по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, его законный представитель (представитель), … могут быть подвергнуты приводу».

Таким образом, исходя из вышеперечисленным положениям, с целю совершенствования уголовно-процессуального регулирования, мы предполагаем дополнить в УПК РФ и Вьетнама обязанности представителя юридического лица, являющегося потерпевшим от преступлений.

Библиографический список

1. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под научной ред. Г. И. Загорского. – М. : Проспект, 2016.

2. Алимамедов, Э. Н. Следователь как гарант обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций в уголовном судопроизводстве / Э. Н. Алимамедов // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 22–25.

3. Иванов, Д. А. Привод представителя юридического лица, потерпевшего от преступления / Д. А. Иванов // Вопросы гуманитарных наук. – 2006. – № 2 (23). – С. 169–171.

4. Công văn số 5024/VKSNDTC-V14 về giải đáp vướng mắc liên quan đến quy định của bộ luật tố tụng hình sự và nghiệp vụ thực hành quyền công tố, kiểm sát việc giải quyết vụ án hình sự trong ngành kiểm sát nhân dân do viện kiểm sát nhân dân tối cao ban hành. Ngày 19 tháng 11 năm 2018. (Постановления Верховной Народной Прокуратурой СРВ о объяснение некоторых положений Уголовно-процессуального кодекса, осуществления преследования и проверки расследования преступлений. № 5024/VKSNDTC-V14 от 19 ноября 2018 г.).

5. Новиков, М. А. Обязанности потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве / М. А. Новиков // Провинциальные научные записки. – 2019. – № 2. – (10). – С. 29–34.

6. Ву Зуи Линь. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2019.

Жубатыров В. Ю.[1],
слушатель Академии управления МВД России

ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

Приоритетной задачей уголовной политики, реализуемой на сегодняшний день в Российской Федерации, является обеспечение безопасности человека и гражданина от противоправных криминальных действий. Это определяет комплекс средств и методов, применяемых для ее достижения соответствующими субъектами. Ведущее место среди них занимают органы внутренних дел (далее по тексту ОВД), для которых одним из основных направлений деятельности выступает предупреждение посягательств на личность, особенно с применением насилия. Указанные криминальные действия обладают высокой степенью общественной опасности, включающей в себя как ее качественную, так и количественную составляющие. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые аспекты деятельности ОВД на указанном направлении на примере таких индексных преступлений как убийство и причинение вреда здоровью.

Необходимо заметить, что объем и уровень насильственной преступности считаются одними из очевидных показателей криминальной пораженности общества. По данным ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», за период с января по декабрь 2019 г. общее количество потерпевших от преступлений против жизни и здоровья составило 177 тыс. 925 человек (–6,6 %), из которых погибло 14 тыс. 827 (–7 %), тяжкий вред здоровью причинен – 22 тыс. 488 потерпевшим (–6,8 %), средней тяжести – 28 тыс. 619 (–2,1 %).

Пострадавшими от рассматриваемых преступлений, являются преимущественно лица мужского пола (60 %), в 10 тыс. 416 случаях (–9,4 %) – это несовершеннолетние лица. Количество потерпевших от данных криминальных деяний, относящихся к категории граждане пожилого возраста (мужчины после 60 лет и женщины после 55 лет), составляет 21 тыс. 781 человек, из которых 2 тыс. 190 – это инвалиды 1, 2 групп. Наблюдается и качественное изменение структуры насильственной бытовой преступности. Из общего числа рассматриваемых индексных насильственных преступлений в настоящее время, согласно

[1] © Жубатыров В. Ю., 2020

статистике ГИАЦ МВД России, на бытовой почве совершается только около 30 % [1].

Безусловно, что сложившуюся оперативную обстановку нельзя объяснить только эффективной деятельностью правоохранительных органов. Отчасти, причины такого положения кроются в высокой латентности указанных преступных деяний, носящей не только естественный, но и искусственный характер, когда преступления урываются от учета или неправильно квалифицируются правоприменителями. Это наглядно видно по результатам анализа независимых социологических исследований, согласно которым в Российской Федерации жертвами бытового насилия ежедневно являются больше половины женщин и детей, из них за год погибает от 12 до 14 тысяч. В свою очередь, бытовое насилие серьезно влияет и на рост в обществе суицида, уровень которого в настоящее время составляет 57 случаев на 100 тыс. человек населения [2].

Предупреждение преступности в целом и таких ее отдельных видов как насильственная преступность представляет собой деятельность, имеющую комплексный характер, куда вовлечены и высшие органы государственной власти, и органы местного самоуправления, и институты гражданского общества, и просто рядовые граждане. Указанная деятельность имеет несколько уровней и была уже неоднократно исследована в трудах ученых-криминологов.

Эффективное предупреждение органами внутренних дел индексных насильственных преступлений, рассматриваемых в рамках данной статьи, зависит от ряда факторов, основными из которых являются:

– необходимость дальнейшей реализация базовых программных положений, содержащихся в Приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», а так же в иных нормативных правовых актах, принятых на федеральном, региональном и локальном уровнях, имеющих соответствующую направленность (например, постановление Правительства Москвы об утверждении программы «Безопасный город» от 13 мая 2015 г. № 254-III и др.);

– дальнейшее внедрение и активное использование автоматизированных информационных система мониторинга криминогенной обстановки и общественной безопасности применительно к определенному региону или территориально-административной единице;

– неукоснительное соблюдение учетно-регистрационной дисциплины и законности при выявлении, пресечении, проведении проверки, расследовании фактов совершения преступлений против личности с применением насилия или с угрозой его применения, а также дальнейшем обеспечении неотвратимости наказания. Игнорирование данного положения влечет за собой рецидив и вовлечение новых участников в преступную деятельность;

– использование новых технологий предупреждения преступности путем должного технического оснащения ОВД, оборудования в местах массового пребывания граждан систем теле- и видеообзора с выводом их на мониторы стационарных постов полиции; выведение конечных устройств системы наблюдения в диспетчерские службы (дежурные части, СПМ и т. п.) правоохранительных органов, что позволяет скрытно вести наблюдение на расстоя-

нии, оперативно и эффективно реагировать на факты криминальных действий против личности;

– тесное сотрудничество с институтами гражданского общества, средствами массовой информации с целью недопустимости пропаганды жестокости и насилия в общественном сознании, культивирования тренда законопослушного гражданина.

В заключение следует акцентировать внимание на том, что реализация указанных мероприятий не даст должного эффективного результата без глобального разрешения тех экономических, социальных, миграционных и культурных проблем, которые существуют на конкретной территории оперативного обслуживания органов внутренних дел и напрямую влияют на складывающуюся оперативную обстановку.

Библиографический список

1. Сведения о количестве потерпевших Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» Форма «3-ЕГС» (49380) // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.04.2020).

2. Социологи озвучили статистику жертв домашнего насилия // URL: https://rg.ru/2019/10/23/nasilie.html (дата обращения: 28.03.2020).

Игнатова О. Н.[1],
следователь по особо важным делам
Следственного департамента МВД России,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ ч. 4 ст. 179 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

[1] © Игнатова О. Н., 2020.

Часть 3 ст. 179 УПК РФ возлагает полномочия по проведению освидетельствования на следователя. Однако, ч. 4 данной статьи предусмотрено производство освидетельствования лица другого пола врачом без присутствия следователя, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. Указанное положение позволяет рассматривать случаи проведения освидетельствования данного вида как один из способов делегирования процессуальных полномочий следователя лицу.

Г. И. Грамович считал, что врач при проведении освидетельствования в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ, выступает не как специалист или эксперт, а как лицо, осуществляющее следственное действие вместо следователя, так как следователь сам не наблюдает факты и не фиксирует их [1, с. 72].

Процессуальные и криминалистические аспекты проведения освидетельствования являлись предметом научных исследований Е. Г. Васильевой, Т. В. Виницкого, Г. И. Грамович, А. Э. Жалинского, Л. М. Исаевой, А. В. Кудрявцевой, К. В. Лисиченко, Н. А. Маркс, И. Л. Петрухина, А. Г. Потаповой, А. П. Рыжакова, Е. В. Селиной, Л. Г. Татьяниной, Ю. Г. Торбина, В. В. Циркаля и других авторов.

По своему содержанию данный способ делегирования состоит не из права, а из субъективной обязанности следователя делегировать проведение связанного с обнажением лица иного пола освидетельствования врачу, вызванной законодательным запретом участия следователя при его проведении. В отличие от поручения проведения следственных действий в порядке ст. 152 УПК РФ РФ, следователь не может в силу закона провести освидетельствование самостоятельно.

Таким образом, момент возникновения обязанности следователя делегировать свои процессуальные полномочия связан с двумя обязательными фактическими обстоятельствами:

– необходимость проведения освидетельствования, связанного с обнажением лица;

– различие половой принадлежности следователя и освидетельствуемого.

В случае отсутствия любого из указанных оснований юридическая обязанность следователя делегировать свои процессуальные полномочия по проведению освидетельствования не возникает.

Исследующие вопросы освидетельствования врачом в уголовном судопроизводстве ученые практически единодушны в определении одной из основных проблем данного института, связанной в отсутствии в законе указания на специализацию участвующего в данном следственном действии врача. По мнению большинства исследователей данное обстоятельство в случае привлечения врача, не обладающего познаниями в области судебной экспертизы, может привести к ошибкам и признанию результатов следственного действия недопустимыми доказательствами.

Ю. Г. Торбин приводит пример такого нарушения. В 2006 г. в производстве одного из следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации находилось уголовное дело по факту причинения тяжких телесных повреждений гражданину Н. Потерпевший при допросе указал, что лица нападавше-

го на него преступника не видел, но перед тем, как потерять сознание, успел нанести ему несколько ударов кулаками. По подозрению в совершении преступления был задержан гражданин Г. Подозреваемый свою вину отрицал. Было вынесено постановление о производстве освидетельствования, для чего следователь пригласил врача-стоматолога, так как ввиду занятости больница не смогла предоставить иного специалиста. Врач констатировал на теле подозреваемого наличие повреждений мягких тканей, давность которых оценил в 7–8 дней, что совпало со временем совершения преступления. Однако адвокат подозреваемого оспорил результаты освидетельствования в судебном порядке, указав, что врач-стоматолог, несмотря на наличие медицинского образования, не является компетентным в данном вопросе и ходатайствовал о проведении освидетельствования специалистом в области судебной медицины. Ходатайство было удовлетворено, и установлено, что ушибы мягких тканей обладают большей давностью и не могли быть оставлены потерпевшим [2, с. 38].

По этой причине ряд процессуалистов полагают необходимым закрепление в законе требования о привлечении к освидетельствованию специалиста в области судебной медицины, и только в случае невозможности его участия – врача [3, с. 26].

Однако, автор позволит себе не согласиться с предложением необходимости реформирования данного положения по следующим причинам.

Во-первых, вопросы давности причинения телесных повреждений подлежат установлению в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы и выходят за пределы освидетельствования, проводимого в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ. Как представляется, законодатель здесь не совсем правильно выбрал словосочетание «освидетельствование проводится врачом», поскольку врачом производится осмотр тела, но не освидетельствование по существу. Целью проведения данного вида освидетельствования является обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений и иных свойств и признаков, имеющих значение для дела, т. е. осуществление визуального исследования и удостоверение наличия или отсутствия отдельных признаков, не требующее специальных познаний. Данный вывод подтверждается законодательным уполномочиванием на проведение данного следственного действия именно следователя, не обладающего специальными медицинскими познаниями, соответствующим образованием и специализацией. В отличие от судебной экспертизы, участие специалиста в проведении освидетельствования не является обязательным и предусмотрено лишь при наличии необходимости.

Во-вторых, отсутствие в законе закрепления обязательного участия в освидетельствовании именно врача – специалиста в области судебной медицины, оставляет возможность законного проведения данного следственного действия в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ, к примеру, в труднодоступных районах, в случаях, когда поручение проведения освидетельствования, связанного с обнажением лица другого пола, другому следователю или сотруднику органа дознания, или специалисту в области судебной медицины затруднительно или невозможно в силу территориальной отдаленности.

Одна из проблем тактического характера при проведении освидетельствования врачом в отсутствие следователя в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ связана со спецификой проведения данного следственного действия врачом, не являющимся профессиональным участником уголовного судопроизводства, с одной стороны, и правом адвоката-защитника подозреваемого (обвиняемого) или адвоката-представителя потерпевшего присутствовать при проведении любых следственных действий с участием представляемого. При этом, возможность участия защитника или представителя единого или противоположного пола с освидетельствуемым при отсутствии следователя не оговорена законодателем.

О. А. Айвазова обращает внимание на возможность возникновения ситуации, когда запрет присутствия следователя может сочетаться с инициативным присутствием защитника или представителя освидетельствуемого и с отсутствием аудиовизуальных средств фиксации следственного действия (видеозаписи). В таких условиях вполне реальным может оказаться неправомерное воздействие со стороны заинтересованных лиц на врача, который, по общему правилу, не имеет опыта участия в следственных действиях (если он не является судебно-медицинским экспертом). О. А. Айвазовой и другими исследователями предлагается в качестве одного из решений данной проблемы – приглашение при проведении освидетельствования в отсутствие следователя понятых одного пола с освидетельствуемым. Такой способ проведения данного следственного действия предусмотрен УПК РФ Белоруссии. По мнению автора, такой способ в силу отсутствия опыта участия в проведении следственных действий, как у врача, так и понятых, не может в полной мере исключить возможные нарушения. Поэтому предпочтительным и более эффективным, по мнению автора, является предложенный О. А. Айвазовой второй вариант решения проблемы: путем делегирования проведения освидетельствования соответствующим сотрудникам одного пола с освидетельствуемым (например, членам следственной группы или сотрудникам органа дознания в формате отдельного поручения в порядке ст. 38 УПК РФ) [4, с. 48].

Резюмируя изложенное, автор полагает:

Излишним сформулированное в предложениях отдельных авторов положение о необходимости законодательного закрепления требования о привлечении к освидетельствованию в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ специалиста в области судебной медицины, и только в случае невозможности его участия – врача [3, с. 26].

В качестве альтернативы, в случаях риска неправомерного воздействия со стороны заинтересованных лиц на врача, который, по общему правилу, не имеет опыта участия в следственных действиях, практическим работникам целесообразно рассматривать вариант делегирования проведения освидетельствования соответствующим сотрудникам одного пола с освидетельствуемым (например, членам следственной группы или сотрудникам органа дознания в формате отдельного поручения в порядке ст. 38 УПК РФ).

Библиографический список

1. Грамович, Г. И. К вопросу о субъектах, применяющих криминалистическую технику / Г. И. Грамович // Материалы научно-практической конференции. – Минск, 1965. – С. 72–75.

2. Торбин, Ю. Г. «Защита прав личности при производстве освидетельствования» / Ю. Г. Торбин // Закон. – 2013. – № 8. – С. 38–36.

3. Потапова, А. Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. – Челябинск, 2007.

4. Айвазова, О. В. Тактико-криминалистический потенциал освидетельствования в контексте современного уголовно-процессуального закона / О. В. Айвазова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – С. 48–49.

Козлов И. В.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Галкина У. В.,***
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ (чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ)

Страхование – это один из наиболее важных элементов, который входят в структуру рыночной инфраструктуры страны. Страхование способствует повышению инвестиционного потенциала, а также предоставляет возможности увеличить состояние, а также богатство всей нации. Вместе с тем, в экономически развитых государствах страхованию отведено важное место, которое направлено на обеспечение стабильного функционирования всей государственной экономики. Страхование призвано обеспечивать защиту интересов организаций, а также отдельных граждан. Данная защита должна быть связана с имуществом, а также жизнью, здоровьем и трудоспособностью.

Вместе с тем, сегодня, одновременно с развитием страхового дела в Российской Федерации, появлением новых способов, а также условий страхования и, собственно, повышением общей культуры рассматриваемых цивилизованных отношений на рынке страховых услуг, здоровой страховой конкуренции, доста-

[1] © Козлов И. В., 2020.

точно сильно возрастает и общее количество разного рода преступных посягательств, которые могут быть совершены в рассматриваемой сфере. При этом, значительная их часть – это уголовно наказуемые деяния, направленные против собственности.

Следует указать при этом, что в структуре данных преступлений основное место занимают, прежде всего, хищения, которые совершаются путем мошенничества. Как следствие, страховщики несут убытки, которые были причинены незаконными действиями не только со стороны индивидуальных мошенников, но также и со стороны служащих страховых компаний, работников медицинских организаций и правоохранительных органов, которые являются их сообщниками.

Об актуальных проблемах данной темы свидетельствуют также данные статистики. Так, к примеру, согласно сведениям, которые были представлены службой безопасности ПАО «Росгосстрах», за период с 2010 по 2019 г. 90 % всех совершенных мошеннических действий в анализируемой в данном исследовании сфере было совершено лицами, которые осуществили предварительное заключение договора страхования и в последствии инициировали наступление определенного страхового события [1].

Вместе с тем, согласно данным, представленным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», в 2017 г. на территории России было совершено 222 772 преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 159–159.6 УК РФ, из них раскрыто – 56 178 [2]. В 2018 г. данный показатель был равен 215036, их которых раскрыто 57 418 [3]. В 2019 г. данный показатель был равен 257 002, из которых раскрыто 64 378 [4].

При производстве отдельных следственных действий при расследовании мошенничества в сфере страхования, предусмотренного чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ, можно выделить следующие негативные обстоятельства:

– информационная неопределенность, а также, собственно, ограниченность сведений, которые касаются существенных обстоятельств расследуемого уголовного дела;

– большой объем неотложной работы, которая требует своего решения одновременно по нескольким направлениям и касается расследуемого уголовно дела;

– дефицит времени, а также реальная угроза, заключающаяся в возможности утраты значимой информации по уголовному делу;

– активное противодействие, которое оказывается со стороны установленных, а также неизвестных следствию участников совершенного уголовно наказуемого деяния;

– необходимость в том, чтобы организовать эффективное, а также многосубъектное взаимодействия при расследовании и прочее [6, с. 31].

С целью решения указанных проблем предлагается отдельно внимание уделить осмотру места происшествия, а также изъятию и выемке всех документов, которые могут носить значимую для производства расследования информацию.

Исследование предметов и документов в таком случае подразумевает проведения анализа как предметов, также и разного рода документов, которое осуществляется специалистом-криминалистом либо прочим специалистом конкретной отрасли. При этом, главная особенность указанного исследования заключается в использовании методик, в свою очередь, не связанных с последующим обязательным уничтожением исследуемых объектов либо же с их качественными изменениями как таковыми. Все полученные должны быть оформлены в виде справки специалиста (либо же эксперта-криминалиста), который уполномочен был на проведение данного исследования.

Отдельное внимание должно быть уделено допросу так называемых свидетелей либо предполагаемых потерпевших от наступления страхового случая. К производству допроса целесообразно существенным образом подготовиться. При чем, такая подготовка не терпит формальности, а также во многом определяет успех рассматриваемого следственного действия в том случае, если следователем будет учтен ряд обязательных элементов, которые будут способствовать ему. В частности, речь идет о:

1) необходимости изучения личности допрашиваемого лица;

2) выяснение таких обязательных для расследования обстоятельств, как:

– взаимоотношение, которое складывалось с мошенником либо группой преступников;

– наличие заинтересованности допрашиваемого лица в исходе расследуемого уголовного дела по факту совершения мошенничества, предусмотренного чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ;

– характеристика образа жизни допрашиваемого лица, его интересов, прочее;

– выявление психологических свойств, которые характерны для допрашиваемого лица;

– характеристика допрашиваемого лица, которая может быть получена по месту жительства, а также его работы.

Отдельно можно прибегать к такому приему, как производство допроса сразу на месте совершения преступления. Такие обстоятельства являются для допрашиваемых лиц экстремальными, в которых они могут не успеть собраться и обдумать последующие свои действия, что на руку следователю.

В отдельности следует допрашиваемым лицам разъяснить весь возможный характер ответственности, которая наступает в соответствии с уголовным законодательством за заведомо ложные показания, а также все меры, которые в таком случае предпринимаются действующими оперативными сотрудниками с той целью, чтобы обеспечить охрану прав и законных интересов свидетелей в случае, если будут иметь место какие-либо угрозы в их адрес.

Вместе с тем, помимо основных тактических приемов производства допроса (проведение удаленных бесед, демонстрация имеющихся доказательств, разъяснение возможности наступления уголовной ответственности за дачу неправдивых показаний) предлагается использовать также полиграф [7, с. 158].

Основное внимание должно быть уделено тем вопросам, общие темы о которых ранее вызывали у опрашиваемого лица самую сильную эмоциональную

реакцию либо же не вызвали никакой. В последующем специалист должен сделать себе заметки, что в последствии способствует подбору наиболее правильных вопросов. Этот же прием может применять специалист с целью выявления противодействия проведению опроса со стороны опрашиваемого лица. Указанная тактика позволяет специалисту проводить наблюдение за реакциями со стороны опрашиваемого еще до начала до опроса, а также после его проведения.

При расследовании мошенничества, предусмотренного чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ, опрос с применением полиграфа предлагается проводить всегда, по той причине, в целом у опрашиваемого лица нет определенности и детальной картины, относительно полученных посредством полиграфа результатов. Таким образом, предполагая самое худшее, опрашиваемое лицо может допускать какие-либо ошибки, которые в последствии, могут выдать скрываемую информацию либо приблизить к ней.

Отдельно необходимо отметить, что у специалиста, который провел определенное количество опросов, появляются навыками психолога, которые позволяют ему видеть определенную картину. Благодаря этому у последнего есть возможность в последующем вынести предложение, насколько правдивы были даны ответы опрашиваемого лица посредством применения полиграфа [9, с. 204].

Таким образом, при расследовании мошенничества в сфере страхования, предусмотренного чч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ, следует первоочередное внимание уделить осмотру места совершенного страхового события, а также проведение обыска и выемки всех необходимых документов и договоров с целью избежать их уничтожения преступниками.

Помимо этого, представляется целесообразным использование полиграфа по делам данной категории при производстве допроса лиц, которые являются, с первого взгляда, свидетелями либо потерпевшими, а могут в последствии оказаться членами организованной преступной группы и инсценировщиками.

Исследование полиграфа в таком случае целесообразно, поскольку указанная категория лиц может скрывать важную для расследования информацию по разным мотивам. Кроме того, данные исследования способствуют анализу психофизиологических реакций опрашиваемого лица, что, собственно может привести к своевременному, а также наиболее правильному раскрытию уголовно наказуемых деяний.

Мошенничество в сфере страхования зачастую совершается в соучастии – группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой. С этой целью предшествует тщательная подготовка, которая заключается, прежде всего, в привлечении к совершению преступления сотрудников разного рода государственных организаций, а также правоохранительных органов; действующих работников в сфере здравоохранения, а также нотариальных контор, прочих. Также имеет место четкое разделение преступных ролей, а также обязанностей.

Преступники могут вступать в сговор со следующими лицами:

- оценщики;
- разного рода эксперты, которые должны дать соответствующее заключение;
- работники автосервиса, в который было доставлено авто после ДТП;

– медицинские работники соответствующей страховой компании, с которой был заключен договор страхования и прочее.

Такое мошенничество зачастую совершается посредством инсценировки (кражи автомобильного средства, убийства застрахованного лица, прочее).

Следы рассматриваемого уголовно-наказуемого деяния, зачастую, находят свое отражение в:

– договорах страхования;
– страховых полюсах;
– заключениях экспертов;
– справках из автомобильных ремонтных мастерских;
– справках из правоохранительных органов.

Мошенничество, которое совершается в сфере страхования, представляет собой умышленные действия, которые, в целом, связаны с хищением чужого имущества в результате наступления страхового случая либо же с выгодоприобретением права на разного рода виды имущества, принадлежащие как страхователю, так и застрахованному лицу в целом.

Следственные ситуации, которые могут иметь место на первоначальном этапе расследования рассматриваемого преступления, определяют задачи, а также обстоятельства, в последующем требующие адекватной оценки, которая является обязательной и необходимой для принятия в последующем обоснованных и эффективных следственных решений.

Библиографический список

1. Официальный сайт ПАО СК – Росгосстрах // URL: https://www.rgs.ru/ (дата обращения: 10.04.2020).

2. Отчет о состоянии преступности в России (за январь-декабрь 2017 г.) // URL: мвд.рф›Deljatelnost›statistics (дата обращения: 10.04.2020).

3. Отчет о состоянии преступности в России (за январь-декабрь 2018 г.) // URL: мвд.рф›Deljatelnost›statistics (дата обращения: 10.04.2020).

4. Отчет о состоянии преступности в России (за январь-декабрь 2019 г.) URL: мвд.рф›Deljatelnost›statistics (дата обращения: 10.04.2020).

5. Алимамедов, Э. Н. Ошибки следователя при решении вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого, повлекшие возвращение уголовного дела на дополнительное расследование / Э. Н. Алимамедов // Уголовное судопроизводство: стратегия развития Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой ; Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2018. – С. 17–20.

6. Денисов, С. Л. Криминалистические аспекты борьбы с мошенничеством, совершенным субъектом страхового дела / С. Л. Денисов. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 31 с.

7. Боровских, Р. Н. Базовая криминалистическая методика расследования преступлений в сфере страхования / Р. Н. Боровских. – М. : Юрлитинформ, 2018.

8. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

9. Судницын, А. Б. К вопросу об использовании результатов применения полиграфа при производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни. Материалы XVII международной научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. И. А. Медведев ; Сибирский юридический институт ФСКН России. – 2014. – С. 204–205.

10. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов / [Е. Н. Арестова и др.]. – М., 2019.

Козлов Д. Е.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Хмелев С. А.,***
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ПЕШЕХОДА

Одной из важных задач расследования является выяснение обстоятельств подлежащих доказыванию. Что касается обстоятельств подлежащих доказыванию при расследовании дорожно-транспортных преступлений с участием пешехода, то следует учитывать определенную специфику данных преступлений. В этой связи, для того чтобы полно и своевременно осуществить собирание доказательств, при этом правильно и квалифицированно принять решение по уголовному делу, лицу производящему расследование следует тщательно разобраться во всех обстоятельствах дорожно-транспортного преступления. Обстоятельства, подлежащие установлению и обстоятельства, подлежащие доказыванию, это то, на что следователю необходимо обращать особое внимание.

[1] © Козлов Д. Е., 2020.

Так в ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту УПК РФ) закреплено, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

– событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

– виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

– обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

– характер и размер вреда, причиненного преступлением;

– обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

– обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

– обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

– обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В ч. 2 этой же нормы указано, что выявлению подлежат и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Безусловно, в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений с участием пешехода необходимо добавить и такие важные обстоятельства, которые будут отражать особенности этого вида преступлений, более детализироваться, так как в данном виде преступлений участвует транспортное средство, которое имеет немаловажное значение.

Кроме того, по нашему мнению, целесообразно также выяснять такие обстоятельства, как:

1) обстоятельства, характеризующие дорожную обстановку;

2) обстоятельства, характеризующие психофизическое состояние водителя (так как, попадая в критическую ситуацию, поведение водителя меняется в зависимости от его нервной системы, она может быть как «устойчивая», так «слабая». Водители с «устойчивой» нервной системой, попадая в такие ситуации, предрасположены к поиску выхода из такой ситуации;

3) момент возникновения опасности для водителя, связанный с пересечением дороги пешеходом;

4) момент возникновения опасности для пешехода;

5) состояние транспортного средства, его технические особенности, неисправности;

6) вина водителя и пешехода в совершенном преступлении;

7) возможность предотвращения события преступления;

8) какие правила дорожного движения и эксплуатации автотранспорта были нарушены.

Обстоятельства, способствующие совершению преступления, включают в себя: недостаточный контроль за состоянием проезжей части, отсутствие дорожных знаков, должного надзора за движением, работы по правовому информированию населения о правилах дорожного движения.

По нашему мнению, обстоятельства, подлежащие установлению конечно же значительно шире, чем обстоятельства, подлежащие доказыванию. Исходя из специфики события дорожно-транспортного преступления, связанным с автотранспортом и пешеходом, установлению подлежит одно из главных обстоятельств это – механизм дорожно-транспортного происшествия. Установление механизма дорожно-транспортного происшествия (далее по тексту – ДТП) имеет значительное влияние в расследовании данных преступлений.

По мнению А. П. Онучина: «Механизм дорожно-транспортного преступления – система взаимосвязанных элементов – событий в дорожном движении, каждое из которых «участвовало» в возникновении и развитии общественно опасного преступления» [4, с. 112].

Сам по себе механизм дорожно-транспортного преступления с участием пешехода подразумевает установление таких обстоятельств, как: выяснение личности водителя, управлявшего транспортным средством в момент ДТП и какие документы давали ему право управления транспортным средством; какова была скорость транспортного средства, когда оно приблизилось к пешеходу; какая скорость была включена на коробке передач; находились ли на дороге другие машины; с какой скоростью передвигался пешеход; в каком направлении шел пешеход; находился ли он в зоне видения водителя; совершал ли водитель действия, неправленые на предотвращения ДТП; как и с какой скоростью продолжал двигаться транспорт или остановился после совершения наезда на пешехода; какое место занял после наезда на пешехода.

Следующее обстоятельство, которое подлежит установлению при расследовании рассматриваемого нами вида ДТП – это, состояние транспортного средства. Данное обстоятельство подразумевает исправность транспортного средства в момент дорожно-транспортного происшествия и характер повреждений, полученных в результате происшествия. Исправность транспортного средства подразумевает под собой техническое состояние автомобиля, т. е. соответствует ли его техническое состояние требованиям нормативно-технической документации

Кроме того, подлежит установлению дорожная обстановка, в которой произошло происшествие. Она по своей сути играет одну из важных ролей, так как водитель всегда действует по ситуации, а именно сам выбирает скорость движения если она не ограничена соответствующими знаками.

Следующее обстоятельство, подлежащее доказыванию, это состояние дороги. То, что относится к дороге, следует устанавливать как количественные, так и качественные ее характеристики. А именно: в каком состоянии находится дорожное покрытие, имеются ли такие элементы, как тротуар, осветительные дорожные фонари, обочины, кюветы. Наличие данных элементов на дороге влияет ни только на водителя, но и на самого пешехода, так как он должен передвигаться по дороге именно по тротуару или обочине, или специальной дорожке.

Благодаря правильному установлению дорожной обстановки, следователь может наиболее точно выдвинуть версии о причинах преступления и его механизме.

При расследовании дорожно-транспортных преступлений при наезде на пешехода, так же важно установить и наступившие последствия. Поскольку дорожно-транспортное преступление связано с пешеходом, необходимо принять меры по установлению наличия телесных повреждений, характер, локализацию, и механизм образования телесных повреждений, степень их тяжести, а также исследовать вопрос не находилось ли это лицо в состоянии опьянения.

Важное значение имеет выяснение обстоятельств о личности участников дорожно-транспортного преступления. При выяснении данных о водителе имеет значение такая информация, как стаж вождения, состояние его здоровья, наличие физических недостатков, наличие состояния алкогольного или наркотического опьянения, не находилось ли под воздействием лекарственных препаратов, поведение водителя в быту и на работе, какое время находился за управлением.

Подводя итог выше сказанному, следует подчеркнуть, что при расследовании дорожно-транспортных преступлений связанных с наездом на пешехода, следователю необходимо установить следующие обстоятельства: механизм совершения преступления, дорожная обстановка, техническое состояние транспортного средства, сведения о личности участников дорожного движения, нарушенные требования правил дорожного движения, вину водителя или пешехода. Установив все указанные обстоятельства, следователь сможет полно, принять правильное решение по уголовному делу.

Так же следует отметить, что немаловажное значение в деятельности следователя имеет установление обстоятельств совершенного преступления. По нашему мнению, такая деятельность следователя и есть доказывание. Доказывание в уголовном судопроизводстве ориентировано на установление конкретных перечисленных в УПК РФ обстоятельств. Предмет доказывания заранее определен и ограничен законом. Доказыванию подлежат лишь те обстоятельства, которые имеют отношение к преступлению и которые позволяют принять правильное решение по уголовному делу.

Предмет доказывания – совокупность фактических обстоятельств, подлежащих установлению по делу, и имеющих юридическое значение. Следователь обязан установить предмет доказывания по конкретному уголовному делу.

Понятие предмет доказывания неотрывно от такого понятия как пределы доказывания. Пределы доказывания, это совокупность доказательств необходимых и достаточных для того, чтобы признать то или иное обстоятельство подлежащее доказыванию.

Предмет доказывания по делам о дорожно-транспортных преступлениях с участием пешехода можно разделить на следующие группы:

– сведения о личности водителя и характеристики транспортного средства;

– сведения о дорожных условиях и дорожной обстановке;

– сведения об обстоятельствах совершения дорожно-транспортного преступления с участием пешехода;

– сведения о действиях водителя после дорожно-транспортного преступления с участием пешехода;

– сведения о личности пешехода.

Центральной фигурой в уголовном деле о дорожно-транспортном преступлении с участием пешехода является водитель транспортного средства. Изучая личность водителя необходимо установить: биографические данные, срок водительского стажа, когда и где водителем было получено водительское удостоверение, привлекался ли он ранее к административной или уголовной ответственности за совершение ДТП, имел ли судимости, каково было состояние его здоровья на момент совершения им преступления, каково было его общее состояние в день совершения преступления, употреблял ли спиртные напитки, наркотические средства, психотропные вещества, лекарственные препараты. А также, немаловажное значение может иметь разрешение таких вопросов: сколько часов ежедневно данный водитель проводит за рулем; сколько и как отдыхал перед происшествием; были ли факторы психического или физического напряжения, что делал водитель после совершения ДТП, отношение водителя к совершенному ДТП и наступившим последствиям.

Если водитель скрылся с места происшествия и был установлен позже, то следует выяснить, почему он не оказал помощь потерпевшему, пытался ли уничтожить следы происшествия, каким образом и с чьей помощью [4, с. 14].

Так же, при расследовании преступлений данной категории, не маловажное значение имеет реакция водителя, его внимание, адекватные моторные реакции других участников дорожного движения, физические особенности – острота зрения, сенсорные и сенсомоторные характеристики водителя.

По состоянию на 1 января 2019 г. в России насчитывалось около 43,5 млн легковых автомобилей – данные предоставляют эксперты аналитического агентства «Автостат» [3]. При этом огромном объеме и стремительных темпах увеличения, возникает ряд серьезных проблем, связанных с негативными последствиями, выражающихся в причинах дорожно-транспортного преступления с участием пешехода.

Исправность транспортного средства устанавливается не только в ходе осмотра транспортного средства по явным и видимым очевидным признакам, но и также в ходе экспертного исследования узлов и агрегатов транспортного средства.

Условия и дорожная обстановка включают в себя информацию о видимости, освещенности, состоянии дорожного покрытия, обустройства дороги и средствах регулирования дорожного движения. Обстоятельства совершения преступления и его механизм можно выявить только из совокупности показаний водителя, при этом необходимо учитывать, что водитель является заинтересованным в исходе дела, показаний свидетелей, потерпевших (если они остались живы), заключений специалистов, видеозаписей с камер уличного наружного видеонаблюдения, видеозаписи с видеорегистраторов установленных на автомобиле.

В отдельных случаях пешеходы сами являются причиной совершения ДТП, грубо нарушая требования Правил дорожного движения. Эти нарушения за-

ключаются, например, в неожиданном выходе пешехода из-за препятствия: из-за стоящего на остановке автобуса; автомобиля у тротуара или обочины; внезапного выхода из-за транспортного средства, движущегося в попутном или встречном направлении; непредсказуемом поведении пешехода при котором водитель ошибочно уверен во взаимном контакте с пешеходом, например, пешеход, явно пережидающий проезд автомашины, вдруг перебегает наперерез; выходе на проезжую часть в запрещенном месте, внезапном выходе из

Проанализировав обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию перечисленные в УПК РФ нам представилось возможным выявить отдельные недостатки, касающиеся обстоятельств, установления и доказывания при расследовании ДТП с участием пешехода.

Библиографический список

1. Алимамедов, Э. Н. Предупреждение преступлений следователем при окончании расследования / Э. Н. Алимамедов // Предупреждение преступлений органами внутренних дел в свете современных угроз национальной безопасности. – 2019. – С. 431–434.

2. Онучин, А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов / А. П. Онучин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 184 с.

3. По данным аналитического агентства «Автостат». – URL: https://www.autostat.ru/ (дата обращения: 07.04.2020).

4. Расследование нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : учебное пособие / Л. Ю. Аксенова, И. П. Корякин, А. Р. Сысенко [и др.] ; под ред. Я. М. Мазунин. – Омск : Омская академия МВД России, 2017.

5. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов // [Е. Н. Арестова и др.]. – М., 2019.

Коновалова Е. А.[1]***,***
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Есина А. С.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В уголовно-процессуальной науке все чаще возникают дискуссии относительно необходимости реформирования досудебного производства, в частности введения на стадии предварительного расследования нового института – адвокатского расследования. Изучение специальной литературы позволяет выделить основные позиции «за» и «против» по вопросу возможности существования адвокатского расследования в российском уголовном процессе.

Впервые данный институт появился в законодательстве Португалии в 1987 г.; Испании – 1988 г.; Италии – 1989 г.; Франции – 1993 г. Однако эти изменения в досудебных стадиях просуществовали недолго. К примеру, во Франции очень скоро отказались от адвокатского расследования, а затем аналогичное решение приняли в Италии. По мнению И. Е. Миловой, радикальные реформы прекратились по объективным причинам, прежде всего потому, что попытки их практической реализации привели к ослаблению публичной власти и резкому снижению качества расследования [1].

Сторонники введения адвокатского расследования в российское уголовно-процессуальное законодательство предлагают: наделить адвоката правами, уравнивающими его с такими участниками процесса, как следователь, дознаватель, в целях реализации принципа состязательности в досудебном производстве; дать возможность адвокату вести собственное «параллельное расследование» с оформлением юридически значимых результатов; наделить адвоката обязанностью направления в суд оправдательного заключения или заключения о смягчении ответственности обвиняемого [2].

Особое место среди научных трудов заняла Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации, увидевшая свет в 2015 г. Основными идеями данной модели являются: признание, что возможно только одно доказывание – судебное; доказательством является лишь факт, признанный судьей на основе анализа так называемых «фактических материалов»; правом собирания «фактических материалов» – любых

---

[1] © Коновалова Е. А., 2020.

средств хранения и передачи информации – наделены как сторона защиты, так и сторона обвинения, которые формируют обвинительное и защитное дело, с которым впоследствии выступают в суде; сбор «фактических материалов» происходит любыми способами, при чем, если доказательство получено с нарушением закона, но полезно, то судья может и допустить его; а также наделение доказательств новыми свойствами: полезности и убедительности.

Сторонники Доктринальной модели [3] обосновывают необходимость замены существующей следственной модели уголовно-процессуального доказывания на судебную – состязательную модель. По их мнению «…необходимо выровнять по юридической силе результаты уголовного расследования, проводимого органами обвинительно-следственной власти, и результаты «адвокатского расследования»: они должны считаться «фактическими материалами» сторон. Стороны должны быть уравнены в правах на получение «фактических материалов». Обе стороны должны быть наделены правами на закрепление полученных ими сведений о фактах, имеющих, по их мнению, доказательственное значение» [5].

По сути, надлежащим субъектом расследования предлагается признать и адвоката. Стоит отметить, что подобные предложения высказывались отдельными авторами в период обсуждения проекта УПК РФ в 2000-х гг. В то время хватило здравого смысла не закреплять подобную модель доказывания в тексте уголовно-процессуального закона. Однако, как видим, эта мысль не иссякла, а со временем находит своих новых сторонников [6] и новые аргументы. Сторонники адвокатского расследования строят свою позиции на широком толковании принципа равенства сторон, можно даже сказать на его абсолютизации, ссылаясь на Конституцию Российской Федерации, которая в ст. 123 закрепила принцип равенства прав участников процесса. Однако, если обратиться к современным реалиям, то следует признать, что равенство сторон в большей степени должно быть реализовано перед судом, т. е. на стадиях судебного разбирательства. Именно такое понимание равенства сторон закреплено в УПК РФ, где в ч. 4 ст. 15 УПК РФ сказано, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Предложение об уравнивании следственного и адвокатского расследования представляется нам спорным и нереализуемым. Слишком много вопросов возникнет у правоприменителей. Например, при совершении неочевидного преступления, на место происшествия выезжает следственно-оперативная группа, проводит его осмотр, фиксацию и изъятие предметов и документов, формирование доказательственной базы. Кто сообщит адвокату (и какому) данную информацию? Как будут решаться вопросы очередности осмотра, изъятия предметов, если права сторон равны? Если в данном ключе рассуждать далее, то непременно возникнет проблема о юридической силе полученных доказательств. Здесь интересно отметить, что следователь наделен правом применения мер принуждения, а также проведением ряда действий с разрешения суда, ограничивающих права и свободы граждан. При этом следователь как должностное лицо несет ответственность за совершаемые действия и принимаемые решения. Будет ли законодатель предъявлять аналогичные требования к адво-

кату, ведущему расследование? Поскольку адвокат не должностное лицо, то вряд ли возможно будет предусмотреть для него ответственность за объективность расследования, соблюдение законности при получении доказательств по делу, такую же которая существует для следователей (имеется в виду, прежде всего уголовная ответственность, например, по ст.ст. 299, 302 УК РФ).

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова состязательность – это такой процесс, в котором обе стороны могут активно защищать свои права [8]. На стадии предварительного расследования сторона защиты имеет достаточно полномочий для активной защиты своих прав. Сюда, к примеру, можно отнести: предоставление права на защиту, судебный порядок обжалования решений, право заявлять ходатайства и отводы, предоставлять документы, знакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов, ставить пред экспертом вопросы, и т. д.

Следует отметить, особую роль субъектов расследования в уголовном судопроизводстве. Было бы ошибочно определять их полномочия только в рамках реализации функции обвинения. Бесспорным признается суждение о том, что должностные лица органов предварительного расследования выполняют не только обвинительные функции в ходе производства по уголовному делу, но и иные (защитительные, обеспечивающие права участников, охранительные…). Сам факт отнесения субъектов расследования к стороне обвинения уязвим. На наш взгляд следователь, руководитель следственного органа, равно как и иные субъекты расследования, должны быть вынесены аналогично судьям, в отдельные участники уголовного судопроизводства.

Нами разделяется позиция тех авторов [9, 10], которые выступают против адвокатского расследования и указывают на преждевременность введения «параллельного расследования», так как существенным образом будут нарушаться права участников процесса, поскольку частные лица не должны осуществлять властные полномочия, что в итоге приведет к ослаблению публичной власти.

Мы придерживаемся позиции противников адвокатского расследования, основываясь на вышеизложенной аргументации, и являемся сторонниками организации смешанной формы уголовного процесса, в которой сочетаются развитое разыскное досудебное производство (при максимально допустимом участии защиты) и состязательное судебное разбирательство, что согласуется с идеей укрепления процессуальной самостоятельности следователя, его независимости.

Библиографический список

1. Милова, И. Е. Концепция адвокатского параллельного расследования: теоретический и практический компоненты / И. Е. Милова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. – № 5–6.

2. Дяблов, А. В. Возможность осуществления адвокатского расследования в уголовном судопроизводстве России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2011. – № 2-2.

3. Салакко, А. С. Адвокатское расследование как деятельность адвоката в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2017. – № 3.

4. Попов, А. П. Развитие состязательных начал досудебного производства в доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации / А. П. Попов, И. А. Зинченко // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sostyazatelnyh-nachal-dosudebnogo-proizvodstva-v-doktrinalnoy-modeli-dokazatelstvennogo-prava-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 09.01.2020).

5. Хмельницкая, Т. В. О закономерностях формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу / Т. В. Хмельницкая // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34).

6. Мартынчик, Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования : учебное пособие / Е. Г. Мартынчик. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

7. Салакко, А. С. Адвокатское расследование как деятельность адвоката в российском уголовном процессе / А. С. Салакко // Адвокатская практика. – 2017. – № 3.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1982.

9. Антропов, М. В. Классификация форм участия адвоката – защитника в доказывании по уголовным делам / М. В. Антропов // Воронежский адвокат. – 2009. – № 2.

10. Гармаев, Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве / Ю. П. Гармаев. – М. : Экзамен, 2005.

Корчагин А. Е.[1],
слушатель Академии управления МВД России

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДАЕМЫХ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ И СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

Проблема противодействия незаконному обороту наркотиков (далее по тексту НОН) является настолько масштабной, что на высшем законодательном уровне отнесена к глобальным государственным угрозам Российской Федерации [3].

Так, например, за период с января по декабрь 2019 г. в Российской Федерации было зарегистрировано более 190 тыс. преступлений, связанных с НОН, из которых большая часть (143 тыс.) относятся к категории тяжких и особо тяжких. Всего выявлено 85 тыс. 425 человек, совершивших данные преступные де-

[1] © Корчагин А. Е., 2020

яния, большая их часть (82 тыс. 821) – это граждане Российской Федерации. Что касается динамики совершаемых преступных деяний в сфере НОН, то на протяжении последних 3 лет она характеризуется нестабильностью (колебания в сторону повышения или снижения в среднем на 3–5 %).

В обозначенном периоде наибольшее количество преступных деяний, связанных с НОН, зарегистрировано на территории Центрального (40 тыс. 499), Приволжского (35 тыс. 593) и Сибирского (23 тыс. 198) федеральных округов [4]. В 2019 г. всего изъято 19 млн 470 тыс. 082 гр. наркотических средств, половину из них составляют наркотики опийной, каннабисной, амфитоминовой группы и синтетические наркотические средства [5].

Принимая во внимание характер указанной угрозы, а также складывающуюся оперативную обстановку, в действующую систему профилактики данного явления включен достаточно широкий круг субъектов. В зависимости от реализуемых ими функций в научной литературе различаются и направления профилактической работы. Среди таковых одно из ведущих мест занимает криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых в сфере оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ Данная деятельность включает в себя комплекс средств и методов, конечной целью реализации которых является:

– выявление причин совершения названных преступных деяний и условий, которые этому способствуют;

– создание обстановки, препятствующей или затрудняющей совершение наркопреступлений со стороны конкретных лиц, а также субъектов, вовлекающих их в криминальную деятельность подобного рода.

Криминалистическая профилактика исследуемых преступлений осуществляется в ходе их расследования непосредственно следователем и экспертом-криминалистом. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые особенности их деятельности на данном направлении.

Следует заметить, что в 2019 г. следователями органов внутренних дел предварительно расследовано 98 тыс. 821 преступление, из которых 30 тыс. 681 – относятся к категории тяжких, 24 тыс. 481 – к категории особо тяжких, направлено в суд 95 тыс. 481 уголовное дело [4].

Проведенный анализ практических материалов позволяет сделать вывод о том, что приемы и методы, применяемые следователем в ходе расследования уголовных дел о преступлениях в сфере НОН, сами по себе имеют профилактический характер. При этом абсолютно неважно кем они осуществляются:

– непосредственно лицом, производящим расследование в рамках производства следственных действий имеющих, помимо прочего, и воспитательно-психологическое воздействие, например, в случае с несовершеннолетними фигурантами дела;

– органом дознания по поручению следователя, например, в ходе проведения оперативно-тактических комбинаций;

– должностными лицами и иными представителями соответствующих органов, учреждений и организаций по исполнению представления следователя в

порядке ст. 158 УПК РФ об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

Указанному представлению следует уделить особое внимание, поскольку именно данный документ является одним из действенных средств профилактической работы следователя. Следует заметить, что законодательно не установлены точные временные промежутки вынесения представления следователем, а так же их количество. Полагаем, что это решение лица, производящего расследование, должно основываться на анализе складывающихся по делу следственных ситуаций, а так же данных, полученных в результате изучения личности подозреваемого (обвиняемого). В некоторых случаях, указанный документ целесообразно сформировать уже на этапе возбуждения уголовного дела. Например, в случае, когда криминальное деяние совершено несовершеннолетним, но есть достоверные сведения о том, что вовлек его взрослый подельник. В представлении в обязательном порядке должны быть указаны выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (время, место, обстановка, личность вовлекателя и вовлеченного и др.).

Как показывает анализ, в практической деятельности имеют место случаи, когда данные представления носят общий характер. В них не конкретизируются обстоятельства, способствовавшие вовлечению в преступную деятельность, совершению наркопреступления, меры по их устранению. Большая часть представлений остается без ответа, либо последний носит формальный характер. Считаем, что следователям следует исключить подобные случаи и выработать механизм обратной связи с адресатами данного документа, а так же контроля за принятием мер соответствующего реагирования со стороны всех заинтересованных лиц и ведомств.

Как и в случае со следователем, средства и методы проведения экспертно-криминалистического исследования по уголовным делам о наркопреступлениях также выступают и в качестве составных элементов процесса исследования, представленных следователем объектов, и в качестве составляющих профилактики данных криминальных деяний.

Например, в случае назначения, проведения судебной наркологической экспертизы, получения и использования ее результатов. Данные о необходимости ее назначения, объекты для исследования предоставляет следователь. Непосредственная реализация лабораторных, технических и иных приемов и методов, применения специальных знаний реализуется экспертом-криминалистом в ходе исследования, результат которого формируется в виде заключения. Указанное заключение также носит профилактический характер. В дальнейшем оно используется следователем в качестве доказательства по делу. Одновременно оно выступает в качестве профилактической составляющей по недопущению совершения новых преступлений лицом, привлекаемым к уголовной ответственности за криминальное деяние в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

Обобщенный же анализ экспертно-профилактической практики проводится экспертно-криминалистическими учреждениями в виде аналитических отчетов и соответствующих обзоров практики их работы.

Таким образом, криминалистическая профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, является составной частью общей профилактики, реализуется специальными субъектами, в качестве которых выступают следователь и эксперт-криминалист, наделенные в этой связи законодательно определенными полномочиями, и использующими специфические средства и методы для реализации ее целей.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 68 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.

4. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Форма «1-МВ-НОН» (171) // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 02.04.2020).

5. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Форма «3-МВ-НОН»(173) // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 03.04.2020).

6. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [В. В. Артемова и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

Куликова М. А.[1]*,*
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Соколова М. В.****,*
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ОВД РФ

Сегодня не только в России, но и в зарубежных странах, отдельное внимание уделяется должностным преступлениям. Они концентрируют на себе интерес со стороны общественного мнения, как преступления, представляющие особую опасность. В результате совершения данного рода преступлений формируются негативные последствия во всех сферах жизни общества, в первую очередь, отрицательно влияют на репутацию органов власти и подрыв доверия народа к ним.

Борьба с коррупцией – важнейшее направление в деятельности правоохранительных органов, указал В. В. Путин на заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. [6].

Являясь крупной структурой в правоохранительных органах и обладая достаточно большим объемом полномочий, органы внутренних дел (далее – ОВД) призваны осуществлять борьбу с коррупцией. Однако, в последние годы прослеживается распространенность коррупционных проявлений среди сотрудников ОВД. Необходимо отметить, что коррупционные проявления в системе ОВД носят крупномасштабный характер. В связи с чем в действующем законодательстве Российской Федерации активно предпринимается ряд мер антикоррупционного характера.

Рассматривая продолжительный опыт противодействия преступности, можно отметить, что непосредственной мерой пресечения противоправных деяний является деятельность по их предупреждению. Так, нормативными актами устанавливается ряд требований и запретов к сотрудникам ОВД, за несоблюдение которых предусмотрена ответственность. В ряде случаев эта ответственность носит дисциплинарный характер, но привлечение сотрудника ОВД к дисциплинарной ответственности не всегда является эффективным. Поэтому, в том числе, за совершение коррупционных правонарушений установлена и уголовная ответственность.

---

[1] © Куликова М. А., 2020.

Так, уголовно-правовые нормы динамично претерпевают преобразования в области изучения должностных преступлений, что также и формирует возникновение множества вопросов при производстве в данной области.

Анализ динамики должностных преступлений в очередной раз доказывает остроту проблем, относящихся к борьбе с коррупцией.

Согласно статистическим данным за 2019 г. зарегистрировано 30 991 [8] коррупционное преступление, в то время как за 2018 г. – 30 495 [7].

Необходимо отметить, что большинство преступлений этого рода, совершаемых сотрудниками ОВД, относится к злоупотреблению должностными полномочиями, как один из основных элементов коррупции [9, с. 56].

Но рассматривая данный состав преступления, прослеживается ряд проблем, возникающих в правоприменительной практике, в том числе, на наш взгляд, проблемы, свидетельствующие о неэффективности борьбы с коррупцией, что в итоге вызывает не малые трудности в процессе рассмотрения и вынесения решений в отношении лиц, совершивших правонарушения [12].

По результатам изучения правоприменительной деятельности представляется возможным сделать вывод о том, что формы совершения исследуемого преступного деяния носят крайне разнообразный характер, в связи с чем выделяются лишь примерные, наиболее часто совершаемые факты. Тем не менее, к их числу можно отнести: использование сотрудниками ОВД в личных (или групповых) целях помещений, транспорта и связи, выделенных для решения служебных задач; попустительство совершению преступлений; заранее не обещанное укрывательство преступлений; сокрытие растрат и хищений материальных ценностей и иные противоправные деяния.

В соответствии с уголовным законом Российской Федерации необходимым основанием привлечения к уголовной ответственности субъекта за преступление, предусмотренное ст. 285, является наступление общественно опасных последствий, а именно нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, и такие нарушения должны носить существенных характер.

Являясь оценочным признаком, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3] разъясняет, что необходимо понимать под существенностью нарушений прав и законных и интересов граждан, организаций, общества или государства. В первую очередь, это нарушение прав, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права.

В силу того, что признак существенности нарушений прав и интересов является оценочным, т. е. который не поддается точным количественным измерениям, в практической деятельности в результате правовой оценки таких ситуаций довольно часто совершаются ошибки.

Допускаем, что при злоупотреблении должностными полномочиями в уголовном законе не совсем ясно изложен механизм причинения вреда. На наш взгляд, нарушение законных интересов личности, общества и государства является сущностью, которая противоречит интересам службы в результате использования должностных полномочий, а не следствием. И в данном случае указы-

вается не на отсутствие последствий, а на то, что они непосредственно соединены с деянием.

Рассматривая судебную практику, и тут можно заметить противоречивость в применении данной нормы. Несомненно, судебные органы при производстве по уголовному делу о преступлении, предусмотренного ст. 285 УК РФ, руководствуются диспозицией этой нормы.

Так, к примеру, приговором суда установлено, что принятие незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела сотрудником является существенным нарушением охраняемых законом прав и интересов личности, общества и государства [4]. Но, в данном случае злоупотребление должностными полномочиями не повлекло, а выразилось в нарушении указанных интересов.

Наиболее верный вывод нашел отражение в приговоре суда по факту уничтожения сотрудником ОВД материалов проверки. В судебном решении суд отметил, что сотрудник дискредитировал правоохранительные органы и подорвал их авторитет путем сокрытия материала от регистрации, т. е. не предоставления его в дежурную часть ОВД и уничтожения [5]. На наш взгляд, в этом случае суд наиболее верно указал, в чем выразилось последствие данного противоправного действия сотрудника ОВД, а именно, что авторитет правоохранительных органов был подорван путем сокрытия материала, т. е. другими словами, само по себе сокрытие материала как раз и представляет собой дискредитацию правоохранительных органов.

Содержанием властных, организационно – распорядительных и административно – хозяйственных правомочий, которыми обладает должностное лицо, является возможность устанавливать юридические последствия для окружающих. Следовательно, при злоупотреблении права и законные интересы личности, общества и государства нарушаются непосредственно в момент незаконного использования полномочий. Именно поэтому исследуемый состав преступления следует относить к формальным. Но при этом существенный характер нарушения интересов и прав субъектов рассматривать как характеристику деяния.

Встречаясь со сложностью определения существенности неблагоприятных последствий злоупотребления, правоприменители нередко указывают их присутствие лишь формально, т. е. в основном цитируя уголовный закон. Как показывает практика, указываются только те действия, которые противоречат интересам службы в результате использования виновным служебных полномочий. Но при таких обстоятельствах у судебных органов открываются основания к прекращению преследования в части ст. 285 УК РФ в результате не установления последствий [11; 12].

Резюмируя изложенное полагается возможным сделать вывод о том, что трудности в квалификации преступлений остаются актуальными. Их решение требует глубокого высокоэффективного изучения и анализа всех сторон в целях совершенствования российского законодательства в борьбе с коррупцией.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в последующих редакциях) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. – 2009. – № 207. – 30 окт.

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 17 марта 2005 г. № 22-1029.

5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2004 г. № 3-004-4.

6. Ежегодное расширенное заседание коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860/ (дата обращения: 25.03.2020).

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. // URL: https://ГИАЦ.МВД.РФ/reports/item/16053092/ (дата обращения: 25.03.2020).

8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // URL: https://ГИАЦ.МВД.РФ/reports/item/19412450/ (дата обращения: 25.03.2020).

9. Сулейманова, А. Д. Злоупотребления полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2005.

10. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [Артемова В. В. и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

11. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

12. Филатова, И. В. Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 358–361.

Мануйлова Е. В.[1]*,*
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Пушкарев В. В.****,*
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Понятие «отмывание» в своих истоках связано с деятельностью криминального авторитета Аль Капоне и его клана, создавших первую в истории криминального мира организацию, посредством которой происходила легализация их преступных доходов. Предприятием «Клана Капоне» стала прачечная, – отсюда и пошло понятие «отмывание».

Изначально, данное выражение было присуще сленгу гангстеров из Чикаго. Однако, после создания Международной рабочей группы по борьбе с отмыванием денег (FATF) (1989 г.), словосочетание «отмывание денег» получило статус международного юридического термина, используемого также российским законодателем.

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, является одной из наиболее острых проблем современности. Это объясняется значительным объемом «скрытых» инвестиций, внедряемых в легальную экономику нашей страны. Тенденция увеличения доли преступного капитала в экономике актуальна для всех государств. По результатам исследований, проводимых международными организациями по борьбе с преступлениями экономической направленности, данная тенденция прослеживается повсеместно, включая и развитые страны. Согласно статистической информации Международного валютного фонда (МВФ) за 2018 г., сумма «грязных» денежных средств, обращающихся в мире в различных финансово-экономических системах составляет от 590 млрд долларов до 1,5 трлн долларов США, что равно 2–5 % от общего валового продукта всех стран мира [1]. Доля же Российской экономики, согласно прогнозам Росфинмониторинга на 2019 г., составит 20,5 трлн рублей, тогда как расход Федерального бюджета за этот же период будут лишь 18 трлн Руб. [2].

---

[1] © Мануйлова Е. В., 2020.

Нельзя с уверенностью утверждать о существовании в нашей стране сложившейся судебной или даже обширной следственной практики по рассматриваемому виду преступлений. Согласно данным судебной статистики Российской Федерации за 2019 г., по ст. 174 УК РФ было осуждено в течение года всего четыре человека. По ст. 174.1 УК РФ к уголовной ответственности привлечено три лиц [3]. Причинами столь малого количества лиц, привлеченных к ответственности за легализацию, на общем фоне впечатляющих статистических данных об объеме преступлений в сфере экономики, являются: сложность доказывания субъективной стороны состава преступления, неоднозначность способов доказывания криминального происхождения предмета преступления, ряд несовершенств действующего законодательства, а также неподготовленность сотрудников правоохранительных органов к работе со столь сложным составом преступления. Вышеперечисленные факторы способствуют формированию высокой латентности данного преступного деяния. Причем латентность формируется как естественным путем, ввиду, как уже отмечалось ранее, сложности производства расследования, так и искусственным – из-за слабой профессиональной подготовки сотрудников к производству расследования по данным уголовно наказуемым деяниям. В связи с чем имеется острая необходимость широкого применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем.

В Российской Федерации преступники в реализации своей деятельности используют целый ряд сложных и изощренных схем легализации. Наиболее известной в современной правоприменительной практике являются, так называемые, «ландроматы». Они заключаются в формировании сети оффшорных компаний, которые имеют банковские счетов. Компании (или фирмы-пустышки) существуют лишь формально, на бумаге: они не имеют фактического адреса, персонала, реальной коммерческой деятельности. Фирма выглядит, как самостоятельная структура, однако, в действительности представляет собой элемент взаимосвязанной системы. Чтобы отвести риски от истинных владельцев «ландромата», эти компании записывают на номинальных владельцев, которыми, в частности, могут быть и не существующие люди. К сожалению, государство до сих пор не в состоянии обеспечить в полной мере надлежащий уровень контроля за данным видом преступности.

Современная система российского судопроизводства в своей борьбе с легализацией криминальных доходов предусматривает альтернативность форм применения специальных знаний, структура и содержание которых имеют различные требования [9].

При рассмотрении данного вопроса сквозь призму уголовно-процессуального закона, можно выделить следующие наиболее распространенные формы применения специальных знаний: первой по востребованности является судебная экспертиза, далее можно отметить показания специалиста и эксперта, а также непосредственное участие специалиста в производстве отдельных следственных действий и проведение исследований в рамках проверки сообщения о преступлении [4].

Наряду с общепринятыми процессуальными формами, правоохранительные органы при расследовании преступлений экономической направленности зачастую прибегают к непроцессуальным формам использования специальных знаний, которые заключаются в анализе результатов исследования компетентных лиц, не связанных с расследованием, а также консультирование специалистом [6].

Правоприменительная практика, также, как и теория, не сформировала единого алгоритма использования представленных форм использования специальных знаний. Не представляется возможным также осуществить анализ данных, содержащихся в данных документах, относительно критериев их обоснованности [6].

Так, рассматривая уголовные дела, связанные с участием организаций-фикций, формальное руководство в которых осуществляют специально отобранные лица, именуемые также «подставными лицами», следователь сталкивается с необходимостью детального изучения и анализа целого массива документов, связанных с внутренними процессами предприятия и его внешними связями с другими субъектами предпринимательской деятельности. Документы фирмы исследуются на наличие содержания признаков материального и интеллектуального подлогов. Факт подлога выявляется в процессе производства криминалистического почерковедения, а также в рамках делопроизводства. Назначая экспертизу, в данном случае речь идет о судебно-почерковедческой и судебно-документоведческой экспертизах, следователь руководствуется общетеоретической базой и специально разработанными экспертными методиками. При производстве расследования дел, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате совершения преступления, результат судебно-почерковедческой экспертизы подтверждает факт использования «подставных лиц» при составлении отчетных документов фирмы.

Анализ судебной практики по делам о легализации (отмывании) доходов, полученных в результате совершения преступных действий, показал, что правоприменитель необоснованно редко прибегает к использованию данных, представляемых судебно-бухгалтерской или финансово-экономической экспертизами. Подобные заключения экспертов, по ходатайству следователя, признаются «недопустимыми доказательствами» [8]. Причиной таких решений служит недостаточная полнота и ограниченность знаний лица, осуществляющего расследование, касаемо потенциала проводимого исследования и полученных результатов. Судебно-бухгалтерская экспертиза способна раскрыть нюансы, связанные с ведением бухгалтерского учета, соответствием отчетных документов фактическим показателям, мониторингом финансово-хозяйственных операций, а также выявляет процент искажения учетных данных в качественных и количественных показателях.

Однако, судебно-бухгалтерская экспертиза не единственная, чей потенциал не получил должной оценки среди правоприменителей. Иные виды экономических экспертиз, дающие оценку рентабельности предприятия и реальности бизнес-плана, а также, определяющие наличие фактов фиктивности. Деятельность, направленная на заключение и реализацию гражданско-правовых сделок организаций-фикций с иными субъектами экономической деятельности, если такие

сделки противоречат критериям обоснованности и достоверности, признанным необходимыми условиями благоприятной предпринимательской деятельности, служит своего рода лакмусом, маркирующим «отмывание» преступных доходов.

Зачастую недостаточность полноты знаний касаемо потенциала той или иной экспертизы идет в совокупности с пониманием следователем круга вопросов, которые должны быть вынесены на разрешение эксперту. Одним из наиболее часто встречаемых примеров подобной ошибки можно отметить случаи переадресации следователем вопросов эксперту-бухгалтеру в рамках производства судебно-бухгалтерской экспертизы. Не менее распространены ситуации, когда правоприменитель выносит на рассмотрение в рамках финансово-экономической экспертизы вопросы, предназначенные эксперту-бухгалтеру, который компетентен на проведение судебно-бухгалтерской экспертизы. Подобные казусы связаны с субъективным восприятием следователем экономических экспертиз, имеющего лишь общие знания, поверхностное понимание рамок, отграничивающих каждый вид (род) судебной экспертизы.

Вне зависимости от характера ошибки правоприменителя при назначении той или иной экспертизы экономической направленности, результатом будет отсутствие тех необходимых аргументированных ответов, которые послужили бы ключом к принятию правильных решений в дальнейшем расследовании.

Итак, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что обязательным условием формирования качественной доказательственной базы по уголовным делам о легализации (отмывании) материальных ценностей, полученных преступным путем, является более активное обращение следователей к возможностям судебно-экономических экспертиз. Преодолеть сложившийся барьер взаимодействия следователей и экспертных подразделений, по моему мнению, представляется возможным посредством разработки Приказа МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке назначения судебных экспертиз и использовании полученных заключений эксперта при производстве предварительного расследования». Данный документ будет содержать в себе перечень экспертиз, назначаемых следователем в ходе проведения предварительного расследования, с подробным описанием следственной ситуации, необходимой для назначения той или иной экспертизы, указания на эксперта, компетентного в данном вопросе, а также примерный перечень вопросов, выносимых эксперту в процессе производства экспертного исследования. Также, представляется необходимым проведение совместных учений, целью которых будет являться повышение уровня компетентности следователя в вопросах назначения и производства судебных экспертиз.

Библиографический список

1. Отчет Международного Валютного Фонда за 2018 г. // URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 15.10.2019).

2. Состояние российской экономики на 2019 г., прогноз // Росинфостат. URL: https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika/ (дата обращения: 28.02.2020).

3. Данные Росстат за 1 полугодие 2019 г. о состоянии преступности в Российской Федерации // URL: https://www.gks.ru/statistic (дата обращения: 28.02.2020).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.02.2020).

5. Алимамедов, Э. Н. Проблемные вопросы привлечения специалиста для принятия решения о возбуждении уголовных дел по экономическим преступлениям / Э. Н. Алимамедов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 11–13.

6. Будников, В. Л. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Л. Будников // Проблемы правоприменения в судопроизводстве : сб. науч. трудов. – Волгоград, 2005. – С. 28–37.

7. Иванов, Д. А. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 129–133.

8. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики по делу № 22-351 от 10 марта 2011 г. // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.01.2020).

9. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [В. В. Артемова и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

10. Филатова, И. В. Противодействие легализации преступных доходов в системе обеспечения экономической безопасности / И. В. Филатова // Органы следствия министерства внутренних дел России на страже правопорядка (к 56 годовщине образования следствия в органах внутренних дел) : сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 72–74.

Мартынов А. М.[1]**,**
соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Расследование любого преступления требует значительных затрат времени, сил и средств правоохранительных структур всех уровней, особенно, когда речь идет о случайном злоумышленнике, впервые оступившимся и пересекшим границу законности. Выявить такого субъекта достаточно сложно, так как он не относится к криминальным элементам известным полиции, не значится в базе данных и картотеках, а значит, и найти его будет затруднительно.

Во многом в силу подобных причин законодатели многих стран, и в том числе России, ввели в уголовные кодексы возможность избежать наказания при добровольном признании в содеянном, раскаянии и помощи в раскрытии уголовно наказуемого деяния.

Следует подчеркнуть, что и в российской науке, уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, наблюдается тенденция к декриминализации.

Иногда прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон, не представляется возможным, так как потерпевший не соглашается на выдвинутые условия, следовательно, уголовное дело и уголовное преследование по данному основанию прекращено быть не может [1, с. 176].

В этой связи, уголовный и уголовно-процессуальный закон предусматривают возможность прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ – в связи с деятельным раскаянием.

Нередко деятельное раскаяние в уголовном праве Российской Федерации смешивают с добровольным отказом от совершения преступления. Однако следует дифференцировать понятия деятельного раскаяния и добровольного отказа.

При добровольном отказе лицо, которое планировало преступление, готовилось к нему, осознав все возможные последствия, отказывается от совершения противоправных действий. Таким образом, само преступление не происходит, нет и его последствий. А вот в случае с деятельным раскаянием, раскаяние следует за уже совершенным преступлением, т. е. индивид осознал свои действия, когда событие произошло.

Добровольный отказ предполагает, что лицо передумало совершать преступное деяние, хотя основательно к нему готовилось [2, с. 87].

Раскаяться индивид может под воздействием эмоций, импульсивных поступков. В то время как отказ происходит из-за боязни быть изобличенным или

[1] © Мартынов А. М., 2020.

под воздействием внешних обстоятельств, которые помешали совершить преступление.

Таким образом, раскаявшееся лицо менее опасно для общества, а в случае отказа преступник может просто отложить свои действия до более «благоприятных» времен.

Деятельное раскаяние может быть основанием, как для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), так и для смягчения приговора. При отказе от совершения преступного деяния лицо не может подвергаться наказанию, так как действия не совершены, следовательно, отсутствует и состав преступления.

Раскаявшийся индивид отрицательно оценивает как свои действия, так и поступки соучастников. Поэтому он должен всячески содействовать раскрытию преступления, передать следствию всю известную ему информацию.

Для принятия решения о прекращении уголовного дела по причине раскаяния, суд должен предвидеть последствия данного решения. Они могут быть как положительными, так и отрицательными.

К положительным относятся:

– получение следствием достоверной и полной информации о преступлении;

– возмещение морального и имущественного вреда потерпевшему;

– отсутствие необходимости тратить государственные средства на содержание гражданина в исправительных учреждениях.

Отрицательное последствие обусловлено неискренним раскаянием индивида, когда он написал явку с повинной под давлением следствия или из-за боязни быть разоблаченным.

В этом случае не исключается возможность рецидива преступления. Гражданин может неправильно истолковать решение суда и уверовать в безнаказанность деяний.

Для предотвращения негативных последствий судом должны быть изучены все обстоятельства дела и проанализирована личность преступника.

Особенностью применения деятельного раскаяния является невозможность точного определения, насколько искренне преступник раскаялся и стал безопасным для окружающих.

На наш взгляд, в уголовном праве недостаточно внимания уделено мотивам и обстоятельствам, при которых совершено деятельное раскаяние. Это значительно затрудняет установление достоверности поведения обвиняемого и прогнозирование поведения человека в дальнейшем. Между тем, именно ввиду полного пересмотра отношения к своим проступкам и корректировки своих поступков в отношении обвиняемого уголовное преследование может быть прекращено.

Исходя из имеющихся возможностей, ответственность за правильный приговор несут задействованные в судебном процессе лица – судья, следователь, дознаватель.

В Российской Федерации ст. 75 УК РФ применяется в зависимости от тяжести совершенного преступления (экономические, общеуголовные, налоговые и др.).

Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» определено, что по смыслу ч. 1 ст. 75 УК РФ освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии).

Приведем конкретный пример. Изучение материалов уголовного дела по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 158 УК РФ – покушение на совершение кражи (кража из магазина), показало, что состав вмененного преступления доказывается, и в отношении лица привлекаемого к уголовной ответственности прогнозируемо будет вынесен обвинительный приговор.

Попытки примириться с потерпевшим не увенчались успехом, так как у представителя последнего не было соответствующего права, отраженного в доверенности, напротив, был закреплен прямой запрет на примирение.

После этого было принято решение попытаться прекратить уголовное дело в связи с деятельным раскаянием, для этого было осуществлено следующее:

1. Полностью оплачен товар, который пыталась похитить доверительница, при этом, не смотря на то, что ее попытка была неудачной, товар все же решили оплатить, чтобы в суд предоставить соответствующий платежный документ, а после вступления в законную силу судебного акта оплаченный товар забрать себе.

2. Даны показания, свидетельствующие о содействии в расследовании преступления.

3. Собраны доказательства, подтверждающие обстоятельства, характеризующие личность лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Согласно данным доказательствам, привлекаемое лицо исключительно положительно характеризовалось, что свидетельствовало о случайности совершения преступления и отсутствия необходимости в применений мер уголовно-правового воздействия.

На основе собранных доказательств, было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. Изначально на стадии дознания данное ходатайство было оставлено без удовлетворения. Повторно ходатайство было заявлено на стадии предварительных слушаний, где суд, выслушав доводы стороны защиты, прекратил уголовное дело в связи с деятельным раскаянием лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Также в данном примере необходимо учитывать, что позиция потерпевшего была негативной, такую позицию представитель выразил на стадии предварительного следствия. Но в суд он являться не захотел и представил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие, поэтому его позицию в суде никто не выяснял.

На счет позиции потерпевшего, следует отметить, что для прекращения по основаниям ст. 76 УК РФ (примирение сторон), позиция потерпевшего имеет ключевую роль, при решении вопроса о прекращении по основаниям ст. 75 УК РФ, позиция потерпевшего не играет ключевой роли, но учитывается судом. Если, к примеру, подсудимый не возместил ущерб, то и потерпевший будет возражать, тогда и о деятельном раскаянии речи быть не может. Поэтому чтобы увеличить шансы на прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, нужно выполнить все возможные условия, предусмотренные законом.

Таким образом, рассмотренный выше пример, демонстрирует, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить.

Кроме того, применимость статьи обязательно должен проверить прокурор. Для этого он определяет, доказана ли в досудебном производстве вина лица, а также прокурор должен проверить, имеются ли в деле основания, позволяющие считать, что произошло деятельное раскаяние.

Если данные основания присутствуют в уголовном деле, прокурор вносит ходатайство в суд, где указано, что он не возражает и считает правильной возможность освобождения лица от уголовного наказания [3, с. 349].

Однако изучение материалов уголовных дел показало, наличие ситуаций, когда соблюдение всех условий невозможно по объективным причинам. В таких случаях имеет место разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, что если лицо не может выполнить какое-то условие по независящим от него причинам, это не препятствует его освобождению от уголовной ответственности. Например, явка с повинной является обязательным условием деятельного раскаяния. Но задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение причиненного им вреда могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии.

Судам следует иметь в виду, что деятельное раскаяние может повлечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием.

Библиографический список

1. Иванов, Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография / Д. А. Иванов. – М. : Юрлитинформ, 2018.

2. Смирнова, Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России / Е. В. Смирнова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 4 (31). – С. 87–90.

3. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2019.

4. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / В. В. Артемова. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

5. Иванов, Д. А. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 129–133.

6. Иванов, Д. А. Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями / Д. А. Иванов // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

Михайлина Ю. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Ендольцева А. В.,***
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ЗАЧЕТЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Меры пресечения, такие как запрет определенных действий, домашний арест и заключение под стражу существенно ограничивают свободу подозреваемого или обвиняемого, в связи с чем решение об их избрании отнесено к исключительной компетенции суда. По этой же причине их применение ограничено сроками, регламентированными в ч. 10 ст. 105.1, ч. 2 ст. 107 и ст. 109 УПК РФ.

В случае замены одной меры пресечения на другую предусмотрен зачет времени предыдущей меры пресечения (ч. 2.1 ст. 107 и п. 2 ст. 109 УПК РФ).

[1] © Михайлина Ю. В., 2020.

В связи с тем, что домашний арест и заключение под стражу наиболее близки по степени ограничения свободы подозреваемого или обвиняемого, зачет производится день за день (ч. 2.1 ст. 107 и п. 2 ст. 109 УПК РФ) [4, с. 24]. Что же касается предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета выходить в определенное время за пределы жилого помещения, то такой запрет ограничивает подозреваемого или обвиняемого в праве на свободу передвижения в меньшей степени, по сравнению с двумя вышеуказанными мерами пресечения, поэтому при избрании вместо запрета определенных действий заключения под стражу, зачет производится из расчета два дня запрета за один день содержания под стражей (п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), т. е. в соотношении два к одному.

Определив разницу в степени ограничения свободы подозреваемого или обвиняемого при содержании под стражей и запрете определенных действий в указанном выше соотношении, законодатель в пп. 1–3 ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ в той же пропорции, по нашему мнению, установил и предельные сроки запрета по выходу в определенные периоды времени за пределы жилого помещения – 12, 24 и 36 месяцев соответственно против предельных сроков в 6, 12 и 18 месяцев содержания под стражей.

Примечательно, что максимальный срок установления запрета выходить за пределы жилища в значительной мере превышает допустимый срок содержания под стражей и может быть установлен до 36 месяцев, т. е. в срок два раза больший. В связи с этим, перед судом встает новая задача – не допустить отхода от принципа разумности срока уголовного судопроизводства при продлении вышеуказанного запрета.

Остальные запреты, перечисленные в пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не имеют конкретного периода действия, так как согласно ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ они применяются до отмены или изменения меры пресечения в виде запрета определенных действий, что в свою очередь критикуется учеными.

Так, по мнению К. Б. Калиновского, неограниченность сроками остальных запретов, в том числе, запрета управлять автомобилем (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), указывает на то, что в срок уголовного наказания (например, лишение права заниматься определенной деятельностью – п. «б» ст. 44 УК РФ) такие запреты засчитать невозможно, и это не соответствует требованию соразмерности содержания мер процессуального принуждения тяжести обвинения, которая выражается в уголовном наказании, назначенным судом, и обоснованно указывает, что срок запрета управления автомобилем как процессуальной обеспечительной меры, не должен превышать сроков лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством, установленных ч. 1 и ч. 2 ст. 47 УК РФ[2, с. 9].

Полагаем, что необходимо законодательно установить периоды времени, в течение которых лицу будет запрещено совершать действия, указанные в пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Рассмотрим обратную ситуацию при замене подозреваемому или обвиняемому содержания под стражей на запрет определенных действий, в частности, выходить за пределы жилого помещения. Поскольку содержание под стражей ограничивает свободу лица в максимальной степени, зачет должен произво-

диться, по нашему мнению, в соответствии с такой пропорцией: один день содержания под стражей за два дня рассматриваемого запрета, тогда как согласно ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ время содержания под стражей и время домашнего ареста засчитывается в иной пропорции: один к одному, независимо от того, в какой последовательности эти меры пресечения применялись.

Полагаем, что при изменении меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста) на запрет выходить из жилого помещения, примененный в порядке ст. 105.1 УПК РФ, их совокупный срок, определяемый с учетом пропорции два к одному, не должен превышать предельный срок домашнего ареста.

Исходя из совокупного содержания ч. 10 ст. 105.1, ч. 2.1 ст. 107, пп. 1.1 и 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, в каком бы сочетании и в какой бы последовательности можно выделить три меры пресечения: запрет определенных действий в виде запрета покидать жилище, домашний арест и заключение под стражу не применялись, их совокупный срок в любом случае не должен превышать предельный срок содержания под стражей по конкретному уголовному делу.

Например, если подозреваемому или обвиняемому было запрещено в определенное время покидать жилище, а затем к нему был применен домашний арест, то в случае его последующего заключения под стражу срок такого запрета подлежит зачету, во-первых, это время применения указанного запрета (из расчета два дня запрета за один день содержания под стражей) и, во-вторых, это время нахождения лица под домашним арестом (из расчета один день домашнего ареста за один день содержания под стражей).

Кроме того, мы согласны с авторами, что в случае истечения предельного срока содержания обвиняемого под стражей, избрание ему меры пресечения в виде запрета покидать жилое помещение, как и домашнего ареста, невозможно [3, с. 107]. В данном случае, могут быть применены либо другие запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, либо иная мера пресечения.

Поэтому, полагаем, что исчисление предельного срока запрета покидать в определенное время жилище на срок в 12, 24 либо 36 месяцев с момента вынесения судом решения об установлении такого запрета, относится к случаям, когда к подозреваемому или обвиняемому ранее не применялись ни домашний арест, ни заключение под стражу.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Калиновский, К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения / К. Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2018. – № 6. – С. 9–11.

3. Марковичева, Е. В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения / Е. В. Марковичева // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 107–111.

4. Федотов, И. С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключения под стражу / И. С. Федотов // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 23–25.

Мунатов М. С.[1]*,*
следователь по особо важным делам
следственного отдела по г. Усолье-Сибирское
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Иркутской области,
аспирант 4 курса Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ЖЕРТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ТИПИЧНОГО МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ ПРИ БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАХ, А ТАКЖЕ НОВОРОЖДЕННЫМ

Впервые понятие «механизм преступления» было введено в криминалистику в 1971 году, когда А. Н. Васильев указал на необходимость изучения в качестве составной части предмета криминалистики всего механизма преступления, а не только способа его совершения. Введя это понятие в теорию криминалистики, как ее существенный признак, А. Н. Васильев обратил внимание специалистов на необходимость рассматривать преступление в более широком аспекте, а не только со стороны способа совершения преступления [1, с. 154].

Результаты исследования теоретической актуальности и практической значимости механизма преступления достаточно детально изложены в трудах отечественных ученых криминалистов[2, с. 18; 3, с. 67; 4, с. 11; 5, с. 133; 6, с. 121].

В классическом понимании механизм преступления представляет собой: «систему процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки» [7, с. 112]. То есть он состоит из взаимосвязанных элементов, от которых зависит наступление конкретного преступного результата, включая не только субъект преступления и способ совершения преступления, но и действия потерпевшего и других лиц, оказавшихся на месте преступления.

Возможно рассмотрение с данной точки зрения и механизма преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, а более конкретно оказанием медицинской помощи женщинам при беременности, родах и в период новорожденности.

Такой элемент механизма преступлений, связанных с оказанием медицинской помощи беременным, роженицам и новорожденным, как жертва и ее деятельность, имеет свою определенную специфику, которая в первую очередь продиктована имеющейся тесной неразрывной взаимосвязью между женщиной и ее плодом, и далее ребенком, в течение всей беременности, а также при родах.

---

[1] © Мунатов М. С., 2020.

Действие либо бездействие на организм каждого по отдельности в результате оказывает влияние на обоих.

Отличительной чертой данного элемента от иных механизмов преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, является то, что в обязательном порядке потерпевшим будет являться женщина, находящаяся в состоянии беременности, проходящая роды либо послеродовой период. Роды в свою очередь подразделяются на три этапа: подготовительный, потужной период и рождение ребенка, рождение последа.

В отдельных случаях потерпевшим будет являться новорожденный ребенок, но только родившийся живорожденным, и в период до 28 дней со дня рождения. Рождение плода мертворожденным не позволяет в нынешней правовой обстановке признать его самостоятельным потерпевшим, а также далеко не во всех случаях возможно признать гибель плода фактом причинения тяжкого вреда здоровью женщине.

Следует иметь ввиду, что состояние здоровья женщины, ее образ жизни и развитие плода либо ребенка взаимосвязаны, оказывают обоюдное влияние и сказываются на здоровье друг друга. Соответственно правоприминителям следует выяснять обстоятельства, характеризующие состояние и развитие здоровья как новорожденного, так и его матери, независимо от того какие последствия наступили для каждого из них.

Одной из важных характеристик женщины является возраст, так как чем старшее женщина в состоянии беременности, тем большее возникает рисков прерывания беременности.

Так, в следственный орган поступило сообщение о преждевременных родах у женщины возраста более 40 лет на сроке беременности – 23 недели, и последующей гибели новорожденного. По результатам проведенной проверки установлено, что оказанная медицинская помощь женщине, а также ее ребенку, как на амбулаторном, так и на стационарном этапах, соответствовала предъявляемым требованиям. Развитие преждевременных родов было непредотвратимым событием, несмотря на оказанную медицинскую помощь. Гибель ребенка обусловлена исключительно наличием существенных пороков развития на небольшом сроке беременности. По результатам проверки в возбуждении уголовного дела было отказано [8].

Кроме того, жертву характеризуют обстоятельства, связанные с поведением беременной женщины, ее отношением к беременности, образ жизни во время беременности, влияние вредных привычек (употребление алкоголя, курение в период беременности и др.), наличие физических нагрузок, рацион питания. Также обязательным обстоятельством, характеризующим жертву, будут сведения о том, является ли беременность желанной, имеются ли сведения об отце ребенка, имелись ли планы на будущее. Отсутствие указанных сведений у женщины может косвенно указывать на возможное наличие безразличия к беременности.

Так, по одному из уголовных дел в ходе следствия установлено, что в больнице, после длительного лечения, погиб ребенок, который родился на сроке 22 недели недоношенным с множественными пороками развития. Проверяя

версию о возможных допущенных медицинским персоналом нарушениях, которые привели к преждевременным родам, установлено, что у беременной во время беременности был выявлен ряд заболеваний, в том числе инфекция половых органов. В этой связи лечащим врачом акушером-гинекологом было назначено лечение, выписаны препараты. Вместе с тем назначенный курс лечения женщиной осознано был проигнорирован, полагая, что у нее каких-либо заболеваний в принципе нет. Отсутствие лечения заболевания как итог и привело к преждевременным родам. В ходе следствия дефектов в оказанной медицинской помощи выявлено не было, в связи с чем уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям [9].

Таким образом, жертва как элемент механизма преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи женщинам при беременности, родах и в период новорожденности, будет характеризоваться наличием ранее имевших место родов, их итогом (прерывание, аборт, рождение ребенка как здорового, так и с патологиями, проведение кесарева сечения и т. д.), наличием различных заболеваний, методами их лечения, применением различных медицинских препаратов и т. д. Любое воздействие на организм матери может оказать существенное влияние на состояние плода.

Стоит отметить, что рассмотрение методики расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи женщинам при беременности и родах, а также новорожденным, с точки зрения применения категории «механизм преступления», определения его структуры требует дальнейшей дискуссии.

Библиографический список

1. Криминалистика : учебник / под. ред. А. Н. Васильева. – М. : изд-во МГУ, 1971.

2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. Общая теория советской криминалистики. Т. 1 / Р. С. Белкин. – М., 1977.

3. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1970. – 31 с.

4. Каминский, М. К. Методологическая парадигма современной криминалистики / М. К. Каминский, Т. В. Горшенина // Вестник Удмуртского ун-та. – 1997. – № 1. – С. 67–77.

5. Карагодин, В. Н. Формирование и развитие криминалистического учения о способе совершения преступления / В. Н. Карагодин // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 2009. – С. 10–18.

6. Кустов, А. М. Криминалистика и механизм преступления : цикл лекций. – М. : изд-во Московского психолого-социального института. – Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 304 с.

7. Лузгин, И. М. Методологические проблемы расследования. – М. : изд-во Юрид. лит., 1973. – 216 с.

8. Антонов, О. Ю. К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности / О. Ю. Антонов // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 2. – (Серия «Экономика и право»).

9. Материал проверки № 15-2019 // Архив Зиминского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

10. Контрольное производство по уголовному делу № 11802250008000216 // Архив Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

Опарина К. М.[1],
курсант Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Пушкарев В. В.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СХЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО КАПИТАЛА ПОСРЕДСТВОМ КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время на территории Российской Федерации и других государств приобретает широкое распространение использование для приобретения товаров и услуг, так называемых криптовалют (также используется термин «виртуальная валюта»). При этом все чаще криптовалюта выступает в качестве инвестиционного инструмента и инструмента спекулятивной торговли. Примером такого использования может служить криптовалюта Биткоин (Bitcoin).

Процесс выпуска и обращения наиболее распространенных криптовалют полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Еще одной из ключевых особенностей использования криптовалют является анонимность пользователей таких криптовалют. Также, криптовалюта не требует ведения специальной отчетной документации.

Вышеуказанные обстоятельства, и в первую очередь анонимность платежа, обусловили активное использование криптовалют в торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и иной преступной деятельности. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания, служат предпосылками

[1] © Опарина К. М., 2020.

высокого риска потенциального вовлечения криптовалют в схемы, направленные на легализацию (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

Применяемые в настоящее время механизмы мониторинга отмывания денег и финансирования терроризма привязывают каждую транзакцию к заранее известному субъекту [4; 5].

При работе с фиатными деньгами отслеживают точку входа в финансовую систему (т. е. открытие банковского счета) и все транзакции в системе (например, перевод денег с одного банковского счета на другой или использование других платформ). После этого система проводит мониторинг финансовой активности, оценивает риски отмывания денег для таких транзакций и генерирует соответствующие отчеты и уведомления. Если выявляются какие-то незаконные операции, они легко могут быть привязаны к конкретному лицу, что позволяет задействовать необходимые юридические механизмы.

Криптовалюты идентифицируют пользователей, находящихся на обеих концах транзакции, с помощью цифровых кошельков. Токены (запись в регистре, которая распределена по сети блокчейн) хранятся в электронных кошельках, а не на банковских счетах. Доступ к любому кошельку имеет только его владелец. Владелец может отправить или принять монеты с другого кошелька, предоставив другому участнику операции идентификатор своего кошелька. Этот идентификатор служит ключом, устраняющим потребность в имени или иных персональных данных. Поэтому создается видимость анонимности операций. Однако в большинстве стран сегодня существуют правила, в соответствии с которыми для открытия нового цифрового кошелька необходимо пройти процедуру «знай клиента в лицо». Таким образом, само наличие у человека электронного кошелька, даже если он им не пользуется, нарушает принцип анонимности.

Предоставленные российскими юридическими лицами услуги по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) должны рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма. Использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Анализ современной судебно-следственной практики показал, что преимущественное количество уголовных дел об использовании криптовалюты, рассматриваемых в судах Российской Федерации, касались незаконного оборота наркотических средств. При этом, способы использования криптовалюты были достаточно типичными, что создает предпосылки для повышения эффективности работы сотрудников ОВД в данном направлении борьбы с преступностью [3].

Так, С., являлся участником организованной преступной группы, которая имела свои правила и разработанные схемы легализации доходов, полученных преступным путем, которая заключалась в оформлении подконтрольного С. виртуального неперсонифицированного счета на интернет-бирже btsBank

Bitcoin, который использовал для получения оплаты за исполнение своей роли в преступной группе. Оплату С. получал в криптовалюте Bitcoin, которую затем конвертировал у трейдера (торговца) на интернет-бирже btsBank Bitcoin в российские рубли и переводил на подконтрольный ему счет в электронной платежной системе QIWI, а затем на счета своих банковских карт ПАО «РНК», а также на банковский счет, который ему предоставило другое лицо, легализовав преступный доход в размере 490 800 руб. Суду были представлены схемы движении криптовалюты, используемые в качестве доказательств по уголовному делу [1]. Таким образом, в современной правоприменительной практике существуют не только проблемы расследования преступлений, связанных с криптовалютой, но и примеры успешного применения блокчейна криптовалют, использовавшихся в преступных целях.

Библиографический список

1. Постановление № 44У-76/2019 4У-415/2019 от 15 мая 2019 г. по делу № 1-3/2018.

2. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / В. В. Артемова. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

7. Иванов, Д. А. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности / Д. А. Иванов, И. В. Филатова // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 129–133.

3. Филатова, И. В. Противодействие легализации преступных доходов в системе обеспечения экономической безопасности / И. В. Филатова // Органы следствия министерства внутренних дел России на страже правопорядка (к 56-й годовщине образования следствия в органах внутренних дел) : сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 72–74.

4. Филатова, И. В. Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности / И. В. Филатова // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 358–361.

Поздняков Д. А.[1]*,*
курсант Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Макаренко М. М.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МОШЕННИЧЕСТВО НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ: СХЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

Одним из наиболее распространенных видов мошенничества в современном мире является совершение данных криминальных операций на рынке ценных бумаг. Механизм указанного преступления представляет собой комплекс специальных действий, в который включены участники финансового рынка, предполагающий использование Интернет пространства, и иных цифровых технологий. В ряде случаев одной из ключевых фигур здесь выступает такое профессионально компетентное лицо как брокер.

Брокерство является легальной деятельностью. В Российской Федерации выдачу брокерской лицензии осуществляет Центральный Банк РФ. Подобный документ может быть выдан юридическому или физическому лицу на выполнение функций посредника в различных областях, в том числе при осуществлении операций с ценными бумагами. Зарплатой брокера являются комиссионные от сделок [3].

В процессе своей деятельности брокер, на основании заключенного договора, предоставляет торговую площадку другому участнику финансового рынка – трейдеру, зарегистрированному в той или иной брокерской компании и желающему торговать на Forex или иной Интернет-площадке. Трейдер имеет периодически пополняемый им торговый депозит, который, как правило, находится на личном счету брокера.

Сегодня брокеры предлагают клиентам множество сервисов, которые частично или полностью не подпадают под действующее регулирование брокерской деятельности. Например, интернет-магазин акций, где акции продаются как обычный товар по дилерской схеме, с возможностью оплаты пластиковой картой через Интернет системы. Или портфель ценных бумаг, формируемый клиентом самостоятельно на основе предоставленных брокером рекомендаций. Пример еще одного сервиса, предоставляемого брокером – это автоследование, когда сделки на счете клиента автоматически воспроизводят стратегию определенного управляющего.

---

[1] © Поздняков Д. А., 2020

Брокер – мошенник, как правило, не спешит выводить денежные средства трейдера, находящиеся на его личном счете, ссылаясь при этом на различные форс-мажорные обстоятельства, и заверяя клиента в том, что в скором времени деньги будут переведены на его счет. После этого брокер закрывает личный счет трейдера и реализует оставшиеся на нем денежные средства по своему усмотрению.

Другой способ мошеннического обмана со стороны брокера заключается в утаивании от клиента информации о реальной ликвидности ценных бумаг. Т. е., если последние выросли в цене, а трейдер не имеет этой информации от брокера, последний получает двойную или даже тройную выгоду от заключенных сделок, а трейдер всего лишь фиксированную сумму, прописанную в договоре.

Основная проблема при расследовании такого мошенничества состоит в доказывании направленности умысла брокера на совершение действий, предусмотренных диспозицией ст. 159 УК РФ [2]. В первом описанном выше случае, сделать это крайне сложно в силу ряда причин. Профессиональный участник финансового рынка всегда оправдает свои действия множеством проблемных обстоятельств, среди которых разрешение большей их части подпадает под гражданско-правовое регулирование. Следует отметить и то, что законодательное регулирование брокерской деятельности в Российской Федерации весьма противоречиво. Так, например, брокерской лицензией не охватывается посредническая деятельность на валютном рынке; не действует правило маржирования открытых позиций клиентов; отсутствуют требования к сегрегации их валютных портфелей [4].

Во втором случае доказать умысел проще, поскольку можно провести оценочную экспертизу стоимости той или иной ценной бумаги на определенный момент времени. Кроме того, документальным доказательством будет являться договор, заключенный между брокером и трейдером, содержанием которого являются основные права и обязанности сторон, в том числе и комиссионные выплаты брокера.

В заключение следует отметить, что мошенничество на рынке ценных бумаг, является преступлением, которое представляет определенные трудности для правоприменителя при раскрытии и расследовании данных криминальных действий. Именно поэтому дальнейшая научная разработка изложенных в рамках настоящей статьи вопросов является актуальной и значимой.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

4. Филатова, И. В. Роль государства в обеспечении экономической безопасности рынка ценных бумаг / И. В. Филатова // Обеспечение финансовой безопасности России. – М., 2016. – С. 392–396.

Прокопова А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В КОНТЕКСТЕ УСКОРЕНИЯ ДОСУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Уголовное судопроизводство – как один из основных публично-правовых институтов зависим от экономической и политической обстановки в стране. Изменения, происходящие внутри государства, неизбежно распространяются и на уголовно-процессуальную деятельность, заставляя ее видоизменяться с учетом требований и интересов общества. Нередко изменения столь масштабны, что будучи ошибочными, могут привести к негативным последствиям, во избежание этого в ходе становления и развития отечественного уголовного судопроизводства были выработаны защитные механизмы, не позволяющие разрушить основы судопроизводства. Одним самых значимых элементов этого механизма – процессуальная форма, которая традиционно характеризуется единством и, при этом, дифференциацией.

Любые изменения уголовно-процессуальных производств невозможны без затрагивания их процессуальной формы, которая является несущей конструкцией, всей процессуальной деятельности.

Значение уголовно-процессуальной формы, заключается в том, что она: способствует установлению истины по делу [1, с. 32-33]; обеспечивает соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса [9, с. 54]; определяет связь между элементами уголовного процесса, организует его внутреннее построение и внешнее выражение [5, с. 3]; создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный правовой режим производства по уголовному делу [20, с. 7-8]; оказывает воспитательное воздействие на граждан, привитие им уважительного отношения к закону, к органам и должностям лицам, его представляющим [5, с. 6]; аккумулирует многолетний опыт судопроизводства, защищает от возможных ошибок [13, с. 6].

Процессуальная форма является одним из основополагающих и при этом спорных понятий в науке уголовного процесса с невыясненной до настоящего времени структурой. Процессуальная форма исследовалась многими специалистами, однако, до настоящего времени, не удалось выработать даже концептуально единое ее понятие [8, с. 56; 19, с. 12; 2, с. 15; 4, с. 19; 11, с. 43].

[1] © Прокопова А. А., 2020.

Термин «форма» (от латинского *forma* – форма, вид, образ) имеет несколько значений: очертание, внешний вид, контуры предмета; внешнее выражение какого-либо содержания; способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением; установленный порядок [21, с. 648].

В уголовно-процессуальный науке под уголовно-процессуальной формой ряд авторов понимают установленную законом последовательность [18, с. 24]; другие, условия и порядок проведения отдельных следственных или судебных действий, либо расследования и рассмотрения уголовных дел, проверки судебных решений, либо осуществления уголовно-процессуальной деятельности или вынесения приговора [18, с. 33]; третьи, уголовно-процессуальную форму отождествляют с процедурой по делу, и считают ее условиями и правилами, правовой формой деятельности органов уголовного-преследования, прокуратуры и суда, а также принятия ими процессуальных решений в связи с производством по уголовному делу [18, с. 43; 16, с. 68; 3, с. 24].

Так, И. Б. Михайловская в качестве структурных элементов процессуальной формы называет: цель уголовного процесса, распределение функций между его участниками и принципы, определяющие построение конкретных институтов путем предъявления требования соответствия провозглашаемых ими (принципами) правил [7, с. 14].

Мнение в достаточной мере спорное. Цель уголовного процесса является самостоятельной категорией, которая имеет взаимосвязь с процессуальной формой, через определение задач уголовного процесса, которые в свою очередь влияют на процессуальную форму судопроизводства, но к структуре уголовно-процессуальной формы не относятся. Тоже можно сказать и о принципах уголовного процесса. Принципами являются основополагающие, главенствующие идеи судопроизводства, которые наряду с процессуальной формой выступают гарантиями уголовного судопроизводства. Форма с принципами находятся в тесной взаимосвязи, однако не являются ее частью.

Уголовно-процессуальную форму подразделяют на: процессуальную форму всего производства в целом, процессуальную форму отдельной стадии судопроизводства, процессуальную форму производства отдельного следственного действия [5, с. 11].

Обобщая можно подчеркнуть, что к структурным элементам процессуальной формы, относят: порядок производства по делу и условия его обеспечивающие; порядок и формы следственных и процессуальных действий (порядок проведение, порядок оформления, процессуальные документы); порядок и условия (правила, правовые формы, требования) осуществления уголовно-процессуальной деятельности (доказательственная *(познавательная)* деятельность и правообеспечительная деятельность [22, с. 342–343]).

Несмотря на разнообразие научных суждений о понятии и сущности уголовно-процессуальной формы все авторы сходятся во мнении, что для нее характерно единство, обеспечиваемое единым уголовно-процессуальным законом, назначением уголовного судопроизводства, едиными принципами уголовного процесса, средствами установления обстоятельств по уголовному делу, способами их исследования, формами, основаниями и порядком принятия уго-

ловно-процессуальных решений, требованиями, которым они должны соответствовать [17, с. 16–17].

Не стоит забывать, что уголовно-процессуальная форма, являясь неотъемлемым признаком уголовного судопроизводства, охватывает всю без исключения уголовно-процессуальную деятельность и каждый ее элемент. Уголовно-процессуальная форма видится конструкцией, основой которой является единая процедура осуществления процессуальной деятельности в целом и каждого процессуального действия, в частности. В зависимости от этапов процессуальной детальности процессуальная форма приобретает определенные элементы свойственные определенной категории уголовных дел.

Для уяснения сущности уголовно-процессуальной формы постараемся выделить ее составные элементы.

По нашему мнению, более приемлемой является классификация элементов уголовно-процессуальной формы сформулированная А. В. Смирновым, К. Б. Калиновским. По их мнению, процессуальная форма состоят из трех элементов: юридические процедуры, условия и гарантии, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права [14, с. 200]. Отнесение к данным элементам гарантий как нами указывалось ранее вряд ли верно (наряду с другими гарантиями процессуальная форма сама таковой является), однако, в данном контексте термин «гарантии» с учетом их лингвистической связки со словом «условия», использован здесь, скорее, как синонимичное понятие.

Собственно, условия, в понятие процессуальной формы включались, как указывалось выше, и ранее. Однако они связывались либо с порядком судопроизводства (М. А. Чельцов, Р. Д. Рахунов и др.) либо с правилами, правовой формой деятельности органов уголовного судопроизводства (В. Н. Шпилев, М. П. Поляков). Полагаем приведенные понимания структуры процессуальной формы не в полной мере точны, поскольку правила, правовая форма – понятия близкие к праву, а процессуальная форма – это не само право. Порядок, установленный правовыми нормами, понятие более широкое чем процессуальная форма, включающее в себя и другие процессуальные гарантии. Сомневаемся и в правильности включения условий осуществления процессуальных действий, решений, этапов уголовного процесса в саму процедуру, поскольку процедура – это последовательность, которая может обеспечиваться условиями, не включая их в себя в качестве элемента.

На наш взгляд, процессуальная форма включает в себя процедуру (последовательность) уголовного судопроизводства и каждого его элемента и условия, эти процедуры обеспечивающие.

Понимание процедуры как последовательности процессуальных действий и решений сложностей в целом не вызывает, чего нельзя сказать об условиях, которые входят в уголовно-процессуальную форму и обеспечивают эффективность процедуры.

А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский под процессуальными условиями понимают нормативные предписания: а) устанавливающие основания производства процессуальных действий; б) обязывающие лиц, ведущих процесс, в установленных законом случаях получать предварительное разрешение (решение суда

и др.) на осуществление определенных процессуальных действий; в) вводящие различные запреты и ограничения на совершение ряда действий; г) определяющие круг участников процессуальных действий и их правовой статус; д) устанавливающие в определенных законом случаях место или время, или сроки проведения процессуальных действий [14, с. 222].

Концептуально поддерживая это мнение, считаем, тем не менее, что условия, обеспечивающие процессуальную процедуру, процессуальной формы не сами нормативные предписания, иначе процессуальная форма хотя бы в части, но сливалась бы с правом, а это категории разные.

Условия процессуальных процедур, как элемент процессуальной формы – это объективные обстоятельства, при наличии которых сама процессуальная процедура приобретает присущие только ей черты либо вообще может осуществляться либо является эффективной в рамках задач, перед ней законодателем поставленных.

На наш взгляд, эти условия можно подразделить на две большие группы:

– сущностные условия, определяющие собственно идентичность процессуального производства: область действия (статьи УК РК); участники, и их процессуальные статусы; предмет и пределы доказывания;

– условия, определяющие возможность и эффективность производства (внешние условия): сроки; основания начала и окончания; а также условия возможности производства и исключающие таковое (презумпции, запреты, ограничения).

Указанные условия – важный структурный элемент уголовно-процессуальной формы, который наряду с процедурой производства обеспечивает уровень процессуальной формы как важной процессуальной гарантии.

Библиографический список

1. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж, 1980.

2. Бобров, В. К. К исследованию процессуальной формы / В. К. Бобров // Правоведение. – 1974. – № 2.

3. Гродзинский, М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – М. : Госюриздат, 1949.

4. Добровольская Т. Н., Элькинд П. С. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства / Т. Н. Добровольская, П. С. Элькинд. – В кн.: Юридическая процессуальная форма. – М., 1976.

5. Манова, Н. С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм : учебное пособие для вузов / Н. С. Манова. – М. : Приор-издат, 2004.

6. Мачихин, С. Г. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве России : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.

7. Михайловская, И. Б. Цели, функции и принципы уголовного российского судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. – М. : Проспект, 2003.

8. Мотовиловкер, Я. О. Некоторые вопросы содержания и формы советского уголовного процесса / Я. О. Мотовиловкер // Вести. Ярослав. ун-та. – 1972. – № 4.

9. Пашкевич, П. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать / П. Пашкевич // Социалистическая законность. – № 9. – 1974.

10. Поляков, М. П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства / М. П. Поляков // Государство и право. – 1999. – № 9.

11. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы / науч. ред. Л. Д. Кокорев. – Воронеж, 1979.

12. Рахунов, Р. Д. Проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности / Р. Д. Рахунов // Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства. – 1976.

13. Рустамов, Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: Современные тенденции и проблемы совершенствования : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.09. – М., 1997.

14. Смирнов, А. В. Уголовный процесс // А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – СПб. : Питер, 2005. – 272 с.

15. Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. – М. : Высшая школа, 1968; Уголовный процесс / отв. ред. А. В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. – М., 2009.

16. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М. : Юриздат, 1946.

17. Химичева, Г. П. Понятие уголовного судопроизводства (уголовного процесса) / Г. П. Химичева, О. В. Химичева, А. И. Бородулин // Уголовный процесс : сборник учеб. пособия. Общая часть. Вып. 1. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

18. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1962.

19. Шпилев, В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск, 1974.

20. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – М., 1981.

21. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1978.

22. Золотарев, А. С. К вопросу о структуре и содержании уголовно-процессуальной деятельности / А. С. Золотарев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005.

23. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. IV. М., 2004.

24. Артемова, В. В. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях : учебное пособие / [В. В. Артемова и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2009. – 560 с.

Пронин Д. Н.[1]***,***
курсант Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Макаренко М. М.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ХИЩЕНИЯ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КЛИЕНТОВ

Использование специальных знаний в уголовном процессе имеет различные формы и призвано способствовать формированию доказательственной базы по уголовным делам, независимо от того, в какой сфере общественной жизни имело место то, или иное криминальное деяние.

Следует заметить, что применительно к вопросам, которые будут рассмотрены в рамках данной статьи, под персональными данными следует понимать любую информацию, относящуюся к определенному или определяемому на основании такой информации субъекту персональных данных [3]. Персональные данные клиентов, хранится на отдельных защищенных серверах, отличающихся по алгоритмам от той защиты, что стоит на других банковских хранилищах электронной информации.

В практической деятельности выделяются следующие непосредственные угрозы безопасности [6; 7]:

1) несанкционированный доступ, представляющий собой получение возможности пользования ресурсом, на который у злоумышленника нет разрешения;

2) атака «салями». Принцип работы этого метода состоит в постепенном сборе дробных чисел. При обработке счетов используются целые единицы, а искомые дроби образуются при начислении процентов. Схема работает на округлении дробных процентных сумм в пользу злоумышленника. Таким образом, чем больше оборотные средства, тем больше прибыль хакера. Успех таких атак зависит не от количества денег, украденных со счета потерпевшего, так как для любого счета погрешность обнуления одинакова, а от количества обработанных операций. Атаки «салями» довольно трудно распознаются, если только злоумышленник не начинает накапливать на одном счете крупные суммы;

3) сборка мусора, т. е. восстановление данных, не подвергнутых физическому уничтожению или подготовленных к стиранию. Данная процедура проводится как

[1] © Пронин Д. Н., 2020.

на дисках компьютера, так и в оперативной памяти. Для осуществления указанной операции, программа маскирует свои действия под нейтральный процесс, тем самым выделяя под свои нужды необходимую часть оперативной памяти.

Далее злоумышленник с помощью заранее загруженного кода просматривает сектора памяти компьютера на предмет подготовленных к удалению или уже удаленных, но все еще пригодных для восстановления данных, содержащих нужные взломщику ключевые слова. Так, восстанавливая удаленные данные, злоумышленник получает доступ к информации о соединениях, а в случае использования незащищенных или слабо защищенных платежных систем к данным о платежах, в том числе и платежные реквизиты, а так же логин и пароль платежного сервиса, которым пользовался потерпевший.

Главным доказательством незаконной деятельности взломщика являются результаты компьютерно-технической экспертизы. Следователь в рамках своей деятельности должен грамотно сформулировать вопросы, которые подлежат разрешению в рамках данной экспертизы и не выходят за пределы компетенции эксперта. Кроме того, эксперту необходимо представить пригодные для исследования материалы. Так, например, для доказательства факта установки на устройство вредоносного программного обеспечения, требуется изъять дисковый носитель, в памяти которого непосредственно установлено нелегальное программное обеспечение. Одновременно с изъятием носителя у потерпевшего, следует направить оперативным сотрудникам отдельное поручение на проведение ОРМ « Снятие информации с технических каналов связи» и «Получение компьютерной информации» в отношении владельца IP-адреса, обнаруженного в ходе осмотра электронного почтового ящика потерпевшего, а именно находящегося в нем электронного письма, содержащего фишинговую ссылку [4].

Далее, после получения результатов ОРМ в виде дискового носителя, принадлежащего злоумышленнику, на котором записан оригинал вредоносной программы, представить его для экспертного исследования.

Особенности механизма совершения кражи персональных данных таковы, что охарактеризовать их может только эксперт в своем заключении. Учитывая это обстоятельство, следователь должен грамотно изъять вещественные доказательства, а именно с привлечением эксперта. Так как злоумышленник может оставить в компьютерной системе или на самом изымаемом носителе информации «ловушку», которая при несанкционированной попытке доступа уничтожит хранящиеся на носителе данные.

При назначении различных видов экспертиз, в зависимости от цели их проведения, перед специалистом целесообразно поставить следующие вопросы:

1) аппаратно-техническая экспертиза:

– пригодны ли предоставленные на экспертизу носители информации для исследования;

– каким способом было осуществлено внедрение вредоносного ПО в систему потерпевшего;

2) компьютерно-техническая экспертиза:

– имеются ли в представленном на экспертизу дисковом носителе отклонения от типовых (нормальных) параметров, в т.ч. физические дефекты;

– имеются ли на компьютере, представленном на экспертизу, программные средства для реализации внедрения вредоносного ПО;

– каков состав файлов дискового носителя представленного на экспертизу, каковы их параметры (объемы, даты создания, атрибуты);

3) программно-компьютерная экспертиза:

– можно ли определить реквизиты разработчика и владельца представленного программного средства, если да то каковы они;

– какое общее функциональное предназначение имеет программное средство;

– используется ли данное программное средство для кражи персональных данных;

– имеются ли в программном средстве компьютера какие-либо враждебные функции, которые влекут уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы компьютерной системы;

– какого вида (явный, скрытый, удаленный, архив) имеется информация на носителе;

– каким образом организован доступ (свободный, ограниченный и пр.) к данным на носителе информации и каковы его характеристики;

– какие признаки преодоления защиты (либо попыток несанкционированного доступа) имеются на носителе информации;

– какие данные о пользователе компьютерной системы (в т. ч. имена, пароли, права доступа) имеются на представленном носителе;

– каким способом и при каких обстоятельствах произведены действия (операции) (блокирование, модификация, копирование, удаление) определенных данных на носителе информации (компьютере);

– какая хронологическая последовательность действий с внедренных программным обеспечением имела место при краже персональных данных;

– какая имеется причинная связь между действиями, а именно вводом вредоносного ПО на носитель и имевшим место похищение персональных данных потерпевшего.

Изложенные аспекты актуализируют значение использования специальных знаний и в обязательном порядке должны учитываться следователем в ходе расследования уголовных дел, возбужденных по фактам совершения хищений персональных данных клиентов банковской сферы.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.

4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

5. Алимамедов, Э. Н. Проблемные вопросы привлечения специалиста для принятия решения о возбуждении уголовных дел по экономическим преступлениям / Э. Н. Алимамедов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 11–13.

6. Беляева, А. Н. Актуальные проблемы борьбы с современным мошенничеством с использованием банковских карт / А. Н. Беляева, И. В. Филатова // Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации. Материалы 4-й Международной студенческой научно-практической конференции. – 2016. – С. 44–46.

7. Филатова, И. В. Современные проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности / И. В. Филатова // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 358–361.

Седова И. В.[1],
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Фадеев П. В.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ГРАБЕЖА

На сегодняшний день важной задачей для следователей и органов дознания является не только раскрытие и расследование преступлений, но и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Однако

[1] © Седова И. В., 2020.

статистика свидетельствует, что только в январе-октябре 2019 г. было зарегистрировано 1720,7 тыс. преступлений, что на 2 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. Из них более половины (986,9 тыс.) – хищения чужого имущества, из которых 38,9 тыс. совершаются в форме грабежа. При этом из общего количество грабежей раскрыто 26,3 тыс., что на 9,5 % меньше, чем за аналогичный период 2018 г. (всего зарегистрировано преступлений – 1686,2 тыс., из них хищения – 1161,2 тыс., из их в форме грабежа – 42,4 тыс., а раскрыто – 29,1 тыс.). Это говорит о том, что, несмотря на снижающееся количество преступлений, в том числе и насильственных грабежей, эффективность деятельности органов предварительного расследования также снижается.

На наш взгляд, одной из причин таких показателей связано с неумением следователей, дознавателей правильно и эффективно организовать свою деятельность, в том числе и во взаимодействии с другими органами и подразделениями ОВД.

Так, дела о насильственных грабежах характерны тем, что расследование необходимо начинать незамедлительно после поступления сообщения о совершенном преступлении, пока в памяти пострадавшего в полной мере сохранены необходимые данные для задержания лица по «горячим следам» либо наиболее быстрого установления виновного. Для этого необходимо четкое, правильно организованное и эффективное взаимодействие следователя с органом дознания. Пока следователь проводит необходимые следственные и иные процессуальные действия (возбуждает уголовное дело, допрашивает потерпевшего, осматривает место преступления и т. д.), оперуполномоченные, получив необходимую информацию в ходе опросов уже должны прилагать максимум усилий для установления виновного лица. И затем, в процессе расследования грабежа, оказывать следователю необходимую помощь в поиске похищенного имущества, лиц, скрывшихся от органов предварительного следствия или суда, и др.

Однако на этапе возбуждения уголовного дела возникают ситуации, когда данных о лице, совершившем преступление, очень мало или они вовсе отсутствует. Об этом свидетельствует анализ 80 % изученных по данной категории уголовных дел о преступлениях, совершенных с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. В связи с этим необходимость взаимодействия следователя с органом дознания, в том числе и с оперуполномоченными уголовного розыска, является важным элементом деятельности следователя.

Следует отметить, что само по себе взаимодействие между следователем и оперуполномоченным не означает их служебного подчинения и слияния их деятельности [1, с. 87]. Напротив, оно предполагает определенную координацию усилий, направленную на раскрытие и расследование преступлений. Вместе с тем даже хорошо организованное взаимодействие может быть неэффективным в некоторых случаях.

Так, в ходе опроса сотрудников территориальных органов ОВД было выявлено, что при осуществлении взаимодействия часто возникают конфликтные ситуации, которые мешают раскрытию и расследованию преступлений. Как показывает анализ, к числу таких проблем следует отнести:

– возложение на орган дознания излишних функций (например, проведение следственных действий, которые должен проводить сам следователь);

– безответственность самих сотрудников органа дознания, нежелание идти на контакт;

– «борьба» за показатели между подразделениями (раскрытие преступления, выявленные лица и т. д.);

– психологический конфликт;

– «не правильно, профессионально не грамотно, слишком сложно или, наоборот, слишком упрощенно задаваемые следователем вопросы в поручении» [3, с. 808].

На наш взгляд, требует законодательного закрепления вопрос взаимодействия оперуполномоченных уголовного розыска со следователем, которое именуется «оперативным сопровождением». Такой подход позволит усилить ответственность сотрудников, осуществляющих оперативное сопровождение, за результаты расследования. Кроме того, помощь таких сотрудников в сборе доказательств по уголовному делу будет предоставляться на протяжении всего периода расследования, поскольку может возникнуть необходимость в установлении дополнительных свидетелей произошедшего, преодолении противодействия расследованию со стороны обвиняемого.

В этом аспекте особый интерес вызывает позиция законодателей Германии и США, которые наделили сотрудников органов, занимающихся расследованием преступлений, как оперативно-разыскными, так и следственными полномочиями, что позволяет говорить о слиянии оперативно-разыскных и следственных полномочий [2, с. 137]. То есть получается, что одно лицо, у которого в производстве находится уголовное дело, в том числе и по насильственному грабежу, имеет функции и следователя, и оперуполномоченного, а соответственно может проводить и следственные действия, и оперативно-разыскные мероприятия.

По нашему мнению, такой подход имеет двойственный характер. С одной стороны, объединение процессуальных и оперативно-разыскных полномочий имеет положительный момент. Так, возложение на одного человека полномочий и следователя, и оперуполномоченного будет способствовать наиболее быстрому, полному и всестороннему рассмотрению уголовного дела, избавит сотрудников от бумажной волокиты (в том числе и отпадет надобность составлять поручения, на что тратится определенное время), при этом знакомиться с материалами уголовного дела будет меньшее количество людей, что поможет сохранению тайны следствия.

С другой стороны, ввиду того, что указанными выше полномочиями будет наделено одно лицо, то отпадет надобность некоторых других подразделений полиции, и соответственно на сотрудников, осуществляющих предварительное расследование, будет возложено еще больше функций, которые требуют не только физических, но и временных затрат. На сегодняшний день следователь ввиду большой загруженности зачастую не успевает выполнять свои непосредственные обязанности, а если на них возложить дополнительные функции, то это может сказаться на проценте раскрываемости и качестве расследования в худшую сторону.

Таким образом, исторически сложившееся положение дел со следствием и оперативными подразделениями, указывает на необходимость повышения качества взаимодействия этих служб.

Следователю, чтобы устранить эти проблемы на практике, необходимо четко урегулировать в нормах УПК РФ вопросы, связанные с оперативным сопровождением уголовного дела, а на практике при осуществлении взаимодействия необходимо учитывать психологический аспект совместимости людей, а также осуществлять полноценный обмен информацией, необходимой для проведения тех или иных мероприятий и выполнять сотрудниками подразделений функций, которые на него возложены, грамотно планирую свои действия и распределяя время.

Библиографический список

1. Бахтеев, Д. В. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений / Д. В. Бахтеев, Л. Я. Драпкин // Электронное приложение к юридическому журналу. – 2017. – № 3 (41). – С. 87–96. – URL: https://elubrary.ru (дата обращения: 18.02.2020).

2. Ижнина, Л. П. Сравнительно-правовой анализ взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений по раскрытию и расследованию неочевидных преступлений (на примере России, Германии и США) / Л. П. Ижнина, А. А. Петровская // Вестник Нижегородского Университета имени Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 137–140.

3. Пупцева, А. В. Проблемные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков / А. В. Пупцева, А. П. Большаков // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3.

Стрелков А. А.[1]*,*
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования,
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Галкина У. В.,***
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Особенности специфики расследования хищений, совершенных с использованием сети Интернет заключаются как в особенностях проведения отдельных следственных действий, так и в проведении отдельных видов судебных экспертиз [1, с. 433].

Преступления, связанные с хищениями, совершенными с использованием сети «Интернет» предопределяют необходимость знания и постоянного использования в процессе предварительного следствия специальных познаний в сфере современных компьютерных информационных технологий. Знания эти требуются сотрудникам органов предварительного расследования как для правильного получения доказательств, в том числе и оформления документов, которые в будущем могут быть представлены как доказательства, так и для постановки версий по уголовному делу, направления хода расследования уголовных дел.

Важная роль при расследовании уголовных дел данной категории отводится судебным компьютерно-техническим экспертизам.

Компьютерно-техническая экспертиза – отдельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических, который отличается особой сложностью их проведения. Следователь, который выносит постановление о назначении судебной экспертизы, как правило, преследует конкретную цель, например:

– ему требуется определить статуса объекта, предоставленного на экспертизу, как компьютерного средства;

– требуется выявить и изучить его роль в конкретном расследуемом уголовном деле;

– получить доступ к информации, которая находится на предоставленных им сторонних носителях информации, для последующего ее изучения.

Проведение судебной компьютерно-технической экспертизы позволяет успешно решить такие задачи, как:

[1] © Стрелков А. А., 2020.

– восстановление компьютерной информации, которая ранее хранилась на машинных носителях, но по каким-либо причинам было изменена, либо уничтожена;

– частичное или в полном объеме извлечение информации из компьютера, которая хранится на машинных носителях;

– установление времени и даты создания, изменения, копирования, уничтожения компьютерной информации;

– расшифровка закодированной компьютерной информации;

– вскрытие защитных систем компьютерных средств;

– установление средства и способов подготовки или изготовления программ и файлов, которые хранились на машинных носителях компьютерной информации;

– исследование компьютерных или иных технических средств хранения компьютерной информации на предмет наличия, либо отсутствия в них аппаратно-программных модификаций и модулей, которые позволяют проводить несанкционированное уничтожение, модификацию, блокирование или копирование чужой компьютерной информации, либо же нарушать работу системы компьютерного устройства или отдельных компьютерных устройств и их сети.

– определение технического состояния компьютерного или иного технического средства, выявление неисправностей в машинных носителях информации, определение степени износа данных средств, а также признаков приспосабливания компьютерных или иных технических средств к конкретному пользователю;

– оценка уровня профессиональной подготовки лиц, проходящих по уголовному делу как подозреваемые (обвиняемые);

– установление конкретных лиц, которые нарушали правила эксплуатации компьютерного устройства, отдельных компьютерных устройств и их сетей;

– определение вероятных путей утечки конфиденциальных сведений из компьютерных сетей, конкретных технических средств хранения информации и мест их расположения; выяснение вероятных способов несанкционированного доступа к носителям охраняемой законом конфиденциальной компьютерной информации;

– определение причин и условий, в связи с которыми появилась возможность совершенить преступления, в ходе которого использовались компьютерные или иные технические средства [2, с. 154].

Среди судебных компьютерно-технических экспертиз выделяются:

– аппаратно-компьютерная судебная экспертиза;

– программно-компьютерна судебная экспертиза;

– информационно-компьютерная судебная экспертиза:

– компьютерно-сетевая судебная экспертиза [3, с. 93].

Каждый из указанных видов экспертиз имеет определенный круг задач, которые решаются в ходе их проведения, и определенный перечень объектов, предъявляемых для исследования, требуемых для проведения того или иного вида экспертизы. Такое деление на виды судебных компьютерно-технических экспертиз позволяет наиболее полно охватить технологические особенности и

эксплуатационные свойства объектов экспертизы, предъявляемых для исследования.

При назначении судебной компьютерно-технической экспертизы необходимо иметь точные и ясные сведения о возможностях и границах ее проведения. При подготовке следователем перечня вопросов, которые будут поставленные для решения экспертам, он должен отталкиваться от обстоятельств конкретного расследуемого уголовного дела, не должен допускать поставки перед экспертами вопросов, которые выходят за рамки их компетенции. В сложный и неоднозначных случаях при определении вопросов можно и даже необходимо получить консультацию у эксперта, которому будет поручено проведение экспертизы.

Следователь в описательной части постановлении о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы должен наиболее полно отразить обстоятельства расследуемого уголовного дела, отразить сведения о лицах, которые могут быть причастны к совершению преступления, сведения об объектах, представленных на экспертизу, сведения, которые могут помочь эксперту в быстром поиске, либо восстановлении компьютерной информации (пароли, шифры, номера счетов, банковских карт, мобильных телефонов лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления и др.).

В резолютивной части постановления следователь должен указать конкретный и исчерпывающий перечь задач и вопросов, которые должен решить эксперт. В связи с тем, что на современных компьютерных средствах установлены машинные носители информации с огромным объемом памяти, следователь должен при постановке вопросов четко определить тематику интересующей его информации, так как эксперт, как правило, не в состоянии исследовать всю информацию, которая находится на носителях информации, предоставленных на экспертизу.

Проблемами при назначении и проведении указанных экспертиз является следующие моменты:

– они занимают огромное количество времени необходимого для их проведения, которое очень часто превышает разумные сроки производства предварительного расследования по уголовному делу;

– малое количество узконаправленных специалистов в правоохранительных органах или иных ведомствах, которые могут проводить данные экспертизы;

– недостаточная подготовка сотрудников органов предварительного расследования в области программного обеспечения и компьютерной техники, не позволяющая правильно сформулировать вопросы для эксперта;

– постановка перед экспертами вопросов, выходящих за рамки их компетенции.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что проведение судебных экспертиз имеет важное значение в расследовании уголовных дел и доказывании вины подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, так как следователь, изучив и проанализировав результаты данных проведенных экспертиз может использовать их в качестве доказательств, а также для назначения других экспертиз, которые в последующем могут открыть новые обстоятельства уголовного дела.

Библиографический список

1. Вехов, В. Б. Методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации / В. Б. Вехов, В. Ю. Рогозин // Криминалистика : учебник для среднего профессионального образования / отв. ред. А. А. Закатов, Б. П. Смагоринский. – Волгоград : ВА МВД России, 2000. – С. 433–449.

2. Россинская, Е. Р. Классификация компьютерно-технической экспертизы и ее задачи / Е. Р. Россинская, А. И. Усов. – Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. – М., 2000.

3. Катков, С. А. Подготовка и назначение программно-технической экспертизы / С. А. Катков, И. В. Собецкий, А. Л. Федорова // Информ. Бюллетень СК МВД России. – 1995. – № 4 (85). – С. 93–94.

Трынко Д. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Клещина Е. Н.,***
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: СОВОКУПНОСТЬ ПРАВИЛ ИЛИ ИНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Принцип от латинского означает «начало», «основа», т. е. главная идея, ключевая мысль, руководящее положение, которое должно быть применено, использовано или соблюдено. Неоспоримым является тот факт, что принципы уголовного процесса воздействуют на всю уголовно-процессуальную деятельность, являясь неким фундаментом, на котором основывается все уголовное судопроизводство, все институты современного уголовного процесса.

Принципы не вытекают друг из друга, а являются самостоятельными правовыми идеями, о чем говорит О. В. Химичева: «принципы уголовного процесса – исходные, основополагающие положения, определяющие построение всех стадий, форм и институтов уголовного процесса и обеспечивающих реализацию его назначения» [7, с. 187].

При этом воздействие на уголовно-процессуальную деятельность происходит двумя путями: отказом должностных лиц от действий, прямо запрещенных

[1] © Трынко Д. С., 2020.

принципами и реализацией этих принципов посредством совершения определенных действий.

В первом случае участники уголовного процесса не совершают действия, запрещенные принципами уголовного процесса, к примеру, следователь в ходе расследования уголовного дела не должен унижать честь и достоинство подозреваемого (обвиняемого) (принцип уважения чести и достоинства), не имеет право задерживать лицо по подозрению в совершении преступления без наличия на то законных оснований (принцип неприкосновенности личности), обязан производить осмотр или обыск в жилище только на основании судебного решения (принцип неприкосновенности жилища) и так далее [3].

Второй способ воздействия принципов на уголовно-процессуальную деятельность заключается в совершении активных действий должностных лиц по их реализации: на стадии предварительного расследования они выражаются через общие условия, которые в своей совокупности представляют собой систему правил и требований, присущих исключительно стадии предварительного расследования, регламентирующих порядок действий должностных лиц по производству следственных и иных процессуальных действий, принятию тех или иных процессуальных решений.

То есть общие условия, базируясь на принципах, вобрав в себя все убеждения и представления, решают более узкую задачу в уголовном процессе – определяют наиболее общие правила и требования при расследовании уголовных дел, производстве следственных действий, принятии тех или иных процессуальных решений.

Однако, некоторые ученые популяризируют мнение о том, что общие условия – это не что иное как принципы стадии предварительного расследования, так называемые, институционные принципы, так как в общих условиях они усматривают основополагающее, т. е. принципиальное значение стадии. Этой точки зрения придерживаются ряд авторов, таких как И. Ф. Демидов, М. С. Строгович [4, с. 367], Р. Р. Шайхулов и другие, которые наряду с принципами уголовного процесса допускали и наличие принципов отдельных стадий.

В научной литературе имеется достаточно мнений о наличии разных уровней принципов уголовного процесса, к примеру: «институционные принципы уголовного процесса – это идеи, положенные в основу тех или иных процессуальных институтов. Если отдельные нормы – это рядовые «солдаты» процесса, а принципы – «офицерский состав», тогда общеправовые начала – «генералитет», межотраслевые – «полковники», отраслевые – «майоры». Институционные же принципы – это «лейтенанты» судопроизводства. Они действуют лишь в рамках специального «звания», не выходя за пределы своего института. Однако это полноценные принципы, они производны от более высоких состязательных начал и так же, как все прочие процессуальные максимы, представляют собой реакцию судебной формы на разнообразие окружающей социальной среды» [5, с. 108].

Однако, мы придерживаемся другой точки зрения, ведь тогда никаким образом не закреплено, какие из принципов являются главнее, фундаментальнее или они действуют параллельно? Для нас принципы уголовного процесса – это

единственные важнейшие правовые положения, они всеобъемлющие и исчерпывающие, на них основываются остальные институты уголовного судопроизводства.

Кроме того, как мы говорили выше, общие условия являются обязательной характеристикой стадии предварительного расследования. Также, на наш взгляд, следует выделить основное слово, через которое определяются общие условия – правила. Именно это слово подчеркивает нормативную сущность общих условий досудебного производства. И эти самые правила вытекают из принципов уголовного процесса, т. е. тесно с ними взаимосвязаны, но сами они принципами не являются. То есть общие условия отличаются от принципов по объему регулирования: принципы уголовного процесса – это идеи, общие для всего уголовного процесса, а общие условия касаются специфики стадии предварительного расследования.

Мы согласимся с суждением о том, что общие условия, возможно, являются некими идеями стадии предварительного расследования, что и сближает их с принципами, но мы полагаем, что принципы не могут распространяться на какую-то отдельную стадию уголовного судопроизводства, они охватывают все институты и распространяют свое действие на все сферы уголовно-процессуального законодательства, и на основании этих принципов отдельные стадии обзаводятся присущими только им специфическими чертами и особенностями, которые ни в коем случае не должны противоречить принципам. То есть принципы – первичные идеи, а условия – вторичные, вытекающие из принципов, предназначенные для обеспечения их реализации.

К примеру, такое общее условие предварительного расследования как подследственность раскрывает, какие органы производят предварительное расследование по различным уголовным делам, кто определяет подследственность, как она определяется при соединении в одном производстве уголовных дел. Безусловно, это общее условие является наглядным примером правила или требования, присущих исключительно стадии предварительного расследования. Однако, при неверном определении подследственности или расследовании уголовного дела неуполномоченным должностным лицом сработает принцип законности при производстве по уголовному делу, поскольку нарушение норм УПК (а указанные выше ситуации являются ничем иным, как нарушением УПК) влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Таким образом, все перечисленные в главе 21 УПК РФ общие условия соотносятся с принципом законности при производстве по уголовному делу.

Также в УПК закреплен принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, который заключается в том, что ограничение в этой области права гражданина допускается только на основании судебного решения. То есть в процессе расследования уголовного дела получение таких сведений должностными лицами возможно, при условии разрешения суда. И в этом случае, чтобы защитить участников уголовного процесса от распространения информации личного характера, законодателем было введено такое общее условие как недопустимость разглашения данных предварительного расследования

Таким образом, принципы уголовного процесса стоят на «страже» уголовно-процессуального закона, занимают главенствующее место в его реализации и правоприменении, являются отправной точкой и именно на основании принципов строится весь уголовный процесс, в том числе общие условия предварительного расследования. То есть общие условия обусловлены идеями – принципами уголовного процесса.

Библиографический список

1. Горленко, С. В. Общие условия производства предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность) : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000.

2. Ерашов, С. С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001.

3. Иванов, Д. А. Досудебный порядок вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 20–26.

4. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М., 1970. – Т. 2. – С. 51–56, 367–371.

5. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб., 2000.

6. Шайхулов, Р. Р. Общие (принципиальные) условия досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.

7. Химичева, О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография / О. В. Химичева. – М., 2004.

8. Предварительное следствие : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Е. Н. Арестова и др.]. – 3-е изд. – М. : Юнити-Дана, 2019.

Хоружий С. В.[1]*,*
слушатель Института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Фадеев П. В.****,*
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, ПОВЛЕКШЕГО ЛИШЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Происходящие в стране социально-экономические преобразования влекут за собой появление новых видов и состояний преступлений. В большей мере это относится к мошенничеству, которое систематически изменяется, совершенствуется. Статистика свидетельствует, что по состоянию преступности за 2019 г. мошенничество занимает 2 место среди всех зарегистрированных преступлений (257,2 тыс.). За год число зарегистрированных преступлений по чч. 2–7 ст. 159 УК РФ составляет 164833, по сравнению с предыдущим годом этот коэффициент повысился на +15,3 %, при этом раскрываемость составляет всего лишь 35572 (23,5 %). Указанная статистика дает основание полагать, что мошенничество до сих пор остается сложно раскрываемым.

На наш взгляд, основной проблемой такого положения является то, что изменение норм уголовно-процессуального закона не позволяет в полной мере уменьшить рост данного вида преступления. Так, внесение в ст. 159 УК РФ части 4, предусматривающее уголовную ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой лиц либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение [2], несмотря на реальную помощь правоохранительным органам, не решило имеющие проблемы, связанные с квалификацией данного вида преступления.

На наш взгляд, для совершенствования деятельности по расследованию данного вида преступления целесообразно учитывать следующие проблемы. Во-первых, определяя термин «лишение», законодатель не дал точные рамки ограничивающее этот процесс. Такой подход дает возможность рассматривать по усмотрению следствия, прокурора или суда как временное лишение права гражданина на жилое помещение без государственной регистрации перехода права, постоянное или окончательное лишение права на жилое помещение. По нашему мнению, временное лишение права может выражаться в закрытии двери изнутри жилого помещения преступником и не допущение входа законным

[1] © Хоружий С. В., 2020.

владельцем. Постоянное может проявляться при тех же обстоятельствах, но при этом законный владелец имущества не сможет оказать на преступника какое-либо воздействие по возвращению имущества. И окончательное лишение в свою очередь подразумевает полную регистрацию собственности на преступника (посредством договоров купли-продажи, дарения и т. д.).

Во-вторых, в примечании к ст. 159 УК РФ не дается понятие жилого помещения, поэтому возникает коллизия относительно понятия данного в ст. 139 УК РФ «нарушение неприкосновенности жилища» и ст. 15 ЖК РФ «объекты жилищных прав». Данные понятия «жилое помещение», указанное в УК РФ и «жилище», указанное в ЖК, разграничиваются тем, что в уголовное законодательство вносится не только жилые помещения, но и ряд нежилых помещений, предназначенных только для временного проживания (объекты, недвижимости, в которых предпринимателям разрешено открывать магазины, офисы, склады и т. д.).

При этом существуют нормативно-правовые акты, которые указывают требования, предъявляемые к жилым помещениям, а также основания признания жилого помещения непригодным [3]. Так, к примеру, по данному постановлению, в случае если комнаты и кухни не имеют непосредственного источника естественного освещения, то данное помещение не будет являться жилым. В связи с этим, на наш взгляд, законодателю необходимо более корректно урегулировать понятие жилого помещения именно в ст. 159 УК РФ, чтобы не допускать дальнейшие ошибки в применении данного квалифицирующего признака мошенничества.

В-третьих, при создании договора долевого участия в жилищном строительстве одна из сторон (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену за постройку (создание) и передачу многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости [1], т. е. дольщик получает лишь право на приобретение такого жилья, а не право на само жилое помещение. Поэтому такие действия не могут охватываться ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В-четвертых, потерпевшим по данной норме может являться исключительно только гражданин, т. е. физическое лицо. Поэтому в случае, когда юридическое лицо лишилось собственного права на жилое помещение, то на него не распространяется ч. 4 ст. 159 УК РФ. По нашему мнению, для устранения данного упущения, целесообразно, дополнить ч. 4 ст. 159 УК РФ и после слова «гражданина» указать «или юридическое лицо».

Кроме того, следует согласиться с мнением Е. В. Белова, который предлагает в ч. 4 ст. 159 УК РФ квалифицировать факты, связанные с утратой юридических прав на жилое помещение (утрата права собственности, права на социальный наем, на юридически оформленную аренду жилья). Если потерпевший потерял лишь денежные средства при различных махинациях с жильем, то такие действия квалифицируются в общей норме об ответственности за мошенничество в зависимости от размера похищенного [4, с. 121].

В этом отношении заслуживает внимание зарубежный опыт. Так, правительство г. Чикаго 1 июня 2009 г. создало определенные нормы профилактики совершения такого вида преступления: лица, которые хотят продать жилье, должны предоставлять отпечаток большого пальца правой руки. Сделано это

было для «профилактики» мошенничества на рынке недвижимости города, который представляет собой переход права собственности на жилье к другому человеку путем подделки подписи домовладельца и последующую продажу объекта без ведома его настоящего владельца [5].

На наш взгляд, следует усилить ответственность за совершение преступления предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, так как последствием мошенничества, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение, может являться не только сама утеря места обитания, но порой и жизни. Существенный разрыв в санкциях (10 лет лишения свободы и штраф до 1 миллиона рублей) не способствуют предупреждению преступности в этой сфере.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 26. – Ст. 3317.

2. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 49. – Ст. 6752.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 (ред. от 29.11.2019) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58136/ (дата обращения: 12.02.2020).

4. Белов, Е. В Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере (способы совершения и проблемы квалификации) : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012.

5. URL: https://prian.ru/news/14013.html (дата обращения: 24.02.2020).

Чиковани М. А.[1]**,**
адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель: ***Есина А. С.,***
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИНСТИТУТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В СВЕТЕ НОВЕЛЛ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Концепция современного правового государства характеризуется наличием мер, обеспечивающих охрану прав и свобод человека и гражданина в обществе. Конституция Российской Федерации закрепляет основные принципы и механизмы осуществления правосудия в Российской Федерации. Бесспорно, что уголовно – процессуальное законодательство при регулировании детальных механизмов по охране и реализации прав граждан должно соответствовать духу и смыслу Конституции, поскольку различного рода законодательные недоработки при применении норм по охране прав и свобод личности, становятся наиболее очевидны в сфере уголовного судопроизводства.

15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию, в котором прозвучало предложение внести изменения в действующую Конституцию, в том числе относительно верховенства Конституции Российской Федерации над международными актами: «Действительно, считаю, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве. Что это означает? Это означает буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции» [8].

Отдавая приоритет Конституции Российской Федерации над международными правовыми актами и, не оглядываясь на существующие международно-правовые стандарты, появляется возможность изменения адресных по отношению к уголовно – процессуальному законодательству норм основного закона страны. Впоследствии это даст возможность нормотворцам внести требуемые изменения и в отраслевое законодательство Российской Федерации, в нашем случае – уголовно-процессуальное. Представляется, что изменения в Конституцию Российской Федерации позволят, пересмотреть отдельные нормы уголовно-процессуального закона, в частности института процессуального задержа-

[1] © Чиковани М. А., 2020.

ния, установленные ст. 22 Конституции Российской Федерации и главу 12 УПК РФ.

Бесспорным следует признать утверждение о том, что задержание не является формой отбывания наказания и соответственно должно быть краткосрочным. В 1993 г. при принятии Конституции Российской Федерации в стремлении соответствовать нормам международного права Российский законодатель в категоричной форме утвердил 48 часовой срок задержания лица до судебного решения (ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 10 УПК РФ) [1]. Однако чуть позже, принимая во внимание эмпирический опыт и правоприменительную необходимость, законодатель предусмотрел возможность увеличения этого срока, не нарушая положении Конституции Российской Федерации. Суду были предоставлены полномочия по продлению срока задержания подозреваемого еще на 72 часа. Таким образом, общий срок задержания на сегодняшний день может составлять до 120 часов. Напомним, что советский уголовный процесс, воспринимаемый сегодня как разновидность инквизиционной модели, предполагал 72-часовое задержание подозреваемого.

Отметим, что судебное продление срока задержания неоднозначно воспринимается правозащитниками, а размывание границы между задержанием и заключением под стражу, по мнению практиков и некоторых ученых, следует признать недопустимым, когда речь идет о двух разных мерах процессуального принуждения [3]. Еще в 2003 г. группа депутатов обратились с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации относительно законности полномочий суда на продление срока задержания. В своем Определении от 06.03.2003 № 44-О Конституционный Суд Российской Федерации высказал свою правовую позицию по данному вопросу и не усмотрел в полномочиях суда на продление срока задержания до 120 часов противоречий положениям Конституции Российской Федерации. В своем Определении суд почеркнул, что решение о продлении срока задержания, в соответствии с УПК РФ 2001 г., принимает исключительно суд, и, кроме того, положения, закрепленные в ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации не исключают того, что суд вправе продлить срок задержания, в связи с отложением принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [4].

Мы разделяем позицию авторов, которые считают аргументы Конституционного Суда малоубедительными, поскольку такой подход открывает простор для произвольного определения законодателем такого максимального срока. Конституционный Суд Российской Федерации обессмыслил конституционные положения о 48-часовом сроке задержания. В то же время это привело к тому, что утрачена сколько-нибудь видимая грань между задержанием и заключением под стражу в качестве меры пресечения [5].

При применении к человеку мер процессуального принуждения, и ограничении его конституционных прав, расширенное толкование закона, понимаемое сквозь принцип «не запрещено, значит разрешено» неприемлемо.

Задержание в превалирующем большинстве случаев на практике является прелюдией возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Деятельность следователя по работе с за-

держанным до направления в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, совершенно справедливо оценивается многими практиками как «цейтнот». В короткий период времени следователь обязан выполнить не только процессуальные действия, направленные на оформление задержания (составление протокола задержания, уведомления о задержании прокурора, родственников, разъяснение прав подозреваемому, обеспечение права на защиту, взаимодействие с адвокатом-защитником, допрос подозреваемого), но также провести ряд следственных действий, направленных на доказывание причастности (или непричастности) лица к совершенному преступлению. Кроме того, следователь обязан истребовать документы, характеризующие личность подозреваемого, подготовить само ходатайство в суд, изготовить копии материалов, обосновывающих просьбу на арест в ходатайстве, обеспечить ряд организационных мероприятий, направленных на обеспечение участия подозреваемого в судебном заседании при рассмотрении ходатайства и т. д. И при этом время для судебного изучения обоснованности поступившего ходатайства предоставлены суду за счет все того же срока задержания. (Имеем в виду законодательное требование о том, что ходатайство следователя в суд должно поступить не позже 8 часов до истечения срока задержания). Таким образом, очевидно, что следователь не располагает в полной мере 48 часами для того, чтобы достичь цели процессуального задержания – проверить задержанного на причастность к совершенному преступлению. При этом законодатель не предусмотрел у следователя полномочий на продление срока задержания, а определил для него необходимость обратиться в суд только с ходатайством о мере пресечения в виде заключения под стражу. Следует признать, что в подобных ситуациях, обращаясь в суд с ходатайством о избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, следователи зачастую не всегда готовы аргументировать и поддерживать данное ходатайство, в связи с недостаточностью собранных доказательств. Допускаются и иные процессуальные недостатки. Отсюда и негативная практика получения частных определений суда в адрес органов предварительного расследования. Из обзора практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, отмечается, что нередко работу судов осложняет низкое качество подготовленных органами расследования материалов, подтверждающих обоснованность ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В частности, распространено заявление ходатайств при наличии обстоятельств, исключающих применение этой меры пресечения; представление неполных либо недостоверных сведений о личности подозреваемого, обвиняемого; неуказание на какие-либо сведения, подтверждающие, что лицо может скрываться от органов предварительного расследования, или может совершить действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ; неуказание срока, на который избирается мера пресечения, что в ряде случаев затрудняло принятие судом законного и обоснованного решения, неединичны случаи нарушения органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в

порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ (не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания) [7].

Полагаем, что частных определений можно было бы избежать (и существенно их сократить), если бы законодатель предусмотрел механизм отдельного порядка обращения в суд лицом, ведущим предварительное расследование, с ходатайством о продлении срока задержания. Очевидно, что решение о продлении срока задержания суд принимает через призму разрешения поступившего ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что представляется неверным.

Мы уверены, что лишение процессуальной и законодательной возможности ходатайствовать перед судом о продлении срока задержания, с целью использования полученного времени для подтверждения подозрения и представления в суд не формальных, а объективно обоснованных оснований для избрания меры пресечения, представляет собой серьезное упущение как в защите прав подозреваемого, так и в рациональном осуществлении своей деятельности стороной обвинения. Необходимо услышать потребность правоприменительной практики, предоставить возможность следователю (дознавателю) убедиться в подозрении, тщательно изучить основания и обстоятельства задержания, личность задержанного, действительное наличие оснований для избрания меры пресечения, изучить физическое состояние лица, оценить реальную необходимость принятия решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, связанной с лишением свободы. Имея запас времени, обращенный на получение информации, обладающей максимальными гарантиями достоверности, а не на подготовку формального материала для ареста, есть огромная вероятность того, что следователем (дознавателем) будет принято решение об избрании меры пресечения, не связанной с лишением свободы.

Мы полагаем, что в условиях обновления Основного закона страны появляется возможность иначе взглянуть и пересмотреть отдельные нормы уголовно-процессуального закона. Необходимо оптимизировать процессуальную деятельность субъектов расследования относительно процессуального порядка и сроков задержания, услышать запрос правоприменителей и ориентироваться на послание Президента Российской Федерации о приоритете внутреннего законодательства над международным [8].

Предлагаем внести изменения в положения ст. 22 Конституции Российской Федерации, исключив указание в тексте основного закона страны на конкретный срок задержания. Данное положение должно регулироваться нормами отраслевого законодательства. В УПК РФ необходимо внести изменения, установив срок задержания на 72 часа без права на продление.

Формат представленной работы не позволяет более подробно аргументировать авторскую позицию относительно высказанного предложения. Однако предлагаемая к обсуждению тема может служить поводом к дальнейшему размышлению по данному вопросу, а также о влиянии новелл Конституции Российской Федерации на отраслевое законодательство.

Библиографический список

1. Мизулина, Е. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции Российской Федерации и международным правовым стандартам Е. Мизулина // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 14–15.

2. Макеев, А. В. Сущность института свидетеля и его развитие в уголовном судопроизводстве России : учебное пособие / А. В. Макеев, Н. В. Макеева. – Калининград, 2004. – 60 с.

3. Азаренок, Н. В. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 8–11. – URL: http://lawinfo.ru/catalog/contents-2018/rossijskij-sledovatel/5.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 44-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности УПК РФ в целом и его отдельных положений, а также Федерального закона “О введении в действие УПК РФ”» // URL: www.ksrf.ru.

5. Гольцев, А. Т. Сроки задержания в российском уголовном судопроизводствею / А. Т. Гольцев // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57) – авг.

6. Артемова, В. В. К вопросу о правовом регулировании приема и разрешения сообщений о преступлениях / В. В. Артемова // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации : сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. – Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – С. 13–18.

7. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: www.vsrf.ru. (дата обращения: 03.03.2020).

8. В. Путин 15 января 2020 г., Центральный выставочный зал Манеж, г. Москва, эфир ТВ 1 канал.

Шпагина Ю. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

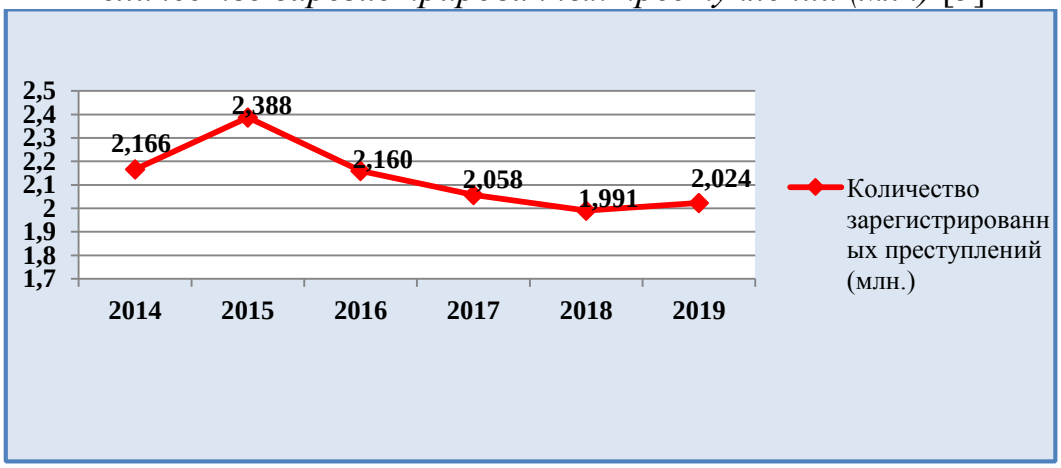
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Проблема совершенствования досудебного производства – многоаспектна и многогранна, в связи с чем, нуждается в теоретико-концептуальном переосмыслении.

Одним из направлений в решении обозначенной проблемы автору видится поиск новых форм расследования, являющихся одним из элементов общей концепции досудебного производства. Необходимость модернизации обусловлена тенденцией развития в Российской Федерации криминогенной обстановки, сохраняющимся значительным объемом количества зарегистрированных преступлений.

График 1

Количество зарегистрированных преступлений (млн) [5]



Как следствие проведенных организационно-правовых реформ в МВД России нагрузка на лиц, уполномоченных на проведение предварительного расследования, значительно возросла, что отразилось на качестве и уровне выполнения поставленных Президентом Российской Федерации в его выступлении 26 февраля 2020 г. на расширенной коллегии МВД России задач в сфере обеспечения законности при производстве дознания [4]. Это, в свою очередь, требует совершенствования досудебного производства, так как существующие формы расследования, в частности дознание в сокращенной форме, не обеспечивают должного уровня реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), что и обуславливает актуальность темы данной статьи.

Кроме того, из проведенного автором анализа правоприменительной практики по расследованию уголовных дел о преступлениях, не представляющих

[1] © Шпагина Ю. В., 2020.

большой общественной опасности и сложности в доказывании, соответствующих статистических данных, результатов эмпирического исследования следует, что недостаточная результативность уголовно-процессуальной деятельности органов расследования и отчасти ее низкая эффективность являются следствием заформализованности и забюрократизированности отечественного уголовного судопроизводства [1, с. 18; 2, с. 95].

Действующее сегодня дознание в сокращенной форме вовсе не является сокращенным и соответственно не достигает процессуальной экономии, как это изначально задумывал законодатель, вводя в УПК РФ главу 32^1, а также не обеспечивает эффективную реализацию органами дознания данного института.

Изложенная позиция подтверждается также:

1. Результатами проведенного анкетирования практических работников системы МВД России в части их отношения к существующей сокращенной форме дознания, по результатам которого две трети респондентов отметили, что сокращенная форма дознания себя не оправдала.

2. Статистическими сведениями, из анализа которых прослеживается тенденция роста количества возвращенных судом уголовных дел для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке, из которых порядка 70 % возвращаются по причине заявления обвиняемым, подсудимым, потерпевшим или его представителем ходатайства о производстве дознания в общем порядке [5].

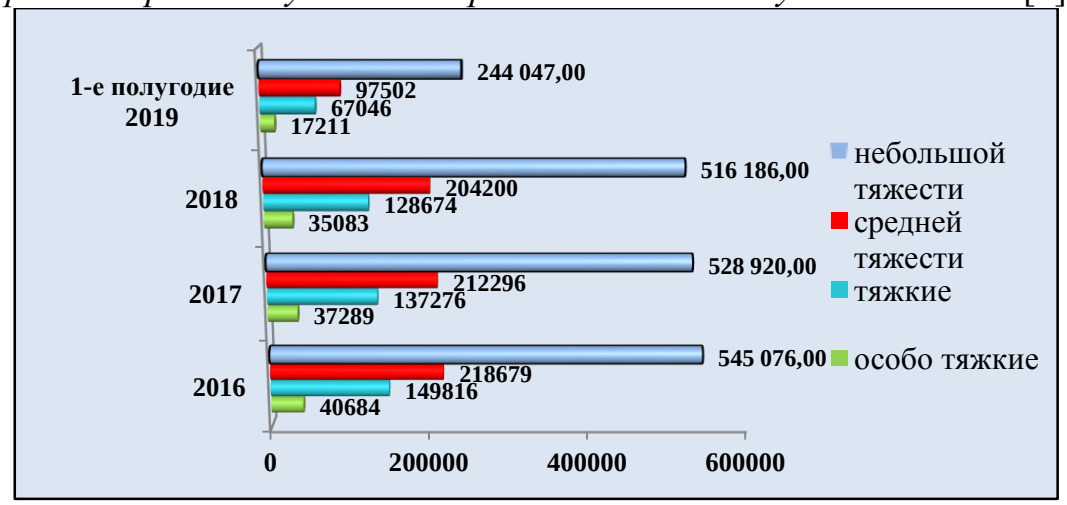
Таким образом, правоприменительная практика подтвердила опасения специалистов в части наличия в сокращенной форме дознания процессуальных правил, противоречащих букве и духу упрощенного судопроизводства, и которые соответственно выступают сдерживающим фактором, препятствующим полноценной реализации замысла законодателя.

Необходимость реформирования досудебного производства обусловлена и тем, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона, предусматривающий возвращение в российское законодательство уголовного проступка [3], формой расследования которого, с учетом мирового юридического опыта, должна стать упрощенная форма предварительного расследования.

В пользу возвращения в российское законодательство уголовного проступка свидетельствует и судебная статистика, что наглядно отражено на гистограмме 1.

Гистограмма 1

Количество преступлений по степени общественной опасности, рассмотренных судами за период 2016 – 1-е полугодие 2019 гг. [6]



В этой связи полагаем необходимым вместо имеющегося «сокращенного дознания» предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве протокольную форму расследования о преступлениях небольшой и средней тяжести, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании, а также по уголовным делам об уголовных проступках в случае введения их в уголовное законодательство, что призвано адаптировать российский уголовный процесс к существующей действительности и избавить его от чрезмерных, дублирующих процедур и одновременно позволяющих в целом повысить эффективность уголовного судопроизводства в борьбе с преступностью. Целью такого производства является обеспечение доступа граждан к правосудию, восстановление нарушенных прав потерпевших в кратчайшие сроки при одновременном неукоснительном соблюдении конституционных прав лиц из числа участников уголовного процесса.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 18–25.

2. Гаврилов, Б. Я. Перспективы совершенствования форм расследования преступлений подследственных органам дознания системы МВД России / Гаврилов Б.Я., Милехин В.А. // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 92–96.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2020).

4. Расширенное заседание коллегии МВД России 26 февраля 2020 г.: официальный текст // URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 15.03.2020).

5. Сведения из статистической информации ГИАЦ МВД России // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 01.03.2020).

6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016, 2017, 2018, 1-е полугодие 2019. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 15.03.2020).